Питер Джеймс

В плену снов

Моей матери и в память о моем отце – ушедшем друге

Благодарности

Я многим обязан Джону Терли, литературному агенту, другу и «маяку» здравомыслия в пустынном хаосе, и моему редактору Джоанне Голдсуорти за ее поддержку, руководство и веру.

Многие великодушно помогали мне в поисках, тратя свое время и используя свой опыт. Более всего я благодарен доктору Дэвиду Стаффорд-Кларку, доктору Кейт Хёрн, Барбаре Гарвелл, доктору Роберту Моррису, Дэвиду Бергласу, Элеанор О'Кифф, Нони Рейнолдсу, доктору Дункану Стюарту, Лори Друри, Ричарду Ховорту, Чарли Эдмундсу, Питеру Ролингсу, Робу Кемпстону, Роджеру У. Муру, Майку и Салли Оливер, Серине Ларив, Беркли Уингфилд-Дигби и Кену Гранди (сходящим с ума по горам!), а также Эдинбургскому университету и Обществу по исследованию психики.

Также хочу выразить благодарность многочисленным читателям Homes & Gardens и Psychic News, ответившим на мои запросы по поводу опыта предчувствия; Hampstead and Highgate Express за их разрешение воспользоваться цитатами из статей о снах; Grafton Books за использование цитат из «Сонника» Тома Четвинда и Faber & Faber Ltd за цитаты из сборника стихов У.Х. Одена под редакцией Эдварда Мендельсона.

Я также благодарен матери и сестре и в особенности моему секретарю Пегги Флетчер за ее каторжную работу.

Глубокая благодарность моей жене Джорджине, исследователю, критику, профессиональному чтецу и руководителю моей работы.

П. Д.

Весела зайчиха поутру, ибо она
не может прочесть мыслей
недремлющего охотника.
Счастлив и лист, неспособный
предвидеть осени приход…

1

Порыв ветра, резкий, как удар кнута, донес до нее отчаянный вопль. И хотя его тут же унесло прочь вместе с ветром, лицо девочки вспыхнуло ужасом, словно обожженное.

Она остановилась и прислушалась. Следующий порыв ветра сорвал с деревьев несколько ранних осенних листьев и погнал их вдаль через поле. Снова послышался вопль, леденящий душу, одинокий, страшный, пронзающий, как острый нож.

«Беги, – словно предупреждал он. – Уноси ноги, пока не поздно! Прочь!»

Мгновение Сэм колебалась. А потом стрелой ринулась на этот крик, позабыв о страхе, хотя была совсем маленькой, хрупкой девочкой, которой только исполнилось семь лет. Зачесанная набок темно-каштановая челка упала на глаза, она нетерпеливо отбросила ее и, споткнувшись о какой-то мелкий камешек, заковыляла по пыльной тропинке.

Остановилась, тяжело дыша, и внимательно огляделась вокруг; бурые борозды тянулись через бесплодное поле к рощицам, обступившим его по сторонам, амбар высился за воротами в дальнем конце поля. Девочка прислушалась к новому порыву ветра, но уловила чутким ухом только скрип дверных петель.

Она побежала еще быстрее, стараясь не споткнуться о лежащие на дороге камни и кирпичи, перепрыгивая через рытвины; песок струйками взлетал из-под ее ног.

– Сейчас-сейчас, – пробормотала она, замедляя бег и переводя дыхание, потом остановилась и нагнулась – завязать шнурок своей левой туфельки на резиновой подошве. И помчалась снова. – Уже близко, – подбадривала она себя. – Вон там, совсем близко.

Девочка остановилась в нерешительности перед амбаром Кроу. Какой темный, огромный и совсем заброшенный; створка двери выломана, и оттуда на нее глядела непроницаемая темнота. С подружкой туда можно было бы войти, но только не одной. Одной жутко. Она играла раньше поблизости от этого амбара, и у нее были там свои укромные уголки, но от самого амбара она старалась держаться на всякий случай подальше, как будто кто-то, затаившийся в темноте, мог выскочить и сцапать ее. Уцелевшая половинка двери покачнулась, и петли вновь застонали, словно раненый зверь. Над головой у девочки что-то стукнуло, потом еще раз, она отскочила в сторону, с трудом переводя дыхание, и увидела, что лист покоробившегося на крыше железа поднимается от ветра и с громким стуком падает.

Медленно и боязливо она шагнула в дверной проем – мимо створки из трухлявого дерева, мимо погнутого и заржавленного велосипедного колеса в эту черную тишину. Там стоял густой запах прелой соломы и противный, застоявшийся запах мочи. Пахло и еще чем-то непонятным, чем-то таким, что заставило ее тельце съежиться, ей захотелось повернуться и убежать, она почувствовала незнакомый и пугающий привкус опасности.

Ей показалось, что услышанный вопль все еще эхом отдается где-то здесь, внутри. Она осмотрелась, с трудом различая во мраке пустое корыто, допотопную молотилку и железяку от старого плуга на полу в пыльном луче света. К сеновалу была приставлена складная лестница. Девочка вглядывалась в сплошную темноту и вдруг услышала неясный шум, доносящийся сверху, и какой-то легкий шепоток.

Она в ужасе завертела головой по сторонам. Послышались характерные, энергичные звуки, словно кто-то накачивал резиновую лодку, странное, мучительное пыхтение, а потом низкий жалобный стон:

– Не-ет.

И снова энергичные звуки.

Сэм подбежала к стремянке и стала карабкаться наверх, словно не замечая, что лестница прогибается, ходит ходуном и в любой момент может сложиться. Она даже перестала думать о темноте, в которую ей предстояло шагнуть. Добравшись до верха, выползла на грубый деревянный настил, покрытый густой пылью, и лишь поморщилась, когда ей глубоко в палец вонзилась заноза.

– Нет! О-о-о! Нет! Ну пожалуйста, нет. Пожалуйста…

Голос затих, и слышалось только прерывистое дыхание.

Девочка вновь услышала ритмичные звуки, теперь они стали куда громче, к ним добавлялось еще и какое-то ритмичное сопение. Незнакомая девушка умоляла, тяжело дыша:

– Перестань. Пожалуйста, перестань. Ну пожалуйста, перестань. Нет. О-о-о-у… О-о-о-у…

Рука Сэм наткнулась на что-то круглое и твердое, похожее на ощупь на пластмассовый выключатель. Она потянула за шнур, и низко над головой вспыхнула голая лампочка. Девочка прищурилась и увидела прямо перед собой высоко уложенные тюки соломы, а между ними узкую темную брешь вроде коридора.

На мгновение наступила полная тишина. Затем послышался жалобный плач, который резко оборвался. Трясясь от страха, девочка медленно, словно следуя за собственной тенью, двинулась между тюками сухой, едко пахнущей соломы, громоздящейся до потолка. Она осторожно ступала по настилу, пока ее тень не слилась с окружающей темнотой.

Послышался новый тяжкий вздох прямо перед ней, и потом непонятный, механический звук, и снова страшный вздох, растаявший в полной тишине. Сэм замерла, сердце ее бешено колотилось, она будто окаменела, когда какая-то фигура поднялась из темноты и, спотыкаясь, пошла на нее, протягивая к ней руки. Девочка медленными шажками попятилась, нащупывая доски под ногами, дрожа и цепляясь за колючую солому, чтобы не упасть. Она пятилась и пятилась, не отрывая взгляда от фигуры, которая приближалась из темноты, и с каждым шагом она видела ее все отчетливее.

И вот девочка поняла: не тень скрывает лицо этого человека, а черный капюшон. Капюшон с прорезями для глаз, носа и рта. Увидела она и руки. Правая была изуродована, всего с двумя пальцами – большим и мизинцем – и тянулась к ней, словно клешня.

Она споткнулась и упала навзничь, прямо там, под лампочкой. Перевернулась, вскочила на ноги и метнулась было назад, но снова споткнулась и услышала громкий треск: ее нога провалилась сквозь трухлявый пол.

– Ну, ты, маленькая сучка! Какого хрена ты здесь делаешь?

Она почувствовала его руки на своей шее, страшная клешня оказалась невероятно сильной, как стальная. В лицо ей ударил удушливый смрад лука и застарелого пота, будто он неделями копился в его одежде и теперь вырвался наружу; запах лука был таким резким, что ее глаза заслезились.

– Я… я тут была… – Она замерла, когда живые тиски сжались на ее шее, сдавливая горло, резко дернулась назад, он споткнулся, и они вместе рухнули на пол. Спину пронзила мучительная боль, но девочка почувствовала, что освободилась. Она услышала его сопение, перевернулась и с усилием приподнялась. Но тут же он сгреб ее за свитерок, потянул, она изогнулась, пытаясь вырваться, а потом снова упала.

Попробовала встать, но он схватил ее за плечо, развернул, лег на нее, зажав коленями, крепко придавил – в лицо ей ударило знакомое уже зловоние, запах мерзкого лука, вроде тошнотворного теплого ветра.

– Любишь, когда тебя трахают, а, малюточка? – Он расхохотался, а она уставилась на его черный капюшон, ярко освещенный лампочкой. Сквозь щелочки-прорези она видела яркий блеск его глаз и гнилые щербатые зубы. Он отклонился назад, дергая ремень, чтобы расстегнуть его. Отстающий, покоробленный кусок железа приподнялся на крыше от ветра, лишь на мгновение впустив дневной свет, а потом с громким лязгом опустился назад. Мужчина глянул вверх, и Сэм мгновенно вцепилась ему в лицо, стараясь попасть пальцами в глаза. Пальцы ее левой руки погружались все глубже и глубже, куда глубже, чем это казалось возможным, и она почувствовала под ними что-то отвратительно сырое, студенистое, а потом она услышала легкое дребезжание на полу, словно по нему катился маленький мраморный шарик. Удар обрушился на ее щеку.

– Ах ты, маленькая сучка, проклятая, что ты делаешь?

Она посмотрела вверх, дрожа от ужаса, отдернув руку от слепой глазницы, сырой, красной и слезящейся. Сквозь прорези капюшона было видно, как брови у него сошлись на переносице. Сэм почувствовала: он отклоняется, шаря вокруг себя, и, воспользовавшись этим, высвободила ногу, что было сил лягнув его в лицо. Он резко мотнул головой, врезавшись в лампочку, та разлетелась вдребезги, и они оказались в полной темноте. Сэм откатилась в сторону, лихорадочно рванувшись к люку, но он опять поймал ее, отшвырнул назад и прыгнул на нее. Она лягалась, верещала, билась, молотила кулаками – его дыхание становилось все ближе и ближе, пока лицо не оказалось совсем рядом. И тут внезапный луч света – наверное, отстающий кусок железа снова приподнялся – ярко осветил его красную невидящую глазницу.

– Помогите! Помогите!

– Сэм? Сэм!

Она неистово билась и, внезапно освободившись из тисков, упала, стремительно скатившись на что-то мягкое, где было гораздо светлее, попыталась подняться, но упала и снова судорожно перевернулась.

– Помогите, помогите, помогите, помогите мне!

– Сэм? – Голос был мягкий. Она увидела свет, он шел откуда-то сбоку от нее, из открытой двери, а над нею склонилась чья-то фигура, чей-то неясный силуэт.

– Нет! – завизжала она, опять переворачиваясь.

– Сэм, все хорошо!..

– Все хорошо. – «Нет, это не то, – сообразила она. – И голос другой».

– Тебе приснился просто дурной сон. Кошмар.

Кошмар?! Она жадно вдохнула воздух. Присмотрелась к этой фигуре. Девушка. Сэм видела, как свет с площадки за дверью мягко освещает ее длинные, красивые волосы. Услышала щелчок выключателя, потом еще один.

– Должно быть, лампочка перегорела, – произнесла девушка. Какой ласковый голос. Голос Энни. – Тебе приснился кошмар, бедняжка.

Она видела Энни рядом с собой, склонившуюся к ее постели. Послышался новый щелчок, зажглась лампа у ее кровати с нарисованной на ней рожицей. Рожица ухмыльнулась ей, значит, все в порядке. Энни, приходящая няня, озадаченно смотрела в потолок, ее прекрасные волосы были откинуты назад. Сэм тоже посмотрела наверх и увидела, что лампочка разлетелась вдребезги. В патроне остался один-единственный зазубренный кусочек стекла.

– Как это случилось, Сэм?

Сэм не сводила глаз с патрона и молчала.

– Сэм?

– Это он разбил ее.

Девочка заметила, как веснушчатое лицо Энни нахмурилось.

– Кто «он», Сэм? Кто ее разбил?

Сэм услышала оживленные голоса, доносящиеся с нижнего этажа, а потом музыку. «Телевизор», – сообразила она.

– Слайдер, – ответила Сэм. – Это Слайдер ее разбил.

– Слайдер?! – Энни озадаченно посмотрела на нее и натянула бретельку грубых вельветовых штанишек девочке на плечо. – Что еще за Слайдер, Сэм?

– А что ты смотришь?

– Что смотрю?!

– Ну, по телевизору.

– Да какой-то фильм… я и названия его не знаю… я заснула. Гляди-ка, ты порезалась. Стекло в волосах и на лбу. И на пальцах. Везде стекло. – Энни покачала головой. – Я оставила лампочку включенной, вот она, должно быть… – Энни снова осмотрелась вокруг. – Должно быть, взорвалась. Погоди-ка секундочку.

И она принялась осторожно выбирать стекляшки из волос Сэм.

– Энни, а мама с папой еще не вернулись?

– Нет еще. Надеюсь, они весело проводят время. – Она зевнула.

– Ты ведь не уйдешь, пока мама с папой не вернутся, не уйдешь?

– Ну конечно же нет, Сэм. Они уже скоро вернутся.

– А куда они уехали?

– В Лондон. На какой-то бал.

– Мамочка была похожа на принцессу, правда?

Энни улыбнулась:

– Да, у нее замечательное платье. Просто отличное. – Она пошла к двери, по пути подбирая что-то с ковра. – Везде осколки. Надевай тапочки, если пойдешь куда-нибудь. Я схожу за совком и веником.

Сэм услышала слабое позвякивание стекла, падающего в мусорное ведро, а потом резкий пронзительный звонок в парадную дверь, заставивший ее вздрогнуть.

– Вот, должно быть, твои родители. Они забыли ключи.

Сэм слышала, как Энни спускается по лестнице, как открывается парадная дверь, сейчас она услышит голоса мамы и папы, но внизу стояла какая-то странная тишина. Интересно, кончился ли фильм по телевизору? Щелкнула, захлопнувшись, дверь, и снова – тишина. Потом до нее донеслось тихое бормотание мужского голоса, незнакомого ей. Послышался и другой мужской голос, который она тоже не узнала. Озадаченная, Сэм выскользнула из постели, пробежала на цыпочках до двери и осторожно посмотрела с лестницы вниз.

Энни разговаривала с двумя полицейскими, которые стояли, как-то неловко держа в руках свои головные уборы.

«Что-то тут не так, – догадалась Сэм. – Что-то совсем не так». Она напрягла слух, но кто-то словно выключил звук, и все, что она могла, – только наблюдать за тем, как там, внизу, открывали рты, произнося неслышные слова. А потом Энни отвернулась от полицейских и пошла по ступенькам, медленно, словно неохотно, а полицейские так и остались внизу, в холле, все еще держа свои фуражки.

Энни усадила Сэм на постель и закутала ее в одеяло, словно в шаль. Слегка касаясь лица Сэм носовым платком, она выбрала оставшиеся осколки из ее волос, складывая их на тумбочку рядом с кроватью, а потом внимательно посмотрела на нее своими большими печальными глазами. Сэм увидела слезу, стекавшую по ее щеке. Она раньше никогда не видела, чтобы взрослые плакали.

Энни взяла руки Сэм в свои, ласково сжала их.

– Сэм, твои папа и мама попали в автомобильную аварию. Они больше никогда не приедут домой. Они… улетели на небеса…

Целых двадцать пять лет Сэм не снился тот мужчина в капюшоне. Он превратился всего лишь в тусклое воспоминание, во что-то такое, что было частью ее детства, вроде позабытых игрушек или старых качелей и укромных уголков, на месте которых теперь стояли дома с аккуратными лужайками. Этот мужчина стал теперь чем-то таким, что ушло навсегда.

Но он про нее не забыл.

2

Сэм набрала строчку цифр на компьютере и устало откинулась на спинку кресла, на мгновение закрыв глаза. В голове гудело и постукивало, как в пылесосе, шум которого доносился из коридора. Она посмотрела на часы: 18.20, среда, 22 января. Господи, как же летит время! А казалось, что с Рождества прошло всего несколько дней.

Она крутанулась вместе с креслом и уставилась сквозь собственное отражение в оконном стекле на посверкивающие струи дождя, беззвучно падающие из темноты на мгновенно опустевшие улицы Ковент-Гарден. Казалось, что это самый мокрый дождь на свете, он падает отовсюду, брызжет даже из мостовой, проникает не только под одежду, но и под кожу.

Холодный воздух все время сквозил через окно, дул прямо в шею, она втягивала голову, стараясь загородиться от него, растирала холодные руки. Отопление отключилось, в конторе было холодно. Сэм внимательно изучала цветные рисунки на буклете-гармошке, стоявшей рядом с экраном дисплея. Один из них изображал пальмы на морском побережье. На другом мужчина и женщина, в роскошных купальных костюмах, с великолепным загаром, выбегали из моря. На третьем рисунке та же женщина надкусывала плитку шоколада, которую держал мужчина.

«Хороший шоколад. „Отверженный“. Такой хочется съесть целиком в одиночку… а если уж поделиться, то с очень хорошим другом».

В этом кабинете были белые стены и черная мебель, а в углу съежилось чахлое зеленое растение, которое не желало цвести, упорно сопротивляясь всем ее усилиям. Она и поливала его, и разговаривала с ним, музыку ему заводила, промывала листья молоком, потом от него несколько дней отвратительно воняло; то придвигала его поближе к окну, то отодвигала подальше, переставляла по всей комнате, в самые неожиданные места, но растение оставалось таким же невзрачным, хотя и не засыхало настолько, чтобы его спокойно можно было выбросить. Оно никогда не имело мало-мальски привлекательного вида, ради чего его стоило держать. Клэр, с которой она делила этот кабинет, сказала, что это ДОМАШНЕЕ растение, а не КАБИНЕТНОЕ. У Клэр на многие вещи были какие-то странные взгляды.

Стены кабинета увешаны графиками и небольшими таблицами с записочками и цветными фотографиями, некоторые были сделаны поляроидом. Два письменных стола – ее собственный и Клэр; ее прибран кое-как, а стол Клэр в идеальном порядке, просто до тошноты стерильный. Клэр неизменно, каждый вечер, прежде чем уйти, тщательно прибиралась на нем с чопорным выражением лица, как бы намекая, что она может и не вернуться обратно.

Сэм слышала, как работающий пылесос приближался по коридору, натужно завывая и глухо постукивая. Она еще крепче зажмурила веки, уже не понимая, то ли ее голова гудит от боли, то ли так надсадно воет пылесос. Дверь открылась, и рев стал нестерпимей в тысячу раз. Еле сдерживая крик, она с опаской посмотрела в дверной проем, не собирается ли Роза войти и начать пылесосить здесь, но тут же улыбнулась – вошел ее босс, Кен Шепперд, и закрыл за собой дверь.

– Привет. Извини, мне следовало бы заглянуть пораньше, но у меня тут было… – Он помахал правой рукой в воздухе, а потом описал пальцами дугу, словно сматывал в клубок бечевку.

– Да все нормально, – сказала она. – Мне только нужно знать, кому ты собираешься дать для окончательной доводки этот вот рекламный ролик шоколада «Отверженный».

– Ты что-то очень бледная. Чувствуешь себя хорошо?

– Голова немножко болит. Может, от дисплея. Хочу вот раздобыть к нему защитный экран получше.

– У меня есть аспирин.

– Да не стоит, спасибо.

Он прошел к ней через кабинет, неугомонный мужчина лет сорока пяти, одетый как студент колледжа, волосы, как всегда, взъерошены, их постоянно нужно подстригать, лицо непринужденно-спокойное, гладкое, словно отутюженная рубашка. Проницательные голубые глаза добродушно улыбаются. Он остановился у стола Клэр:

– Какая она у нас чистюля, а?

Сэм ухмыльнулась:

– Это что, намек?

– А как ты вообще ее находишь?

Клэр работала с ними всего несколько недель. Лара, ее предшественница, ушла без всякого предупреждения. Просто как-то раз, в понедельник, она не появилась, а на следующий день прислала письмо, сообщая, что у нее, мол, нервный стресс и ее врач посоветовал ей работать в менее напряженной обстановке.

– С ней все в порядке, – ответила Сэм. – Она вроде не болтливая.

– Ты жаловалась, что Лара слишком уж придирчива. Может быть, Клэр лучше справится?

Сэм пожала плечами.

– По твоему выражению лица мне непонятно, нравится она тебе или нет.

Она снова пожала плечами:

– Когда она начинала, я думала, она то, что надо… только… ну, я не знаю.

– Дай ей время. По-моему, она подходит.

– Да, сэр!

Он остановился позади письменного стола Сэм, разглядывая буклет-гармошку с рисунками.

– Джонси, – сказал он. – Я хочу, чтобы Джонси обработал это.

– Мне надо сделать ему заказ?

– Напиши ему записочку.

– А если с ним не получится, тогда кого?

– Да я уже ему об этом говорил. – Он, прищурясь, посмотрел на ширму. – «Отверженный». Довольно-таки нелепое название для шоколада.

– А мне кажется, нормальное.

Он взглянул еще раз на ряд цветных рамок и прочитал вслух:

– «У „Отверженного“, как и у кокосового ореха, вся прелесть таится внутри».

Отступил назад, похлопал себя по животу и снова повторил эту строчку нарочитым басом. Сэм рассмеялась.

– «Отверженный», – рокотал он. – Этот шоколад не растает на солнце… «Отверженный» – лучшая в мире закуска, способствует пищеварению. Вам и есть-то его не придется – вы просто купите его да и вышвырните прямо в сортир.

Сэм улыбнулась и покачала головой. Кен закурил сигарету, сладковатый запах раздражал ее. Она наблюдала, как он разгуливает по кабинету, внимательно разглядывая графики на стенах: в этом году они уже заключили восемнадцать коммерческих сделок, а за прошлый провернули сорок три. Кен брал гонорар по десять тысяч фунтов в день за общее руководство, а фирма получала проценты от стоимости продукции. Если бы он до сих пор не выплачивал собственные долги и не платил жене, то уже сейчас стал бы весьма обеспеченным человеком. А если бы он еще смог сдерживать свою горячность и внимательно следить за изменениями в моде, то стал бы очень богатым.

– Ты будешь хорошо себя вести на завтрашней встрече, ведь правда?

– Хорошо себя вести? – переспросил он.

– Ну да, – ухмыльнулась она.

Он кивнул с видом упрямого школьника.

– Деньги-то немалые, Кен.

– А ты смету составила?

– Вот как раз собираюсь ее распечатать.

Он посмотрел на свои часы, солидные, тяжелые мужские часы, украшенные круглыми шишечками, водонепроницаемые, способные выдержать глубину до пятисот метров. Словом, для ванны вполне сгодились бы, как однажды заметила Сэм.

– Не хочешь по-быстрому пропустить пивка? – спросил он.

– Нет, спасибо. Хочу прийти домой вовремя, чтобы выкупать Ники. Вчера вечером я вернулась поздно.

– Да мы недолго.

– Чего тебе так загорелось?

Он ткнул пальцем вниз:

– Бильярд. Там парочка новых ребят из «Лов Ховард-Спинкс» подъехала. Это для дела, Сэм, – добавил он, заметив выражение ее лица.

– «Для дела»! – передразнила она.

«Дворники» на стареньком «ягуаре» модели «Е» смахивали дождевые капли с ветрового стекла, оставляя на нем матовую пленку, затрудняющую видимость. Сэм вела машину быстро, беспокоясь, что Ники уже в постели, и напряженно вглядываясь в дорогу перед собой. Она миновала лондонский Тауэр, его зубчатые стены, подсвеченные сквозь туман ярким светом, промчалась мимо лондонских доков и, повернув на улицу Уоппинг-Хай, сбавила скорость, чтобы не трясло по булыжнику автомобиль, купленный двадцать пять лет назад. Проехала целый квартал темных недостроенных домов и большое освещенное табло с надписью «ДЕМОНСТРАЦИЯ КВАРТИР», а рядом промелькнуло еще одно, на котором значилось «ДОМА РИВЕРСАЙДА – ЭТО СТИЛЬ ЖИЗНИ РИВЕРСАЙДА». «Вот бы купить себе какой-нибудь стиль жизни, – подумала она. – Мне фунт салями, парочку дынь, ну и еще стиль жизни, пожалуйста, заверните».

Сэм ехала по этой темной улице – такой темной она была, наверное, и сто лет назад. Потом свернула направо у пакгауза на неосвещенную автостоянку. Выйдя из машины, сразу почувствовала характерный маслянисто-соленый запах Темзы и, быстро подхватив свой чемоданчик, тщательно заперла дверцу. Под проливным дождем поспешила через всю стоянку, настороженно поглядывая на черные тени и вздрагивая от внезапного дребезжания легких заборчиков на промозглом ветру.

Сэм поднялась по ступенькам крытой галереи, и тут же с резким металлическим щелчком автоматически включился свет. Она набрала код замка и вошла, закрыв за собой дверь. Ее шаги отдавались эхом по каменному полу вестибюля, когда она спешила при тусклом свете мимо полых стальных брусов, выкрашенных в ярко-красный цвет, и двух огромных дубовых бочек, стоящих в стенных нишах. Пакгауз и есть пакгауз. Все напоминало о том, что здесь когда-то был пагкауз – гигантский, грязный, построенный в псевдоготическом стиле Викторианской эпохи.

Она вошла в лифт, к которому пришлось пробираться в полной темноте – свет включался только тогда, когда закрывались двери. Совсем допотопный и идет еле-еле. Она прислонилась к стенке лифта, пока он медленно тащился на четвертый этаж. «Слава богу, что не выше, – подумала она, – а то ведь, пока поднимаешься, успеешь и пообедать». Лифт остановился с резким толчком, и она, как всегда, покачнулась на ногах. Сэм прошла по коридору к своей двери, отперла ее и вошла в их огромную квартиру. Ники уже мчался по коридору навстречу, его рубашонка выбилась из штанишек, разлетались светлые волосы и падали на лицо.

– Мамочка! Ай-ай-ай-ай!

Она наклонилась и крепко обняла его, а он обхватил ее ручонками, звонко чмокнул в обе щеки, а потом торжественно посмотрел на нее снизу вверх:

– А я теперь собственник!

– Ты собственник, тигренок?

– Да, собственник! У меня есть эта… как ее… акация!

– Акация? – переспросила она в недоумении.

– Ну! Я сегодня три фунта сделал!

– Три фунта?! Очень хорошо. А как же ты сделал три фунта?

– Так вот из моей акации. Папа мне показал, как сделать.

– А что же это за акация у тебя?

Он взял ее за руку:

– Пошли, я тебе покажу. – В его распахнутых голубых глазах светилось торжество. – Прямо сейчас пойдем скорее.

– Прямо сейчас?

– Ну!

– Надо говорить «да», дорогой, а не «ну».

– Ну! – дурачился он, потом вырвал свою руку и пустился бегом по коридору, оглядываясь и торопя ее: – Ну же, ну же!

Она поставила на пол свой чемоданчик, сняла плащ и последовала за ним через огромную прихожую по коридору, в его комнату.

– Папочка! Папочка! Покажи маме, сколько мы с тобой денег сделали.

Ники остановился рядом с отцом, тот опустился на колени на красный ковер, прямо перед маленьким компьютером сына. Рядом в пепельнице тлела сигарета, в одной руке он держал высокий бокал с виски, а другой шлепал по клавиатуре. Высокий, мощного телосложения мужчина, даже встав на колени, он казался в этой загроможденной всякой всячиной комнате гигантом. Повернувшись, посмотрел на нее со своей обычной улыбкой, означавшей: ну как, все по-старому, да?

– Привет, насекомые!

Какое-то мгновение Сэм внимательно смотрела на него: красивое, несколько старомодное лицо, такое лицо больше подошло бы Голливуду 40-х годов, чем Лондону 80-х, гладко зачесанные назад светлые волосы, розовая рубашка, расстегнутая у ворота, тугие подтяжки и брюки в мелкую полоску. Она стояла и рассматривала мужчину, к которому привыкла и которого сильно любила. Теперь же он казался ей едва ли не незнакомцем.

– Хорошо день прошел? – спросил он.

– Отлично. – Она наклонилась, скорее из-за Ники, а не по какой-то другой причине, небрежно скользнула щекой по его щеке, почувствовав выросшую за день щетину, и обозначила губами легкий поцелуй. – А у тебя как?

– Да не очень. На рынке слегка тревожно.

– Ну, покажи ей, папочка! – Ники обнял отца сзади и в возбуждении похлопывал его по спине.

– Мы тут сделали ему маленькую акцию. Вложили в нее несколько паев, и я буду каждый день корректировать ее по рыночному курсу.

– Замечательно, – вежливо похвалила она. – Ну и что же мы собираемся получить? Самое юное в мире дарование?

– Юнодрование! – закричал Ники, подпрыгивая. – А у нас есть батики.

– Не батики, тигренок, а БАТ. Британско-американский табак.

Пол, полки и подоконник – все завалено игрушками, главным образом автомобильчиками и грузовичками. Ники просто помешан на машинах. Только маленькая обезьянка, державшая две медные тарелки, валялась поперек дворика перед игрушечным гаражом да позабытый робот словно собрался соскочить с подоконника. Тем временем ее муж набрал еще несколько цифр на клавиатуре, а Ники, не отрывая глаз, наблюдал за ним.

Ники. Он чувствовал, что между мамой и папой пробежало что-то нехорошее, и с детской интуицией понимал: папа каким-то образом виноват в этом. Казалось, от этого он еще ближе к Ричарду. Если такое возможно.

Да, Ники – настоящий сын своего отца. Она едва не лишилась из-за него жизни во время родов, но ему, видно, так и не суждено было никогда стать ее сыном по-настоящему. Он – сын только своего отца. Они близки, очень близки. Автомобили, самолеты, гаражи, игры. Катания на лодке. Рыбная ловля. Ружье. А теперь вот еще и компьютер, который они подарили ему на Рождество. Именно Ричард всегда обучал его, разбирался во всех его игрушках, понимал, как надо с ними играть. Ричард был его приятелем.

– «Америкэн экспресс» упал на два с половиной.

– Это что же, означает, что мы лишились денег?

– Боюсь, что да.

– У-у-у!

– Ники, пора в ванну.

– Ну-у-у… ну еще всего несколько минуточек.

– Нет-нет, давай-ка, ты уже и так опоздал. Иди напускай воду. А мама пока переоденется. – Сэм вышла из комнаты и увидела около кухни няню Ники. – Привет, Хэлен.

– Добрый вечер, миссис Кэртис. – Хэлен неуверенно улыбнулась, как всегда смущаясь.

– Все в порядке?

– Все прекрасно, спасибо. У Ники сегодня замечательный день. В школе все было хорошо. Учителя очень довольны, как у него обстоят дела с арифметикой.

– Отлично. Это, должно быть, передалось ему от отца… у меня-то с нею и сейчас нелады.

Сэм вошла в спальню и ощутила все тот же неуютный холод, как и в конторе. Он, казалось, преследовал ее повсюду. Ее взгляд задержался на картине, висевшей на стене. Выполненная в ярком, живом колорите, она изображала полулежащую обнаженную женщину с пышной грудью и жестким кустиком волос на лобке. Красотка лукаво улыбалась… просыпаясь, и Сэм каждое утро была вынуждена смотреть на нее. Ричарду эта голая баба нравилась. Именно он настоял на том, чтобы повесить ее туда. Сэм уселась на постель под пологом на четырех столбиках, стянула с себя туфли и откинулась назад. Ее собственное отражение пристально глядело на нее сверху, с зеркальной панели. Волосы прилипли от дождя к голове, лицо очень бледное. Зеркала… У Ричарда зеркала – это пунктик.

Она снова посмотрела на картину с обнаженной. Может, так выглядела и та шлюшка в конторе? Сэм задумалась. Шлюшка, с которой Ричард тогда исчез из гостиницы в Торквае. У нее, наверное, такие же большие сиськи и лукавая улыбочка?

«Сука», – подумала она, и гнев, смешанный с тоской, охватил ее. Ведь все складывалось так хорошо. Так замечательно, великолепно. Аккуратное, упорядоченное существование. Счастливые дни. Все шло просто прекрасно.

До тех пор, пока она не узнала об этом. Ощущение было таким, словно выдернули какую-то затычку из сосуда – и внутри там все высохло.

Сэм поднялась с постели и пошла в комнату Ники. Там она присела на краешек маленькой кроватки Ники, взяла «Древесное привидение», лежавшее рядом на столике, и стала быстро перелистывать страницы.

– Хочешь, почитаю?

– Нет. – Он посмотрел обиженно. – Расскажи мне лучше какую-нибудь сказку. Ты лучше всех рассказываешь их.

Она окинула взглядом комнату:

– Ты же обещал мне, что приведешь тут все в порядок. Смотри, новые игрушки, которые ты получил на Рождество, уже все поломаны.

Сэм встала и подошла к приоткрытой двери стенного шкафа, отворила ее пошире. Оттуда выпал пластмассовый самолетик, его хвостовая часть с щелчком отломилась и отскочила в сторону. Ники, казалось, вот-вот разрыдается.

– Ах, как глупо получилось! Ну и кто же его туда засунул?

Сэм опустилась на колени. Ники ничего не ответил.

– Уж не ты ли?

Он поджал губы.

– Может быть, папа завтра сможет его починить.

Она подняла обломки самолетика с пола, положила на стул и снова села рядом с ним.

– А в воскресенье мой день рождения, правда, мамочка?

– Да, тигренок.

– И я опять получу подарки, да?

– Нет, если ты все не уберешь тут у себя.

– Я уберу. Обещаю.

– Ты ведь получил уйму подарков на Рождество.

– Так Рождество было сто лет назад!

– Всего четыре недели, тигренок.

Лицо мальчика страдальчески исказилось.

– Это нечестно.

Сэм поразило, как он огорчился, и она слегка погладила рукой его щеку.

– Да, придется тебе купить новые подарки.

Ах, взятки-взяточки. Я покупаю его любовь. Покупаю любовь собственного ребенка. Черт подери!

– Тра-ля-ля-ля-ля! – Он в радостном возбуждении заколотил кулаками по краям своей кровати.

– Ну а сейчас успокойся. Пока что еще среда. Осталось еще четыре дня.

– Еще три.

Она рассмеялась:

– Ну хорошо. Три с половиной.

Головная боль вроде немного утихла. Ники надул щеки и скорчил гримасу, глубоко задумавшись и что-то считая на пальцах.

– Три с четвертью. А теперь расскажи мне какую-нибудь сказку. Расскажи мне про драконов.

– Да ты ведь уже знаешь про драконов. Я же тебе про них вчера рассказывала на ночь.

Он откинулся назад в ожидании, прищурив свои большие голубые глаза.

– А ты продолжай, мамочка. Сделай вид, что сказка еще не кончилась. Ну, как будто дракон ожил и гонится за человеком, который его убил.

– Ну ладно. Жил да был однажды один ужасный-преужасный человек в стране под названием Ники-Здесь-Нет.

– А почему он был таким ужасным?

– Да вот такой уж был.

– А как он выглядел?

– Совершенно ужасно.

Ники устроился поудобнее, но уснул прежде, чем она закончила сказку. Она встала, и он тут же открыл глаза. Сэм наклонилась и поцеловала его.

– Спокойной ночи, тигренок.

– Так ты же сказку-то не закончила!

«Понял, – сообразила она. – Догадался. У детишек ум всегда острый, словно бритва».

– Я завтра закончу. Ладно?

– Ну ладно, – сонно согласился он.

– Пока-пока.

– Пока-пока, мамочка.

– Тебе свет оставить?

Он поколебался.

– Оставь, пожалуйста.

Она послала ему воздушный поцелуй и тихонько закрыла за собой дверь.

Сэм внимательно смотрела на телевизионный экран, где Гаррисон Форд танцевал с Кэлли Макджиллис при свете фар своего потрепанного автомобиля с откидными сиденьями. В глазах больно защипало, и она опять затосковала о том, что она… нет, что они потеряли, что никогда уже не будет по-прежнему.

Ричард неуклюже развалился на диване перед телевизором, рядом с ним стоял бокал с виски, наполненный, как всегда, на четыре пальца, и чуть подальше бутылка «Тичерз», почти пустая. Красноватый свет, мерцающий в глубине сквозь решетку камина, предназначенный имитировать пламя горящих поленьев, выглядел уютно, но не грел, и Сэм ежилась от сквозняка, которым тянуло с Темзы через зеркальные окна, идущие по фасаду, по всей длине квартиры.

В комнате царил полумрак: горели всего две настольные лампы, да мягкий оранжеватый свет уличного освещения вливался с Бермондси, с противоположного берега реки. Сэм перевела пристальный взгляд с экрана телевизора на дубовый обеденный стол, где она расставляла у каждого прибора красные бокалы для вина.

– Ричард, сколько бокалов поставить?

– Че-е-го?

– Бо-ка-лов. Сколько надо поставить? Я накрываю стол на завтра.

– Ну… нас должно быть одиннадцать.

– И по скольку бокалов каждому? – спросила она слегка раздраженно.

– По три. Будет шабли и красное вино. «Фолатье» урожая 83-го года, «Филипп Леклерк», ну и еще «Калон Сэгор» урожая 62-го года, оно последнее из моего 62-го года. И еще «Сотерн», вот действительно отличное вино, «Куте де Барсак» урожая 72-го года. – Он взял свой высокий бокал, осушил наполовину и закурил сигарету. Щурясь на экран, произнес: – Гаррисон Форд. По-настоящему классный фильм. – Он допил бокал, тщательно отмерил дозу в четыре пальца и налил из бутылки остатки виски. – Тебе понравится это шабли.

– Конечно, – сказала она.

– Арчи – это настоящий винодел, понимаешь, что я имею в виду? Натуральный продукт без всякого дерьма. Триста фунтов стерлингов надо выложить за бутылочку… Ну, еще лафит и разное прочее. Шик! Тебе должен понравиться Арчи. Он парень хороший.

– Я думаю, надо поставить еще и по бокалу для «Перрье». Его всегда все пьют. – Она посмотрела на мужа, но он снова уткнулся в телевизор. – А портвейн ты выставишь?

– Угу.

– Тогда нужны еще и бокалы для портвейна.

– Он отличный игрок, этот Арчи.

– Значит, у тебя будет с ним хорошая игра.

– Сити, Сэм. Он крупный игрок в Сити.

– Может быть, он и Ники чему-то научит.

Сэм подошла к серванту в углу и достала новые бокалы. За окнами завывал ветер, черные волны Темзы бились о пирс, сотрясая оснастку яхт. Она видела вспышки света на волнах и темные корпуса лихтеров, пришвартованных посередине реки. «Ну и тоска», – подумала она и пошла с подносом к столу.

– А твой знаменитый Андреас точно приедет?

– О… ну… да.

Ричард поерзал на диване и глотнул виски.

– Значит, я наконец-то познакомлюсь с ним. Как, ты говоришь, его фамилия?

– Беренсен.

– А у него есть какое-то жилье в Лондоне?

– Нет, он просто приезжает сюда по делам.

– Из Швейцарии? А чем именно он занимается? Он что-то вроде банкира, так ведь, да?

Ричард поскреб в затылке.

– Ох… да-да… банкир.

– И он действительно карлик?

– Да. – Ричард рассмеялся, несколько принужденно. – На самом-то деле он довольно высокий.

– И он сейчас твой самый крупный клиент?

– Да, я думаю, что-то в этом роде. – Сэм хмуро отметила про себя, что тон у него уклончивый. – Ну а у тебя как на работе? – поинтересовался он.

– Не очень спокойно. Мне вот и сейчас еще следовало бы быть там.

– Этот твой Кен слишком уж круто заставляет тебя работать. И твои бесконечные поездки – сумасшествие какое-то. Ты очень много разъезжаешь, ведь и сама знаешь, таракашка.

Он повернулся. Его худощавое лицо, прежде всегда такое свежее, в последнее время болезненно пожелтело и стало морщинистым, делая его старше тридцати трех. При мерцающем свете телевизионного экрана и отблесках камина она внезапно поняла, как он будет выглядеть, когда постареет и у него иссякнут силы, энергия, которые так оживляют его; он начнет ссыхаться и оседать, словно вампир из фильма ужасов. Ей стало страшно. Она боялась его постарения.

– Мне приходится разъезжать.

Он отпил еще на два пальца виски и снова сильно затянулся сигаретой. Запах дыма дразнил, искушал, она подавляла в себе желание закурить, и это раздражало ее.

– Я думаю, что ты проводишь недостаточно, времени с Ники, – упрекнул он.

– Я просидела с ним дома три года, Ричард. Ради него я пожертвовала своей карьерой.

Он наклонился и затушил свою сигарету.

– Разумный выбор, дорогая.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что это был твой выбор.

– Наш выбор, – уточнила она. – Я пожертвовала тремя годами. А ты-то чем пожертвовал? Почему же ты не жертвуешь тремя годами?

– Не будь смешной.

– Не вижу ничего смешного.

– Таракашка, я же не возражаю, чтобы ты работала, но как работаешь ты – это безумие, дни и ночи напролет. Ты притаскиваешь работу домой, половину своего времени носишься по Европе, прыгая в самолеты и выпрыгивая из них. Ты все время в отъезде. Франция. Голландия. Германия. Испания. Болгария… В прошлом году ты ездила только в Болгарию раз шесть. Мне кажется, ты не обращаешь внимания на Ники. Ты плохая мать.

Гнев, растущий в ней, опал, словно шар, проткнутый иглой, и она испытала острое чувство вины. Как-то поникнув, опустилась на стул, что-то неопределенное, неловкое забрезжило в ее сознании неясным эхом из собственного детства.

Сэм вспоминала детство, вспоминала, как жизнь обрушилась на нее тогда. Она думала о своем замужестве, о том, как была счастлива, как она забыла то, что случилось раньше… Быть может, она забыла слишком многое? Быть может, не одни только дети могут чувствовать себя заброшенными и

ненужными, и взрослые тоже могут? Быть может, потому это и произошло.

3

– Что-то не так.

– Что не так?

– Не знаю.

Сэм слышала эти голоса, низкие, бормочущие, приглушенные, как обрывок разговора на вечеринке с коктейлями, долетавший до нее через всю комнату. Она напряглась, повернулась, вытянула шею над спинкой своего кресла, пытаясь разглядеть, откуда же доносятся голоса, но мужчина и женщина позади нее спали. Она прислушалась, но смогла расслышать лишь двигатели самолета – отдаленное гудение, словно от посудомоечной машины. Потом этот ритм изменился, и она почувствовала, что самолет начал снижаться в облако под ними.

Обычно она никогда не боялась лететь на самолете, но сейчас внезапно почувствовала нервозность. Беспокойно уставилась на потеки от дождя, исполосовавшие иллюминатор, на пролетающее серое пространство за стеклом. Приземление. Ее руки вспотели, и она поняла, что вся дрожит.

Ей хотелось пустить время вспять и вообще оказаться в другом месте. Глупая, совершенно ненужная поездка. Ричард прав: слишком уж много она впрыгивает в самолеты и выпрыгивает из них. А уж на этот раз ей совсем не хотелось прыгать. Одноместные сиденья, чтобы сэкономить деньги Кена. Кто-то говорил ей, что чартерные рейсы – штука рискованная. «Успокойся, Сэм, – приказала она себе, – успокойся».

Раздался резкий свист, и на панели прямо перед ней загорелась надпись «Не курить». Потом послышался новый звонок, еще пронзительней, но более мелодичный, вроде сигнала, что лифт пришел: бим-бом. Этот звук раздражал ее.

– Говорит капитан Уолкер. – И его компанейский голос раздражал ее не меньше. Послышалось жужжание, скрип и громкий щелчок. – Мы начали снижение и рассчитываем оказаться на посадочной полосе примерно через двадцать пять минут. Погода в Софии холодная – плюс один градус по Цельсию, идет снег. Мы надеемся, что вам понравился полет вместе с нами и вы приятно проведете время в Болгарии. От имени всего нашего экипажа мне бы хотелось поблагодарить вас за то, что вы совершили полет рейсом «Чартэйр», и выразить надежду, что вы снова выберете нашу компанию.

В голосе слышалась усталость, он говорил скороговоркой, выдававшей отставного военного летчика британских ВВС. Ему приходилось делать усилие, чтобы его голос звучал дружелюбно, как будто это был не очередной чартерный рейс, и он вовсе не устал, и ему не осточертело вываливать еще одну партию туристов на еще один дешевый курорт.

Над спинкой сиденья прямо перед Сэм высунулась голова маленькой девочки.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответила Сэм.

Голова девочки исчезла, и Сэм услышала хихиканье.

– А я сказала «привет» той даме позади!

Пот струйками стекал по лицу Сэм, ее подташнивало. Она отстегнула свой пояс и неуверенно заскользила вдоль пустых сидений по накренившемуся проходу в сторону туалета, цепляясь за спинки сидений, чтобы не побежать, опасаясь, что ее остановят стюардессы, но те, занятые укладкой товаров, свободных от пошлины, и не заметили ее.

Она добралась, все еще дрожа, до носовой части самолета и очень удивилась, что дверь в кабину пилотов открыта. Сэм пристально вглядывалась в оранжевые датчики приборов, в командира и второго пилота, сидящих в белых рубашках на своих местах. Второй пилот повернул голову к командиру, и она расслышала его слова:

– Дерек, что-то определенно не так.

Командир щелкнул каким-то выключателем и произнес громко и отчетливо:

– Говорит «Чартэйр», 624. Подтвердите наш заход на посадку.

В ответ сквозь треск в микрофоне раздался резкий, металлический голос на очень четком, но ломаном английском языке:

– «Чартэйр», 624. Говорит софийская авиавышка. Мы подтверждаем заход на посадку. Посадочная полоса 21. Мы имеем видимость всего в двести метров. Проверьте ваш посадочный минимум.

– Софийская авиавышка. Это «Чартэйр», 624. Подтвердите посадочную полосу 21.

Командир наклонился вперед и подрегулировал один из датчиков на приборной доске. Второй пилот озирался по сторонам. Она почувствовала его беспокойство, страх сковывал его лицо, словно тонкая ледяная пленка. А микрофон снова затрещал, и Сэм услышала тот же голос, еще более настойчивый:

– «Чартэйр», 624. Мы имеем ваше положение на радаре. Вы находитесь слишком низко. Я повторяю: слишком низко. Немедленно поднимитесь на семь тысяч футов.

– Мы находимся на семи тысячах футов, – с некоторой усталостью в голосе, но подчеркнуто спокойно ответил командир.

Мужчина на авиавышке словно заразился тем же безудержным страхом, что и второй пилот.

– Имеем ваше положение на радаре, – произнес инспектор. – Вы находитесь на четырех с половиной тысячах. Проверьте ваш альтиметр. – От волнения его голос панически срывался на крик. – Поднимайтесь. Поднимайтесь немедленно! Прервите снижение. Я повторяю: прервите свое снижение!

– У меня оба альтиметра показывают семь тысяч. Пожалуйста, проверьте ваш радар. – Сквозь спокойствие в голосе командира пробивалось раздражение.

– Поднимайся, Дерек! – закричал второй пилот. – Там же горы, бога ради! Поднимайся, мать твою!

– Мы в безопасности. У этих гор потолок – пять тысяч.

Послышался резкий щелчок, и дверь туалета открылась. Перед ней стоял мужчина в черном капюшоне с прорезями для глаз и для рта.

Сэм откачнулась назад, но он зажал ей рот рукой в черной кожаной перчатке, резко запрокинул ее голову назад к переборке. Перчатка пахла новой свежей кожей, она отчаянно дернула головой, пытаясь закричать, вырваться, чувствуя, как сзади какая-то рукоятка закрыла все ее лицо, и она, погрузившись в темноту, услышала страшный удар и шипящий свист воздуха, потом вдруг оказалась за бортом самолета, бешено вращаясь в пространстве, при оглушительном завывании морозного ветра и двигателей самолета. А она все вращалась в безумном ледяном водовороте, все падала, падала и падала, сквозь бесконечную черноту, пока не очутилась в холодном сером облаке, в котором она плавала как в воде, отталкиваясь руками. Она продвигалась все дальше и дальше, плывя без всяких усилий, и наконец увидела в отдалении серебристый «боинг». Вокруг самолета, словно стебли гигантских сорняков, водоворотом кружилось облако, а сам самолет стремительно удалялся в сторону неясно вырисовывающегося впереди темно-серого контура, почти неотличимого от этого облака.

Поначалу все было тихо. Казалось, что самолет продолжает лететь к этой внушительной стене гор, и на мгновение ей подумалось, что это плод ее воображения или просто облако причудливой формы. Потом хвостовая часть самолета отвалилась и закувыркалась вниз. На долю секунды от удара о гребень горы ее подбросило, и тут же, словно шампанское из бутылки, что-то резко выплеснулось кверху и поплыло вниз. «Багаж», – сообразила она, и к горлу подступила тошнота. Оторвавшийся хвост самолета подбросило вновь, он взлетел вверх и медленно описал в воздухе дугу. Следующий за ним поток чемоданов подпрыгнул в том же самом месте, повторив траекторию его движения, при этом некоторые чемоданы лопнули, оставив за собой шлейф из трепещущих в воздушном вихре одежд.

Один из пассажиров, пристегнутый к своему сиденью, взлетел вверх сквозь шлейф из одежды, за ним последовал другой, третий, их руки и ноги растопырились в разные стороны, как у игрушек, выпавших из детского стенного шкафа, и они камнем тоже полетели вниз.

Послышался непонятный гул, высоко вверх взлетел огненный шар. Какой-то предмет, неистово пылая ярким пламенем, включился в этот безумный танец и покатился вниз по склону горы, осыпая дождем искр серое пространство вокруг себя. Это был двигатель. Он с шипением бороздил себе дорогу в снегу. Неподалеку там же она разглядела темный обрубок хвостовой секции. Верхняя часть хвостового стабилизатора изогнулась под прямым углом, было отчетливо видно слово «Чартэйр» и часть эмблемы, изображавшей поднявшегося на дыбы тигра, а рядом с ним буквы Г, 3, Т, А и Е.

А потом наступило молчание, испугавшее ее. Облако продолжало водоворотом кружиться вокруг нее, и она уже не могла больше видеть землю, не понимая, лежит ли она лицом вниз или вверх. Ее охватила паника. Хотелось увидеть Ники, обнять его, прижать к себе. Хотелось обнять Ричарда и

сказать ему, что она сожалеет, что прощает его и ей жаль, что она так чертовски много работала… «Где же ты?» Она перевернулась, потом еще раз, пытаясь вырваться из кокона холодных серых стеблей, обвившихся вокруг нее.

– Выпусти меня! Ну пожалуйста, выпусти меня и дай посмотреть на них. Всего на пять минут. Пожалуйста. Только и всего. Только пять минут.

Стебли сжимались все сильнее.

– Выпусти меня!

Воздух становился теплее и удушливее, не давая дышать.

– Выпусти меня! – завопила она, вертясь и извиваясь, молотя по воздуху во все стороны кулаками…

Сэм почувствовала на своем лице прохладный ветерок.

– Таракашка?

«Голос Ричарда», – подумала она в замешательстве.

– Таракашечка?

Она увидела ровный круг света и Ричарда, стоявшего рядом с ней в полосатой рубашке и цветных боксерских трусах. Все другое. И свет другой. Какой-то датчик подмигивал ей, оранжевый, как тот датчик в самолете. 5.00. 5.00. 5.01…

– Все хорошо, таракашка?

Ричард стоял над ней.

– Все хорошо, таракашечка? – повторил он.

Она кивнула:

– Да… Я…

Он нахмурился, потом завозился со свободно висящим рукавом своей рубашки, и она услышала отрывистый щелчок, когда запонки проткнули крахмал. Золотые запонки с его инициалами с одной стороны и его фамильным гербом с другой. Ее свадебный подарок. Они еще были в такой маленькой коробочке темно-красного цвета и стоили 216 фунтов стерлингов. Странно, какие детали всплывают в памяти. Она внимательно посмотрела на эту откинувшуюся назад голую бабу на стене, на собственное лицо в зеркале над кроватью и на свет, вливавшийся в комнату из двери в ванную.

– Сон, – сказала она. – Мне приснился страшный сон.

– Ты так ужасно кричала, в самом деле ужасно.

Он повернулся к зеркалу на стене и стал завязывать галстук. И когда он изо всех сил затянул узел, она почувствовала, как что-то сильно сжалось вокруг горла. Страх пропитал ее насквозь, повис вокруг, заполняя комнату. Черный капюшон с щелками-прорезями надвинулся на нее от двери, и черная кожаная перчатка зажала ей рот. Она задрожала.

А Ричард с усилием втискивался в свои брюки, выпутываясь из красных подтяжек и натягивая серебристые браслеты, поддерживавшие рукава рубашки. Она любила наблюдать, как он одевается, когда они только начали спать вместе. Уж очень он изощрялся в своей одежде: рубашки с двойными манжетами, на брюках пуговицы для подтяжек. «Вот это нормальные, правильные брюки», – говорил он с удовлетворением. Внезапно ей захотелось схватить его, крепко обнять, почувствовать его, удостовериться, что он настоящий, что он здесь, в этой комнате… что ее мир остался целым и невредимым.

А потом это желание сразу пропало, когда она все вспомнила. Она передвинулась по постели подальше от него, и ее пронзила внезапная судорога… отчего?.. от страха?

– И что же тебе приснилось?

– Это… мне… да ничего. Просто какой-то кошмар.

«А ты боишься рассказывать об этом, – подумала она. – Боишься, что если ты расскажешь, то…»

– Да выкинь ты это к черту из головы!

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, от его влажных волос пахло кокосовым шампунем и его

любимым лосьоном после бритья «Пако Рабанн»; сквозь мятную пасту пробивался в его дыхании сильный запах чеснока, съеденного на ночь. Сэм ощутила на своей щеке легкий влажный поцелуй.

– Трудный день? – спросила она, желая задержать его хотя бы на мгновение подольше.

– Японцы. Кажется, Токио вот-вот соскочит с катушек.

– Не опаздывай домой. Было бы очень мило, если бы ты сумел помочь мне подготовить все к вечеру.

– Ах, господи, ну да! Наша вечеринка.

– Это же для твоих клиентов, Ричард.

– Я вернусь домой вовремя.

Входная дверь захлопнулась за ним. Сэм закрыла глаза, но тут же открыла их, боясь опять возвратиться в тот сон. Она снова посмотрела на часы. 5.09. Через четверть часа он будет за своим письменным столом болтать по телефону с Токио. Дела-делишки. Компания «Никкей Доу». Азартные игры с простенькими акциями без фиксированного дивиденда, судебные повестки, сделки с премиальными, срочные контракты, валюта. Все так непостоянно, все так неуловимо. Как-то раз Ричард разозлился на нее, когда она сказала, что его работа напоминает работу крупье из казино, оборудованного по последнему слову техники.

Дверь открылась, и сонный Ники прошлепал по полу.

– Привет, тигренок. Ты что-то рано встал.

– Я не могу заснуть.

Она протянула руку и взъерошила его волосы. Какие мягкие. Ники слегка отпрянул, но потом снова ткнулся головой ей под руку, чтобы получить еще порцию ласки.

– Ну-ка, поцелуй мамочку.

Влажное прикосновение. Ощущение такое, словно это миниатюрный вариант поцелуя Ричарда.

– А почему ты не можешь заснуть, тигренок?

– Да мне приснился очень страшный сон.

– А о чем?

– Об одном ужасном человеке. О жутком монстре.

Она села на постели и крепко обняла его.

– Это потому, что я рассказала тебе сказку о таком, правда?

Он мрачно кивнул. Временами он бывал довольно-таки серьезным ребенком. Всегда все старательно обдумывал…

– Он меня съел.

Сэм внимательно посмотрела на несчастное выражение его лица.

– Ну, ты, наверное, был очень вкусный.

Он топнул по ковру:

– Не говори так. Это не смешно.

– Ну ладно, маме уже пора собираться. Хочешь поспать в нашей постели?

– Нет.

Он побрел прочь, шаркая тапочками по полу. И пока он шел, она видела, как тот самолет бесшумно летит к массивной горной стене, хвостовая часть кувыркается вниз, багаж фонтаном взлетает вверх. И этот гул, и огненный шар. Она, пошатываясь, встала с постели и побрела в ванную, содрогаясь от картин, вереницей проплывающих в ее сознании, от холодного воздуха и темного зловещего облака, зависшего над ней.

Просто дурной сон, только и всего. Надо забыть о нем.

Она услышала гулкие ритмичные удары – моторная лодка плыла мимо, вверх по реке, удары были глубокие, тяжелые.

А потом она сообразила, что это вовсе не мотор. Это удары ее собственного сердца.

4

Сэм сидела на диване в приемной Урквarта Симеона Макферсона, придерживая рядом с собой рекламную ширму «Отверженного» и наблюдая, как Кен неугомонно расхаживает туда-сюда, глубоко засунув руки в карманы поношенного кожаного пальто, надетого поверх пиджака из грубой простой материи и голубых джинсов, из-под которых сверкали щегольские черные ботиночки. Это была его обычная униформа. Одет небрежно, но вот ботинки всегда безупречны.

Прошли две болтающие девушки, кивнули секретарше в приемной и поплыли по коридору. Вразвалочку вошел какой-то разносчик почты в шлеме с надписью на нем «Рэнд Райдерз». Он сунул через стойку какой-то пакет и стоял, дожидаясь, пока за него распишутся. Кривоногий, весь упакованный в кожу, он походил на причудливое насекомое из космоса.

Кен присел рядом на валик дивана, чуть возвышаясь над Сэм.

– Как ты, в порядке?

– Все прекрасно, – сказала она.

– Ты выглядишь немного озабоченной.

– Со мной все в порядке, – повторила она. – Когда ждешь, то всегда чувствуешь себя так, словно опять попала в школу. И боишься встречи с учителем.

Кен вытащил пачку «Мальборо» из кармана своего пиджака и вытряхнул одну сигарету. Потом щелкнул своей обшарпанной зажигалкой «Зиппо», глубоко затянулся, после чего провел рукой по волосам.

– Уж эти производственные встречи, – мрачно сказал он.

Сэм улыбнулась:

– Я знаю, что ты их не любишь.

– Этот сочинитель текстов к плакатам… Джейк, как там его… от него у меня мурашки по телу ползут.

– Да он ничего, – сказала Сэм.

– А у тебя-то от него разве мурашки не ползут?

– Нет.

– Но ведь отчего-то они у тебя ползут.

Он лукаво посмотрел на нее. Она почувствовала, что краснеет, и отвернулась.

– Возможно, я немножко устала. Рано проснулась.

– А что ты делаешь в эти выходные?

– У Ники в воскресенье день рождения, будут гости.

– Шесть лет?

Она кивнула.

– А народу много будет?

– Девятнадцать человек. Посмотрим фильмы Чаплина и еще «Панч и Джуди».

– Придут все его высокопоставленные маленькие приятели? – Он откинул назад голову и, глядя на кончик своего носа, заговорил, утрируя аристократическое произношение: – Руперт… Джулиан… Генриетта. Доминик, Хэмиш, Иниго и Шарлотта, да?

– И даже сама достопочтенная Сара Гамильтон-Дили.

– Ах, как же, как же! Достопочтенная Сара Гамильтон-Дили. Судя по всему, будет потрясающая забава. – Он перестал изображать аристократа и потер свой подбородок. – Надеюсь, ты вспомнишь обо мне в каком-нибудь продуктовом магазинчике, когда будешь опустошать его ради толпы своих гостей.

Сэм улыбнулась, заметив печальное лицо Кена, в очередной раз задумалась, нравится ли ему его независимость, или же он хотел бы снова жениться и завести детей. Она отдавала себе отчет в том, как мало знает о Кене Шепперде, его частной жизни. Здесь, в этом окружении, неотъемлемой частью которого он был, Кен чувствовал себя уютно, и все же казалось, что одновременно он желал бы находиться где-нибудь в ином месте, заниматься совсем другим, не имеющим ничего общего с этой дерьмовой помпезностью, – словом, как любой мужчина, находящийся в плену своих ошибок и своих успехов.

– Я принесу тебе фруктового желе, – сказала она.

– С желатиновым ребеночком в нем?

– Ну разумеется.

Он посмотрел на потолок и стены:

– Ну что за отвратная комната. А ты знаешь, какие у них доходы за прошлый год?

– Восемьдесят два миллиона.

– И они не могут даже завести приличную приемную.

Сэм внимательно огляделась вокруг: посмотрела стол, заваленный журналами и газетами. «Кампэйн». «Маркетинг». «Медиа уик». «Таймс». «Индепендент». «Файнэншиал таймс»… На ковре, вытканном по специальному заказу, фирменный знак агентства, изображающий концентрические квадраты, каждый предыдущий квадрат обрамлялся следующим размером побольше, и так до бесконечности, что-то вроде картинки на телеэкране, одна внутри другой… Этот же знак гигантских размеров царил на задней стене посреди рекламных объявлений в рамочках, груды оберточной бумаги, коробок и плакатов. Автомобиль «феррари» отражался в миниатюре на лакированной туфельке аппетитной красотки. Мужчина, жизнерадостно и ослепительно улыбаясь, демонстрировал зубную щетку. А рядом красовалась консервная банка в несколько футов высотой, с непопулярным уже рисовым пудингом.

– А по-моему, вполне современный интерьер, – возразила она.

– Извините, что задержал вас. – В комнату вошел Чарли Эдмундс, высокий, даже долговязый, с небрежно зачесанной копной пышных волос.

В модной рубашке с Джермин-стрит он походил на школьника-переростка. Господи, подумала Сэм, как странно: если люди выглядят молодо, то они очень стараются казаться старше. Молодые все такие важные и серьезные, вроде Чарли, и ведут себя как сорокалетние. А сорокалетним отчаянно хочется стать двадцатилетними.

– Сэм, мне очень приятно видеть вас. Кен, вы прекрасно выглядите.

Они поднялись следом за ним по лестнице, прошли по коридору и оказались в комнате без окон, обитой голубой материей. В центре стоял длинный голубой стол из скандинавской древесины и такие же стулья. На столе рядом с открытой машинкой для факсов лежали несколько цветных рисунков и фотографий, а посередине стопка плиток шоколада «Отверженный» в серебряной обертке из фольги, с отпечатанным на ней текстом синего цвета. В комнате пахло свежей древесиной, тихо и монотонно гудели отопительные трубы.

– Остальные будут вот-вот, – сказал Чарли. – Извините, что вытащил вас сюда так скоропалительно, но это сообщение мы оцениваем чрезвычайно высоко, и поэтому решено ускорить выпуск именно этого конкретно продукта, так что у нас не слишком много времени.

И, как бы желая подчеркнуть это, он посмотрел на свою элегантную «омегу».

Сэм тоже быстро взглянула на часы, а потом подняла взгляд на картину в абстрактном духе, висевшую на стене. Несомненно глубокая и полная смысла, как и любая вещь в офисе Уркварта Симеона Макферсона, созданная для воплощения какой-то идеи, но непосредственного значения картины Сэм не могла постичь. Гамма красок смутно напомнила ей о спальной комнате в гостинице «Холидэй». Дверь открылась, и вошли двое мужчин. Один, лет двадцати пяти, невысокий, воинственного вида и тощий как щепка. На нем были черный, не совсем здесь уместный пиджак, черная рубашка без воротничка и поблескивающие, тоже черные зауженные брюки. Темные волосы коротко острижены спереди, а сзади свисают длинными прядями. Лицо продолговатое и худое, точно его прищемило дверями лифта. Нос, тоже продолговатый и худой, казалось, держится на лице с помощью слишком близко посаженных глаз. Другой мужчина, постарше, был одет в мешковатый белый костюм, волосы по бокам пострижены коротким ежиком, но на макушке топорщилась густая шевелюра. Круглые старушечьи очки придавали ему довольно умиротворенный и доброжелательный вид.

Сэм встречалась с ними несколько раз. Они всегда напоминали ей парочку пока непризнанных поэтов-гениев.

– Джейк и Зурбрик, Сэм и Кена вы знаете, – представил их Чарли.

Они кивнули друг другу. Зурбрик, заведующий художественной частью, поправил очки и упрятал руки в карманы, а Джейк, сочинитель текстов к рекламным плакатам, только кивнул разок, прямо-таки излучая серьезность и слабый налет превосходства.

Они уселись, и Сэм положила на стол рекламный буклет-ширму, открыла свой чемоданчик, вытащив оттуда электронную записную книжку и папку-скоросшиватель с бюджетными документами.

– Ну хорошо, – начал Чарли. – Вы… ну… вы видели этот рекламный буклет… – Он наклонился за плиткой шоколада «Отверженный». – И вот он… ну… этот продукт.

Он, казалось, нервничал в компании этих двоих мужчин. Сэм взяла карандаш, лежавший на столе перед ней, и слегка постучала им по блокноту для заметок с монограммой Уркварта Симеона Макферсона, тоже лежавшему наготове.

– Сэм, а как там выглядит бюджет?

– Небольшой перерасход. – Она вытащила нужный лист из папки и передала Чарли. Он пробежал по нему взглядом, добрался до итогового результата.

– Так, вроде все нормально, можно уложиться. Будет одна судебная тяжба… придется ее включить в бюджет, по первому классу… ну и на разведку тоже.

– А кто затеял тяжбу? – поинтересовался Кен.

– Управляющий по сбыту от «Грэнд спэй фудс». С ним все о'кей, – заторопился он. – Это не причинит вам никаких хлопот.

– Любые тяжбы причиняют хлопоты.

– Я думаю, он немного сбрендил, – улыбнулся Чарли. – Вы его особенно и не увидите.

Кен в ответ уклончиво промычал. Сэм увидела, что коротышка Джейк сидит, положив руки на стол, как бы дожидаясь, что его накормят, и свысока разглядывает Кена. Она понимала, что он думал приблизительно так: «АХ ТЫ, СТАРЫЙ ПЕРДУН. НАМ БЫ СЛЕДОВАЛО ЗАВЕСТИ УПРАВЛЯЮЩЕГО ПОМОЛОЖЕ».

– Вы уже фотографировали на Сейшелах и раньше, Кен, так ведь? – спросил Чарли.

Кен кивнул. Чарли предупреждал ее, что Джейк был против Кена и предпочитал ему двадцатичетырехлетнего Тома Лэнда, одаренного и быстро растущего управляющего.

– Ну и что там?

Кен пристально посмотрел на Джейка:

– Ядовитые пауки. Змеи. Огромные земляные крабы. Враждебно настроенные аборигены.

Джейк побледнел от страха, и его лицо задергалось от нервного тика. Чарли усмехнулся.

– И очаровательные женщины, – проговорил Зурбрик со своим бирмингемским акцентом.

– Нам надо будет устроить через парочку недель презентацию, в штаб-квартире клиента. Они просят, чтобы присутствовали управляющий и производитель. – Чарли посмотрел на Кена.

Тот кивнул и спросил:

– А где они помещаются?

– Прямо рядом с Лидсом.

ПОГОДА В СОФИИ ХОЛОДНАЯ – ПЛЮС ОДИН ГРАДУС ПО ЦЕЛЬСИЮ. ИДЕТ СНЕГ, МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ВАМ ПОНРАВИЛСЯ ПОЛЕТ ВМЕСТЕ С НАМИ И ЧТО ВЫ ПРИЯТНО ПРОВЕДЕТЕ ВРЕМЯ В БОЛГАРИИ.

– С вами все в порядке, Сэм?

Голос Чарли доносился как бы издалека. Сэм, вздрогнув, подняла глаза.

– С вами все в порядке, Сэм?

– Простите?

Все они смотрели на нее как-то странно.

– Что случилось? Лидс? Презентация?

– Все отлично, – сказала она. – Да-да, никаких проблем.

Она выпрямилась на своем стуле и улыбнулась Чарли, Зурбрику, потом и Джейку, тот зыркнул на нее в ответ взглядом милой птички, которой помешали склевывать мясо с какой-нибудь падали.

– Ваши текст и буклет, конечно, еще сыроваты, – произнес Зурбрик, – но это станет отправной точкой для всей кампании. Мы рассчитываем добиться сочетания художественного вкуса с сильным воздействием на потребителя.

Сэм внимательно изучала пейзажи на рекламном буклете.

– Важная отличительная черта этого продукта… уникальный момент с точки зрения сбыта… это здоровье. Его должны воспринимать не просто как очередное лакомство, нет, он будет преподнесен как Система Личного Питания.

– Как ЧТО? – спросил Кен.

– Как Система Личного Питания.

– Я припоминаю, что, когда был молодым, мы называли их шоколадными плитками, – сказал Кен.

Джейк пристально посмотрел на Кена, словно на музейный экспонат.

– Шоколадные плитки, – отчеканил он, – ушли в прошлое вместе с Ноевым ковчегом. Мы здесь говорим об идеях, о важном открытии. – Он прямо-таки подпрыгивал на стуле, потом поставил локти на стол и решительно наклонился вперед. – Лет через десять и эту кампанию будут описывать в учебниках.

– Это другое, Кен, совсем другое, – сказал Зурбрик. – В «Отверженном» будет все, что вам нужно. Клиент поверит, что это главное лакомство, которое само по себе является полноценной диетой. В нем весь набор необходимых на день витаминов. Протеин. Глюкоза. Натуральное кокосовое молоко. А в кокосе высоко содержание питательных веществ. Грубые наполнители. Они спасут вас от морщин, одряхления и солнечных ожогов. Дадут вам энергию. Единственное, что необходимо добавить к нашему продукту, – это вода.

– Только вода?

Зурбрик кивнул.

– И этим одним можно обойтись? – уточнил Кен.

– Абсолютно.

Кен покачал головой. Сэм бросила в его сторону предостерегающий взгляд.

– Грандиозность плитки «Отверженный» заключается в том, – объяснил Зурбрик, – что бисквитная часть сверху. Это замечательно. И даже в жару шоколад у вас не тает, не превращается в липкую массу. Его съедаешь с чувством благодарности. Обертка герметичная, водонепроницаемая. Это действительно пища для выживания. Не просто обычная шоколадная плитка… а высокотехнологичная пища конца XX века. Не только пища, но и произведение искусства.

Кен посмотрел на Зурбрика как на сумасшедшего.

– Здесь два аспекта, Кен. Первый – само содержание, и оно изумительно. Второе – его имидж. «Отверженный» для людей успеха.

– Мы говорим об энергии. Об энергии и молодости. О доверии улицы, – подхватил Джейк, внимательно и многозначительно глядя на Кена. – Мы не желаем, чтобы он напоминал рекламу треклятого «Баунти» шестидесятых годов, не нужен нам необитаемый остров Робинзона Крузо. Мы-то говорим о XXI веке, понимаете? «Отверженный» сам по себе необитаемый остров XXI века. Да нет, нам не надо, чтобы он вообще ассоциировался с надоевшим необитаемым островом, мы хотим, чтобы он выглядел как космический продукт. Это пища для молодых, очень честолюбивых людей. Пища, которой доверяет улица. Мы предлагаем ее тем людям, у кого нет времени перекусить. С помощью такой пищи мы намерены изменить общество. Помните Гордона Джекко? А Майкла

Дугласа? Когда он говорил: «Ленч – это для слабаков», а? «Отверженный» – это ленч. Это НОВЫЙ ленч. – Он ткнул пальцем перед собой, и его глаза дрогнули, словно собирались выкатиться из орбит. – Вот что мы предлагаем. Вот что должно содержаться в рекламе. Именно так я это и описал.

Сэм мельком посмотрела в свой блокнот для заметок. И нарисовала в нем самолетик.

– Съедаешь с чувством благодарности. Вот дерьмо. Полная чепуха. А что, интересно, бывает, когда ешь что-то с чувством враждебности? Еда кусает тебя в ответ? – Кен покачал головой. – Они верят в это, Сэм, ты понимаешь? Они по-настоящему верят в это!

Он включил стеклоочистители. Сэм внимательно наблюдала за тем, как эти два обрубка резко и неуклюже дергаются. Подумала, что они больше, чем что-либо другое, дискредитировали эпоху «бентли».

– Система Личного Питания, – продолжал Кен. – Сам посыл ошибочен, вот что меня беспокоит. Люди должны есть вместе, им необходимо сидеть вокруг стола. К чему же мы придем? К обществу изолированных кретинов, блуждающих туда-сюда со своими радионаушниками и жрущих свою Систему Личного Питания?

Сэм улыбнулась:

– Мне казалось, что на вкус он совсем неплохой.

– На вкус что-то вроде «Баунти» с бисквитом.

Стрелка «дворника» перед ее глазами размазывала воду, но не стирала ее. Наблюдать за дорогой впереди было все равно что смотреть через замороженное стекло, сквозь которое рябили проезжающие машины, полоски тормозных огней, светофоры, искаженные фигуры пешеходов, похожие на огромных, движущихся вертикально рыб.

РАСПРОДАЖА. РАСПРОДАЖА. РАСПРОДАЖА. Вывески отбрасывали яркий свет из витрин на улице Кенсингтон-Хай. Кен наклонился и вытащил из бардачка пачку жевательной резинки.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Дорога плохая. Нам бы пора уже быть на Кромвел-роуд.

Он развернул брусочек жвачки «джуси фрут» и положил его в рот. На мгновение и она ощутила сладковатый запах, потом он исчез. Она внимательно посмотрела вниз, на длинный темно-синий капот. Огни тормозов, огни магазинов, огни уличного движения… Темно-серое небо. Ну и тоска! В магазинах последние дешевые распродажи, а потом, через неделю-другую, модели оденут в летние наряды, и негнущиеся лупоглазые манекены станут красоваться в ярких бикини и летних платьях. Это в феврале-то! Идиотизм.

Странно сидеть вот так высоко, на глубоком и широком сиденье, как в кресле. Ступни утопали в мягком ковре из овечьей шерсти, и она ощущала сильный запах новой кожаной обивки. У ее дяди была машина на высоких колесах, и пахло там кожей. «Ровер». Она всегда сидела на заднем сиденье, а ее дядя с тетей молча сидели впереди. Ах эти воскресенья. Ритуальные поездки за город из их тоскливого дома в Кройдоне. Обидно таращиться вот так из машины на поля, где она когда-то привольно бегала и играла. Где-то, когда-то… Но только давным-давно, и воспоминание это забылось.

Кожа. Запах кожаной перчатки из того сна. Такой отчетливый. И черный капюшон с щелками-прорезями. Дрожь прокатилась по ней. Отвратительное видение все еще жило там, в прошлом, грубое, наглое. Нипочем тебе не забыть его по-настоящему, как не заклеить газетой трещину в стене…

Когда ее родители умерли, тетя и дядя приняли Сэм как бы по наследству, без особой благосклонности и энтузиазма. Она им была не нужна. Она вторглась в их жизнь, в однообразное, спокойное существование бездетной пары.

Ее дядя был угрюмым мужчиной с обвисшими книзу усами, раздражавшийся от всего: от шума, от невыключенного света, от утренних новостей… Без конца шаркал туда-сюда по этому мрачному дому, постукивая по барометру и бормоча что-то по поводу погоды, хотя никогда не делал ничего такого, на что погода могла бы как-то повлиять. Он только сидел в своем кресле и перебирал пинцетом коллекцию марок, то и дело поднимая взгляд. «Остров Ванкувер, 10 центов, голубая. Интересно». А потом он снова замолкал.

Тетя, холодная, лишенная чувства юмора женщина, постоянно винила Бога за свой жизненный удел, но каждое воскресенье отправлялась в церковь поблагодарить Его за то же самое. Она с опаской пробиралась по жизни, накапливая благодеяния в надежде, что это ей зачтется. Первое заключалось в том, что она вышла замуж за своего мужа. Второе – что взяла к себе Сэм. Третье – приглашала на чай приходского священника и его жену. А еще то, что она вступила в общину самаритян – одному Богу ведомо, кто ей это посоветовал. А однажды она отнесла в полицию найденный на улице кошелек. В ее записной книжке, которую как-то раз обнаружила Сэм, числилось более трехсот благодеяний. Двадцатилетней давности. Сколько же еще тетя добавила туда с тех пор?

С прошлым происходило что-то странное. Время меняло образы и воспоминания. Пыталось исказить в своих рвущихся черно-белых кинопленках, обманывало выцветшими фотографиями, морщинами и ржавчиной, этими допотопными стеклоочистителями. Старалось внушить, что прошлое всегда выглядело именно таким. И уже забывалось, что все когда-то было новехоньким и что все, окружающее ее сейчас, на этой улице, в витринах магазинов, тоже в один прекрасный день станет старым.

Дождь на мгновение припустил еще сильнее, а потом притих, словно озорной мальчишка швырнул в машину пригоршню гальки. Она повернулась и глянула через боковое стекло. Черные печатные буквы с рекламного щита торговца газетами промелькнули и исчезли, словно кадр фильма.

– Стоп, Кен!

– Стоп? В смысле?..

– Машину останови, бога ради, машину! Останови же машину! – закричала Сэм. И едва он, углядев свободное место перед каким-то такси, подрулил к бордюру, она нащупала ручку дверцы, дернула и распахнула ее наружу.

Раздался возмущенный крик и трезвон велосипедного звонка – какой-то велосипедист, процарапав колесом по бордюру, резко свернул в сторону. Сэм вывалилась из машины, споткнулась о мостовую и кинулась обратно, к торговцу газетами. «Стандард», – выдохнула она, вцепляясь в газету и вытаскивая из сумочки кошелек. Судорожно раскрыла его, и монетки, дребезжа, посыпались на землю. Потом она остановилась, не обращая внимания на холодные дождевые струи, и внимательно посмотрела на большой заголовок первой полосы.

163 ЧЕЛОВЕКА ПОГИБЛИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В БОЛГАРИИ.

На фотографии темный силуэт хвостовой секции самолета, лежащий на снегу, верхняя часть хвостового стабилизатора, изогнутая под прямым углом, кусок эмблемы «Чартэйра» – вздыбившийся тигр – и четко различимые буквы: Г, З, Т, А и Е.

«„Чартэйр“, 624», – мысленно сказала она себе самой, вглядываясь в газетную бумагу, потемневшую от дождя.

«Болгария подтвердила, что „Боинг-727“, принадлежавший компании „Чартэйр“, разбился сегодня утром. Погибли все 155 пассажиров и 8 членов экипажа. Все детали пока уточняются, однако, как полагают, самолет врезался в гору, пытаясь приземлиться при плохой видимости».

Дальше можно было не читать. Она повернулась и медленно побрела обратно, к машине. Сэм знала точно, что там произошло.

– Что случилось? – донесся до нее голос Кена. – Сэм?.. Эй?.. Ты в порядке?

Она закрыла дверцу «бентли» и снова уставилась на заголовок и на эту фотографию.

– Что это такое, Сэм? Что случилось? Кто-то из твоих знакомых летел этим самолетом?

Она тупо смотрела перед собой, потом вытащила из сумочки носовой платок и вытерла мокрое лицо. Новые струйки потекли по ее щекам, она вытерла их, но слезы немедленно полились снова. Сэм сильно зажмурила веки и почувствовала, как рыдание стискивает ее грудь. Она шмыгала носом, задерживала дыхание, пытаясь прекратить плакать, но так и не смогла.

Кен нежно и легко коснулся рукой ее запястья.

– Кто там был? – спросил он. – Кто был на этом самолете?

Она довольно долго молчала, прислушиваясь сквозь дождь к шуму уличного движения.

– Я, – сказала она. – Я была на этом самолете.

5

– Да, вверх ногами.

– Нет!

– Точно говорю. Так они и делают.

– Я тебе не верю.

Ричард, пьяно ухмыляясь, подхватил свою рюмку с вином, покрутил ее в руке, и вино заплескалось за стеклом маленьким водоворотиком.

– Они прицепляют сусликов вверх ногами.

– Честно?

Сэм внимательно наблюдала через серебряный канделябр за сияющим холеным лицом Сары Роунтри. В окне проскользили огни какого-то судна, и сквозь эту болтовню до Сэм донеслась слабая пульсация его двигателя.

– Они засовывают их в пластиковые мешочки, а потом прилепляют их вверх ногами.

– Не могу в это поверить!

От нового, еще более сильного порыва холодного воздуха пламя свечей резко метнулось в сторону, и Сэм смотрела, как свет приплясывает, отражаясь в бриллиантах, в столовом серебре, играет отблесками на лицах. Друзья. Вечеринка. Ей нравилось устраивать такие вечеринки. Нормальные.

Но все-таки она предпочитала приемы с обедами. Вечеринки с коктейлями слишком суматошны – поболтают о том о сем, быстренько обсудят будущие дела, только и всего. Ничем не лучше и вечеринки с ужином, когда вы усаживаетесь на краешек кресла, пытаетесь есть с бумажной тарелочки со специальным хомутиком на боку, который обычно не подходит к вашему бокалу. Эти бумажные тарелочки всегда слишком малы, и, когда вы хотите порезать ветчину, они сгибаются и еда падает на пол, если, конечно, вам повезет, а если нет – то прямо на колени.

А вот приемы с обедом – это для цивилизованных людей. Несколько друзей. Хорошая еда. Приятные разговоры.

Так бывало обычно. Но только не в этот вечер. Сегодня все не то. И еда, и гости, и ее платье, просто выводившее из себя. Буайбес, всегда такой удачный, на этот раз не получился совсем, совершенно разварился. Гарриет О'Коннел во всеуслышание объявила, что от рыбы у нее аллергия и все тело покрывается пятнами, а Гэй Роунтри сказал, что не ест чеснок, поэтому им пришлось довольствоваться одним авокадо на двоих, который Сэм отыскала в вазе с фруктами.

Оленина почернела так, словно ее кремировали. Ягоды можжевельника в рисовой запеканке превратились в густую, горькую размазню, а соус подернулся неаппетитной пленкой, похожей на нефтяное пятно. И откуда, черт подери, могла она знать, что ягоды можжевельника портят вкус красного вина?

Именно Арчи, сидевший справа от нее, и сообщил об этом, прочитав целую лекцию. Тот самый Арчи Круикшэнк – ТЕБЕ ДОЛЖЕН ПОНРАВИТЬСЯ АРЧИ… ОН ПАРЕНЬ ХОРОШИЙ… ОН КРУПНЫЙ ИГРОК… НАСТОЯЩИЙ ВИНОДЕЛ, ПОНИМАЕШЬ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ? – Арчи, с его широким, покрытым пятнами лицом, проступающими венами, толстым животом и коротенькими пальцами, нос уткнул в бокал с вином, словно свинья в трюфели. Арчи утомлял ее, как и сидевший слева Бэмфорд О'Коннел с его безапелляционными характеристиками сортов вина.

– 78-й год значительно лучше 83-го.

– О, в самом деле?

– Да-да, безусловно. Вина 83-го года не следует пить еще по меньшей мере лет пять.

– Не следует?

– А вот 82-й год сильно недооценивают. Это зависит от производителя, разумеется.

– Ну разумеется.

Он смотрел свой бокал на свет, внимательно вглядываясь в него на некотором расстоянии, будто в нем содержались мерзкие нечистоты.

– Жаль, что так получилось с красным вином. А этот 62-й год – очень уж терпкое вино. Его бы следовало пить годик или два назад, разумеется… но в любом случае оно загублено ягодами можжевельника. Они придают ему металлический привкус. Я удивлен, что Ричард не предупредил вас об этом.

– Да… у него столько всяких секретов.

– Полагаете, что он немного разбирается в этом?

Она снова ощутила дуновение ветерка и сообразила, что огромный средневековый светильник из кованого железа чуть-чуть качнулся над ней. Она посмотрела вверх. Теперь вместо толстых свечей в него вставлены электрические, не очень яркие лампочки. Она окинула взглядом гостей, сидящих за столом. В дальнем конце, рядом с Ричардом сидел Андреас Беренсен, швейцарский банкир, он почти не разговаривал, а только наблюдал и молча улыбался самому себе, словно он был выше всего этого. Высокий, крепкий, атлетического вида, лет под пятьдесят, холодное, очень уж правильное лицо с высоким лбом. Красивые волосы аккуратно подстрижены с боков, но на темени поредели до легкого пушка. На правой руке черная кожаная перчатка. Он взял свой бокал с вином, отпил, перехватив взгляд Сэм, выдавил из себя улыбку, скорее самодовольную ухмылку, и отставил бокал.

Она снова почувствовала холодную дрожь. Ту самую дрожь, как тогда, когда он вошел в дверь и пожал ей руку, пожал ее этой своей черной кожаной перчаткой, похожей на ту, из сна. Бред какой-то! Не надо сходить с ума.

О господи! Сколько всего бурлило в ее сознании. Чувство вины. Гнев. «Я бы могла спасти их», – заявила она Кену, он мягко посмотрел на нее и сказал, что сотни людей видят сны об авиакатастрофах и что она ничего бы сделать не могла. А если бы она позвонила в авиакомпанию, то там бы отнеслись к ней так, как относятся к сотням чокнутых, которые названивают им каждую неделю.

Но гнев по-прежнему бушевал внутри ее. Гнев и замешательство. *Почему? Каким образом? Неужели мне и в самом деле приснилось это?* Платье также страшно раздражало ее: она никак не могла пристроиться поудобней, сесть так, чтобы оно не перекашивалось и не тянуло. Сэм поводила плечами, пытаясь поправить спинку платья. Она уже раз выходила в спальню, чтобы оторвать подплечники. А теперь ей захотелось пойти и приладить их обратно. Она снова заерзала, поводя плечами, чувствуя, что ярлычок платья царапает шею.

Арчи прижал краешек бокала с «Сотерном» к влажному рту, и его губы произвели специфический звук, как ванная, из которой вытекает вода. Тоненький ручеек вина капал вниз, на его галстук. Арчи с головы до ног был в крошках, и Сэм подумала, что жене Арчи следует, когда они доберутся домой, бросить его в стиральную машину.

– А это вот хорошее, – сказал он снисходительно. – Да, на самом деле по-настоящему хорошее. Хотя, конечно, чуточку терпковато.

Она взглянула на Бэмфорда О'Коннела, сидящего слева от нее. Едва ли не самый давний приятель Ричарда. Буйная шевелюра с пробором посередине, темно-красный бархатный пиджак и старомодный шелковый галстук-бабочка желтого цвета, своим видом он больше напоминал щеголя-денди времен Эдуарда VII, чем психиатра. Его жена, Гарриет, неряшливо одетая в старомодном стиле «а-ля богема», всегда выглядящая так, словно она обута в сандалии, даже когда их на ней не было, сидела в центре стола и читала лекцию Питеру Роулингсу, биржевому маклеру, об ответственности за охрану окружающей среды. Ох уж эти всезнающие «зеленые».

– Понимаете ли, все мы губки, мы просто губки, – вещала она визгливым назойливым голосом, словно на церковно-благотворительном базаре. – Мы поглощаем нашу окружающую среду, как губки.

– Надо бы срочно заключить контракты на сбыт губок, – пробормотал Питер Роулинс.

Было ошибкой сажать их рядом. У них ничего общего, и Роулинс явно скучал. Ей хотелось, чтобы он сидел справа от нее, вместо Арчи Круикшэнка, который теперь развалился на своем стуле и глубокомысленно таращился в потолок, издавая при этом неприятные всасывающие звуки.

Арчи. В каждом деле есть свои неприятные люди, и приходится их терпеть со стиснутыми зубами, проявлять дружелюбие, льстить. Вот как хотя бы с Джейком, сочинителем текстов к рекламным плакатам.

Подлизывание – вот как они называли это в школе. Ничего не изменилось. Вы идете по жизни подлизываясь. А потом вы прибываете на небеса, вцепляетесь в свою записную книжку, куда занесены все ваши благодеяния, как у тети Анджелы. И здесь происходит Самое крупное Подлизывание из всех. Ну, Господи, ничего себе местечко Ты сотворил! Неужели всего за семь

дней? Ну, Ты даешь! И как же Ты это сделал? Ну, совершил несколько маленьких ошибочек, но совсем незначительных, правда-правда, стоит ли об этом и говорить… ну, конечно, Тебе не стоило бы забирать моих маму и папу и спихивать меня двум самым жалким людишкам, каких Ты только смог отыскать; было бы еще очень мило не устраивать мне четырех выкидышей, а потом едва не погубить меня при родах Ники, да, и еще если бы Ты не уничтожил атомной бомбой Хиросиму. Хорошо бы также, чтобы мой муженек не сходил бы чуточку с ума и…

Неплохо, если бы тот самолет не разбился. Ее горло сжалось, и живот свело от страха. Внезапно показалось, будто кто-то выключил звук в ее голове, и она могла видеть их, но не слышала слов.

Ее пронизывал ледяной холод. Одну из всех.

163 ЧЕЛОВЕКА ПОГИБЛИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В БОЛГАРИИ.

Все в комнате замерли, как в стоп-кадре. А потом это кино закрутилось снова. Ее уши горели огнем, в них все просто кипело. Арчи принялся пожирать свой бисквит, пропитанный вином. Кроме высокомерных поучений о качестве напитков, он не спросил ее ничего о ней самой, разве что сколько у нее детей, причем уже трижды. Его жена, с вытравленными перекисью волосами и невероятного размера грудью, сидела в дальнем конце стола, пытаясь оторвать внимание Ричарда от Андреаса. Она скорее походила на дешевую стриптизершу, чем на жену банкира.

– Сэм, бисквит великолепный, – произнес Бэмфорд О'Коннел с сильным ирландским акцентом.

– Спасибо. – Она улыбнулась и едва не выпалила: «Это ведь не что-нибудь, а фирма „Маркс и Спаркс“», но ей удалось вовремя остановить себя.

Получилось отлично. Она только вынула бисквиты из фабричной упаковки и слегка обработала их.

О'Коннел, словно маленький плотный сгусток энергии, с очень выразительным лицом, излучающим отличное здоровье, с удовольствием расправлялся с очередным куском. Свою жизнь, ел ли он, пил, разговаривал или даже просто сидел, он превращал в непрерывное пиршество. Поглощенный изучением других, он внушал окружающим, что жизнь – сплошное удовольствие, бесконечный источник наслаждений. Перехватив ее взгляд, он поднял свой бокал:

– Небольшой тост в твою честь за все твои усилия.

Она снова улыбнулась и подумала, заметил ли он, что ее лицо краснеет. Под маской эксцентричности таился энергичный, полный обаяния и чрезвычайно проницательный человек. Она никогда не могла забыть, что он психиатр, всегда по-своему истолковывающий каждое движение, каждый жест, любое слово, сказанное в его присутствии; по тому, как она разрезает еду на тарелке, держит бокал, поворачивается или касается приятеля, он мог делать выводы о ее тайных страстных деяниях, потаенных страхах.

– Живые? – поинтересовался кто-то с дальнего конца стола. – Выходит, они живые?

Сэм сердито посмотрела на Ричарда, чтобы он сменил тему разговора, но он отвернулся в сторону и обменялся плохо скрытыми ухмылками с Андреасом, а потом посмотрел на эту блондинку.

– Да, разумеется. По всей вероятности, когда они извиваются во все стороны, это весьма эротично… если вам нравятся вещи подобного рода.

– Я думаю, это отвратительно, – сказала Шейла Роулингс.

– Бьюсь об заклад, Бэмфорд, что ты знаешь вещи и похуже этого, рассказанные тебе родителями пациентов, не так ли? – спросил Питер Роулингс, оставив Гарриет в облаке крайне вредного для окружающей среды сигаретного дыма.

О'Коннел улыбнулся и перехватил взгляд Сэм, показывая ей, что он понял. Повертел в руках свой бокал.

– Уж я-то знаю. Разумеется, знаю. – Он подмигнул Сэм. – Вот потому-то и укладываю родителей на кушетки – чтобы они не могли видеть моего лица, когда они рассказывают мне такие вещи.

– И кто же проделывает эту штуку с сусликами? – спросила жена Арчи, вытаращив глаза и хлопая веками, отчего они походили на клювы голодных птенцов.

– Ребята в Америке, – сказал Ричард.

Зазвонил телефон. Ричард ринулся к письменному столу и поднял трубку. На мгновение наступило молчание, все наблюдали за ним.

– Гарри, это великолепно! – громко воскликнул он. – Замечательно, дорогой, это хороший подход.

Нет, это я не сделал… мне пришлось уйти рано… да-да… это определенно станет новым наркотиком. Снимет все преграды. Продавай этот патент, если у тебя есть настоящий покупатель, страховая премия в десять процентов. А как насчет «Сони»?

– Ричард, – окликнула его Сэм через всю комнату, – не мог бы ты перезвонить ему?

Он прикрыл микрофон и поднял палец. Бэмфорд О'Коннел откинул со лба растрепанные волосы.

– Люди грешны и никогда не успокоятся, – сказал он Сэм.

– Как ты сказал? Пятьдесят пять с половиной? А какой коэффициент иностранной валюты? – Он набрал серию цифр на своем калькуляторе, а потом быстро взглянул на Андреаса. – Ладно, хорошо, займись этим. Купи мне акций на сто пятьдесят тысяч. Ну, пока, дорогой. Завтра с тобой поговорим. Пока.

Ричард повесил трубку, включил экран своего компьютера «Рэйтерс» и застучал по клавиатуре. Сэм в бешенстве смотрела на него.

– Ричард… – начал Питер Роулингс. – А что сейчас с торговлей Ай-би-эм?

– Подожди-ка секундочку. – Ричард снова простучал по клавиатуре. – Ах, черт подери, этот Нью-Йорк с ума меня сведет.

Арчи озабоченно осмотрелся вокруг, потом снова посмотрел на Сэм, явно испытывая соблазн сходить и взглянуть самому, но потом передумал. Только Андреас не проявлял никакого беспокойства, сидел, внимательно глядя перед собой, прихлебывая свое вино и улыбаясь довольно холодноватой улыбкой. Быть может, швейцарские банкиры знали обо всем этом задолго до всех остальных? И считали английских финансистов своими марионетками?

– Спрос – 124 и /. Предложение – 125 и /, – выкрикнул Ричард, а потом лукаво посмотрел на Андреаса.

Тот ответил ему коротким успокаивающим кивком. Сэм встала из-за стола, сознавая, что все на нее смотрят, и подошла к Ричарду.

– Выключи его, – прошипела она. – Немедленно!

– Я хочу посмотреть, сможем ли мы протолкнуть эти акции.

– Меня это не интересует. Я хочу, чтобы ты это выключил. Немедленно.

Она вернулась к столу и начала убирать тарелки с пудингом, все заулыбались.

– Пожалуйста, Ричард, не мог бы ты захватить сыр? – попросила она, вынося стопку посуды на кухню и складывая ее в посудомоечную машину.

Она включила кофеварку. Ричард последовал за ней вместе с остальными.

– Буайбес был превосходен, – сказал он. – Без шуток.

– Отвратный. Оленина же – полный кошмар. А почему твой Андреас носит перчатку?

– Он всегда ее носит.

– Это как-то неприятно.

– Да все нормально. Я думаю, он попал в какую-нибудь аварию и у него остался уродливый шрам или что-то в этом роде. – Ричард положил руки ей на плечи. – Ты уж слишком напряжена, таракашка. Расслабься.

Она передернула плечами, освобождаясь, и повернулась лицом к нему.

– Ты очень пьян.

– Я в полном порядке.

– Ты ведешь себя отвратительно. Всем неловко. Пришлось вытерпеть то, что ты поведал о перевернутых вверх ногами сусликах, выслушать твою лекцию, как Екатерина Великая умерла оттого, что ее затрахал какой-то конь, больше того, ты позволил себе выйти из-за стола и усесться за работу, будто всех нас нет.

– А ты весь вечер вела себя как расфуфыренная кукла. Ни с кем не поболтала, сидела в конце стола, уставившись в пространство. Ты что, неважно себя чувствуешь?

– Со мной все нормально.

– А выглядишь совершенно ужасно. Весь вечер была белой, как простыня. Я думаю, что тебе следует показаться этому врачу-шарлатану.

– Я же тебе говорила, что меня очень напугала эта авиакатастрофа.

– Ах, ну хватит, таракашка, глупо превращаться в нелепую прорицательницу.

Она посмотрела на него с бешенством. Чужие. Двое совершенно чужих друг другу людей. В последнее время разговаривать о серьезных вещах ей было легче со случайным незнакомцем в автобусе, чем с собственным мужем. С незнакомцем даже, пожалуй, легче. Она повернулась и пошла обратно в комнату. Ричард уселся на свое место, и блондинка мигом пристроилась к нему.

– А вы когда-нибудь пытались проделывать такое с сусликом? – спросила она.

Ричард закурил сигарету и шумно затянулся.

– Нет. Моя жена не очень жалует эксцентричный секс. – Он увидел выражение лица Сэм и поспешно отвел взгляд. – К тому же она в последнее время слишком занята своими снами.

– Что-нибудь безумно эротическое?

– Нет… все про авиакатастрофы. Она считает, что ей приснилась одна такая, которая сегодня произошла в Болгарии.

Сэм перехватила взгляд Андреаса, наткнувшись на его холодную, всепонимающую ухмылку.

– А я вот считаю, что на самом деле ей снился мой член. Эй, Бэмфорд, – заорал Ричард, – может, по Фрейду самолеты и означают члены?

– Ты не хочешь предложить гостям немного портвейна, Ричард? – спросила она, стараясь говорить как можно спокойнее, в надежде, что они не расслышат, как дрожит ее голос.

Бэмфорд О'Коннел повернулся к ней и сочувственно улыбнулся: Ричард на самом-то деле отличный парень и просто сейчас малость надрался, поэтому не надо беспокоиться, не надо расстраиваться.

– Ах да, портвейн. У нас действительно есть немного этого пойла, и неплохого. «Уоррес» 63-го года. Арчи, ты как?

– Восхитительный сыр, этот вот, сливочный, – сладко пропела жена банкира таким же «сливочным» голосом.

«ЕГО ДОБЫВАЮТ ИЗ ГРУДИ ТОЙ ЖИРНОЙ БЛОНДИНКИ», – услышала Сэм некий голос в собственной голове и прикусила губу, чтобы не выпалить этого вслух.

– «Камбозола», – сказала она слишком резко, но, вспомнив, кто она такая, почему находится здесь, снова изобразила принужденную улыбку. – Замечательный, не так ли?

– Так, что с вашим величественным особняком, Сэм? – поинтересовался О'Коннел.

– Ну, вряд ли его можно так назвать. Это просто старый фермерский дом.

– Я полагал, что он действительно старинный, с привидениями или чем-то в этом роде?

Она покачала головой:

– Нет, не думаю.

– А вы что же, переезжаете? – спросил Арчи с неожиданным для нее интересом.

– Мы привыкли к маленькому коттеджу, чтобы приезжать туда по выходным, а сейчас купили дом посолиднее, но он здорово пострадал от урагана.

– Неплохая идея – убраться подальше от Лондона, – сказал О'Коннел. – Сбежать ненадолго от грабителей.

– В сельской местности тоже полно грабителей, – возразил Ричард. – Они разъезжают по округе на тракторах.

Сэм принесла кофе и принялась разливать его. О'Коннел передавал ей чашки.

– Спасибо, – поблагодарила она, когда он закончил.

– Как вы себя чувствуете, Сэм? – спросил он.

– Да… я… – Ее голос затих.

– Вы выглядите чуточку утомленной. Много приходится работать, да?

– Не больше обычного. Просто я сегодня перенесла небольшой шок, только и всего.

– А что такое?

– Я… – Она почувствовала, что краснеет. – Мне… а вы… что вы знаете о снах, Бэмфорд?

– О снах? Любой, кто скажет вам, что знает много о снах, тот – лжец. По всей вероятности, я знаю столько же, сколько и остальные. А почему вы спрашиваете?

– Вы используете их в своей работе?

– Ну конечно. Они очень важны… но все-таки в них есть очень много такого, чего мы не понимаем.

– Член Адама – это запретный плод, – объявил Ричард. – Просто очевидно. Змий-искуситель. Классический Фрейд. Так сказать, колотушка Адама.

– Как остроумно, – проворковала блондинка. – Вот уж никогда бы не подумала.

Сэм отпила немного «Перрье», повертела рюмку в руках и посмотрела на психиатра.

– А как вы думаете, возможно ли… видеть в снах будущее? – спросила она, чувствуя себя слегка неловко.

– Предварительное познание?

– Так это называется?

– Вы имеете в виду сны о событиях, которые потом случаются на самом деле?

– Да.

Он взял свою рюмку с портвейном, немного отхлебнул, и на его лице появилось выражение такого удовольствия, что у нее промелькнуло в голове, а не прогадала ли она, совсем не попробовав этого портвейна.

– Замечательная штука, – сказал он. – Отличный портвейн. Завтра мне предстоит жуткая головная боль. Это тоже предварительное познание, да?

Она слегка наклонила голову:

– Бэмфорд, я же серьезно.

Он улыбнулся, потом нахмурился:

– А это имеет отношение к авиакатастрофе, о которой сообщали сегодня вечером в новостях? Это про нее только что говорил Ричард?

Сэм кивнула. Он внимательно смотрел на нее.

– У меня есть пациенты, которые все время видят будущее.

– В самом деле?

– Ну, они так считают.

– Но они его в самом деле видят?

– Ну, я бы тогда стал богачом, разве нет? Я бы заставлял их сообщать мне, какая лошадь придет первой на бегах. Мог бы и Ричарду продавать сведения, на кого ставить на бирже. Мы бы с ним навели порядочек на рынке.

Вверху, прямо над ней, раздался громкий хлопок, и Сэм почувствовала резкую боль в руке. Она взвизгнула и посмотрела на стол. Место вокруг нее было усыпано стеклянной крошкой. Крупный осколок торчал из ее бокала с «Перрье». Небольшое пятнышко крови расползалось по указательному пальцу. Сэм в недоумении озиралась вокруг. Все пристально смотрели вверх, на люстру.

– Как странно, – произнес кто-то.

– Наверное, на лампочке осталось немного краски, вот она и лопнула, – сообщил другой голос.

– Нет, это, должно быть, из-за перепада в напряжении тока, – предположил еще кто-то. – Знаете, во время пауз в телепередачах на коммерческую рекламу все бросаются в сортир. Вот и получается перегрузка электросети.

– Но так обычно бывает после полуночи.

Сэм внимательно смотрела на люстру. Одна из лампочек взорвалась, из патрона торчал один-единственный зазубренный осколок. Холодная волна страха прокатилась по ней. Прозвучавший хлопок эхом отдавался в ее голове, потом шум вдруг усилился, вызывая смутное воспоминание из прошлого, теперь давно позабытое.

Она нахмурилась, машинально разглядывая доску для сыра, на которой была нарисована ветвь винограда, крошечные осколки стекла, сверкающие в свете электрических свечей, драгоценные кольца на коротких, толстых пальцах блондинки, своими размерами напоминавшие скорее кастеты, чем украшения; наконец ее взгляд уставился в темное пустое пространство позади стола. Брезжущее воспоминание буравило ее сознание, словно боль от стеклянной колючки в пальце. А потом она еще раз наткнулась на взгляд Андреаса, он держал свой бокал рукой в черной перчатке и улыбался ей.

6

Сэм услышала, как в ванной льется из крана вода и Ричард энергично чистит зубы. Она перевернулась в постели на другой бок, с неохотой сознавая, что начался новый день, а предыдущий вроде бы так и не уходил. Она медленно открыла глаза, тут же почувствовав в них колющую боль. Луч света выбивался из-под двери ванной и исчезал, растворяясь в серой темноте, так в театральной декорации представляют раннее зимнее утро. Сэм, казалось, видела чью-то руку на пульте, регулирующем свет.

Дать дневной свет!

Из ванной вышел режиссер этой постановки – Ричард. Из-под темно-синего махрового халата торчат ноги, белые и волосатые. Мокрые светлые волосы гладко зачесаны назад, а на подбородке капелька крови – он задел прыщик. Ричард ощеривается, обнажая сверкающие белые зубы.

Готовый кадр для рекламы. «Зинг!» Все дантисты рекомендуют эту зубную пасту. «Зинг!» Экологически здоровый способ чистки ваших зубов. Да-да, ребята! Потому что, когда вы израсходуете саму пасту, вы сможете съесть и тюбик.

И, помимо всего прочего, это еще одна Система Личного Питания, предоставляемая вам производителями напалма. Уничтожает растительность. Способствует распространению всех болезней. С лица слезает кожа…

Внезапно по телу Сэм пробежала дрожь, такая сильная, что ее всю передернуло. «Кто-то прошел по твоей могиле», – зловеще говорила в таких случаях ее тетя. Она пыталась отключить эту сюрреалистическую рекламу судьбы в своем сумеречном полусонно-полубодрствующем сознании. В одной статье она читала о таком полубессознательном состоянии, предшествующем пробуждению. Оно сродни сонливости, когда, засыпая, вы видите таинственные вещи, как бы балансируете между сном и явью.

На мгновение ей полегчало, но вскоре она почувствовала, как ее обволакивает тягостное уныние, ощущение чего-то плохого. Будто просыпаешься после того, как напился в стельку, и знаешь, что совершил что-то такое, о чем придется пожалеть. Только сейчас состояние было иным, куда хуже. Она попыталась понять, что именно происходит, но суть ускользала от нее. Указательный палец болел ужасно. Она высвободила руку из-под простыни и отодрала тоненькую полоску лейкопластыря с пальца. Раздался сильный, на всю комнату грохот.

– Ах, мать твою!

Сэм посмотрела вверх, щурясь от яркой лампы на тумбочке у кровати, которую включил Ричард, и увидела, что он лежит на полу лицом вниз, запутавшись ногами в штанинах. Опираясь на руки, он приподнялся и осмотрелся вокруг с озадаченным видом.

– С тобой все в порядке? – спросила Сэм, мельком взглянув на часы. 5.44. Он уже опаздывал.

– Да вот что-то все немного тянет помочиться.

Он перевернулся, сел на полу, стянул с себя брюки и снова медленно натянул их, на сей раз нормально, засунув каждую ногу в нужную штанину.

– А что тут удивительного, тем более после того, что вы с Бэмфордом вытворяли.

Он, сощурившись, потирал голову.

– Мы выпили почти две бутылки портвейна.

– Ну так поспи подольше.

– Да эти японцы такие зануды…

– Они, по всей вероятности, могут обойтись и без тебя.

– К этому времени курс может подняться на 400 пунктов. – Он сел на кровать, прищурясь, растирая руками лицо. – У меня ужасное похмелье. Я просто был в дикой отключке.

Он сунул ноги в туфли, поцеловал ее, и она почувствовала в его дыхании винные пары.

– Я не хочу, чтобы ты вел машину, – сказала она. – Возьми такси.

– Со мной все будет в порядке, – успокоил Ричард. – Ах этот проклятый вечер. Столько жратвы.

Послышался какой-то щелчок, и в комнате стало темно. Она легла на спину и снова закрыла глаза. Слышала, как громко захлопнулась входная дверь, и в комнате разом стало очень тихо. Настолько тихо, что если уронить шпильку, то услышишь, как она упадет.

Или если взорвется электрическая лампочка.

Сэм провалилась в глубокий сон, пока ее не разбудил рев бульдозера за окном. Вверх по реке, с шумом расплескивая воду, быстро шел катер. Кто-то насвистывал «Страшного полковника». Она спустила ноги на толстый ковер и села на краешек кровати, внимательно глядя на свои ступни – лак на ногтях уже облупился. На икрах в нескольких местах появились крошечные волосики – пора снова делать эпиляцию, опять этот неприятный запах воска, спереди на голени еще видна маленькая желтоватая отметка, где эта идиотка прошлый раз сожгла ей кожу.

Где-то наверху загудела пневматическая дрель, потом послышался более громкий шум: в нескольких сотнях ярдов выше по реке к городскому аэропорту подлетал самолет. Она увидела свое отражение в зеркале на стене и выпрямилась. Еще вполне молодая дама с хорошей осанкой. Сэм запустила руки в свои длинные каштановые волосы и крепко стиснула их, приподняла вверх, отпустила, волосы волной упали назад. Она бросила быстрый косой взгляд в зеркало. Замечательные волосы, каштановые, густые, прямо шикарные. Да, шикарные.

Она лишь небрежно улыбнулась, поскольку теперь это больше не имело никакого значения. Однако острая обида оставалась в ней на долгие годы. С того самого лондонского утра, лет тринадцать-четырнадцать назад, когда тетя – при ее молчаливом протесте – отвела Сэм в школу манекенщиц Люси Клейтон.

– Это пойдет тебе на пользу, – заявила тетя. – Даст тебе чувство уверенности в себе.

Она до сих пор помнила уничижительное презрение на надменном лице женщины, проводившей собеседование.

– Ты слишком маленькая, – сказала она. – Ну очень уж маленькая. Пять футов пять дюймов, так? А нам здесь нужно пять футов семь дюймов. Думаю даже, что пять футов и семь дюймов – это минимум. – Она бесцеремонно поворачивала рукою лицо Сэм во все стороны, словно та была лошадью. – Очень миленькое личико, дорогая, настоящая английская розочка. Ты в самом деле весьма хорошенькая, дорогая, ну прямо шикарная. – Женщина произнесла это слово пренебрежительно, как будто это не комплимент, а констатация уродства. – Шикарная, но не ПРЕКРАСНАЯ. – Потом эта женщина повернулась к ее тете: – Замечательные ножки. Это, вероятно, ее самое большое достоинство. Но не настолько длинные, конечно, чтобы стать манекенщицей.

Сэм прошлепала по ковру и приоткрыла занавеску. За окном стояло унылое серое утро, еще целый час до окончательного восхода солнца. Она внимательно посмотрела на коричневую воду Темзы, издали похожей на грязный брезент. Послышался гудок – по реке шел покрытый сажей черно-белый полицейский катер, резко покачиваясь на воде, разрезая ее словно тупым ножом. Пустой лихтер, пришвартованный к огромному заржавленному бакену, безустанно мотало из стороны в сторону. Она услышала крик чайки и увидела тень птицы, стремительно промелькнувшей над самой поверхностью воды. Холод просачивался через стекло, забирался под кожу, и она крепко обхватила себя руками, потирая плечи.

Внизу на строительной площадке надсадно завывали две дрели. Рабочий в короткой куртке и оранжевой каске медленно брел по площадке в ослепительном свете прожекторов, осторожно выбирая путь к огню, горевшему в черном бочонке из-под нефти. Другой рабочий, которого ей не было видно из окна, все еще насвистывал, на сей раз искаженную мелодию «Вальсирующей Матильды».

На краю строительной площадки бульдозер, двигаясь задним ходом, копал, разворачивался, опрокидывая землю позади временного забора с гигантскими красными буквами «РАЗВИТИЕ РИВЕРСАЙДА. СТИЛЬ ЖИЗНИ РИВЕРСАЙДА». Рабочий остановился, опустился на колени и поковырял рукой в земле. Вот он вытащил что-то, внимательно рассмотрел, потер пальцем, а потом отбросил прочь через плечо.

Сэм увидела, как огненный шар поднялся высоко в небо, из двигателя вырвался разметавшийся сноп искр. Эта картина на мгновение застыла перед ней, но слышно ничего не было. Полная тишина.

Палец болел так сильно, будто под кожей сидел осколочек стекла. Она взяла палец в рот и сильно пососала там, где болело. Вновь вспомнилась холодная улыбка Андреаса Беренсена. Пальцы в кожаной перчатке, сжимающие бокал. Ричард лебезил перед ним: наливал ему первому, по поводу каждого из вин прежде всего спрашивал его мнение. Подхалимничал. Подлизывался. Прежде Ричард не вел себя так. Его обычно интересовало ее мнение, он всегда держался самоуверенно, никогда раньше ни к кому не подлизывался.

А какофония за окном возобновилась с удвоенной силой. По радио началась передача «Мысли на день», она слышала оживленный голос Голубого раввина, приторный, как патока. «Интересно, – спрашивал он, – сколько людей помнят свои сны? Мне интересно порой, снились ли сны Господу?»

Одеться. Почистить перышки. Вылепить образ. Что же надеть сегодня? Она зевнула, пытаясь сконцентрировать свое внимание на предстоящем дне. Сначала утренний монтаж отснятого материала, потом ленч с Кеном. Она пошла в душ, почувствовав приятную водяную пыль, пустила воду похолоднее. Резкие струи больно барабанили по коже. Она вышла из-под душа и энергично вытерлась.

Ну, вот так получше. На один процент. Сильная доза отрицательно заряженных ионов. В котором часу они легли спать? В три? В четыре? Портвейн. Кофе. Снова портвейн. Снова кофе. Андреас ушел первым, когда Ричард с Бэмфордом принялись рассказывать анекдоты. Гарриет прочла Сэм лекцию о международном положении. Ее беспокоил пластик, он, видите ли, выделяет отравляющие вещества, так что можно получить рак, если просто посидишь на виниловом сиденье в автомобиле.

Она открыла свой гардероб. Сначала монтаж – нервы, нервы, нервы… Кто там должен быть на съемках-то? Хоуксмуир. Этот ужасный Хоуксмуир. Вчера Джейк, а сегодня – Хоуксмуир. Два самых неприятных для нее человека. Одеться надо так, чтобы всех убить наповал. Она решила, что это будет день в духе Джона Гальяно и Корнелии Джеймс.

Сэм поморщилась от боли в пальце. Из-за одного крошечного пореза? Потом она опять поморщилась от внезапной резкой боли, но теперь уже в голове. Боль опускалась по шее, вниз, до самого живота, словно ее вскрывали ножом для нарезки филе. Непонятно, что это. Она не могла понять, что с нею. Абсолютно не понимала.

Она надела жакет и юбку в стиле Гальяно. Одежда для боя. «Мода», – подумала она. Мода – штука загадочная. Только приноровишься к ней, как она меняется. Сэм вытащила сногсшибательный платок в духе Корнелии Джеймс и задрапировала им свои плечи.

Вот так-то получше. Отлично. Потрясающе.

Затем она достала из ящика комода носовой платок, маленький белый платок с французской кружевной каймой и своими инициалами «СК», вышитыми синими нитками в углу, положила его в свою сумочку. Она с усилием провела гребнем по волосам, посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась, довольная результатом.

– Блеск! – сказала она. – Отпад!

Хлопнула в ладоши и вышла из ванной, удивляясь, почему вдруг именно эти слова пришли ей в голову.

«Нет, тебе никогда не избавиться от этого», – произнес чей-то голос с сильным американским акцентом.

Она услышала, как хихикает Ники. Раздалось несколько взрывов.

«Нет, не в этот раз, Бэтмен».

ОТПАД! ЗАВАЛ! БАХ! ТРАХ! БЛЕСК!

– Ну, это мы еще посмотрим.

Ники и Хэлен сидели за столом и смотрели телевизор. Ложка Ники застыла в воздухе, и молоко струйкой стекало вниз, на манжет его рубашки. Хэлен, завороженная фильмом, не замечала этого, и Сэм почувствовала вспышку раздражения. Она схватила ложку и вытерла молочный поток кухонным полотенцем. Хэлен вскочила:

– Извините, миссис Кэртис… я…

– Да все нормально, – сказала Сэм слегка прохладно, возвращая Ники его ложку.

Потом выключила телевизор.

– Ну-у-у! – воскликнул Ники.

Хелен снова села, покраснев.

– Хэлен, Ники чересчур много смотрит телевизор. Пусть не смотрит, хотя бы пока ест.

Она улыбнулась Хэлен, понимая, что говорила злым тоном, и пытаясь сгладить свою резкость.

– Извините, – снова засмущалась Хэлен.

Сэм села за стол и налила себе немного апельсинового сока. Ники угрюмо наблюдал за ней.

– Ну, что предстоит сегодня в школе, тигренок?

Тот рекламный плакат «Эссо» по-прежнему работал на Ники. Когда ему было четыре года, он был тигренком. Бегал на четвереньках, набрасывался на всех, прятался в стенных шкафах, высовывая оттуда напоказ тигриный хвост. «Тигр здесь! Тигр здесь!»

Он вытянул руку, ухватил пакет со сладкими овсяными хлопьями и небрежно вывалил себе в чашку вторую порцию, рассыпав вокруг хлопья. И, не налив в них ни капли молока, стал засовывать овсянку в рот.

– Ты на это рассердился с самого утра? – спросила Сэм.

– Я спал не очень хорошо.

– Ну, мама сегодня тоже устала.

Да уж, ничего не скажешь, мама чувствовала себя дерьмово.

– Вы шумели, – упрекнул Ники.

– Мы что, не давали тебе уснуть? Ну, извини.

Он запихнул в себя еще овсянки и жевал с открытым ртом.

– А я-то думала, что ты тигренок, а не верблюд.

Он закрыл рот и продолжал жевать, а потом набрал полный рот сока.

– Бэтмен, – сказал он. – Хочу Бэтмена.

– Слишком много смотреть телевизор вредно для тебя.

– Это же вы делаете передачи.

– Только рекламу.

– Противные они, ваши рекламы. Вы вот сделали рекламу новой овсянки. Жуткая гадость. Запах как у собачьих какашек.

– А откуда ты знаешь, как пахнут собачьи какашки?

– Они пахнут отвратительно.

Сэм перехватила взгляд Хэлен. Та смотрела на нее робко, как ученик на учителя. Сэм допила сок и глянула на часы. Четверть девятого.

– Я опаздываю, мне пора.

Она прошла в гостиную, чтобы включить автоответчик, и внимательно осмотрела огромную комнату с легким чувством ужаса. Большой обеденный стол до сих пор не убран и весь заставлен кофейными чашечками, недопитыми рюмками, переполненными пепельницами, масленками, повсюду разбросанные салфетки. У двух полупустых бутылок с водой «Перрье» куда-то подевались крышечки. Сэм подошла поближе и поискала вокруг. Наткнулась на пробку от графина с портвейном и воткнула ее на место. В открытой солонке блеснул осколочек стекла. Сэм с опаской посмотрела на светильник. Зазубренный осколок по-прежнему торчал из патрона. Остальные лампочки целы и даже все еще горели. Она подошла к стене и выключила их.

Комната наполнилась мутным, серым светом, в воздухе висел тяжелый запах застоявшегося дыма вперемежку с винными парами. Казалось, этот серый мутный свет, как влага, пропитывал ее кожу и, задержись она здесь еще минуту, одежда и волосы навечно пропахнут сигарным дымом. Сэм еще раз окинула взглядом гостиную. Посмотрела на стол-бюро Ричарда с выдвигающейся крышкой, на стоящий рядом компьютер, на роскошное пианино со старинным набором для курения опиума на крышке. На два дивана в дальнем конце комнаты, у телевизора. В газовом камине подрагивало красноватое пламя – искусная имитация горящих дров. Голые кирпичные стены украшали геральдические щиты и тяжелые средневековые мечи. В глаза бросился огромный медный ковш для разливки плавящегося золота. Ричард купил его, когда сносили королевский монетный двор. Вещи Ричарда, реликвии его проклятого семейного прошлого, портреты умерших предков, свитки с толстыми красными печатями… Голый кирпич и дуб. Квартира мужчины. Так было всегда, и так

будет. За окном проревел вертолет, мимо пронеслась темная тень.

– Пока, тигренок.

Она стояла у входной двери, усиленно пытаясь попасть в рукава пальто. Ники вышел из кухни.

– Пока, – вяло ответил он, плетясь к своей комнате.

– Эй! Тигренок!

Он остановился и повернулся.

– Ты что же, не поцелуешь меня на прощание?

Он поколебался мгновение, а потом рысцой припустился к ней.

– Ну хорошо, – снизошел он. – Я тебя прощаю. На этот раз.

– Ну уж если ты такой хороший, то и я тебя прощу.

– За что это?

– А за то, что ты был груб со своей мамочкой.

Ники надул губы, потом поцеловал ее и обвил руками шею.

– Извини, мамочка.

Он поцеловал ее еще раз, а потом развернулся и помчался прочь.

– Удачного тебе дня в школе.

– Уже пятница! Ура-а-а!

Сэм открыла входную дверь и, подобрав с коврика газету «Дейли мейл», принялась изучать свой гороскоп. Рыбы. «Путешествия могут принести неожиданности. Сегодня избегайте споров, хотя весьма вероятно, что близкий коллега может вызвать у вас раздражение. И этот день, и последующие выходные будут выбивать вас из равновесия, отчего ваши весьма сильные внутренние ресурсы могут исчерпаться».

Ну, спасибо вам большое, порадовали. Надеюсь, у вас выдастся хорошенький денек. Она положила газету в чемоданчик, закрыла за собой дверь и побрела по темному коридору, спустилась с четвертого этажа холодного каменного здания, пока одиноко стоящего в пустом пространстве – многие постройки уже снесли. Пройдет еще несколько лет – тут со всех сторон забурлит процветающий центр: яркие краски, огни, люди, магазины… А пока здесь царила полная неразбериха, и трудно было понять, что же, собственно, здесь строилось, а что уничтожалось.

Сэм вышла на улицу, в тусклый серый свет, более похожий на ранние сумерки. Запах дизельного масла и горящей смолы смешивался с характерным запахом реки. Она ощущала во рту слабый привкус пыли, вдали слышался отдаленный перестук поезда, шипение пневматических шин и громыхание бетономешалки.

Гороскопы… Кому в наше время есть дело до них? Кого волнуют сны и обыкновенные электрические лампочки?

Их красный легковой автомобильчик второго класса успел со вчерашнего дня покрыться слоем белой пыли, а еще более старый, стоявший рядом «лендровер» совсем потерял свой цвет из-за этой дряни. Она забралась в «ягуар», вставила ключ в замок зажигания. Появился красный предупредительный сигнал, и лихорадочно затикал подсос топлива. Сэм ткнула вверх рукоятку дросселя и запустила стартер.

Двигатель сделал несколько оборотов, завывая и сопя, а потом издал резкий, как выстрел, хлопок и, загрохотав, ожил. Она щелкнула рычажком стеклоочистителя, включила «дворники», перевела рукоятку переключения передач на первую скорость, повозилась немного с ручным тормозом и, вцепившись в тонкий, отделанный деревом руль, двинулась вперед, прислушиваясь, как двигатель посапывает и пыхтит, словно старикашка, внезапно вырванный из сладкой дремы. Три маленьких «дворника» размазывали соль вместе с пылью по стеклу, превращая их в мутную пленку. Сэм включила воду, и струя выплеснулась на лобовое стекло.

Она с усилием крутила руль, объезжая очередной припаркованный грузовичок, выехала на улицу Уоппинг-Хай, там отпустила руль и сразу почувствовала, как он бешено крутится в ее руках, пришлось придержать его, чтобы не обжечь об него ладони. Старые вещи. Ретро. Идея-фикс Кена.

Он просто помешан на ретро. Водит старые автомобили как современные. Фешенебельный имидж, отличное капиталовложение. Сэм остановилась у главной дороги, ожидая просвета. Перед ней затормозил какой-то автобус, загородивший ей путь, она злобно посмотрела на водителя, который упорно пялился перед собой. «Ну в точности как ломовая лошадь с шорами на глазах», – бесилась она.

А потом она увидела это объявление на боковой стороне автобуса, прямо перед ее носом, как в насмешку. На плакате – серебристый самолет и синий вздыбившийся тигр, а рядом – гордые слова:

«„ЧАРТЭЙР“ – ВЕЛИКАЯ СРЕДИ МАЛЫХ АВИАЛИНИЙ… А ТЕПЕРЬ – ВЕЛИЧАЙШАЯ!»

7

Сэм припарковала машину и поспешила через Ковент-Гарден, к своему клубу. Как раз оставалось время немного поплавать. Она старалась плавать каждое утро перед работой, если только не была назначена ранняя встреча или она не была в отъезде. А сегодня ей очень хотелось поплавать подольше, чтобы как следует прийти в себя, выбить муть из головы.

Уходя из клуба, она чувствовала себя более по-человечески, чуточку получше, но не намного. Она прошла по узкой улице, через огромную открытую площадь, мимо старого здания крытого ковент-гарденского рынка, мимо голубей и уличных подметальщиков, в распоряжении которых площадь оставалась еще на один час. Порыв холодного ветра как кнутом ударил по влажным волосам, и какой-то клочок бумаги стремительно, словно раненая птица, пролетел мимо ее ног.

СНЫ! Это слово пульсировало через стекло окна магазина. «ОТКРОЙТЕ ВАШ СОБСТВЕННЫЙ ПОТАЙНОЙ МИР! СНЫ, СНЫ, СНЫ». Витрина была заставлена книгами о снах: «СНЫ – ВАШЕ ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО». «ВЛАСТЬ СНОВ». «АЗБУКА СНОВ».

Один из многочисленных маленьких книжных магазинчиков она каждый день проходила мимо, не обращая на них внимания. Сэм посмотрела на часы. 9.20. Подергала дверь и слегка удивилась, что та открылась. Сэм вошла в магазин. Свежий, девственный запах бумаги. Новые суперобложки, свежая печатная краска… Хороший запах. Книги. Она любила книги.

Высокий мужчина в черном трикотажном джемпере бесшумно скользил по полу в ее сторону. Голова его непрестанно, как у робота, поворачивалась туда-сюда. Он остановился недалеко от Сэм, наклонил голову и вопросительно приподнял брови. Он выглядел опрятным, тщательно вымытым, от него пахло хорошим мылом.

– Сны, – произнесла Сэм. – Я… – На какое-то мгновение она ощутила волнение. Мужчина заставлял ее нервничать. У человека с такой внешностью следовало бы спросить о полном собрании сочинений Марселя Пруста. – Меня интересует что-нибудь о снах.

– М-м-м. – Он развернулся и, описав широкую, плавную дугу, заскользил по полу, к ряду полок, на всех красовалась табличка со словом «Сны». – Вам нужно что-либо конкретное? – Он говорил намеренно приглушенным шепотом, как в публичной библиотеке, его дыхание отдавало запахом жевательной резинки из перечной мяты. Он провел пальцем вдоль переплетов, словно ласкал спину спящей девушки, потом остановился и слегка постучал по одной книге. Вытащил ее с полки и протянул ей. – Быть может, вот эта. Вы студентка?

– Нет, – ответила Сэм, смущаясь незаслуженному комплименту.

«Нет, но мне бы хотелось ею быть». Быть похожей на студентку, чувствовать себя столь же беззаботно, как они. И быть такой же молодой, как они. Вы ведь из Оксфорда, да? Это я-то? Да я обучалась в Университете Жизни. Вы знаете такой? Надо свернуть в первую улицу налево, как раз за Долиной Горьких Слез. Окончила курс у Томпсона. И о нем никогда не слышали? Ну как же, Дж. Уолтер Томпсон. Начинала секретаршей, потом назначили заведующей производством. Когда мне исполнилось двадцать шесть, я стала младшим поставщиком, звучит очень по-деловому, да? Ну а потом я все бросила по личным обстоятельствам. Да, да, теперь работаю снова. Работаю и вижу сны. Мне, кстати, приснился сон об одной авиакатастрофе… да вы, вероятно, читали о ней, ну, о той вот, в Болгарии. Я бы могла их всех спасти. Позвонить в эту авиакомпанию. НУ-КА, РЕБЯТА, ЖИВО ОТСЮДА ВСЕ – ЭТОМУ САМОЛЕТУ КРАНТЫ!

А вы бы так поступили?

«Черт подери! Я с ума схожу».

– Нет-нет… я… я совсем не профессионал. Я просто интересуюсь… м-м-м… интерпретацией снов.

Он вернул книгу на место одним касанием кисти и слегка изогнул спину.

– А-а-а… хм-хм… дайте-ка подумать… я полагаю, ну да, вот это, по всей вероятности, как раз для вас, – сказал он, будто был знаком с ней всю свою жизнь. Он вытащил тоненькую книжицу в бумажной обложке, на передней стороне которой было изображено глазное яблоко и какая-то рыба. – Ну да, вот эта. «О ЧЕМ В САМОМ ДЕЛЕ ГОВОРЯТ ВАШИ СНЫ».

Сэм мельком взглянула на заднюю обложку.

«Доктор Колин Хэйр читает курс психологии в Университете Хэлла. Он составил полный словарь по символике снов, тем самым сделав доступным для непрофессионалов Фрейда, Юнга и других знаменитых интерпретаторов снов».

А рядышком – цитата из газеты «Таймс»:

«Эта книга всегда рядом с моей постелью… первое чтение при пробуждении».

Она пробежала взглядом указатель, а потом пролистала книгу до страницы, озаглавленной «Самолеты», и стала бегло просматривать ее. «Полеты: страстное желание воспарить над землей, вырваться из привычной рутины. Эрекция и сексуальные фантазии. Самолеты могут быть уподоблены фаллосу, а также матке, женскому лону». Сэм пролистала еще несколько страниц. «„Плавание“ часто означает половой акт. Борьба с основными побуждениями или иными проблемами. Может также буквально выражать ваше беспокойство о том, как удержать голову над поверхностью».

Она снова вернулась к цитатам из рецензий на задней обложке и прочитала, чтобы увериться окончательно.

– Прекрасно, – сказала она. – Эту я возьму.

Выйдя из магазина, она обернула книгу в бумажный пакетик и положила в сумочку. Прошла через ряды еще закрытых палаток с безделушками и пересекла улицу, направляясь к конторе, расположившейся в узком здании, втиснутом между каким-то издательством и магазином хирургического оборудования.

На окнах первого этажа черные жалюзи с бегущей поперек, трепещущей на ветру целлулоидной ленточкой, а между рамами бесконечно повторяющаяся надпись: «Продукция Кена Шепперда». Она толкнула тяжелую, в стиле 20-х годов, оправленную хромом дверь и вошла в тишину просторного внутреннего дворика для приема посетителей.

Вдоль белых стен, словно причудливые современные скульптуры, громоздились части от автомобилей. Вот фрагмент капота «альфа-ромео». Хвостовая часть «фольксвагена»-«жука». Посетителям вместо стульев для ожидания в приемной предлагались старые кожаные автомобильные сиденья на чистеньких пластиковых подставках, и уж совсем по-идиотски, как всегда казалось Сэм, выглядел стол секретарши, поставленный позади рулевого колеса и части капота, отпиленной от белого «кадиллака-эльдорадо» с откидным верхом.

– Доброе утро, Люси.

Секретарша перестала печатать и подняла глаза. Затуманенный взгляд, модный мохеровый свитерок и неряшливый макияж. Она безуспешно попыталась убрать с лица буйные растрепанные волосы.

– Ах да, привет. – Она сделала паузу. – Да, доброе утро. О господи. – Она сонно улыбнулась. – Кто-то тебе звонил.

– Кто же именно?

Сэм понаблюдала, как Люси роется в кучке записок. Похоже, что она спала еще меньше, чем сама Сэм.

– Ага, это где-то здесь… да-да. Роб Кемпсон из компании «Достойно похвалы»… хочет, чтобы ты подъехала ненадолго… либо… – Она всмотрелась в эту записку. – Да-да, утром в понедельник или во вторник. Не могла бы ты позвонить ему как можно скорее? Так… О господи… пока что ничего другого нет.

Сэм взяла листок и прищурилась. Глаза слегка побаливали, их резало и от хлорки после бассейна, и от усталости. Она прошла мимо восковой фигуры Кена в натуральную величину, неуклюже рассевшуюся на плетеном стульчике позади Люси. Эта фигура как бы контролировала его торговый центр, наблюдая за всеми из-за газеты «Дейли мейл», которая ежедневно менялась. Сэм озабоченно посмотрела вниз, как она всегда делала, чтобы проверить, не сыграет ли он опять злую шутку, усевшись там собственной персоной, что он однажды и проделал. Создатель этой восковой скульптуры хорошо уловил детали: рубашка из грубой хлопчатобумажной ткани, вьющиеся, начинающие немного седеть волосы, чуть небрежное выражение слегка помятого лица, словно говорящее: «Скорее я в один прекрасный день изменю мир, прежде чем он изменит меня». Полное совпадение всего облика Кена, только вот безжизненные глаза таращились бессмысленно, в отличие от его настоящих пристальных голубых глаз.

Как говорится, зеркало души. Странная это штука – глаза.

Восковой блеск кожи тоже не напоминал настоящего Кена. Не хватало также запаха табака, волос, одежды и, конечно, алкоголя. Эта скульптура ничем не пахла, к ней холодно прикоснуться, она была блестящей и жесткой.

Вот так он и будет выглядеть, когда умрет.

Сэм поднялась по нарядной лестнице, мимо новых фрагментов автомобилей – задней части старого лондонского такси, вделанной в стену вместе с дверью, отодвинутой так, что при желании можно посидеть в нем, и мимо ребристого темно-голубого капота «бугатти», прикрепленного к стене кожаными ремнями.

Здание было трехэтажным, плюс еще и подвальный этаж. Кабинет Кена располагался на самом верху, под скатами крыши, а его бильярдная комната, служившая им также для просмотров, находилась в подвальном этаже. Кабинет Сэм был на первом этаже, а немного подальше крохотная комнатка Драммонда, их посыльного.

Сэм пересекла лестничную площадку и вошла в кабинет, выдержанный в черно-белых тонах, она делила его с их агентом по печати, Клэр, сидевшей сейчас за своим письменным столом в густой сладковатой духоте сигаретного дыма.

– Доброе утро, Клэр.

У Клэр была доводящая до бешенства привычка никогда не говорить «Доброе утро». Порой она даже не поднимала взгляда, а если Сэм приходила первой, то Клэр просто молча входила и садилась. Но сегодня, отбросив назад с круглого, напоминавшего глину лица короткие завитые волосы, она даже улыбнулась. Эта ее любимая улыбка обозначала, что есть дурные новости.

– Вы даже не догадаетесь, в чем дело!

Сэм посмотрела на нее сверху вниз и подняла брови. Клэр, казалось, получала удовольствие, сообщая о новых проблемах.

– Жирафы! Ему нужны четыре жирафа!

От сигаретного дыма глаза у Сэм стало резать еще больше, а ее палец болел просто невыносимо.

– Кому нужны четыре жирафа?

– Кену.

– Он что же, открывает зоопарк?

– Не знаю. – Клэр покачала головой. – Я сдаюсь. Я в самом деле сдаюсь. Ну где, черт подери, я ему достану четырех жирафов?

– У Хэрродсов, – ответила Сэм.

Воспользовавшись кратковременной ошеломляющей тишиной, воцарившейся после ее замечания, Сэм пролетела мимо стола Клэр к своему безопасному убежищу у окна. И ближе к воздуху, к свежему воздуху, каким бы холодным он ни был. Она толкнула оконные створки наружу и внимательно посмотрела на улицу.

– У Хэрродсов? – переспросила Клэр.

– Ну да. Они продают все на свете. – Сэм наблюдала, как один из участников рождественского представления, одетый в черное, сидел на кромке тротуара и пил кофе из термоса. Потом она повернулась и села за свой письменный стол. – Попробуйте обратиться в какую-нибудь из компаний фирмы «Познание», занимающихся животными, – сказала она, пододвигая к себе телефон и свободной рукой перебирая свою корреспонденцию.

– Есть еще одна проблема. Это уже просто катастрофа. Полярная ночь!

– Медведи, что ли? – поинтересовалась Сэм, нажимая на кнопки телефона.

– Нет! Мрак. Ну, полярная ночь. Неужели никто не представляет?

– Чего не представляет?

– Цену, которую мы уплатили за снимки для этих рыбных палочек – ну, вы же знаете, эти «Суперпалочки» – там, где траулер проходит мимо айсберга. Ну, в Арктике, помните?

Сэм кивнула, прислушиваясь к голосу в телефонной трубке.

– Извините, могу ли я поговорить с Робом Кемпсоном?

– Это и есть полярная ночь. Мрак! Никто даже и не подумал об этом.

– Не могли бы вы передать ему, что я ему звонила, как он и просил? Я буду здесь еще полчаса, а потом снова вернусь во второй половине дня. – Она подняла взгляд на Клэр. – Телестудия, Клэр. Надо снимок сделать в телестудии.

– Нет, требуются натурные съемки. Этому клиенту приспичило именно Арктику. – Она закурила новую сигарету и рукой отогнала дым прочь. – Я просто не знаю. Я сдаюсь. Я в самом деле сдаюсь.

Дверь открылась, и в комнату приковылял Драммонд, высокий, худой, сутулый и вечно полусонный, умудряющийся, как лунатик, удерживать равновесие под углом.

– Новый рекламный ролик, – сказал он и шмыгнул носом, озираясь кругом так, словно только что вышел в открытый космос. Он протягивал твердую пластиковую коробочку серого цвета. – Куда вам его положить?

– Там должна быть реклама БМВ, так ведь, Драммонд? – спросила Сэм.

Он кивнул и снова принюхался.

– И еще бакарди.

– Положи здесь, я хочу его посмотреть. Нам с Кеном надо будет его проверить.

– Ты знаешь что-нибудь насчет жирафов? – спросила Клэр.

– Жирафов?!

– Да-да, жирафов.

Драммонд озадаченно вытаращился на нее, с его носа, свидетельствующего о пристрастии к кокаину, упала капелька.

– Они мало спят.

– Спят? – переспросила Клэр.

– Да, спят всего примерно полчаса за ночь. Это показывает, что они не очень-то умны.

– А ты что же, специалист по снам, Драммонд? – удивилась Сэм.

– Я-то? – Он поглядел вокруг себя, словно бы проверяя, тот ли он Драммонд, к которому она обращается. – Загадочная это штука – сны. Тяжелые нагрузки. Внутреннее пространство…

Он нахмурился, положил кассету на письменный стол Сэм и побрел прочь.

– Миссис Вульф говорит, что будет плохой месяц, – сказала Клэр.

– Вульф? – рассеянно переспросила Сэм. – Волки, жирафы. Кажется, сегодня утром тут вокруг уйма зверей.

– Это моя предсказательница. Миссис Вульф.

Клэр взяла телефон и начала набирать номер. Сэм вышла в коридор и стала из кофеварки наливать себе чашечку. Она сдула в сторону пенку, отпила немного и вернулась в свой кабинет. Тут же позвонила Кену по внутренней связи.

– Через пять минут нам надо уезжать. Мы должны быть в монтажной в половине одиннадцатого.

– А я думал, что мы будем монтировать здесь.

– Хоуксмуир всегда хочет видеть первым готовый материал на монтажном столе. Ты предпочитаешь прогуляться или мне вызвать такси?

– Пройдемся пешком. Я тебя захвачу, когда буду спускаться вниз.

Сэм посмотрела на Клэр:

– А вашей предсказательнице можно верить?

– Да, она очень надежная. Предсказала мне, что мы с Роджером расстанемся.

– А она когда-нибудь предсказывает вам хорошие новости?

– Иногда. – Клэр улыбнулась и пристально посмотрела в потолок, ее глаза словно ушли в глубину

глазниц и потускнели, будто она собиралась впасть в транс. – Иногда она предсказывает мне очень хорошие новости.

Они стояли в небольшой монтажной комнате без окон, среди стеллажей с фильмами в жестяных коробках. Повсюду свисало множество исписанных маркировочной авторучкой целлофановых ленточек и липких ярлычков, прикрепленных ко всему, что было на виду. Сэм с Кеном смотрели на небольшой экран на монтажном столе.

Тони Райли, их редактор, выключил верхний свет, и аппарат закрутился, зажужжал, тихонько пощелкивая. На экране показался капот автомобиля кремового цвета, длинный, шикарный, старомодный. Вот появилась чья-то рука и включила радиоприемник на приборной доске.

«Я в раю… я в раю… я в раю…». Сэм мысленно напевала слова песенки, которую еще не записали, ее четкий ритм будет сопровождать эти кадры. Камера отъехала назад, за рулем оказался молодой, очень модно одетый мужчина, едущий в ночи на большом «мерседесе» выпуска 50-х годов, с откидным верхом. Он барабанил руками по рулю в такт музыки и вел машину очень медленно, с этакой «ползучей» скоростью. Камера дала его лицо крупным планом, гладкое, самоуверенное, самовлюбленное, а потом переместилась вперед. Какая-то длинная узкая улица, фешенебельные дома с распахнутыми дверями по обеим ее сторонам.

Из каждой двери появлялась фривольно одетая девушка. Мужчина медленно проезжал мимо, внимательно разглядывая их, а они приближались, игриво прикасались к автомобилю руками, ногами, веточками растений, слегка приподнимали платья и демонстрировали чулки и подвязки. Мужчина вертел головой по сторонам, мурлыкая эту мелодию.

«Я в раю… я в раю… я в раю…»

Затем смена кадров, и вот уже на экране больничная койка, на которой лежит мужчина, а два санитара в белых халатах катят ее через улицу. Игривые девушки отскакивают в ужасе, когда койка проезжает мимо них, в молчаливом оцепенении наблюдая, как она останавливается около того же «мерседеса». Камера резко взмывает вверх и приближает изможденное лицо безнадежно больного молодого человека. В нем едва можно узнать того самоуверенного мужчину, который ехал на «мерседесе».

«Небеса или ад…» Эти слова автоматически пронеслись в ее голове. «Не перекладывайте выбор на другого. Пользуйтесь презервативами». Камера проезжает мимо койки и снова показывает брошенный «мерседес», пылающий на обочине дороги. А впереди вдоль улицы горят другие автомобили, и языки пламени вырываются из окон домов.

Аппарат с щелчком отключился, зажегся верхний свет. Молчание. Всегда это проклятое молчание. Первый режиссерский монтаж. Кен Шепперд так и предсказывал. Ну как же, режиссер, награжденный международными призами. Гонорар берет по двадцать тысяч.

Молчание затягивалось. «Мы уложились в бюджет, – думала Сэм. – Это моя заслуга. Кена надо держать в ежовых рукавицах, не то он за милую душу развеял бы все по ветру и лишил нас прибыли. Нет, в этом деле следует быть святее самого папы римского».

Том Хоуксмуир, высокий и мрачный сочинитель рекламных текстов, с короткой стрижкой светлых волос, которая молодила лет на двадцать его подпорченное пьянством лицо, тоже молчал. Молчали и Юэн Драйвер и Бентли Хьюз. Творческая группа посредников.

Первую ракету выпустил Хоуксмуир:

– Похоже, этот «мерседес» взят, черт подери, из какого-нибудь демонстрационного зала.

– А вот девушка, с горжеткой… не дать ли вам ее крупным планом, Кен, когда она забирается на капот и пытается этак очень живописно растянуться, а? – предложил Бентли Хьюз.

– Мы это не пробьем через руководство телекомпании и через миллион лет, – ответил Кен.

Мужчины зажгли сигареты. Кен, Том, Тони Райли. Трое из шести курили. Сэм тоже захотелось сигаретку. Очень захотелось. Дым защекотал в носу, и она чихнула. Потом открыла свою сумочку и порылась там, ища носовой платок, но его не оказалось. «Странно», – подумала она, продолжая рыться, расстегивая «молнии» на внутренних карманчиках, проверяя и их тоже. Она отчетливо помнила, что брала носовой платок, тот, на котором были вышиты ее инициалы, она могла бы поклясться, что клала его в свою сумочку.

– Эти вот девицы, – продолжал Хоуксмуир, – они просто не похожи на проституток. Они выглядят как миленькие молодые девочки в забавных платьицах, живущие по соседству.

– Я полагал, что именно в этом вся суть, – ответил с нажимом Кен.

– А в сценарии сказано: проститутки. Шлюшки. А не маленькие девочки, ради смеха нацепившие пышные украшения своих мамаш. – Хоуксмуир внимательно смотрел на Сэм. – А вы-то что думаете об этих девушках, Сэм? Считаете, что они сексуальны? – Он одарил ее мерзкой, плотоядной улыбочкой. – Что одни женщины в других находят сексуальным?

– Я всегда полагала, Том, что задача коммерческой рекламы – это заинтересовать подростков, – заговорила она, заметив про себя, что ей уже слишком долго приходится прилагать усилия, чтобы оставаться спокойной. – Я не думаю, что многие подростки ходят к проституткам. Они спят с девушками, живущими по соседству, и считают, что это безопасно. Мы постарались использовать девушек, которые, как нам казалось, вызывают интерес у подростков и мужского и женского пола.

– Давайте-ка вернемся назад, к той девушке с горжеткой.

– А давайте еще разок прокрутим весь ролик.

– А давайте-ка пописаем, – предложил Кен, когда они брели обратно по Уордаур-стрит.

День выдался хороший, ясный и бодрящий, несмотря на холодный, резкий ветер. Они нырнули в тратторию. Было рано. Чистые розовые скатерти и сверкающие столовые приборы, свежие палочки в упаковке – все аккуратно, не тронуто.

Сэм все еще чувствовала себя не лучшим образом, когда в седьмом часу уходила из конторы. Специфический привкус напитка из тмина, который они выпили вместе с кофе, до сих пор ощущался во рту. Она попыталась подсчитать, сколько же всего они приняли. Так… Две бутылки вина, а может быть, и три, потом ликер, как минимум по две рюмки… «Тебе надо прочистить голову», – сказал ей Кен.

Ну и как, прочистила? О господи. Она напрягла глаза, прищурилась, и все огни раннего лондонского вечера сместились влево. В животе стояла тупая боль, голова тоже болела, словно посередине лба провели книзу острым ножом для сыра. Ее слегка мутило от слишком большого количества выпитого кофе.

Она споткнулась о камень мостовой и неуверенной походкой побрела к автостоянке. На улице от резкого холодного воздуха ей стало хуже. На мгновение в голове промелькнуло, стоит ли ей в таком состоянии садиться за руль? Она приостановилась немного и наконец решила, что явно не стоит. Выйдя на свет, увидела знак «ТАКСИ» и заковыляла вперед с поднятой рукой.

– Улица Уоппинг-Хай, – назвала она водителю. – Дом 64.

Интересно, достаточно ли внятно она произнесла эти слова. Заднее сиденье, казалось, приподнялось навстречу, прежде чем ей удалось добраться. Она глухо шлепнулась на него. Забвение. На какое-то время там, в ресторане, наступило забвение, и это ощущение было приятным, просто изумительным, ей казалось, что она стоит на вершине мира.

Кен не смеялся над ее сном. Он явно заинтересовался, а потому хотел услышать все, что она могла припомнить, помогал сравнить с теми событиями, о которых сообщалось в газетных новостях, по телевидению и радио. Нет, он не знал, как объяснять это, но верил ей. «Совпадение», – решил он в конце концов, пытаясь успокоить ее. Хорошо уже то, что ей поверили.

А теперь забвение почти развеялось, и она вспоминала об этом снова. Она посмотрела в окно машины на рекламный щит продавца газет, тускло освещенный уличным фонарем, прислушалась к дребезжанию двигателя такси, пережидавшего, чтобы выехать на Стрэнд.

АВИАКАТАСТРОФА – ОШИБКА ПИЛОТА!

Ну да. Теперь они тоже это знали. Им бы следовало позвонить ей, и она бы рассказала им. Все эти ужасающие подробности. Она? Ну разумеется, а что вы хотите знать? Я ведь была там. Отчет свидетельницы!

Говорит Сэм Кэртис. Десятичасовые новости. Из Болгарии.

Она откинулась на спинку сиденья, глядя на проносящиеся мимо уличные огни, которые мигали, ослепляли и исчезали. Светились витрины магазинов с манекенами, отбрасывая тени на тротуар, по которому торопились люди, борясь с холодом, мелким дождиком, со временем… «Видят ли и все они сны?» – подумала она, испытывая внезапный приступ тошноты. С трудом сглотнула, задержала

дыхание, и приступ прошел. Сэм закрыла глаза и погрузилась в свои мысли.

Вдруг она заметила, что такси остановилось.

– Вам 64-й? – спросил чей-то голос.

Она в замешательстве открыла глаза, мигая в темноте, ощущая страшный груз усталости, настолько тяжкий, что казалось, не хватит сил выбраться из такси. Взглянула на красные цифры счетчика. 3 фунта 75 пенсов. Вытащила банкноту из своей сумочки и протянула ее через стекло оконца.

– Пусть будет четыре фунта пятьдесят.

Он взял банкноту, какое-то мгновение посидел в молчании, потом повернулся и бросил ей что-то обратно через стеклянную перегородку.

– Я бы предпочел получить деньги.

Она почувствовала в руке тоненький, жесткий кусочек карточки.

– Что это? – спросила она.

– То, что вы мне дали.

– Я вам дала… – Она замолчала, снова прищурилась, когда включился внутренний свет, и пристально посмотрела на то, что держала в руке.

Оранжево-белый посадочный талон авиалинии с напечатанными на ней словами «ЧАРТЭЙР» и номером, слегка наискось, его впечатали позже – 35А.

– Я не… это же… я не давала этого вам… я…

Совершенно ошарашенная, она подняла взгляд, пытаясь разглядеть в темноте лицо таксиста. Вдруг в его кабинке тоже зажегся внутренний свет, и она смогла рассмотреть его.

Она почувствовала, как волна ужаса приподняла ее с сиденья и тяжело опрокинула на пол, где она осталась лежать, совершенно уничтоженная, не желающая верить в происходящее, не в силах оторвать взгляд от посадочного талона. Окончательно сбитая с толку, продолжая дрожать, она наконец осмелилась поднять взгляд на лицо в капюшоне, уставившееся на нее. Через щелочки-прорези она видела злорадно ухмыляющийся рот и один глаз; вместо второго глаза не было ничего, только мертвенно-бледная, с кровавым оттенком пустая глазница с завернутыми вовнутрь ресницами.

8

Время остановилось.

Сэм видела эту улыбку, эту ненависть, эту решимость. *О господи, ну кто-нибудь там, помогите же мне! Ну, пожалуйста!*

Она бросила быстрый взгляд через окно такси в темноту, соображая, сможет ли она сбежать от него. Тихая улица с узкими улочками и заборчиками-времянками вокруг строек, пустые дома. Если он схватит ее, то сможет запрятать в любое место на этой улице, и ее не найдут несколько дней.

А он довольно хихикал, упиваясь своей коронной шуткой, ухмылялся, с издевкой наблюдая за ней.

Сэм уставилась на посадочный талон, потом отвела взгляд, пытаясь понять что-то, заставить свой мозг работать нормально, вникнуть в смысл происходящего. Она ведь ехала в такси. Значит, она в безопасности. Так ли?

Она выбросила вперед руку и изо всех сил потянула за ручку дверцы. Но та даже не дрогнула.

Тогда она налегла на ручку всем своим весом. Никакого результата. Рассерженно посмотрела на него, он захохотал во все горло. На коленях она подползла к окну и попыталась оттянуть книзу стекло, но металлическая защелка отскочила вверх, поцарапав ей палец. Она ринулась к противоположной стороне и подергала ручку другой дверцы. Но уже заранее знала, что ручка не поддастся. Сэм отползла обратно, снова вцепилась в ручку первой дверцы и принялась бешено трясти ее.

– Помогите! Выпустите меня! Выпустите меня!

– Мадам?

– На помощь!

– Мадам?

Она снова стала дергать ручку.

– Мадам? С вами все в порядке, мадам?

Озадаченный, мягкий голос прорезался сквозь темноту.

– Мадам?

Она внимательно посмотрела, щурясь на круг оранжевого света. «Уличный фонарь», – подумала она.

– Мадам, с вами все в порядке?

Она услышала, как работает мотор такси, и какой-то усатый мужчина с добрым лицом, в шапочке с козырьком озабоченно взирал на нее с водительского сиденья.

И внезапно Сэм поняла, что лежит на полу, ощутила его вибрацию, почувствовала запах резинового коврика, цепко держась за ручку дверцы.

– Я… – Ее голова кружилась в полном смятении, и на мгновение она подумала, что вот-вот потеряет сознание. И крепко-накрепко зажмурила глаза, потом открыла их снова. – Извините, – выдавила она. – Я… была… я…

Он обошел вокруг, открыл дверцу, а потом помог ей подняться на ноги и выбраться из такси.

– Я было подумал, что вам снится страшный сон.

– Извините, – повторила она, чувствуя себя все более глупо по мере того, как к ней возвращалось сознание. – Я заснула… Мне приснился… сон. Сколько я вам должна?

– Три семьдесят пять, – ответил он. – Вы не хотите, чтобы я довел вас до двери?

«Три семьдесят пять, – подумала она рассеянно. – В точности так, как в этом сне».

– Нет-нет, все отлично. Со мной все в порядке, благодарю вас. – Она вручила ему пятифунтовую бумажку. – Пускай будет четыре пятьдесят… – Она поколебалась. – Не беспокойтесь. Оставьте себе сдачу, пожалуйста.

Она повернулась и поспешила вверх по ступенькам крыльца, потом услышала щелчок, значит, она пересекла луч фотоэлемента, и тут же бесшумно и послушно включился свет. Сэм набрала код замка и обернулась. Сквозь темноту вглядывалась в лицо водителя: он сбросил показания счетчика, выключил внутренний свет и поехал.

Она стояла, дожидаясь, пока он отъедет. Ее до сих пор колотила дрожь, и страх сковывал сознание.

9

Тень женщины упала на могильную плиту, заслонила тусклый отблеск света из отдаленного окна церкви. Ветер сотрясал деревья, гремел сучьями, словно костями, донося отзвук церковных гимнов, исполняемых хором. Женщина тяжело дышала.

Высокая, ширококостная, лет семидесяти с небольшим, она не привыкла бегать, и ей понадобилось некоторое время, чтобы перевести дыхание и подождать, пока успокоится боль в груди. Наконец волнение, бурлившее в ней, как в паровом котле, улеглось, и она смогла заговорить.

На могильной плите была выбита надпись:

«БИЛЛИ ВУЛЬФ. 1938–1964»

Колеблющаяся тень женщины на мгновение то заслоняла надпись, то снова открывала ее.

Женщина, по обыкновению, опустилась на колени, плотно закрыла глаза и пробормотала быструю вереницу невнятных молитв. Она раскачивалась взад-вперед, бормоча все быстрее и быстрее, пока ее слова не превратились в сплошное заупокойное причитание и крупные слезы не полились из глаз, ослепляя. Потом она замолчала, плотно сожмурив веки, но уже больше не было сил сдерживать волнение. Она открыла глаза и поднялась.

– Я принесла тебе подарочек, Билли, – промолвила она с гортанным среднеевропейским акцентом. – Да, ты будешь очень доволен мной. Уж так доволен! Я знаю, что ты будешь доволен. Посмотри-ка, Билли!

Она достала носовой платок из своей старой, потрепанной сумочки и протянула его к могильному камню.

– Это ее, Билли! Он подойдет, не так ли? – Она просияла. – Я знаю, что ты останешься доволен. Так долго пришлось искать ее. Ее ведь удочерили дядя с тетей. Они поменяли ее имя и увезли далеко-далеко отсюда. Но мы отыскали ее. Эту маленькую сучку. Теперь все в порядке, Билли. – Она еще раз приподняла носовой платок, улыбнулась ему, а потом сложила его и аккуратно убрала в свою сумочку. – Мы получили все, Билли. И теперь получим и ее тоже.

10

– Эй, посмотрите! «Феррари», ух ты! Давай быстрее, догони его, мамочка! У-у-у!

Красный спортивный автомобиль скрылся из глаз.

– Мамочка, почему ты едешь так медленно?

– 80 миль, тигренок.

– Ну, не очень-то быстро.

– На 10 миль больше допустимой скорости.

– Выходит, вон тот мужчина нарушает закон?

– Конечно.

– И папочка нарушает закон. В прошлую субботу он ехал со скоростью 135 миль. Эй! А вот и папочка! Ух ты!

Сэм мельком взглянула на сына в зеркальце заднего обзора «лендровера», Ники прижался лицом к стеклу.

– Нет, не папочка, – сказал он. – Просто машина похожа. Кроме того, папочка ездит быстрее. А почему мы сворачиваем?

– Нам надо заехать за покупками.

– Да ну! А тебе нравится делать покупки, Хэлен?

Хэлен повернулась:

– Это зависит от того, что я покупаю, Ники.

– Да как же может нравиться делать покупки?

«А теперь, перед программой новостей, послушайте прогноз погоды на конец недели для Суссекса и Саутдаунса. Ожидается сухая и ветреная погода, возможен шторм… так что держитесь за свои шляпы и парики. Но теперь вернемся обратно, в лето 67-го года. Ансамбль „Кинкс“. „Солнечный день“».

Она въехала на автомобильную стоянку. Песня всколыхнула в ней смутное приятное воспоминание. Все трое взяли по тележке на колесиках и друг за другом вошли в магазин. Ники своей тележкой проехался впритирку к выставленным для рекламы бутылкам безалкогольного пива, столкнулся с другой, и они так зацепились друг за друга, что обе пришлось бросить. Потом он повис на алюминиевом барьерчике, наступил на чью-то корзинку и вскарабкался на гору консервированных печеных бобов «Гейнц», которая рассыпалась под ним.

Сэм отъезжала от магазина с чувством облегчения.

– Мы гамбургеры купили?

– Да.

– А сосиски?

– Да.

– Клево!

Она так резко затормозила, что колеса взвизгнули. «Лендровер» дернулся и остановился, Хэлен швырнуло вперед, и пристяжной ремень больно врезался в ее тело.

– Извините, – сказала Сэм, пристально глядя вверх, на красный свет. Она повернулась к Ники, он был плотно пристегнут на заднем сиденье. – Все в порядке, тигренок?

Ники кивнул, поглощенный изучением автомобилей, проезжающих через перекресток.

– «Форд», «форд», «датсун», «форд», «ровер», «тойота», «форд», «ситроен», «порше»! А папа должен быть там, мамочка?

– Он придет сегодня вечером. Он уехал на охоту.

– И я хочу поехать на охоту. Он обещал взять меня поохотиться.

– Может быть, он возьмет тебя завтра.

Охота… Сэм не желала, чтобы Ричард потворствовал Ники. Ей хотелось, чтобы Ники вырос в сельской местности, и она старалась заводить в Лондоне друзей, у которых есть дома за городом, всячески стремилась подружиться с местными сельскими жителями. Единственная вещь, которая не нравилась ей в сельской жизни, – это охота. Сэм заставляла себя примириться с нею, но безуспешно: беспокойство не покидало ее. Она повернулась и посмотрела на дорожные знаки. ЛЬЮЭС. БРАЙТОН. ИСТБОРН. ТЭНБРИДЖ. УЭЛЛС. Красный свет сменился на зеленый, она толкнула рукоятку переключения передач и отпустила сцепление.

– «Уоксхолл», «остин», «фольксваген», «ягуар», «форд», «хонда», «фольксваген», «фиат»…

– Эй, стоп! Дай-ка нам отдохнуть, тигренок.

Марки автомобилей. Он знал их все до единой.

– А тот гусь там будет, мамочка?

– На ферме? Думаю, что да.

– А гусь может клюнуть?

– Да.

– А убить может?

Она улыбнулась:

– Нет.

– А если он все-таки убьет, то съесть сможет?

Черный капюшон своими щелочками-прорезями таращился на нее из-за перегородки между водителем и пассажиром.

– Он тебя не убьет.

Сочащаяся мертвенно-бледная глазница.

Ничего. Это все ничего не значит, забудь. Причудливая игра воображения. Просто расстроилась из-за Ричарда – вот все и всплыло в подсознании.

Ну а сон об авиакатастрофе?

Совпадение. Кен прав. Совпадение. Теперь оно ушло в прошлое, осталось позади и скоро совсем исчезнет, как темное пятнышко в зеркальце заднего обзора. А в сельской местности она всегда чувствовала себя хорошо. Просто здорово уехать прочь из Лондона. На все выходные. Вместе с Ники. Нелегко, но зато весело. Конец недели должен быть замечательным, он залечит раны.

Сэм свернула с главной дороги на узкую улочку с высокими кустарниками-изгородями по обеим сторонам. Навстречу мелкими шажками торопился крестьянин, словно хромая старуха. Было трудно узнать эту улочку, ставшую непривычно светлой после того урагана, в прошлом октябре. Затенявшие ее посадки почти все исчезли. Повсюду, куда ни посмотришь, сломанные, вырванные с корнем деревья, будто страшный великан протопал здесь, забавы ради сшибая все на своем пути.

– А я знаю, где мы сейчас! Я знаю, где мы сейчас!

Она проехала через узкие сломанные ворота, мимо изгороди, мимо знака с надписью «СЕЛЬСКАЯ ДОРОГА. СТАРОЕ ПОМЕСТЬЕ-ФЕРМА. ДОРОЖНЫЙ ДОМ» и на развилке свернула влево, на узкую дорогу из уже крошащегося бетона, проложенную через вспаханное поле, словно гать. «Лендровер» накренился вбок, преодолев какую-то рытвину, потом его подбросило, руль напряженно подрагивал в ее руках. Слабый запашок грязи, навоза и сырой соломы просачивался через закрытые окна.

– Дурацкая дорога, – сказал Ники.

В самом конце поля Сэм снова свернула влево, миновала ферму со множеством флигелей, амбаров и силосных башенок, а затем спустилась по крутому холму. Сначала показался верх крыши дома, а потом ее заслонили пихты. Машина обогнула полуразвалившийся амбар, всегда вызывавший у Сэм

внутреннее содрогание, и, сделав крюк, выехала к фасаду дома.

Когда они купили его, дом был замечательным, и тут можно было жить с самого начала. Но Ричарду показалось, что он недостаточно просторен, и он буквально распотрошил все, комнаты были пробиты насквозь, на стенах и потолках появились новые лепные украшения; был вырыт плавательный бассейн, заложен теннисный корт с твердым покрытием… Деньги текли как вода, Сэм и не подозревала, что они у них есть. Деньги каким-то волшебным образом приносили совершенно непонятные сделки, устроенные с помощью Андреаса. Того самого швейцарского банкира, с которым Ричард так подружился. Если Ричард находился дома, он постоянно, как одержимый, разговаривал с ним по телефону. А когда банкир обедал у них, Ричард буквально заходился от лести. Сэм никак не могла припомнить, с какого момента Ричард начал так меняться. Когда завелись-закружились денежки или когда начались шашни с этой шлюшкой? А может, все дело в Андреасе? Несколько дней назад ей наконец удалось увидеть его, а заодно и его черную кожаную перчатку.

Прошлогодний ураган снес часть крыши, и теперь ее все еще ремонтировали. Проржавевшие стропила тянулись вверх по стене, полотнище светло-голубого брезента, прикрепленное к ним, колыхалось от ветра. Порою казалось, что леса вот-вот обрушатся.

Сам же дом являлся типичным жильем фермера Викторианской эпохи. Его бывший хозяин лишился в аварии обеих ног и отравился выхлопными газами собственного автомобиля именно в том полуразвалившемся амбаре. Вдова продала по дешевке ферму и переехала. Они услышали эту историю, уже когда купили дом, и Сэм задавала себе вопрос, стала ли бы она отговаривать Ричарда от покупки, если бы знала об этом заранее. С тех пор как она услышала эту историю, ей всегда казалось, что дом источает легкую меланхолию, но она любила его, ей нравились большие, элегантные комнаты. Некоторые из них они расширили, чтобы выдержать стиль, но не настолько, чтобы исчезло ощущение домашнего очага.

Она крутанула руль, объезжая воронку на выщербленной подъездной дорожке.

– Вот тебе и работенка, тигренок, – сказала она преувеличенно весело. – Ты мог бы засыпать эти ямки.

– Нет.

– А почему же нет, Ники? – спросила Хэлен.

– Хм-м… Ну, потому что там в них могут быть рыбки.

Гравий, уложенный на дорожке таким толстым слоем, что колеса утопали в нем по самые втулки, барабанил по днищу «лендровера». Она потянула на себя ручной тормоз и выключила мотор. Тишина. Покой. Сэм почувствовала, как тряхнуло машину от сильного порыва ветра. Ники возбужденно дергал за ручку двери.

– Завтра день рождения! Ура!

– Ты ведь его ждешь не дождешься, да? – спросила Хэлен.

– Ну!

– «Да», дорогой, «да», а не «ну». Хорошо?

Он помедлил, а потом дерзко ухмыльнулся в лицо матери.

– Ну! – крикнул он. – Ну! Ну!

Спрыгнул вниз и побежал по подъездной дорожке. Сэм посмотрела на Хэлен, качая головой и улыбаясь. Хэлен покраснела.

– Извините, – сказала она. – Я пытаюсь отучить его от этого. Но очень уж он упрямый.

– Весь в отца, – подтвердила Сэм, открыла дверцу и вышла из машины.

Ветер трепал волосы, отбрасывая их назад. Вдруг крупная песчинка влетела ей в правый глаз, и сразу стало очень больно. Она сощурилась и осторожно дотронулась до глаза носовым платком, пытаясь вытащить ее. Потом открыла заднюю дверцу машины и на мгновение задержалась, пристально разглядывая открывшуюся панораму: прямо внизу поля, спускающиеся к берегам реки Оуа, за нею опять поля, а совсем вдалеке был уже Саутдаунс. Справа высились шпили и стены Льюэса, меловые утесы и разрушенный замок на вершине холма. Но даже засохшие деревья с вывороченными корнями и унылая суета январского утра не могли испортить впечатления от этого умиротворенного и в то же время жизнерадостного вида. Она почувствовала прилив сил. Ей

захотелось натянуть высокие сапожки и отправиться гулять прямо сейчас, сию минуту… но она повернулась и поволокла коробку с припасами к дому, лишь на секунду глянув вверх, где на строительных лесах шлепало и билось на ветру, как парус на яхте, голубое полотнище.

Сэм открыла дверь, и в лицо пахнуло свежей краской. Она потянула носом, запах показался приятным. Следом за ней вошла Хэлен с набитой доверху коричневой сумкой.

– Господи, ну и холодрыга!

Сэм дотащила коробку до кухонного стола и вывалила на него содержимое. Она с гордостью посмотрела на свою новехонькую синюю газовую плиту, включила ее, прислушиваясь к постукиванию масляного насоса и гудению пламени. Открыла дверцу стенного шкафа и включила отопление. Послышался глухой стук, дребезжание, последовала еще одна вспышка – и ребристая створка завибрировала.

Она снова вышла наружу, навстречу Хэлен. Та несла в дом упаковку кока-колы. Следом за ней Ники отважно волочил багажную сумку. Она улыбнулась:

– А ты справишься, тигренок?

Он кивнул с непреклонно-решительным видом. Сэм взяла новую коробку и последовала за ним по шуршащему гравию, с опасением наблюдая, как сын, не выдержав тяжести, поставил свою сумку на дорожку, но тут же снова поднял ее. Какой же он еще маленький. Правда, когда он родился, то не производил впечатления заморыша.

Кесарево сечение. Этот кретин гинеколог не сообразил сразу, что шейка ее матки слишком узка для новорожденного.

Нет, господи-черт-подери, нет! О Господи Иисусе!

Да, вы хорошо поработали, мистер Отличный гинеколог. Мистер Фрамм. Мистер Фрамм с вкрадчивым голосом и великолепным умением ладить с пациентами. Блестящая хирургическая операция, нечего сказать. А чем вы пользовались? Уж не совковой ли лопатой?

И больше никаких детей? Ах, я просто не смогу? Замечательно. Пустячок, а приятно. Ну, спасибо вам огромное.

«Ты можешь предъявить ему иск», – посоветовал ей кто-то. Только проку-то? Разве это поможет ей родить еще одного ребенка.

Иск… Все подают иски друг на друга. Присоединяйтесь к прокаженным с их мисочками для подаяния, стоящим у Дворца правосудия. Иски. Иски. Иски. Да в наше-то время, случись авария на дороге, людей бросают одних, боятся даже к ним прикоснуться, приподнять их, истекающих кровью и умирающих, вытащить из-под обломков автомобилей, а вдруг они потом предъявят вам иск за то, что вы, мол, не так их спасали.

Ники опустил багажную сумку на пол.

– Я хочу проверить свою базу, все ли там в порядке. И мне там надо кое-что сделать.

Его секретная база находилась в том самом амбаре. «Во всяком случае, – подумала она, – он не боится амбаров». Она посмотрела, как он стремглав помчался туда. Ники бы следовало попросить Ричарда, а не ее приехать и проверить все вместе с ним. Она принимала правила этой странной игры, странного маленького развлечения – укладывать его в постель и рассказывать ему, когда он доймет ее просьбами, сказки, хотя на самом деле ему хотелось быть именно с Ричардом. Ричард брал Ники на рыбалку, возился с его автомобильчиками, научил плавать, пользоваться компьютером и ходить под парусом. Некоторые вещи вы не в состоянии изменить, что бы вы там ни делали. Конечно, хорошо, что они так любят друг друга. Не считая того, что временами она чувствовала себя заброшенной. Порою ей становилось очень одиноко, как тогда, когда она была чужим и нежеланным ребенком в семье тети и дяди.

Она снова вернулась на двор, с трудом вытащила из задней дверцы еще одну коробку с бакалеей и понесла в дом, вдыхая свежий, холодный воздух. Здесь все могло бы быть так хорошо. К этому и шло. А потом… Ричард… Ах ты, глупый кретин!

Она приволокла свой чемодан в дом и с трудом поднялась вверх по лестнице, покрытой слоем отвратительной пыли. *Я думала, что строители уже закончили красить ступени. Ну и развели они здесь канитель.*

Здесь еще так много работы. И так много возможностей. Сколько бы ты сама могла сделать… будь у тебя энтузиазм. ЭНТУЗИАЗМ. А ведь он был, когда они купили этот дом. Да-да-да. Агент по продаже

недвижимости вручил им ключ для повторного осмотра, и они вот прямо здесь, на голом пыльном полу, занимались любовью.

Да-да, пожалуйста. Неужели мы и в самом деле можем себе это позволить?

Да, разумеется, можем, таракашка.

Да-да, пожалуйста.

В прошлом году, в июне.

Она прошла по пыльному, темному коридору, заставленному лестницами-стремянками, жестяными банками с краской, рулонами обоев… Вошла в спальню и поставила чемодан на пол. Зеркала. По всем стенам. И даже на дверцах массивного гардероба из красного дерева, который им достался вместе с домом. В комнате стояло еще одно зеркало, сделанное на заказ, оно будет вделано в потолок. На что же это ему так нравится любоваться? На свою собственную волосатую задницу, что ли?

Сэм подошла к окну и внимательно посмотрела во двор. Небо потемнело от туч, холодный ветер гнал высохшие листья, скользил по траве, раскачивал ветви деревьев, рябью покрывал речную гладь.

Слайдер.

Человек в черном капюшоне уставился на нее из-за стеклянной перегородки. Оранжево-белый посадочный талон. Место 35А.

Она услышала позади себя мягкий щелчок, словно дверь закрылась, и почувствовала, как внезапный страх сгустился вокруг холодным туманом. Она опять внимательно посмотрела за окно и не увидела ничего, кроме какого-то расплывшегося пятна. Кто-то или что-то вошло в комнату и застыло прямо позади нее. Так близко, что она ощущала дыхание на своей шее.

Она тряхнула головой, дрожа от страха, и изо всех сил вцепилась в радиатор под подоконником, так крепко, что ребра радиатора стали резать ей руки. Захотелось немедленно повернуться, повернуться и посмотреть в лицо *тому,* кто бы он ни был. Но она не могла.

– Да? – сказала она вместо этого.

Молчание.

– Чего вы хотите? – отчетливо и громко произнесла она.

Ей по-прежнему ответило молчание. Она резко повернулась кругом, на какое-то мгновение безумно осмелев. Но там ничего не оказалось. Ничего, кроме ее собственного отражения. Она уселась, по-прежнему дрожа, на белое постельное покрывало с вышивкой и достала из сумочки газетную полосу «Дейли мейл» за пятницу. Посмотрела на большую фотографию хвостовой части самолета в снегу и на маленькую фотографию «Боинга-727», внизу мелким шрифтом было написано: «Такой же самолет потерпел катастрофу».

Сэм перевернула страницу, внимательно посмотрев на фотографии командира и второго пилота: один улыбался, другой глядел сурово. Ни эти имена, ни лица ни о чем ей не говорили. Она пробежала колонку донизу, пока не нашла то, что искала, – номера телефонов экстренной связи.

Она тут же набрала номер. Телефон звонил довольно долгое время, прежде чем ей ответили.

– Это «Чартэйр»? – спросила она, чувствуя себя как-то глупо.

– Да, – ответил женский голос.

– Меня интересует, не могли бы вы дать мне некоторую информацию по поводу этой… катастрофы?

– Это касается вашего родственника, мадам?

– М-м-м… нет… – Сэм нервничала: что может подумать о ней эта женщина. Что это, мол, какая-то чудачка, проявляющая болезненный интерес. – Я думаю, что, возможно, мой родственник был на этом самолете, – сказала она, понимая, что ее ложь звучит неубедительно.

– Не могли бы вы назвать мне фамилию этого человека? – спросила женщина, уже довольно нетерпеливо.

– Я знаю номер места. 35А.

– 35А? Ваш родственник летел на месте 35А?

Сэм захотелось повесить трубку. Тон этой женщины нагонял на нее страх.

– Да, – ответила она. – Думаю, что так.

– Такого не могло быть на этом самолете. Там было всего 32 места.

– Извините, – заторопилась Сэм. – Извините, пожалуйста… я, должно быть…

– Вы знаете фамилию?

– Фамилию?

– Вашего родственника.

– Извините, – повторила Сэм. – Я ошиблась. Я не думаю, что они… что он… были… что он вообще летел этим самолетом.

Она повесила трубку, чувствуя, как в ней растет возбуждение. Не отрывая глаз от своего отражения в зеркале, она поставила телефон обратно, на тумбочку у кровати.

35А.

Она переставила в уме эти цифры так и этак, складывала, вычитала, повторяла, пытаясь отыскать какой-то ключ. Потом вытащила из сумочки купленную утром книгу и сняла мятую суперобложку.

«О ЧЕМ В САМОМ ДЕЛЕ ГОВОРЯТ ВАШИ СНЫ».

Взгляд еще раз остановился на суперобложке: глазное яблоко и рыба. В биографии автора, напечатанной рядом, загнутой, сообщалось:

«Колин Хэйр, доктор философии, доктор естественных наук. Член Совета Британского психологического общества. Награжден Лондонским университетом медалью Карпантера за выдающуюся новаторскую работу. Считается ведущим британским специалистом по истолкованию снов, постоянно читает лекции в самых разных странах мира».

Сэм пролистала несколько страниц и перешла к указателю. Капюшон… Капюшон… «КАПЮШОН, см. Маска».

«Видеть во сне себя или других в капюшоне или в маске – предупреждение о возможном обмане вас кем-то, кому вы доверяете. Кроме того, может указывать на какую-либо особенность вашей личности».

И все. Она отыскала слово «цифры».

«Три: мужские половые органы. Отец, мать, ребенок. Святая Троица».

«Пять: плоть. Тело. Жизнь».

«Любые буквы алфавита означают приятные новости, ждущие вас в пути».

– Мамбо-джамбо, – пробормотала она.

Некоторые люди способны решать кроссворды в газете «Таймс» за четыре минуты. Но только не она, вот уж никогда. Загадки. Головоломки. У нее всегда были с этим нелады.

Она услышала шум воды в радиаторе и почувствовала на шее резкий холодный сквозняк. И снова перепугалась, ощутив, как мурашки ползут по всему телу. Дверь комнаты щелкнула, приоткрылась немного и захлопнулась, потом снова открылась: щелк-щелк.

Справа от нее послышался более громкий щелчок, зеркальная дверца гардероба медленно распахнулась. Ее сердце бешено колотилось в груди, когда она, застыв от ужаса, пристально смотрела в темноту гардероба. Металлические вешалки позванивали друг о друга, мягко и мелодично.

Вверху, на потолке, послышался скрип дерева, потом еще, словно кто-то бродил по перекрытиям. Казалось, что вся комната оживала вокруг нее.

Сэм вышла на лестничную площадку, спустилась до середины лестницы, потом остановилась и внимательно посмотрела назад, стараясь успокоиться. Она все еще слышала перезвон вешалок, как будто там играли на музыкальных треугольниках.

11

– Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать. – Сэм лукаво посмотрела на Хэлен.

– Да, я поставила девятнадцать.

Длинный стол на козлах в обеденной комнате был накрыт яркой скатертью, а на ней девятнадцать бумажных тарелочек, желто-розовые салфетки и бумажные стаканчики в красно-синюю полоску. Стены украшены воздушными шариками и лентами, а на одной стене большой транспарант с надписью «С днем рождения, Ники».

– Очаровательно смотрится, не правда ли?

Голос Хэлен дрожал от волнения, и Сэм улыбнулась, довольная ею. Как хорошо, что Хэлен способна испытывать волнение от таких простых вещей. Сэм надеялась, что это чувство передается и Ники. Приятное чувство, старомодное и простое.

– Замечательно, – сказала она рассеянно, наблюдая, как Хэлен ликующе потирает руки и радуется, как ребенок.

По сути дела, она и была ребенком. Девятнадцать лет. Смешные, непокорные волосы, сильный северный акцент и куча суеверий. Во всем видит предзнаменования. Нельзя смотреть на молодую луну через стекло. Надо перевернуть деньги в своих карманах. В последний вечер месяца нужно сказать: «Серые зайцы», а поутру – «Белые кролики». Сэм немного нахмурилась. *Хэлен, конечно, милая девушка, но надеюсь, она не собирается забивать Ники голову всевозможными страхами и ненужными угрызениями совести и не сделает из него чокнутого.*

Вроде тех, кому снятся сны об авиакатастрофах.

Легкий ветерок коснулся ее лица, и она услышала, как ветер снова дребезжит оконными стеклами. Этот старый дом, казалось, пропускал сквозняки, как лодка, давшая течь. Она прошла по коридору, разглядывая по пути голые лестничные доски; может быть, покрытые толстым слоем пыли, они выглядели куда лучше, и следовало бы оставить все как есть. Она почувствовала запах горящих поленьев – в гостиной гудел и попыхивал разожженный камин.

Приехал Ричард, растопили камин, и вот уже дом, так пугавший ее, кажется уютным и родным, просто замечательным. Это ветер нагнал на нее страху, ветер и заработавшее отопление. Ведь дом пустовал пять лет, все здесь отсырело, поэтому он скрипит, трещит и издает странные звуки, а когда включили отопление, дерево стало просыхать. Ричард говорил ей это и раньше. Все объяснялось естественными причинами. Ну и прекрасно. А в спальне ее подвело воображение, виноваты только ветер и ее воображение да шорохи и скрипы просыхающего дома.

Она открыла дверь кухни и увидела Ричарда, сидящего за столом, на котором был разложен его разобранный дробовик. Ники стоял рядом с лицом перепачканным маслом – он полировал ружейное ложе. А Ричард прочистил шомполом сначала одно дуло, потом принялся за другое.

– Ричард, я тебя умоляю! Только не на этом столе!

Он прищурился и посмотрел на нее через каждый ствол по очереди.

– Видно, придется все это продраить заново. Очень жаль. Не понять, в чем дело.

Он налил немного масла на тряпку и принялся протирать стволы.

– Ты что, не слышал меня? Не надо на этом столе. Мы же едим на нем.

– Да все в порядке. – Какое-то мгновение он изучал спусковые крючки, потом вставил между ними жестяную баночку. – Только капельку масла.

Сэм услышала щелчок, когда он сдавил эту жестянку, и, внезапно ощутив чувство вины, прикусила губу. Семейное счастье. Вся семья вместе. В ее детстве такого никогда не было. Одна из немногих действительно важных вещей, которые вы можете дать своему ребенку. Она вытащила из стенного шкафа несколько газет и протянула, улыбаясь, Ричарду.

– Подложи снизу.

Он мельком глянул на газеты:

– Я их уже читал.

– Ричард, – сказала она укоризненно.

– Посмотри, мамочка! – Ники показывал сверкающее ружейное ложе.

– Просто замечательно, тигренок. А теперь тебе пора в ванную.

– Папочка говорит, что завтра мы сможем поохотиться, потому что у меня день рождения.

– Если будет время. Завтра у тебя довольно занятый день.

Лицо Ники сникло, и он повернулся к отцу:

– У нас ведь будет время, папочка, правда?

Ричард улыбнулся:

– Ну конечно будет. Давай-ка поцелуемся на ночь.

Сэм наблюдала, как мальчик крепко обнял отца, обвив руками его шею – простая, всеобъемлющая, простодушная любовь ребенка. Он любит отца без памяти. Она тоже любила Ричарда без памяти. Любила, обожала, гордилась им. Целых девять лет. Пока не…

– Мамочка, а ты мне расскажешь сказку, которую рассказывала вчера? Ну, как человек убил дракона, а тот дракон снова ожил, а?

– Ты что же, снова хочешь эту сказку?

– Расскажи ее снова. Да-да! Пожалуйста!

Человек убил дракона и жил себе вечно и счастливо. Жил себе вечно и счастливо после этого. Самая большая выдумка детства.

– Иди-ка и напусти ванну, тигренок, а мама сейчас придет.

Ники умчался стрелой.

– Он очень выматывается, – сказала Сэм.

– Спокойной ночи, тигренок. – Ричард опустил стволы дробовика вниз и снова налил себе в бокал виски, точно свою норму – на уровень четырех пальцев. Он поднес рюмку к крану и добавил немного воды. – Ты выглядишь замечательно, таракашка, – произнес он с нежностью. – Как вот этот джемпер на тебе.

Она на мгновение опустила глаза, вспоминая, что там на ней надето.

– Спасибо.

– Я… – Он поколебался, опустил руку в карман и вытащил оттуда небольшой пакетик. – Я… – он покраснел, – вот… принес тебе небольшой подарочек.

– Мне?

Он протянул ей маленький прямоугольный сверточек в шикарной подарочной обертке из фольги, но весь помятый и неуклюже заклеенный липкой лентой, которую ей пришлось долго отдирать ногтем. Внутри оказалась легонькая, довольно потертая кожаная коробочка. Сэм неуверенно посмотрела на Ричарда, он кивнул ей. Она приподняла крышку и увидела часы «ролекс», старого образца, в тонком прямоугольном корпусе с двумя циферблатами.

– Это… м-м-м… оригинальные… старинные, тридцатые годы. Я подумал… вся эта твоя чепуха с ретро… будет гармонировать с образом…

– Очень необычно, – сказала она, вынимая часы из коробочки. – Очень в струю. Это… великолепно. – Она поцеловала его. – Они восхитительны.

Сэм сняла свои часы, положила их на стол и пристегнула ремешок к «ролексу».

– Тебе придется заводить их.

– Да. Забавно, два циферблата… выходит, можно будет узнавать время в различных частях света, да? Это для ранних денежных воротил, да?

– Один для часовой стрелки, а другой – для минутной.

Она улыбнулась:

– А-а-а.

– Они повысят доверие улицы к тебе.

– Повысят.

– Нравятся они тебе?

– Да. Они великолепны… они…

Он сел обратно за стол. Его глаза увлажнились. Он заплакал.

– Извини меня, таракашка. Я запутался. Я… Я… в самом деле… – Он слегка склонил голову и в отчаянии обхватил ее руками. – Я люблю тебя, ты же знаешь, я по-настоящему люблю тебя. И не хочу терять.

Она подошла к нему, обняла и какое-то мгновение крепко держала, словно баюкала, смаргивая собственные слезы от нахлынувшей печали. Печали от того, что произошло и что он испытывал… И оттого, что даже теперь, в ее руках, он ей казался каким-то чужим. Она погладила его по лицу.

– Изумительные часы. Они, должно быть, стоят целое состояние.

– Мне хотелось подарить тебе что-нибудь совсем особенное.

– Ты в последнее время тратишь уйму денег.

Он фыркнул.

– Да все нормально. Мы провернули несколько неплохих сделок. Андреас считает, что у нас будет все отлично до тех пор, пока ничего не случится на японском рынке.

– А такое возможно?

Он отстранился от нее и сделал большой глоток виски. Сэм внимательно посмотрела на него, и ей почудился слабый отблеск беспокойства в его лице.

– Существует такая угроза? – осторожно повторила она.

Он снова фыркнул.

– Нет.

Но она почувствовала, что в его обычной уверенности чего-то недостает.

– А давно ты имеешь дело с Андреасом?

Он пожал плечами:

– Примерно восемь или девять месяцев.

– Он, кажется, помог тебе заработать кучу денег.

– Да, он хороший малый, – подтвердил Ричард, слегка покраснев.

– Ты ему доверяешь?

– Он абсолютно честен.

– В самом деле?

Он кивнул.

– А он не авантюрист?

– Нет… он… – Ричард поколебался. – Он действительно… ну… очень осторожен. Он же директор банка. Весьма серьезное учреждение. – Он неуклюже поскреб себя по затылку. – А почему ты…

– Я просто подумала, что он немного странный, только и всего.

– Ну, многие швейцарцы несколько флегматичны.

– А как прошла охота? – спросила она.

– Трофеи отличные. – Ему словно полегчало оттого, что она сменила тему разговора. – Сто

восемьдесят фазанов! Как в былые времена. Думаю, придется сооружать подходящую кладовку для дичи.

Сэм принялась осторожно взад-вперед крутить винтики своих часов. Она сообразила, что уже многие годы не заводила вручную часы.

– Ты уже позаботилась о представлении, ну, о «Панче и Джуди», таракашечка, а?

– Да.

– И во сколько оно начнется?

– В три. Тебе надо отладить проектор сегодня. А то завтра будет некогда, ведь тебе придется еще ехать за своей матерью.

– Старая коза. – Он сделал еще один большой глоток виски. – Пора бы ей уже прекратить выставлять себя напоказ.

– Вот и Ники в один прекрасный день скажет так про нас с тобой.

– Да уж наверняка скажет.

– И это тебя не беспокоит?

Он пожал плечами:

– Нет.

Она снова поцеловала его в щеку.

– Ну, я пойду и расскажу Ники сказку.

Сэм вышла из комнаты, закрыла за собой дверь, высморкалась и вытерла слезы. Медленно поднялась по лестнице, возвращаясь в мыслях к сказочке про человека, который убил дракона, а дракон взял да и ожил, только на этот раз превратился в двух драконов, и человек убил их обоих, а потом они превратились уже в четверых драконов, но он и их тоже убил. Вот так взял и убил, навсегда.

12

– Уби-уби, джуби-джуби! Ну и кто же здесь гадкая девочка?

Сэм внимательно рассматривала ширму, украшенную гирляндами пакетиков с леденцами. Панч, с огромным крючковатым носом, вертелся туда-сюда в остроконечной шапочке, постукивая полицейской дубинкой по крохотной сцене, пронзительно вереща при этом:

– Гадкая, гадкая, гадкая, гадкая. Кто же здесь гадкая девочка, а?

Кто-то из детей крикнул:

– Мама Ники, вот кто!

Панч важно раскачивался всем туловищем вверх-вниз, повторяя самому себе:

– Хм, мама Ники гадкая, вот как? Мама Ники гадкая, правда? Ну, сейчас мы разберемся, разберемся, да?

– Да! – завопил хор голосов.

– Уби-уби, джуби-джуби, так кто же у нас гадкая девочка?

Он еще немного повертелся и вдруг пристально посмотрел прямо на Сэм, наклоняясь вперед и сгибая и разгибая в ее сторону указательный палец. Очень длинный палец, несоразмерный величине куклы. Сэм почувствовала, как в ней нарастает тревога.

– Уби-уби, джуби-джуби, – повторял он снова и снова, сгибая и разгибая свой ужасный палец, наклоняясь все ближе и ближе к ней. Детишки внезапно притихли, ощущая, что происходит что-то необычное. – Я думаю, ее следует наказать. Вы согласны, ребятишки?

– Да!

Панч стоял прямо и снова постукивал по сцене своей дубинкой.

– Кто же это придумал, что она летела на каком-то самолете? – Он так и закудахтал от смеха.

Сэм стало больно от гнева и изумления.

– Гадкая! Гадкая! Гадкая!

Дубинка опустилась вниз. Бах-бах-бах. Еще сильнее, на этот раз с настоящей угрозой.

– Так кого нам придется наказать?

– Маму Ники! – проорал хор.

Прекратите. Немедленно прекратите. Да уберите же его оттуда! Он с ума сошел.

– Мы можем поколотить ее дубинкой! – заверещал он, а потом нырнул вниз и скрылся из вида. – Или мы можем…

Он появился снова.

Но теперь на нем был черный капюшон с узкими прорезями. Сэм хотела было попятиться назад, попыталась оттолкнуться на ковре, но застряла в чем-то твердом, нет, в мягком… «Диван», – сообразила она.

Она видела его губы, улыбающиеся в прорези капюшона. Но вот он моргнул, и его левое глазное яблоко вылетело наружу, ударилось об пол и покатилось по ковру, потом по голым доскам пола, подпрыгивая, дребезжа все громче, и катилось все дальше, грохоча теперь, словно пушечное ядро.

Детишки просто визжали от смеха.

Панч приподнял что-то сверкнувшее металлическим блеском над краем сцены. Она вздрогнула. Дробовик.

Он быстро вскинул ружье и прицелился.

– Нет! – закричала она что было сил.

Она увидела струю пламени, вылетевшую из дула, и ощутила острый ожог на щеке.

Пламя погасло, и на мгновение ее накрыла темнота, липкая, густая чернота, которая давила ей на глаза, на уши, набивалась в рот. И вот над ней появился ряд красных цифр, она зажмурилась от их яркого света.

0415.

Темнота понемногу окрашивалась красным, кровоточащим светом, словно пронизывающим ее. Она услышала рядом с собой громкий храп, булькающие звуки, перемежающиеся всхрапами, и вдруг голос Ричарда произнес:

– Морская вода…

Она почувствовала прохладный ветерок. «Сон, – подумала она. – Просто сон».

0416.

Свет излучали эти часы, он словно капал из них, как капли крови в ванну. Она снова услышала голос Ричарда:

– Что это было-то, черт подери?

Она услышала, как его рука скользит по постели, потом что-то вдруг громко звякнуло, потом раздался всплеск пролитой воды и опять голос Ричарда: «Дерьмо». Раздался щелчок, и зажегся свет, на мгновение ослепивший ее.

– О господи, – сказал он.

Ричард пристально смотрел вверх, на потолок. По нему во всех направлениях разбегались темные, как вены на руке старухи, трещины.

Будто стекло, пробитое пулей. Сэм задрожала. Прямо над ее головой отвалился небольшой, но увесистый кусок штукатурки. Ее щека чертовски болела. Она осторожно прикоснулась к лицу и почувствовала пальцами твердую штукатурную крошку.

Ричард в испуге выпрыгнул из постели:

– Этот чертов дом оседает. Лучше убраться отсюда.

Он с усилием натянул свой халат, она также выбралась из постели и тоже накинула халат. Потолок, казалось, двигался, дышал, проседал и трещал еще сильнее, когда она смотрела на него. Теперь он походил на яичную скорлупу – словно уронили яйцо, сваренное вкрутую, и вся скорлупа потрескалась.

– Все из-за воды, которая просочилась внутрь после этого проклятого урагана, – сказал Ричард, когда она вышла за ним в коридор. – В сопроводительной к договору указано, что крыша протекла и чердак над нашей спальней отсырел. Когда включили отопление, он стал просыхать и стропила искривились.

Они пробежали по коридору и проверили комнату Ники, а потом комнату Хэлен. Входили, щелкали выключателями и говорили: «Все в порядке, все в порядке», потом снова щелкали выключателями и закрывали двери.

– А в их комнатах безопасно, Ричард?

– Ну, там все нормально. Больше всего крыша продырявлена над нашей комнатой… у нас там, наверное, хуже всего.

В комнатах для гостей потолки пока целы. Они принесли в гостиную простыни, одеяла и устроили себе импровизированные постели на двух диванах. Ричард растопил как следует камин, добавив побольше поленьев, а она, уютно устроившись на диване, прислушивалась, как успокаивается ее сердце. Сэм смотрела на скачущие языки пламени, которые медленно спадали и затухали. За окном начинался рассвет.

13

Под ногами поскрипывал иней, ледяной воздух обжигал лицо и руки. Сэм тщетно растирала их, стараясь согреться. В небе над холмами Даунса низко висело солнце, бледное и анемичное, будто его забыли там на всю ночь. Понизу тихо катила свои темно-коричневые воды река, молчаливая, как страх, таящийся в ней самой.

Сэм осторожно коснулась ранки на щеке, потом посмотрела на свой палец, отметина уже почти исчезла. Послышался приглушенный хлопок, словно взорвался бумажный пакет, потом еще один. Она повернулась и увидела Ники, мчавшегося изо всех сил через лужайку к небольшому серому шару из пуха, который катался по земле. Ники хлопал в ладоши.

– Он еще живой, папочка! Он еще живой!

Она увидела, как сын нервно тычет рукой вперед, потом назад. Понаблюдала, как Ричард с ружьем, зажатым под мышкой, широко перешагивает через этот шар. Уже приучает Ники стрелять. Пообещал ему ружье, когда ему исполнится девять лет. Ружье. Чтобы убивать живых тварей. Охота. Да разве мир когда-нибудь изменится, если детей будут учить следовать первобытным инстинктам? Разве не глупо стараться не обращать на это внимание, делать вид, что, мол, этих инстинктов больше не существует? Выбор. Когда воспитываешь ребенка, постоянно приходится делать выбор. Сколько существует решений, которые могут изменить детей или же навсегда повлиять на их жизнь? У кого, черт побери, право принимать их?

Она мельком посмотрела на свой «ролекс». Пять минут второго.

– Ричард, – крикнула она, – пора немного перекусить.

Она вздохнула. Несколько мгновений ее передышки закончились. Пять минут, которые ей удалось урвать для себя в разгар их приготовлений к охоте. Остаток дня пройдет в сплошной суматохе. Она зевнула. Спина болела, но не очень. На диване спалось вполне нормально. А если бы поспать еще часочков двенадцать, то было бы совсем нормально.

«Уби-уби, джуби-джуби».

Странная дразнилка эхом отдавалась в ее голове, а палец Панча все указывал на нее, сгибался и разгибался… «Уби-уби, джуби-джуби». Эта дразнилка, казалось, зависла в воздухе рядом с нею, но потом исчезла.

Ведь проклятый потолок мог обвалиться целиком. «Может, из-за него приснился вчерашний сон? – предположила она. – В тот момент, когда шлепнулась эта штукатурка?.. Так возникают сны? Они что же, длятся какие-то доли секунды?»

– Мамочка! Мы застрелили голубя.

– Неплохо, дорогой. – Она взглянула мельком на разбросанную по полу кухни оберточную бумагу, автомобильчик с дистанционным управлением, уже с отломанным углом. Велосипед с моторчиком валялся в саду. – Тебе разонравился твой велосипед?

Его глазки засветились.

– Нет!

– Тогда зачем ты его бросил в саду? Трава-то мокрая.

– Да я собираюсь снова покататься на нем вечером. Я покатаюсь.

– Нельзя оставлять его мокрым.

– Я его вытру, обещаю.

– Не вытрешь.

– Вытру. Обещаю, что вытру.

– Обещания – вещь серьезная, тигренок. Никогда не давай обещаний, которых не можешь сдержать. Хорошо?

Ники отвернулся.

– Да, – проговорил он чуть слышно.

– Ричард! – крикнула она. – Иди скорей, ленч готов!

Ей было слышно, как он разговаривает по телефону.

– Да! – прокричал он. – Одну секундочку.

Она запустила черпачок в кастрюлю с тушеным мясом и положила небольшую порцию на тарелку Ники. Вошел Ричард.

– С кем это ты разговаривал?

– А, с Андреасом. Там всего-то… – Он взял со стола бутылку вина, которую Сэм уже откупорила. – Тебе налить вина, мамочка?

Ричард склонился с бутылкой над своей матерью. Сэм внимательно посмотрела на тощее, морщинистое лицо свекрови. Слишком густой макияж и слишком черные волосы, уложенные в элегантную прическу. Свекровь всегда хорошо одевалась, в дорогие наряды, которые теперь выглядели слегка потрепанными – не потому, что она не могла позволить себе купить новые, а потому, что она попросту не отдавала себе в этом отчета. Сэм всегда казалось странным, что он называет ее мамочкой. Интересно, а будет ли Ники по-прежнему называть ее мамочкой, когда она станет такой же старой?

– Вина, мамочка? Немного вина? – повторил Ричард погромче.

– Лучше кофе, – наконец ответила свекровь. – Ты его варишь в кофеварке?

– Сначала ленч, – сказал Ричард более настойчиво, чем обычно.

Мать наконец повернулась к нему:

– Твой отец, полагаю, выпьет немного вина. Он опаздывает.

Она открыла свою сумочку и порылась в ней, медленно, осторожно, как собака, соскребающая землю с припрятанной кости. Вытащила из сумки пудреницу, открыла ее со щелчком и принялась изучать свои губы. Потом извлекла губную помаду и повернула тюбик.

Сэм с Ричардом переглянулись. Его отец вот уже восемь лет как умер.

– Ты хочешь немного тушеного мяса, мамочка?

– Я думаю, дорогой, выкурю сначала сигаретку.

– А мы собираемся сначала поесть, Джоан, – сказала Сэм вежливо, но твердо.

Свекровь нахмурилась, озадаченная.

– Ты поблагодарил бабушку за ее подарок? – спросила Сэм сына.

Ники посмотрел на нее несчастным взглядом:

– Да я получил какие-то носовые платки.

– Носовые платки – чрезвычайно удобная вещь, – поспешила вставить Хэлен.

– Бабушка, – сообщил Ники, поворачиваясь к ней, – а мы застрелили голубя.

Она провела языком по губам, потом бережно убрала губную помаду обратно в сумочку и вытащила из нее пачку сигарет.

– Мамочка, мы же еще едим, – напомнил Ричард раздраженно.

– А когда же его день рождения? – поинтересовалась она. – Уже скоро, не так ли?

– Сегодня, – сказала Сэм. – Сегодня.

Свекровь опять нахмурилась и посмотрела на свои часы.

– Обычно он уже приходит к этому времени. – Она подняла взгляд на Ричарда. – Наверное, задержался на какой-нибудь встрече.

– Я уверена, что он не стал бы возражать, если вы начнете без него, – предположила Сэм. – Почему бы вам не съесть немного тушеного мяса?

– Голуби такие противные. Папочка собирается подарить мне ружье, когда мне… м-м-м… когда мне будет девять.

– Убери локти со стола, тигренок. – Сэм повернулась к Ричарду: – Может, нам надо позвонить этому человеку с «Панчем и Джуди»? Он уже должен был быть здесь. Говорил, что будет здесь к часу.

– Ждешь не дождешься своего званого вечера, Ники? – спросила Хэлен.

– Угу, – ответил он задумчиво. – Да.

Послышался шум автомобиля. Сэм выглянула в окно.

Небольшой старенький «форд» подъезжал к дому.

– Слава богу, – обрадовалась она и поспешила выйти из комнаты, словно опасалась, что гость может передумать и уехать прочь.

Невзрачный маленький человечек в дешевом костюме и легком макинтоше стоял с извиняющимся видом на ступеньках у входной лестницы с двумя огромными чемоданами.

– Я так виноват, что опоздал, – извинялся он. – Так страшно виноват. – Человек улыбнулся, обнажая ряд кривых, подгнивших желто-коричневых зубов, изо рта у него отвратительно пахло, как будто он курил трубку. – Моя жена чувствует себя неважно, и мне пришлось дожидаться врача.

Он выглядел испуганным. В его глазах стоял страх.

– Сожалею, – сказала Сэм.

– Благодарю вас. Он один из тех… – Он замолчал, а потом продолжил: – Извините. Я должен быть бодрым, чтобы вечер прошел как надо.

Он снова улыбнулся, и она поняла, что недавно он плакал. Она почувствовала, что ее кто-то дергает за свитер, и увидела рядом с собою Ники.

– Этот человек привез «Панча и Джуди», тигренок.

– Привет, молодой человек. С днем рождения.

Ники подозрительно посмотрел на него снизу вверх.

– Поздоровайся, тигренок.

Но Ники ничего не сказал. Мужчина выглядел тощим и бледным, его кожа слегка просвечивала, макушка была почти лысая, всего несколько прядей волос, зачесанных поперек. Он походил на ненужную забытую игрушку.

– Вам помочь с вашими сумками?

– Нет-нет, ох нет-нет, я и сам могу справиться, спасибо.

Он поволок, пошатываясь, эти два чудовищных чемодана, тяжело дыша. Сэм видела крохотные бисеринки пота на его лбу, и внезапно ее охватила дрожь. Он заставил ее чувствовать себя неуютно. Жалкий, маленький человечек с больной женой и неподъемными чемоданами, набитыми куклами, он мог заставить детей хохотать, визжать и плакать.

«Ну что за жизнь, – подумала она, – что за жизнь – вот так каждый день топтаться у чужого порога. Любит ли он детей? Или, может быть, он предзнаменование?» Он притягивал ее взгляд, и в ней росло чувство страха, будто этот человек нес смерть в ее дом в своих огромных тяжелых чемоданах.

Ники с тревогой смотрел на нее. Он потянулся к ней и сказал тихим, заговорщическим голосом:

– Мамочка, он совсем не похож на Панча и Джуди.

– Извините, мы чуточку рановато.

– Нет-нет, все отлично, правда.

Сэм улыбнулась, внимательно глядя на гостью и пытаясь вспомнить ее имя. Жена какого-то приятеля Ричарда из Сити. У них огромный домина где-то поблизости отсюда.

– Очень мило с вашей стороны пригласить Эдгара.

Сэм с опаской посмотрела на хмурого мальчика. Просто чертенок. Это написано у него на физиономии.

– Мне очень приятно, – сказала она.

– А я сегодня утром наступил на коровье дерьмо, – промолвил Эдгар.

– Дорогой! – заторопилась его мамаша. – Я не думаю, что миссис Кэртис интересно узнать об этом.

– Сейчас разыщу тебе Ники. – Сэм осмотрелась кругом. – Тигренок! Иди и встречай своего первого гостя!

Появилась Хэлен, крепко держащая Ники за руку и уговаривающая его подойти.

– Это вот Эдгар, – представила Сэм.

– Ну, отдай же Ники его подарок.

Эдгар пихнул вперед какой-то маленький пакетик.

– А я сегодня утром наступил на коровье дерьмо.

– Эдгар! – одернула его мать.

– Ну, что надо сказать, Ники?

Ники густо покраснел.

– М-м-м… Спасибо тебе большое. – И добавил: – А мы сегодня утром застрелили голубя.

– Мы откроем его попозже, а, Ники? – спросила Хэлен, принимая пакетик. – Мы положим все подарки вместе, чтобы не было беспорядка.

– А почему бы тебе не показать Эдгару свои подарки, тигренок? – предложила Сэм. Она улыбнулась его матери. – А вы не хотите посмотреть?

– Нет, спасибо. Я уже должна мчаться. Вернусь за ним к шести, ладно?

– Хорошо. До свидания.

Сэм закрыла дверь.

– Я тоже хочу застрелить голубя, – заявил Эдгар.

– У нас сегодня званый вечер, Эдгар, – объяснила Сэм. – Ты можешь приехать опять как-нибудь и пойти пострелять с Ники и его папой, если захочешь.

– Я хочу застрелить голубя прямо сейчас.

– А у Ники есть машинка с дистанционным радиоуправлением. Ты не хочешь посмотреть на нее?

Ребеночек топнул ногой.

– Голубя, – сказал он. – Э-э-э-э, у-у-у, р-р-р. – Он побежал по коридору, но остановился и злобно посмотрел через дверной проем кухни, потом промаршировал туда и подошел к Ричарду, который читал газету. – Р-р-р-р, – прорычал мальчишка. – Грым-грым.

Ричард продолжал читать.

– Р-р-р. Грым-грым.

Ричард мельком глянул на него поверх газеты.

– Отвали! – буркнул он.

– Р-р-р, – продолжало дитятко, скорчив рожу. – Р-р-р-р, р-р-р. Я хочу застрелить голубя.

– Попроси ее, она тебя сводит. – Ричард кивнул в сторону своей матери, пристально изучавшей свое лицо в крышке пудреницы, окутанной клубами сигаретного дыма.

Эдгар поднял руку и, резко дернув газету вниз, порвал ее.

– Я хочу застрелить голубя.

Он топнул ногой. Ричард сграбастал Эдгара и схватил его за ухо.

– У-у-у!

Отбросив газету, Ричард встал, выкручивая ухо мальчишки еще сильнее, и торжественно вывел его из кухни.

– У-у-у! Р-р-р-р!

Ричард напоследок от души ущипнул его еще раз.

– Ричард, что ты делаешь?.

– Маленький ублюдок! – выругался Ричард.

Эдгар стоял в коридоре и истошно вопил, а Ричард отправился обратно на кухню. Сэм ворвалась туда следом:

– Что ты сделал с ребенком?

– Этот маленький ублюдок разорвал мне газету.

– Ты ударил его?!

– Нет, но в следующий раз ударю.

Зазвонили в дверь…

– О господи! – воскликнула Сэм. – Три часа, ну, теперь начнется. Почему все они являются так рано? Ты не мог бы запихнуть сосиски в духовку? Они там внизу, справа.

– Я посажу туда этого маленького ублюдка, если он заявится сюда.

– Мне открыть дверь, миссис Кэртис?

– Спасибо, Хэлен. – Она снова посмотрела на Ричарда. – Ты спрятал ружье?

– Да.

– А что делает твоя мать?

– Она интересуется, когда у нас будет ленч. Идиотская идея приволочь ее сюда.

– Но это же день рождения ее внука.

– Тебе следовало бы напомнить ей об этом.

– Ну, она же не в полном маразме. Подарок вот ему купила и очень милую открыточку.

– Я ха-а-чу домой! – орал Эдгар.

– Привет, Сэм! – окликнул чей-то голос.

Сэм пошла обратно в прихожую.

– Вики! – Она ринулась вперед. – Заходи.

– Я должна забрать Питера с пристани.

– Привет, Вилли. – Сэм посмотрела вниз на немного растерявшегося мальчика.

– Спасибо тебе большое, – услышала она шепот Ники, державшего в руках очередной яркий пакет.

– Рови! – обрадовалась Сэм, увидев крестную мать Ники.

– Сэм-м-м!

Они коснулись щеками, и поцелуи повисли в воздухе.

– Ну, как ты, дорогая?

– Прекрасно. Замечательно.

Сэм взъерошила волосы серьезного маленького мальчика Рови.

– Привет, Джастин.

– Приветик, тетя Сэм.

– Это какой-то идиотизм, Сэм. Мы живем в Лондоне всего в миле друг от друга и здесь по соседству, но единственный раз, когда мы видимся, – это на днях рождения детей! Как насчет ленча на этой неделе… во вторник вам подойдет?

– Ну разумеется. Почему бы нам не перекусить в клубе? Бассейн, сауна, а? У них там теперь хороший бар с салатами.

Подъехал еще один автомобиль. Началась суматоха. На мгновение Сэм совсем растерялась. А потом увидела, как тот человек, хозяин «Панча и Джуди», спускается по лестнице и идет через гостиную, спокойно, мягко, будто скользит. «Словно привидение», – подумала она.

14

– Будешь сосиски, Селия, а?

Маленькая девочка с косичкой подняла головку:

– Я не ем сосисок. Моя мама говорит, что это еда для простых людей.

Сэм внимательно посмотрела на нее, смутилась на мгновение и пошла дальше вдоль стола с тяжелым подносом, прислушиваясь к детской болтовне.

– Сосиски, Вилли?

– Да, пожалуйста.

– А на моих званых обедах у нас всегда креветки, – громко заявила Селия, не обращаясь ни к кому конкретно.

Ричард шел следом за Сэм, неся поднос с горячим пирогом, начиненным мясом, грибами и овощами.

– А я такой не ем, – услышала Сэм слова Селии.

– У тебя будут прыщики, если ты не ешь таких пирогов, – сказал Ричард.

Селия в нарядном розовом платьице тут же капризно надулась.

– Моя мама говорит, что я буду очень красивой. Я собираюсь стать фотомоделью.

– А кино будет? У нас кино будет? – спросил чей-то взволнованный голос, Сэм не поняла чей.

Она взглянула на Ники, сидевшего во главе стола в оранжевой бумажной короне. Он вцепился пальцами в наполовину съеденный гамбургер, с обеих сторон которого медленно стекал соус. Лицо Ники и его новый джемпер были сплошь в потеках этой дряни, как на картине Джексона Поллока.

– А какой фильм? Какой фильм?

Она посмотрела на часы. Начало пятого.

Шум детских голосов. Кто-то из ребят оглушительно дунул в пластмассовый горн. Кто-то просвистел так пронзительно, что заколыхались полоски цветной бумаги. Маленькая девочка взволнованно вбежала в комнату, уселась и принялась что-то шептать своей подружке, которая после этого бросилась вон из комнаты. Сэм увидела, что мужчина с «Панчем и Джуди» стоит в дверном проеме, и кивнула ему.

– Ну хорошо, все! Пришло время для «Панча и Джуди»!

Раздался возбужденный визг и несколько тяжелых вздохов.

– Давайте-ка все пойдем в соседнюю комнату, пожалуйста.

Она загнала это шумное стадо в гостиную и попыталась рассадить его на полу, перед ширмой, украшенной гирляндами из сладостей. Сцена с занавесом чуточку пошатывалась, и Сэм видела, как кукольник беспрестанно снует там, разбирая свое хозяйство. Она с опаской понаблюдала немного за ним – увиденное прошлой ночью вновь эхом отдалось в голове, когда прислушалась к его бормотанию.

Хэлен пробиралась среди ребятишек, раздавая лакомства.

– А там внутри сидит настоящий мужчина.

– Нет, никто там не сидит.

– А откуда ты знаешь?

– А я видел.

– А как же ты мог увидеть? Ты не такой уж высокий.

– А вот и высокий!

– А вот и нет!

Одна маленькая девочка, закрыв руками глаза, сидела отчужденно, немного в стороне от остальных.

Сэм вышла из кухни. Ее свекровь по-прежнему пялилась в зеркальце своей пудреницы, накладывая на физиономию очередной слой макияжа, тоненькая струйка дыма поднималась из кучи окурков со следами губной помады, лежавших около нее на подносе.

– Джоан, – сказала Сэм, – там вот-вот начнется представление с «Панчем и Джуди». Вы не хотите посмотреть?

– С «Панчем и Джуди», дорогая? – Джоан нахмурилась. – Нет, я предпочитаю остаться здесь. Моя губная помада немножко смазалась.

– Да нет, она смотрится очень хорошо. Уверена, что Ники вы понравитесь, если заглянете туда.

Свекровь снова принялась рыться в сумочке, как собака, выскребающая из земли кость.

Из гостиной донеслись взрывы смеха.

– Я загляну к вам через минуту.

Сэм прошла по коридору и остановилась в дверях гостиной. Взгляд наткнулся на часы в стиле 20-х годов на каминной доске. Уже почти четверть пятого.

16.15 – эти цифры напоминали ей о чем-то.

– Уби-уби, джуби-джуби! Ну и кто же тут гадкий мальчик?

– О нет, не я! – пронзительно запротестовал Панч, его остроконечная шапочка и крючковатый нос появились над краем крошечной сцены.

– Уби-уби, джуби-джуби! Гадкий, гадкий, гадкий!

Эти слова вызвали в ней волну тревоги.

– О нет, нет, не я!

– Нет, это ты! – пронзительно завизжала миссис Панч, разодетая в пышное платье, пританцовывая и подпрыгивая.

– О нет, не я!

– Нет, это ты!

– Ну скажите, ребята, я ведь не гадкий, ведь нет же?

– Нет, гадкий!

Сэм смотрела на море детских лиц: некоторые ухмылялись, у кого-то изо рта торчали палочки с леденцами. Девочки в праздничных платьицах, мальчики в нарядных, но перепачканных рубашках и коротких брючках, тоже успевших помяться в бурных играх. Какими людьми они станут, когда вырастут? Уже сейчас можно отличить кротких и напористых, хулиганов и мыслителей. Господи, ведь им всем предстоит пройти долгий путь, прежде чем… прежде чем что? Прежде чем они смогут понимать? Посмотрите на меня… я вот взрослая… мне тридцать два… а я совсем не понимаю… Быть может, жизнь вообще нельзя понять? Может, в ней есть что-то другое. Мы все так заняты, заглядываем не в те шкафы и упускаем суть дела. Эти детишки тоже в один прекрасный день превратятся в старых неудачников и по-прежнему будут открывать и закрывать не те шкафы? Рыться в сумочке в поисках… сигарет? А может… ключа к жизни? Как мать Ричарда на кухне? Нет, не надо больше. Мы вступаем в эпоху Водолея. И все имеет СМЫСЛ. Новое ПОНИМАНИЕ!

– Эй, ребятишки, помогите-ка мне. Если вы считаете, что я не гадкий, то кричите вместе со мной, хорошо? О НЕТ, НЕ Я!

– О нет, не ты! – раздался нестройный хор голосов, неуверенных, слегка смущенных.

– Не слушайте вы его! – завизжала миссис Панч. – Скажите: «ДА, ЭТО ТЫ!»

Сэм пристально посмотрела на счастливое лицо Ники. Он отличный паренек, подумала она, такой внимательный, даже сейчас видно, что из него вырастет заботливый человек.

– О ДА, ЭТО ТЫ!

Она машинально отметила про себя, что в конце комнаты открылась дверь.

– А вы можете погромче?

– О ДА, ЭТО ТЫ!

Что-то явно было не так. Почему ей так страшно?

– Ну давайте же громче!

– О ДА, ЭТО ТЫ!

Сначала она через всю комнату увидела жуткую улыбку на его лице, улыбку демона, а не маленького ребенка. Спустя мгновение демоническое лицо исчезло, и в дверях стоял просто смеющийся мальчик, жадный маленький мальчик, добившийся своего на мгновение, очень счастливый, пока ему снова все не надоест. Он смеялся, смеялся, а у нее тем временем кровь стыла в жилах.

– Эдгар, – окликнула она строгим и торжественным тоном. – Эдгар! – повторила она, стараясь перекричать хор голосов, поддерживающих миссис Панч. – Эдгар! – закричала она снова, теперь уже продираясь сквозь шум, поднятый сторонниками мистера Панча. – Положи это! Бога ради, положи!

Нет, оно не может быть заряженным. Это невозможно. Ричард осторожен. Он не настолько глуп.

– Эдгар!

Мальчик стоял у двери, пошатываясь под тяжестью дробовика, словно пьяный маленький стрелок.

Этот палец. Сгибающийся и разгибающийся в ночной темноте.

4.15.

Часы. В спальне. Когда она проснулась.

4.15.

И часы на каминной доске.

4.15.

Палец на спусковом крючке. Уби-уби, джуби-джуби.

– Эдгар!

Она сделала шаг вперед. Ружье резко качнулось над головами детей, нацелилось на нее, затем на потолок, а потом снова на детей.

– Я хочу застрелить голубей сейчас. – Она слышала его слова отчетливо, через всю комнату, сквозь весь этот гам, настолько отчетливо, будто он стоял рядом.

Дуло направилось вверх, в ее сторону.

– Эдгар, осторожнее! Опусти его!

Целится прямо в нее.

– О нет, не я!

– О да, это ты!

– Эдгар, опусти его!

Она заставила себя посмотреть прямо в эти оба ствола, наставленные на нее.

– О нет, не я!

– Заткнись. Ради бога, заткнись, болван! Ты что, не понимаешь? Ты даже не додумался проделать смотровые дырочки в своем проклятом ящике?

– Шлеп-шлеп, у-у-у!

– Если ударишь меня, то я дам тебе сдачи!

– ОПУСТИ, ЭДГАР, ОПУСТИ, ОПУСТИ ЖЕ ЕГО!

– О нет, ты не ударишь.

– О да, еще как ударю!

Сквозь непрерывный ор она различила чье-то хихиканье. Палец Эдгара лег на спусковой крючок.

– ЭДГАР!

Сэм в отчаянии посмотрела на Ники: надо пройти к нему, загородить мальчика, остановить Эдгара.

Снова сильный шлепок.

– О-у-у-у!

– Куда он делся? Да куда же он делся?

– ОН ПОЗАДИ ТЕБЯ!

Миссис Панч повернулась назад:

– О нет, его там нет!

– О ДА, ОН ТАМ!

Она снова крутанулась:

– О нет, его там нет!

– О ДА, ОН ТАМ!

Сэм увидела струю пламени, вырвавшуюся из дула, и нырнула вниз. Заметила, как Эдгара отбросило назад. Его лицо приобрело озадаченное выражение. Потом ружье медленно поплыло наверх и плавно, покачиваясь, словно огромное перо, бесшумно опустилось на землю.

Она стремительно, точно волчок, повернулась и увидела в воздухе над полосатым балаганчиком нечто похожее на снег. Что-то пролетело по полу, с громким стуком отскочив от бордюрной планки, и шлепнулось у ее ног. Голова Панча. Она лежала, глупо ухмыляясь в лицо Сэм, один глаз и часть щеки у куклы отсутствовали.

И тут до нее долетел звук выстрела, он прокатился по ней волной шока, отбросил в сторону, оглушив так, будто прямо над ее ухом громко хлопнули в ладоши, и какое-то мгновение она ничего не слышала, кроме слабого звона.

Сэм видела, как смех исчезал с ребячьих лиц, словно сброшенные маски. Она лихорадочно оглядела комнату. Ники сидел с разинутым ртом, держа в руке свой леденец на палочке. Она вскочила и прошла между застывшими, как гипсовые статуи, детьми, опустилась на колени рядом с Ники и жадно обхватила его руками, крепко прижимая его к себе.

– Ты в порядке, тигренок? В порядке?

Когда он кивнул, она судорожно стала осматриваться вокруг.

– Ричард! – крикнула она. – Ричард!

Она сознавала, что произносит это слово, но не слышала своего голоса. Ричард был уже здесь, с трудом пробираясь по комнате, как в фильме при замедленной съемке.

Теперь она почувствовала едкий запах бездымного пороха. В глазах прояснилось, и она услышала всхлипывания кого-то из детей. Ники все еще таращился на балаганчик, на порванный балдахин и клочки материи, падающие вниз, будто надеялся, что Панч снова выскочит оттуда и ухмыльнется.

Ящик, украшенный гирляндами пакетиков с леденцами, дернулся разок, потом еще и сдвинулся немного влево. «О господи, нет», – подумала она.

Ящик перестал двигаться, появился кукольник, совершенно растерянный, бледный как полотно. Шатаясь, он побрел по комнате, вытянув перед собой руки.

– Полиция, – выдохнул он. – Пожалуйста, вызовите полицию.

И, покачиваясь, вышел в коридор. Ричард с разъяренным видом промаршировал по комнате, держа в руке дробовик. Заплакал еще один ребенок, следом другой. Сэм встала и ринулась в коридор вдогонку кукольнику.

– С вами все в порядке? – спросила она.

– Полиция, – сказал он. – Полиция! Вызовите полицию! Полицию!

Он размахивал руками, словно ветряная мельница.

– С вами все в порядке?

Он топнул ногой, как ребенок:

– Я хочу, чтобы вызвали полицию!

– Я… я вызову, – заверила Сэм, медленно пятясь от него.

Она почувствовала, как Ричард предостерегающе коснулся ее руки. Он сделал ей знак, чтобы она возвращалась в гостиную.

– А почему бы нам… не поиграть в какую-нибудь игру… всем вместе? – услышала она голос Хэлен, проходя мимо и глядя на потрясенные мордочки в слезах. Эдгар сидел на полу в дверном проеме и пронзительно орал. Она опустилась на колени.

– Ну как ты, в порядке? – спросила она.

Он продолжал вопить. Сэм подождала, пока он замолчит.

– Ты в порядке?

– У меня рука болит. – Потом он завопил снова: – Болит!

– Ну-ка, покажи.

Он затряс головой, и она яростно вцепилась в его руку.

– Дай мне на нее посмотреть.

Он в испуге уставился на нее снизу вверх и перестал вопить. С сердитым видом он протянул ей руку. Сэм тщательно осмотрела ее.

– Все нормально. Ты просто сильно ушиб ее – только и всего. Может быть, это отобьет у тебя охоту баловаться с оружием.

Он остался сидеть на полу, недовольно смотря ей вслед. Сэм вернулась в гостиную, окинула взглядом детей, потом разорванный балдахин. На новых обоях выжжена отвратительная дыра, одна занавеска понизу тоже повреждена. Внимательно осмотрев остальную часть комнаты, взглянула на каминные часы. Двадцать минут пятого.

Уби-уби, джуби-джуби.

И еще розовый сгибающийся палец.

Она на мгновение закрыла глаза, надеясь, что это опять сон, что она сейчас вот-вот проснется… и окажется, что ничего не произошло.

– Музыкальные моменты! – объявила Хэлен. – Мы поиграем в музыкальные моменты!

Сэм открыла глаза. Хэлен старалась, очень старалась.

– Музыкальные моменты, – эхом отозвалась Сэм. – Неплохая идея!

Она пыталась весело улыбнуться и принять радостный вид, чтобы разрушить всеобщее недоуменное оцепенение, недоверчивость и страх, но ее встретило холодное молчание. Хотя ей и без этого было ясно, что невозможно одурачить детей вымученной радостной улыбкой. Драконы не умирают, и люди не живут счастливо и вечно. Но ты должна попытаться, потому что, может быть, порой жизнь состоит из попыток.

– Неплохая идея! – повторила она. – Будем играть в музыкальные моменты!

15

– Привет… Вивьен, нет? Простите, Вирджиния… ну конечно же! Послушайте, я ужасно сожалею… Саймон немножко расстроен. У нас тут небольшая неприятность… но никто не пострадал, все в порядке… просто несчастный случай с… ну, один из детей отыскал у моего мужа… но все отлично. В самом деле… – Лицо матери Саймона покрылось мертвенной белизной. – Отлично, ну, в самом деле. С ним все в порядке… все отлично…

Из дома с побитым видом пришлепал Саймон – волосы обвисли, лицо поникло. Он держал серебристый воздушный шарик, на котором розовато-лиловыми буквами было написано: «СПАСИБО, ЧТО ПРИШЕЛ НА ВЕЧЕР К НИКИ!» Буквы весело приплясывали над его головой, пока он брел в их сторону.

А я, знаете ли, видела сон об этом, да-да! Уже второй раз. Но в прошлый раз все кончилось намного хуже – там 163 человека погибли… Да перестань ты таращиться на меня, как корова! Я не чудная и не сумасшедшая.

Ах, мне уже это снилось? Ну и что же, по-вашему, я должна была сделать? Отменить вечер? Извини, тигренок, не будет больше никаких вечеров. Мамочке снятся страшные сны, не так ли?

Во всяком случае, я не думала, что это предупреждение, или… предвидение… или же как оно там называется? Сон, предсказывающий будущее. Просто толстый кусок штукатурки обвалился с потолка, упал на лицо, вот мне и приснился этот сон. Я так думала и после того сна об авиакатастрофе, а потом Слайдер в такси. Привидения меня совсем доняли. Я просто считала, черт подери, что это причудливый сон, ночные фантазии подсознания, вот и в книге о снах говорится, что ружья означают половые члены, да-да, члены, а выстрелы – это, мол, сексуальная агрессия.

Ну, я хорошенько обдумала все это… понимаете ли, Ричард, и я не совсем то, что вы бы назвали…

Тягостные раздумья сверлили ее сознание, когда она в понедельник шла через Ковент-Гарден. Свежий воздух ясного, но ветреного утра подбадривал ее. Она чувствовала себя слишком усталой, чтобы пойти поплавать утром, и теперь жалела об этом. Голова была тяжелой и болела. Всю ночь напролет она беспокойно металась в постели, в ее сонном мозгу прокручивался бесконечный жуткий фильм: там был Панч, и ружья, и ухмыляющийся Слайдер, множество других людей, выскакивающих отовсюду: из дверей, из шахт лифта, все в черных капюшонах; страшные трещины расползались по потолкам, как на яичной скорлупе, на нее обваливались крыши, она задыхалась, погребенная в темной пустоте вместе со Слайдером, он оказывался над нею, и его темная пустая глазница таращилась на нее и глумилась…

Она толкнула дверь в стиле модерн, вошла в контору и застыла в недоумении. Целая толпа девиц: одни сидели на диванах и стульях, другие просто стояли. Сумочки через плечо, сумочки в руках, большие папки из искусственной кожи, в потрепанных макинтошах, куртках с металлическими заклепками, в больших пухлых пальто, словно завернутые в пуховые одеяла поверх джинсов и сапожек. Они курили, жевали, поправляли волосы и с надеждой смотрели на нее, будто на волшебницу, появившуюся избавить их от злобной ведьмы.

Черт побери. Ведь сегодня назначен просмотр, подбор актеров. Сейчас ей это нужно как дырка в голове.

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ. ДЛЯ ВОЛОС, КОТОРЫЕ ОТЛИЧНО ВЫГЛЯДЯТ В ТЕМНОТЕ. ТРАХ! ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ. ДЛЯ ТЕХ, КТО ОЖИДАЕТ НАСТУПЛЕНИЯ ТЕМНОТЫ. КЛАЦ! ТРАХ! КЛАЦ-КЛАЦ-КЛАЦ! ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ, СОВЕРШЕННО ОСОБЕННЫЙ ШАМПУНЬ ДЛЯ СОВЕРШЕННО ОСОБЕННЫХ ВОЛОС. ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ. ОЧЕНЬ ОСОБЕННЫЙ ШАМПУНЬ. ДЛЯ ОЧЕНЬ ОСОБЕННЫХ ЛЮДЕЙ.

– Доброе утро, Люси. Кен там?

– Господи… ах… да.

– А больше из агентства никого нет?

– Господи… ах… нет еще.

Небрежно прокрашенные волосы, неряшливая, размазанная косметика толстым слоем покрывала лицо. Люси выглядела так, будто это она была на детском чаепитии и перемазала там свою физиономию и патлы кетчупом с приправой.

– Хорошо провели выходные?

Люси зевнула.

– Да. Слегка переборщила.

Сэм оглядела было нескольких девушек и прошла мимо восковой фигуры Кена со свежей «Дейли мейл» в руках, проследовала через три лестничных пролета в кабинет. Она легонько постучала в дверь и вошла.

Кабинет Кена больше походил на какое-то логово, чем на офисное помещение. Клиенты не поднимались сюда, их принимали внизу, в цокольном этаже, где имелись бильярд, аудитория для просмотра кандидатов и соответствующий интерьер, сам же кабинет с мансардным потолком был обставлен незамысловато. Удобный диван, два легких кресла, стены увешаны окантованными фотографиями, запечатлевшими моменты получения наград и натурные съемки: Кен за работой, машет руками, тычет пальцем, сидит в кресле, отсвечивает в тени тележки подъемного крана, пожимает руки или отдает распоряжения самым разным личностям с заурядными физиономиями, главным образом из коммерческой телерекламы, но попадались и знаменитости, вроде Орсона Уэллса, Роберта Морли, Фрэнка Бруно или Джона Клиза.

А справа бросалась в глаза афиша какого-то кинофильма, огромная, почти во всю стену, безвкусная и яркая, желто-зеленая мешанина, опус высокой технологии.

«АТЛАНТИК! ПОТЕРЯННЫЙ МИР XX СТОЛЕТИЯ!» – возвещала надпись.

Кен едва не лишился собственного дома из-за этого кинофильма. Три года назад, когда она начала работать с ним, он ввязался в это весьма рискованное дело. Деньги текли рекой, проекты, бесконечные встречи с его управляющим банком – все это без утайки он рассказал ей потом. Он разорился. Разорился по-настоящему. Больше двух миллионов вылетели в трубу. Кен потратил их на свою мечту, на воплощение не дающих покоя амбиций, хотел совершить большой скачок в кинобизнесе. Он потратил все свои средства и все деньги, которые смог одолжить, заложил все – дом и вообще все ради этого большого скачка.

АТЛАНТИК! ПОТЕРЯННЫЙ МИР XX СТОЛЕТИЯ!

Через пять тысячелетий после того, как цивилизация была стерта с лица земли термоядерной войной, на планете Земля вновь зарождается примитивная жизнь… Спустя столетия Игнав Флотум Третий, монах из Бородовии, находит на археологических раскопах старую жестяную банку… Полагая, что это капсула времени, умышленно оставленная здесь в прежние времена, далекие потомки ее открывают на торжественной церемонии… и обнаруживают в ней… бобину с программой коммерческой телерекламы, с помощью которой у них постепенно складывается картина общества конца XX века. И приходят к выводу, что, несмотря на явные социально-экономические достижения, запечатленные в рекламных роликах, концентрация времени у человека XX века, вероятно, была крайне низкой, что и способствовало его гибели. А все потому, что большинство этих сюжетов длится только тридцать секунд, а самый длинный – всего минуту.

Фильм так и не был завершен, и Кен всегда как-то уклонялся от прямого ответа относительно причин неудачи. Порой он говорил, что ведущий актер оказался сумасшедшим маньяком-эгоистом. Иногда обвинял во всем погоду. И наконец, речь заходила о давлении администрации телестудии, которая хотя и числилась партнером, однако так никогда и не предоставила ему всех обещанных денег. Но она-то, Сэм, понимала истинную причину: прежде всего, фильм не был закончен потому, что Кен разочаровался в нем задолго до того, как деньги иссякли полностью. Он обещал показать ей, что у него получилось, но вряд ли когда-нибудь выполнит свое обещание.

Во всяком случае, его дом был спасен, огромный викторианский дом на окраине Клэпхэм-Коммон, наполненный странными предметами, которые он собирал: комплекты оружия, экстравагантные картины, полуразвалившийся миниатюрный католический храм в саду – глупый и дорогой каприз. Кен любил свой дом, тщательно обдумывал каждую мелочь и потратил много времени и усилий, чтобы сделать из него нечто ошеломляющее: ванная в византийском стиле и средневековая столовая, гостиная в стиле барокко с галереей для музыкантов. Безумие, бред – но зато потрясающе… В доме хватало места, чтобы стили мирно сосуществовали, не противореча друг другу. Комнаты были обставлены прекрасной, оригинальной мебелью, и дом выглядел довольно забавно. Кен жил в нем сам по себе, как ему хотелось. Развелся он давным-давно, но рана до сих пор еще не затянулась. Разумеется, вокруг него всегда вилось множество девушек, всегда кто-то был у него на содержании, как теперь, в виде очередного яркого молодого дарования, причем повыше среднего уровня, но он держал всех их на расстоянии, не допуская в свое сердце – территорию строго запретную.

Кен сидел за письменным столом и читал письмо. Похоже, он только что вошел, во всяком случае, его грубая хлопчатобумажная куртка и шарф были все еще на нем. Он поднял взгляд и улыбнулся:

– Принесла моего «ребеночка в желе»?

– «Ребеночка в желе»?!

– Ну, с вечера Ники. Ты же обещала.

– Ох… черт подери… я…

– В котором часу должен начаться просмотр актеров?

– В половине десятого.

– Кто-нибудь уже пришел?

– Да так, кое-какие дарования. От фирмы «Саатчи» ни души.

Он посмотрел на нее:

– Бог мой, ты выглядишь ужасно. С тобой все в порядке?

Она кивнула и сглотнула с трудом.

– А как прошел вечер?

Сэм отвернулась, чтобы скрыть слезы, и уставилась на фотографию Кена, стоящего на четвереньках и пытающегося показать овчарке, как надо есть свой корм. Раздалось резкое жужжание селектора, потом еще раз. Наконец селектор прожужжал еще более продолжительно и настойчиво, потом замолчал. Она услышала, как он жужжит в соседнем кабинете, затем еще дальше. Внезапно почувствовала, как рука Кена мягко легла на ее плечо.

– Что случилось, Сэм? Это из-за той авиакатастрофы? Ты все еще в шоке?

Слезы безудержно хлынули по ее щекам, она зажмурилась, пытаясь остановить их.

– Это ужасно, Кен. О господи, просто ужасно.

– Что ужасно? – спросил он мягко.

– Это произошло снова.

– Что произошло?

Она затрясла головой:

– Еще один сон. Мне приснился еще один сон.

Селектор зажужжал снова, и Кен ответил.

– Хорошо, – сказал он и положил трубку обратно, – Все уже пришли… нам надо спускаться. Ты не хочешь рассказать мне попозже? Может быть, выпьем? Сегодня, ближе к концу дня… ну, вот закончим, и?..

Она всхлипнула, шмыгая носом.

– Спасибо. Я спущусь через минуту. Только вот позвоню.

Она открыла дверь.

– Сэм, не беспокойся. Все будет в порядке.

Она кивнула не слишком убедительно.

– Ты ведь не отдыхала по-настоящему уже давно… даже в рождественские каникулы приходила. Почему бы тебе не взять несколько выходных дней? Укатить куда-нибудь с Ричардом?

– Я в полном порядке. Спасибо.

– Тебе нужен отдых, Сэм. Он всем нужен. Съезди покататься на лыжах или еще что-нибудь… сделай перерыв. Эй, да я чуть не забыл. Вот прочитал в одном журнале и вырезал для тебя. Это насчет снов.

– Спасибо. – Она взяла вырезку и положила ее в сумочку. – Извини, что забыла твоего «ребеночка в желе», – сказала она и пошла вниз по лестнице.

Драммонд брел по коридору, рассматривая клеймо на коробке, которую нес.

– Привет. – Он приостановился, словно пытаясь припомнить ее имя. – Сэм, – добавил он, словно

вспомнил только сейчас.

– Привет, Драммонд.

– Хорошо провели выходные?

– Великолепно. – Она устало улыбнулась. – Ну а как ваши сны?

– Какие сны?

– Про жирафов. Вы мечтали о жирафах или еще о чем-то таком.

Он нахмурился и снова уставился на это клеймо с озадаченным видом.

– По-моему, вы говорили, что они мало спят.

– Точно, мало.

– Как мне хотелось бы быть жирафом, – вздохнула она, открывая дверь своего кабинета.

Дым, голубой и густой, как туман, окутал всю комнату. Казалось, по понедельникам Клэр выкуривает сигарет вдвое больше обычного.

– Доброе утро, Клэр.

Клэр углубилась в какой-то сценарий. Сэм показалось, что ей ответили еле заметным кивком, но она не была уверена. Она резко открыла окно, чтобы выпустить дым, а заодно и свое раздражение на Клэр.

– Хорошо провели выходные? – спросила Сэм, пытаясь завязать хоть какой-то разговор.

Клэр на секунду подняла взгляд:

– Хорошо.

И снова принялась за чтение. Интересно, что Клэр делает по вечерам в выходные? Сэм только известно, что у нее был какой-то приятель по имени Роджер, с которым она поссорилась, и что она жила в Западном Лондоне. Вызвать Клэр на разговор о ее частной жизни – примерно то же самое, что пытаться вскрыть раковину с моллюском, намертво заклеенную суперклеем. Она взглянула на толстую стопку почты. Ну, это-то подождет.

– Я положила вам на стол данные насчет гостиницы, Сэм, – неожиданно произнесла Клэр.

– Насчет гостиницы?!

– В Лидсе. Презентация «Отверженного». Вы проводите ее в ближайшую пятницу в девять утра. Вы просили меня заказать гостиницу на вечер четверга.

– Ах да, спасибо.

Сэм быстренько просмотрела почту, проверяя, нет ли чего-то срочного – записки, квитанции, которую надо оплатить, записи о звонках, на которые следовало ответить. Чувствуя себя усталой и напряженной, она жалела, что не пошла поплавать утром. В последнее время все говорили о нервном напряжении, о новых недугах от стресса, о странной эпидемии у активных молодых дельцов – «синдроме преуспевающего бизнесмена», как она прочитала где-то. Возможно, и у нее был такой синдром или что-то в этом роде.

Она видела самолет, летящий прямо на горы. И палец, сгибающийся в ночи. Эдгара, входящего в комнату с ружьем. Казалось, струя влаги медленно стекает по ее коже, будто ведешь пальцем по замерзшему стеклу. Она вздрогнула и вытащила телефонный справочник.

Нашла только врача Бэмфорда О'Коннела, телефон его приемного кабинета на улице Харли и позвонила. Ответил оживленный и приятный женский голос.

– Я хотела бы поговорить с доктором О'Коннелом.

– Могу я узнать, кто его спрашивает?

– Это миссис Кэртис. Я… мы… его друзья.

Он взял трубку спустя несколько секунд, что удивило ее.

– Сэм? – Его голос с сильным ирландским акцентом звучал очень сердечно.

– Бэмфорд. Извините, что я звоню вам на работу. Я хотела узнать, не могла бы я повидаться с вами… как с профессионалом.

– Тот вечер на прошлой неделе был замечательным.

– Спасибо.

– Вы что же, хотели бы поболтать о чем-то?

– Да, пожалуйста. Я… это касается того, что мы обсуждали за обедом.

– А что именно?

Она посмотрела на Клэр, а потом на свой письменный стол.

– Сны. У меня был еще один. Я…

– Вы не хотели бы заехать ко мне сегодня вечером?

Клэр перестала читать и прислушивалась, не поднимая взгляда.

– А вас можно увидеть… частным образом?

Сэм чувствовала, что начинает волноваться.

– Ну разумеется, приезжайте сюда, увидимся с вами здесь. Это очень срочно?

– Да уж… Чертовски срочно. Нет-нет, я…

– Если срочно, тогда я попытаюсь выкроить несколько минут сегодня. А если не выйдет, то в четверг утром, в двенадцать часов. У меня будет немного больше времени.

– Четверг – это отлично. Спасибо вам, Бэмфорд, – сказала она. – Я очень тронута.

Когда она вышла из кабинета и закрыла за собой дверь, Клэр повернулась кругом в своем кресле и улыбнулась.

Сэм медленно спускалась по лестнице, погрузившись в свои мысли. Внутренний дворик оказался уже битком набит молодыми, приглушенно воркующими девушками, окутанными легким туманом дыма и духов. Взволнованно тявкала маленькая собачонка, надрывался коммутатор, но Люси, прижимая к уху телефонную трубку, была погружена в интимный разговор и не обращала на него внимания. Парадная дверь открылась, и вошел мужчина, быстро и решительно он проталкивался через толпу девушек, глядя именно на Сэм, направляясь прямо к ней широкими шагами, – здоровенный мужик, одетый в черное, лицо закрыто капюшоном, глаза едва видны в его узких прорезях.

Она почувствовала, как подкашиваются ноги, холодная острая боль сводит желудок и страшно начинает кружиться голова. Она покачнулась и с треском врезалась в восковую фигуру Кена, увидев, как комкается его газета, и машинально подумала: «Черт подери, он разозлится». Стараясь не упасть, она судорожно вцепилась в ледяную ладонь манекена, с ужасом ощущая, как та поддается, а потом и вся рука целиком отрывается от плеча. Сэм качнулась вперед, сжимая эту восковую ладонь, словно ладошку ребенка, которого она переводила через дорогу. Продолжая прижимать к себе оторванную руку, она, отшатнувшись от стены и дверцы белого «кадиллака», спотыкаясь и ковыляя, пробиралась сквозь толпу собравшихся девушек. Девушки с перепуганными лицами пронзительно визжали, шарахались от нее прочь с разинутыми ртами… нарядные, хорошенькие, очаровательные девушки, с ужасом таращась на эту руку. Сэм пыталась остановиться, отступить назад, повернуться и убежать от этого мужчины в черном капюшоне, но ее ноги вдруг заплелись друг о дружку, и она, слегка подвывая, шлепнулась вперед.

Помогите мне. Заберите меня от него. О господи, да перестаньте же таращиться, неужели вы не понимаете?

Он стоял над ней в мешковатых черных брюках, в грязной куртке, в черной вязаной шапочке, закрывающей шею от холода. В одной руке, одетой в перчатку с крагами, он держал мотоциклетный шлем, в другой – сумку для мелких покупок, которую бросил, когда опустился на колени, чтобы помочь ей подняться на ноги.

– Все хорошо, куколка? – спросил он.

От него пахнуло кожей, табаком и слегка машинным маслом.

– Все отлично, спасибо… я…

Она встала, покачиваясь и тупо оглядываясь по сторонам. Люди молча смотрели на нее. Собачонка продолжала тявкать.

– Тсс, Бонзо! Успокойся!

– Сэм!.. Господи, Сэм. Ты в порядке?

– Да, я…

– Это «Студия Кена Шепперда»? – Мужчина в вязаной шапочке протянул сумку для мелочовки. – Подпись нужна.

Сэм посмотрела вниз, на оторванную руку, валяющуюся на полу, на множество лиц, на скомканную газету. Она подняла руку и отнесла ее обратно, к восковой фигуре.

– Люси, если бы вы улучили минутку… – Она сознавала, что говорит медленно, ей казалось, что она сидит на потолке и взирает вниз на саму себя, еле ворочающую языком. – Вы не могли бы выскочить на улицу… и достать новую «Дейли мейл».

Она посмотрела на рукав рубашки и увидела зазубренную дыру пониже плеча, осторожно прикоснулась рукой к коленям восковой фигуры, а потом повернулась и побрела вниз по лестнице, на цокольный этаж.

16

Вода шипела, брызгала. Раскаленный воздух обжигал ноздри, ручейки пота струились по лицу, стекали вдоль тела. Она приподнялась и мельком взглянула на градусник: температура все еще поднималась. Потом вновь улеглась на полотенце, расстеленное на твердом деревянном лежаке, и вдохнула обжигающий пар, напоенный густым запахом хвои.

– Хочешь еще?

Рови стояла рядом, держа небольшой деревянный ковш, обнаженная и тоже истекающая потом, с рыжеватыми спутанными волосами и обвисшей грудью, она уже начала сутулиться и как-то оседать книзу. «Ей бы следовало быть поосторожнее, – подумала Сэм. – Она легко может располнеть». Все признаки уже налицо: веснушчатая кожа выглядела жирной, слегка отекшей вокруг шеи, рук и бедер, а большие рубцы на животе от операции, уродливые и вытянутые, становились все заметнее.

Рови – подружка по всем шалостям и затеям в течение пяти школьных лет. Сэм была первой подружкой невесты на свадьбе Рови; та, как положено, подбросила букет, и Сэм поймала его, эта примета исполнилась: она познакомилась с Ричардом, и спустя восемь месяцев они поженились.

Рови. Ее жизнь текла легко. Дружки-приятели, замужество, дети, целых четверо, – и все без каких-либо усилий. Все у нее шло благополучно, ровно, как по линеечке. Рови воспринимала жизнь такой, какая она есть, и всегда все шло хорошо.

– Я чувствую себя виноватой, – как-то раз призналась она Сэм. – Не знаю, за что мне выпала такая прекрасная жизнь!

Ну, ясное дело, всегда существовало опасение, что вдруг грянет гроза или произойдет несчастье или даже трагедия, но пока что ничего такого не случилось. Единственная загвоздочка состояла в том, что у ее третьего ребенка обнаружилось косноязычие, которым пришлось заняться всерьез.

Сэм снова посмотрела на тело Рови. Ты начинаешь полнеть. Прекрасно, просто замечательно. Пройдет несколько лет – и ты станешь пухлой и будешь ходить этак вперевалочку.

О господи. Она почувствовала, как жар бросился ей в лицо от стыда за свое злорадство, – она что же, желает Рови стать жирной? Желает ей несчастья? Она на самом деле любит ее или чертовски ей завидует? Сэм пристально посмотрела на свое собственное тело – хорошая крепкая грудь, очень упругая. Ее-то грудь не станет вялой и обвисшей. Она посмотрела на свои бедра и ноги – стройные, поджарые, почти тощие, как и запястья.

Это все равно что трахаться со скелетом.

Ричард сказал как-то раз так, глядя на одну истощенную фотомодель, которая прошлась мимо них на пляже. Не подумал ли он так же и о ней? Господи, как же нелегко регулировать свой вес.

Огромная, жирная и очень неуклюжая женщина в купальной шапочке вошла в сауну, угрюмо кивнула им и принялась изучать термометр. «Тебе не стоит рисковать и добавлять хоть самую малость водички», – подумала Сэм, наблюдая за ней. Гигантские, словно стволы дерева, бедра, живот как у Гаргантюа, груди болтаются пустыми мешками. А задницы-то вообще никакой, только огромная складка отвисшей ткани на спине, спускающаяся до бедер. До чего бесформенная, словно Господь вывалил ее порцию земли, так и не закончив лепить ее.

Я ни за что не хочу выглядеть подобным, образом. Нет уж, спасибо. Даешь поджарую фигуру!

Они ныряли с пронзительным визгом, принимали душ, а эта Большая Туша следовала за ними по пятам, вынуждая их болтать ни о чем. Сэм показала Рови место, где у нее была обожжена нога от неосторожной восковой эпиляции, а Рови рассказала ей, как на Рождество они возили ребятишек кататься на лыжах и она посадила себе на задницу синяк, который вот только что сошел. А потом они оделись, пошли и набрали себе салатов из овощей с тунцом, приправленных не только бобовыми, стручками, фасолью, орешками, но и семенами и прочими непривычными вещами, и невозможно было понять, что это, отчего, по всей вероятности, их желудки будут бурлить и урчать весь день. Они уселись в тихом уголке, избавившись наконец от Большой Туши, и чокнулись стаканами с натуральным яблочным соком.

– Твое здоровье!

Обе улыбнулись.

– Господи, как будто вечность прошла, – сказала Рови.

– Ну, ведь мы не виделись с самого сентября.

– С сентября? Так давно?

– Еще до урагана. Я уверена.

– Время. Не понимаю, что с ним творится. У тебя новые часы? Они прелестны.

– Это Ричард подарил… чтобы повысить доверие улицы ко мне.

– Они просто великолепны. Бог мой, а знаешь, что мне сказала Сьюзи в прошлую субботу? Она сказала: «Не ходи ты со мной по магазинам, мамочка, ты только подрываешь доверие уличной публики ко мне». Одиннадцать лет. Ей всего одиннадцать лет!

Сэм ухмыльнулась:

– Это все коммерческая реклама.

А потом наступило молчание, продолжительное тягостное молчание. Сэм ушла в себя, мысли побежали одна за другой, и приподнятое настроение от новой встречи с Рови куда-то испарилось. Рови разломила свою булочку и аккуратно обмакнула кусочек в овощи. «Как сиделка, промокающая рану тампоном», – вдруг подумала Сэм и вздрогнула.

– А как там Ричард?

– О, он… ну, ты же знаешь. Отлично. Занят все время. Я…

Она покачала головой, уставившись в лицо Рови отсутствующим взглядом, словно в зеркало.

– О господи!

Рови заметила, что по щеке Сэм стекает тонкая струйка, а лицо искажено мученической гримасой, словно кто-то изо всех сил стягивает проволоку вокруг ее шеи; послышались прерывистые звуки сдавленного плача.

Они сидели в молчании, пока Сэм пыталась успокоиться. Она тоже разломила свою булочку, обмакнула кусочек в суп и почувствовала во рту острый вкус лука, помидоров и чеснока.

– Что случилось?

Сэм поболтала своей ложкой в чашечке с супом. Она не рассказывала об этом ни единой душе. Потому что… потому что она из-за этого чувствовала себя такой дурой. Быть может, Рови уже узнала каким-то образом и просто проявляла тактичность? И все остальные тоже: и Пирсы, и Гарфорс-Уэствордсы, и Пикерингсы, и… черт, черт подери, ах, черт подери. Она подняла взгляд:

– Эти ребята… ну, Родди и Гэй и вся их компания… каждый год в первую неделю января делают съемки в Шотландии. Ричард всегда ездит с ними. И в этом году он уехал, как обычно, не считая того, что спустя два-три дня после его отъезда, в воскресенье в шесть часов вечера мне позвонили из полиции. Я подумала, они звонят мне сообщить, что он умер или попал в аварию. Это было ужасно. Они назвали мне номер его БМВ и спросили, кто его владелец. – Она пристально посмотрела на озадаченное лицо Рови, а потом оперлась локтями о стол и наклонилась вперед, устраиваясь поудобнее. Теперь, когда она стала рассказывать об этом, она чувствовала себя гораздо лучше. – Его машина была припаркована под двойной желтой линией у одной гостиницы в Торквэе с вечера пятницы. Они отбуксировали ее в сторону, и за ней никто не обратился, потому-то они и беспокоились, уж не угнана ли она.

Она лукаво посмотрела на Рови.

– Естественно. – Рови тоже ответила ей пристальным взглядом, и на ее лице забрезжило понимание. – О господи… Ты хочешь сказать, что…

Сэм кивнула:

– Да. Девица из его конторы… очень ловкая проходимка, занимается распространением американских облигаций. – Она уставилась в свою тарелку, поболтала в ней ложкой. – К сожалению, я сообразила не сразу. Решила, что автомобиль угнали да и бросили, ну, вот я и позвонила его дружкам – их телефон в Шотландии я достала у Джульетты – чтобы поговорить с ним. – Она покачала головой. – Можешь себе представить, какой дурой я себя чувствовала? Как униженно? Его друзья… наши друзья… они-то знали. И они покрывали его, словно компания ребятишек-школьников.

– Господи. Бедняжка ты, Сэм. Ты, должно быть, чувствовала себя абсолютной…

– Именно так.

– И что же сказал Ричард?

– Да немного.

– И он даже не заметил с вечера пятницы до конца дня в воскресенье, что его автомобиль исчез? Чем же, черт подери, он… – Рови остановилась на середине фразы. – О, Сэм, извини меня.

Сэм вздохнула:

– Я-то думала, что наш брак был… ну, понимаешь ли… чем-то совсем особенным, что мы с ним… что все шло… – Она скорчила гримасу и уставилась на скатерть. – Мне казалось, что мы, по крайней мере, уважаем друг друга. Что же просто… ну, я не знаю, то, когда и как он проделал это… время… я считаю, что Рождество – это время особенное. Я выгляжу смешно?

Рови улыбнулась и покачала головой.

– Ну а теперь, когда все боятся СПИДа, и я тоже боюсь. Я имею в виду, что ведь бог ее знает, с кем она побывала. – Она тряхнула головой. – Но наши друзья… вот что по-настоящему меня достало. Господи, я же видела некоторых из них во время Рождества. И они тогда уже знали, что он не собирается ехать с ними на съемки, бьюсь об заклад, что и их девицы тоже знали. С тех пор я не слышала ни словечка ни от одного из них.

Рови потягивала свой сок, глядя на Сэм поверх бокала.

– Такие вещи случаются, Сэм.

– Ну, всегда думаешь, что они случаются с другими людьми.

– И вовсе не обязательно, что для Ричарда это значит много и он не любит тебя по-прежнему очень сильно, совсем не обязательно. Масса людей заводит интрижки просто ради секса.

– Я знаю. Одна часть меня говорит, что это идиотизм – так сердиться, у всех мужчин бывают интрижки и это вполне в рамках семейной жизни, но другая часть меня знает, что я больше никогда и прикоснуться к нему не смогу. С тех пор мы с ним не спали. При одной мысли об этом я становлюсь больной. – Она пристально посмотрела на Рови. – Это нормально?

– Уж и не знаю, Сэм. В каждом браке все по-разному. Я всегда считала, что у тебя он удачный.

– Да. Я и сама так считала. – Сэм пожала плечами. – Только вот Ричард, кажется, изменился в последнее время.

– В каком отношении?

– Ну, в точности трудно описать, он за последние восемь-девять месяцев начал зарабатывать уйму денег, причем больших денег. И очень подружился с одним типом, с швейцарским банкиром, который, по-моему, личность весьма темная, но, может быть, дело просто во мне. Ричард страшно любезен с ним, звонит ему все время, чтобы проконсультироваться. Разговаривает с ним больше, чем со мной. – Она проглотила ложку супа. – И вот теперь это ружье на вечере Ники… раньше он бы никогда не оставил ружье валяться где попало. Он всегда был довольно терпелив, а теперь стал таким раздражительным. И грубо обращался с Эдгаром еще до происшествия с ружьем.

– Может быть, он просто нервничает. В Сити все стали очень нервными со времени последнего краха на бирже. Сам-то он много потерял?

– Он сказал, что Андреас успел предупредить его заранее, так что с ним все в порядке.

– Андреас?

– Ну, этот тип, швейцарец.

– А тебе никогда не хотелось завести интрижку? – спросила Рови.

– Нет. На вечеринках, бывает, кто-нибудь пристает, но это только немного отвлекает, и все. А тебе хотелось?

– Да это уж продолжается много лет. – Рови самодовольно ухмыльнулась и положила в рот еще кусочек хлеба.

Сэм почувствовала себя так, словно кто-то выдернул из нее пробку. Весь установленный в мире порядок перевернулся вверх ногами.

– И с кем же?

– Да с одним черным парнем.

– Что?

– Моим учителем по аэробике.

– Шутишь!

– Это чистый секс, – пояснила Рови. – Раньше, когда говорилось, что женщина должна испытывать такое ощущение, я не задумывалась над тем, что имеется в виду, но раз у нас есть такая отличная возможность…

Она с извиняющимся видом улыбнулась застенчиво, словно уже сожалея, следовало ли ей вообще рассказывать об этом Сэм.

– А я считала, что у тебя прекрасный брак, – сказала Сэм. – Совсем не похожий на другие, как и наш с Ричардом.

– Ну, чужое пастбище всегда зеленее. Да-да. Брак у нас отличный. Но Джеймс все время работает, и я просто начала становиться… Ну, не знаю… – Она снова улыбнулась. – Я ведь не в том положении, чтобы иметь право осуждать, не так ли?

– А кто имеет? – Сэм отставила в сторону суп и принялась за салат. – А как там Джастин? Он очень расстроился после того, что стряслось на вечере у Ники?

– Нет, – успокоила ее Рови. – Я думаю, он считает, что все так и было задумано, что это часть представления с «Панчем и Джуди». А Ники как?

– Мне кажется, он до сих пор не может прийти в себя. А Ричард все разглагольствует о том, какие дети неунывающие, но я сомневаюсь в этом.

Ричард заплатил кукольнику пятьсот фунтов, чтобы тот не звонил в полицию.

«Я не желаю, чтобы ты и дальше учил Ники стрелять», – сказала ему Сэм.

«Но он-то не виноват», – защищался Ричард.

– Я до сих пор в ужасе, что могло бы случиться. Всего каких-нибудь несколько дюймов ниже – и он убил бы этого мужчину… или Ники… или кого-нибудь из детей. Ричард говорит, что это его мать виновата, черт бы ее подрал. Она в прихожей бросила горящую сигарету на столе.

ГОСПОДИ, ДА ЕСЛИ БЫ Я НЕ ЗАМЕТИЛ, ТО ВЕСЬ ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ СГОРЕЛ БЫ. Я ТАК РАССЕРДИЛСЯ, ЧТО ЗАБЫЛ ПРО РУЖЬЕ… ДО СИХ ПОР НЕ МОГУ В ЭТО ПОВЕРИТЬ. Я ЖЕ ВСЕГДА ЗАПИРАЮ ЕГО ПОДАЛЬШЕ И КЛАДУ ПАТРОНЫ НА ВЕРХ ГАРДЕРОБА, Я БЫЛ УВЕРЕН, ЧТО СДЕЛАЛ ТАК И НА ЭТОТ РАЗ. СОВЕРШЕННО УВЕРЕН.

Сэм попыталась было рассказать мужу, что уже видела все это во сне, но он не стал слушать, сказал, чтобы она его не смешила.

– Что касается меня, я не уверена, насколько сами взрослые неунывающи, – заключила Рови.

Они проболтали до начала четвертого – о мужчинах, о жизни, о детишках, о людях, с которыми они раньше общались, а теперь почти нет, но время от времени все же сталкивались с ними или слышали о них… Сэм пыталась осторожно свернуть разговор на тему снов, ей хотелось поговорить с Рови, сказать: «Мне снилось, что это случится», но удобной возможности так и не представилось, а в разговоре не возникло такой паузы, чтобы она могла заговорить об этом естественным образом.

Рови предложила Сэм убить остаток дня, и они отправились по магазинам. Черт подери, сколько же раз Сэм вот так убивала время, и потом, конечно же все может подождать до завтра. Ну, вот они и двинули по магазинам. Прошвырнулись по Ковент-Гарден, потом перешли на улицу Саут-Молтон. Каждая покупала себе какую-нибудь чепуху, другая восхищалась, считая, что это выглядит великолепно. Сэм удивилась, а с чего это она так беспокоится за Джеймса; но когда Рови купила совершенно непонятного размера спортивный костюм, Сэм поняла, что это совсем не для Джеймса.

А потом Сэм неожиданно улучила момент и рассказала все Рови. Та вовсе не посчитала Сэм впечатлительной дурочкой и сказала, что ей это понятно. Она тоже может предсказать иногда, что случится с ней самой. Она сообщила Сэм, что и у нее, мол, бывают предчувствия. И у нее была тетя, телепатка, так вот ей всегда снился один и тот же сон в ночь перед тем, как в их семье кто-то должен был умереть: она видела на некотором отдалении незнакомца, бредущего по побережью при низком приливе. Он входил в море и исчезал, а на следующий день кто-нибудь из их семьи умирал. Только она никогда не могла предсказать, кто именно.

Они немного выпили в каком-то винном баре, на который наткнулись, переходя Ганноверскую площадь, потом выпили еще бутылочку или около того шардоне. Вино оказалось совсем неплохим. Сэм подумала: интересно, а одобрил бы его Арчи, если бы она подала такое вино на приеме с обедом. Они дурачились, резвились, вели себя почти вызывающе, чокались рюмками и хихикали, как школьницы. И Рови сказала, что не надо дергаться попусту, время от времени у всех бывают ПРЕДЧУВСТВИЯ, просто у некоторых они сильнее, чем у других, но с Сэм все нормально, и ей не следует сходить с ума: этот мужчина в капюшоне из прошлого появлялся вовсе не затем, чтобы схватить ее. Наверное, она взвинчена из-за интрижки Ричарда, отчего в ее сознании и всплыли неприятные воспоминания прошлого.

Только и всего.

Так что ступай, дорогая, домой.

Расслабься!

Хорошо.

Сэм криво улыбнулась и побрела пешком, чтобы проветрить голову, испытывая смутное чувство вины, но совсем не потому, что уже поздно, а она не позвонила Ричарду и не пришла вовремя, чтобы самой уложить Ники спать. Она никак не могла решить, ехать ли на своей машине или взять такси. Пожалуй, ей не следует в таком состоянии садиться за руль, недолго и разбиться, но внезапно, когда она сообразила, что находится на Ковент-Гарден, хлынул такой сильный дождь, как из ведра, и, конечно, нигде поблизости не было видно ни одного такси; тогда она уже, не раздумывая, побежала к автостоянке.

17

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, оставив после себя в лондонской ночи мокрые, черные мостовые, на которых пританцовывали, мерцая, дорожные огни. Она выглянула через боковое оконце и увидела отражение своего «ягуара» на черном гудроне так ясно, будто на зеркальной глади озера.

Белишский маяк подмигнул ей, и она остановилась. Какой-то мужчина торопливо пересекал перекресток, держа сломанный зонтик.

СЕВЕР. ШОССЕ М-1.

Сэм нахмурилась. Север. Она направлялась на север. Господи, до чего же она пьяна! Который час? Который, черт подери, час? Лондон казался тихим, слишком тихим. Она уставилась на часы и внезапно услышала, как они громко тикают, словно часы дедушки.

Без четверти десять. А кажется, что уже четыре часа утра.

Без четверти десять. Бог мой! Неужели они с Рови пропьянствовали все это время? Она въехала на дорожку одностороннего движения, мотор яростно взвыл, пронзая ее насквозь своим ревом.

– Ах, мать твою! – выругалась она в темноту. Резко крутанув руль, тут же услышала сердитый гудок такси прямо рядом с собой. Она осторожно притормозила и прищурилась. Расплывавшиеся огни сливались воедино. Помедленнее. Надо ехать помедленнее. Направление не то. Ей надо к Сити.

Но она свернула еще дальше в сторону и покатила вверх по Фитцджон-авеню, двигаясь к Хампстеду. Какой-то белый «форд-капри», на очень высоких колесах, пытался проскользнуть мимо нее, водитель-молокосос показал ей большие пальцы, поднятые вверх. Она нехотя, с презрением уступила дорогу, а потом переключилась на вторую скорость и нажала на акселератор. Когда задние колеса бешено завертелись, то хвостовую часть «ягуара» стало мотать из стороны в сторону, и она сбавила ход, чувствуя, как покрышки сцепляются с дорогой, услышала рев двигателя и вновь увеличила скорость, рванувшись вперед, ощущая всю его мощь. Она мчалась, занимая встречную полосу движения. Вдруг увидела фары какой-то машины, спускающейся с холма в ее сторону, все ближе и ближе. Двигатель взревел, она переключилась на третью скорость и промахнулась мимо ручки переключения передач. Автомобиль сердито заскрежетал, начал замедлять ход, теперь фары были почти над ней. Она продолжала давить на ручку переключения передач, пытаясь сдвинуться в сторону, и что есть силы резко крутанула руль влево. Грузовик всего в нескольких дюймах промчался мимо нее, ударив воздушной волной и оглушив ревом мотора.

Ах, черт побери!

Тут она увидела, что с холма спускается полицейский автомобиль, замедляет ход, как бы высматривая, где бы ему свернуть и поехать за ней.

Стоп.

«Стоп, – подумала она. – Надо остановиться. Да не будь ты дурой, убирайся прочь!»

Не включив указатели поворота, она свернула вправо, на боковую дорожку, и понеслась по ней, прибавляя скорость. Дорога выходила на оживленную улицу, ярко освещенную, с магазинами, ресторанами, кафе и пивнушками, на улицу Хампстед-Хай.

Черт подери!

Сэм свернула налево, увидела справа от себя еще одну боковую улочку и повернула туда. Она оказалась тихой, обсаженной старыми деревьями, по обеим сторонам припаркованные автомобили и большие, стоящие уступами дома. Сэм посмотрела в зеркальце, не едет ли за нею следом машина. Ничего. Она совсем замедлила ход и почти ползла, пока не нашла место между автомобилями, куда и заехала. Выключила зажигание, потом огни и перевела дыхание. Тихо. «Ах, как тихо», – отметила она.

Она выбралась из автомобиля в странный полупрозрачный свет и затуманенным взглядом посмотрела вверх, на полную луну, сияющую между ветвями деревьев. «Какая яркая, – подумала она, – ярче солнца». Она немного прошлась вдоль мостовой, но вдруг в тишине мимо нее стремительно прогромыхал автомобиль, промчавшийся на такой скорости, словно хотел сбить ее, она едва успела отпрыгнуть на тротуар. Постояла какое-то мгновение, наблюдая, как исчезают его хвостовые огни.

Сэм снова сердито посмотрела на сияющую луну и пошла дальше по дорожке, пугаясь теней деревьев, которые казались ей похожими на темные большие пятна крови. Она боялась и самих

деревьев, будто наблюдавших за ней, и лунного света, освещавшего ее так безжалостно, словно напоказ. Сэм чувствовала себя перепуганным кроликом, ослепленным светом фар автомобиля.

Она с облегчением вздохнула, когда выбралась на улицу Хампстед-Хай. Автомобили. Полиция. Шум. Ослепительный блеск луны рассеивался уличными огнями и огнями витрин магазинов. Теперь, почувствовав себя в безопасности, она стала озираться в поисках такси. Два такси проехали одно за другим, оба с пассажирами. Пошлого вида мужчина в японском спортивном автомобиле притормозил, всматриваясь в нее. Она отвернулась и заметила на небольшом расстоянии от себя красный круглый знак метро. Она еще раз поискала глазами такси, а потом пошла дальше по улице и спустилась в метро.

На грязной, продуваемой насквозь станции никого не было, если не считать женщины в билетной конторке, внимательно смотревшей на Сэм через стекло из плексигласа. Суровая пожилая женщина, прямые волосы зачесаны назад, на лице под толстым слоем косметики проступали пятна, губы выделялись ярко-красным сердечком. Что-то в ней напомнило Сэм ее тетю.

– Уоппинг, – произнесла она. – Мне нужен билет до Уоппинга.

– Обратный? – спросила строго женщина, словно делая замечание.

– Нет, просто… Я просто хочу поехать туда. – Сэм понимала, что все еще пьяна, невнятно произносит слова, запинается, и она лихорадочно пыталась отыскать нужные выражения, но они ускользали, словно ребенок, прячущийся за темными деревьями. – Я не хочу возвращаться назад.

– Мы не продаем билетов в одну сторону от этой станции, – отчеканила женщина, но голова ее при этом оставалась совершенно неподвижной, как у куклы. – Никаких одиночных билетов!

Одиночный. Именно это слово: одиночный. «Почему же его так трудно было вспомнить?» – подумала она.

– Тогда двойной, – сказала Сэм, будто заказывала двойную порцию спиртного.

И почти мгновенно косметика на лице билетерши стала трескаться, губы разомкнулись и как-то сразу увеличились. Сэм было испугалась, когда выражение лица женщины изменилось, рот стал еще больше, плечи заходили ходуном, а глаза заискрились. «Она хохочет, – сообразила Сэм, – она просто стонет от хохота. Ей кажется, что я сострила».

– «Тогда двойной!» – повторила женщина. – Как в баре, двойную порцию, да?

Она снова загоготала, и Сэм радостно улыбнулась в ответ, ощущая тепло, распространяющееся глубоко внутри ее.

– Забавно. Это так забавно. – Билетерша подмигнула. Сэм резко дернула головой. – Идите так, вы очень насмешили меня, и я теперь не могу брать с вас никаких денег. – Она опять дернула головой. – Идите, идите. Если вас прихватит контролер, скажете ему, что Берил, мол, разрешила.

– Я же должна заплатить вам, – настаивала Сэм.

– Не-а.

Женщина еще раз мотнула головой, и Сэм прошла мимо нее, через пустой барьерчик прямо к шеренге лифтов с большими стальными дверями, больше похожими на грузовые лифты, чем на пассажирские.

Она нажала на кнопку лифта и стала ждать. Позади все еще слышался едва различимый кудахчущий смех женщины, доносящийся из билетного окошка. Сэм улыбнулась про себя, а женщина засмеялась снова, и смех ее слегка изменился, словно теперь она смеялась над ней, а не вместе с ней. И тут Сэм прямо перед собой увидела надпись – огромные красные буквы на белом щите, такие огромные, что просто невероятно, как это она могла не заметить их. «НЕ РАБОТАЕТ».

Она прошла к лестнице и стала спускаться по каменным ступенькам, спиралью идущим вниз, вокруг стальной шахты лифта, прислушиваясь к эху собственных шагов. «ОСТОРОЖНО! САМАЯ ГЛУБОКАЯ СТАНЦИЯ В ЛОНДОНЕ. 30 °СТУПЕНЕК, ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННОЙ СИТУАЦИИ». Где-то в отдалении она слышала лязг и дребезжание металла, какие-то голоса. Унылое однообразие не нарушили даже расклеенные объявления. Грязные тускло-коричневые кафельные плитки.

О господи! Это же все равно как спуститься в общественный сортир.

А предупреждение было верным, ступеньки будто вели в бездну, интересно, насколько же глубоко вниз она спустилась. Наверное, глубоко, очень глубоко, только ведь нет никаких указателей,

никаких обозначений, – а все та же ведущая вниз монотонно спиральная лестница. На глаза попался окурок сигареты, похоже, что его совсем недавно бросили и придавили. Она заметила, что становится темнее. Все дальше и дальше от лунного света. Казалось, что теперь этот свет излучали кафельные плитки, и чем дальше вниз, тем становилось все холоднее.

Вдруг она почувствовала, как чья-то рука резко сдавила ее шею. На долю секунды она взбесилась, но тут же страх парализовал ее.

Нет-нет. Не меня. Пожалуйста, не меня.

Сэм отпрянула назад так резко, что казалось, ее позвоночник вот-вот сломается, и она взвыла от боли. Она ощущала что-то страшное на своей шее, что проталкивается внутрь, ломает хрящи, перекрывает дыхание, душит. Жесткая, грубая рука зажала ей рот, больно притискивая ее губы к передним зубам, и она почувствовала на языке солоноватый привкус крови. Сэм яростно пыталась укусить эту руку, зажимающую уже не только рот, но и нос. От руки пахло луком.

Как от Слайдера.

Пожалуйста, Господи, пусть это окажется Слайдер. Господи, ну пожалуйста, пусть это будет сном и я смогу проснуться.

Она услышала, как открылась какая-то дверь, и поняла, что ее тащат непонятно куда. Она попыталась отбиваться ногами, хотела высвободить рот и закричать, но ноги беспомощно скользили, не находя опоры под собой. Ее продолжали тащить, потом вдруг яростно изогнули дугой назад, и вопль боли застрял у нее в горле.

Свет полностью угас, и она услышала лязг закрывающейся двери. Наступила кромешная мгла. Она осталась наедине с напавшим на нее.

Она слышала его дыхание, хриплое и неравномерное. Злорадное.

Помогите же мне. Пожалуйста. Не дайте этому случиться!

Сэм почувствовала, как его рука, грубая и мозолистая, скользит вверх по ее бедру. Она отчаянно отбивалась, но безрезультатно. Между тем пальцы добрались до самого верха ее бедер, бесцеремонно завозились в лобковых волосах и принялись протискиваться дальше, глубоко внутрь ее, полосуя ее своими ногтями, как ножом. Ей хотелось заорать, но страшная рука по-прежнему стискивала ее рот.

О Бог мой, нет, ах ты, ублюдок, отпусти меня. Нет. НЕТ!

Затем она почувствовала, что ее трусики сдергивают вниз, и услышала, как они рвутся.

Она снова попыталась кусаться, попробовала вывернуться, но он держал ее как в тисках, и каждое движение причиняло ей мучительную боль. Широко раскрытыми глазами она таращилась в темноту. Вдруг в комнате послышался щелчок, а потом непонятный свистящий звук. Думай. Думай. Бога ради. Защищай себя. Сделай ему больно. Ткни ему пальцами в глаза. Прямо в глаза. Но как попасть в них в кромешной тьме?

Ей слышно его дыхание, тяжелое, с хрюканьем, как у свиньи. Снизу, вдоль ног до самого живота потянуло холодом, сквознячком, а потом эти пальцы вонзились внутрь ее еще дальше, с такой силой, что чуть не разъяли ее на части. Она услышала отрывистый щелчок какой-то кнопки и звук расстегивающейся «молнии». Ее противник действовал медленно и осторожно – готовился.

Нет, господи, нет. Пожалуйста же, нет, господи.

– Поцелуй меня. Скажи, что ты любишь меня, – произнес он с вкрадчивым акцентом жителя Северного Лондона и заелозил своим ртом по ее уху. – Скажи, что ты любишь меня, – повторил он, на сей раз с соблазняющим французским акцентом, продолжая елозить губами по ее уху.

Она резко отдернулась в сторону, спасаясь от влажного рта и зловонного дыхания, пропитанного запахом табака, пива и лука. Пальцы выскользнули наружу и мягко прошлись по ее лобковым волосам, лаская их.

– Скажи, что ты любишь меня, – снова потребовал он грубым тоном.

Наступила полная тишина, она вглядывалась в темноту, ее сердце отчаянно билось, она путалась в мыслях, лихорадочно ища выход, прислушиваясь к его дыханию, которое становилось все громче и быстрее.

Вдруг снаружи послышались шаги. Сэм почувствовала, как ее противник напрягся, а рука, закрывавшая ее рот, сжалась.

Помогите, пожалуйста, помогите мне!

Шаги проследовали мимо, шли два или три человека. Она слышала, как один из них крикнул, второй засмеялся, а третий крикнул что-то в ответ. Шаги затихли. Затем раздался сильный грохот, даже пол слегка задрожал.

– Скажи, что ты любишь меня, – настаивал он. – Скажи, что любишь меня.

Она заметила, что рука, зажимавшая ее рот, чуточку отстранилась, и она вдохнула во всю силу легких, всем ртом, раскрыв его так широко, насколько смогла, и тут же принялась отчаянно кусаться, пытаясь вырвать зубами из его руки кусок побольше.

– Ах ты, сука!

Едва страшные тиски ослабли, как она отпрыгнула от него, то брыкаясь, то что есть силы, наугад, ударяя кулаком в темноту. Внезапно она ощутила под рукой что-то мягкое, услышала стон, а в следующий миг врезалась головой в стену и отскочила в полном ошеломлении.

– Ах ты, сука вонючая!

Сэм снова лягнула что было сил, шаря рукой в поисках двери, потом лягнула еще и попала по воздуху, ничего не видя в темноте. Почувствовав, как рука вцепляется ей в волосы, она стремительно ткнула пальцем вперед, попав во что-то мягкое, студенистое. Он завопил. Сэм ринулась вперед, не переставая бешено брыкаться и тыкая пальцем в темноту. Он опять заорал. Тиски на ее волосах ослабли.

Дверная ручка. Вот она, под ее рукой. Сэм потянула, и дверь отворилась. Она выпала на каменную лестницу.

«Помогите! – хотела крикнуть она, но получился только сдавленный шепот. – Помогите мне. О господи, помогите же мне!»

Она карабкалась вверх по ступенькам. Господи, беги, бога ради. Беги. Она пыталась, но не могла даже поднять ногу на следующую ступеньку. Неожиданно дверь позади нее открылась. Беги, беги! Она безуспешно пробивалась вперед – перед ней словно выросла воздушная стена. На помощь! Она снова попыталась закричать, но изо рта не вырвалось ни единого звука.

Она вцепилась в перила, пытаясь втащить себя вверх по лестнице, но ступени были такими крутыми. Сэм оттолкнулась еще раз, чувствуя, что мышцы ее рук не выдерживают напряжения и она не может преодолеть непонятную препятствующую силу.

– Сучка вонючая.

Несмотря на все свои попытки, она по-прежнему не могла пошевелиться. Эта жуткая рука снова обхватила ее шею, резко и жестоко рванула Сэм назад, в комнату.

Она хотела пустить в ход локти, но ее руки крепко держали, и она едва могла пошевелить ими.

– Нет! – завопила она. – Нет! Нет! Нет!

Она цеплялась ногами за ступеньки, пытаясь найти точку опоры, но все без толку. Ее волокли обратно вниз, вниз, в эту темную комнату.

– Нет! Нет! Нет!

– Таракашка?

– Нет!

– Таракашечка?

– Нет!

– Сэм?

Голос вдруг изменился, стал мягким. Совсем другой голос.

– Таракашечка, с тобой все в порядке?

Холодный сквозняк обдувал ее щеки.

– Таракашка, дорогая моя?

По ее лицу стекали струйки пота.

– Таракашечка?

Все ее тело покрылось испариной, и ее кинуло в дрожь.

– Таракашка?

Она услышала шуршание простыней, скрип постельных пружин, а потом – какой-то щелчок, и ее ослепил сверкающий белый свет, еще более яркий, чем луна.

– Ты в порядке, таракашка?

Лицо Ричарда, близко, так близко, что она не могла сфокусировать на нем взгляд.

– Ужасно. Это было ужасно.

– Ты так орала, – сказал он.

– Извини. Извини меня.

Она приподнялась на постели и села, сердце ее колотилось.

– По всей вероятности, это от пьянки, – заметил он.

– От пьянки?!

Она почувствовала острую головную боль. Беспорядочные воспоминания калейдоскопом проносились в ее сознании. Господи, да сколько же она выпила? И как попала домой? В отчаянии она пыталась припомнить хоть что-то. Но все превратилось в сплошное расплывшееся пятно.

– Ты напилась, как последняя рвань.

– Извини, – проговорила она без всякого выражения.

– Это было чертовски забавно. Ты все талдычила Джулиану, чтобы он не беспокоился.

– Джулиану?

– Ну, Холланду.

«Холланд, – подумала она. – Ага, Джулиан Холланд. Отец Эдгара». Теперь она вспомнила. Он был у них, когда она заявилась домой.

– Ну, я же чувствовала себя виноватой перед ним.

– По-моему, он подумал, что ты тронулась. Ты просто села на него и твердила ему без остановки, что это, мол, твоя вина, потому что ты не придала значения своему сну.

Сон. Она содрогнулась.

– Он выглядел таким… таким несчастным. Таким виноватым.

– Ну, трудно было ожидать, что он примется скакать от радости.

– Очень мило с его стороны, что он заехал.

– Я играл с ним в теннис. Ему хотелось немного поупражняться.

– А я поблагодарила его за те цветы?

– Да, раз сто.

Она внимательно посмотрела на занавески, слегка колышущиеся на сквозняке.

– Они какие-то неряшливые, – сказала она.

– Неряшливые? Цветы?

– Эти занавески. Нам надо поскорее отдать их в чистку. Мы их никогда не чистили.

Ее голова болела, во рту все пересохло. Она снова чувствовала запах лука. Жареного лука, спиртного и прогорклого дыма.

– Ты ел лук?

– Ага. Маринованный. Мы ели рыбу, чипсы и маринованный лук. Все было просто отлично. Ну а потом приняли маленький парад магазинов…

– Ты играл в теннис, а потом ел рыбу и чипсы?

– Ну.

– А я-то думала, что ты пытаешься сбросить вес.

Она отхлебнула глоток воды и плотно зажмурила глаза от яркого света, ей внезапно почудилось, что она снова находится в той темной комнате. Сэм содрогнулась и села попрямее, боясь уснуть.

– Все в порядке?

– Все отлично, – сказала она. – Со мной все отлично. Я думаю, что я просто… почитаю… немного.

18

В комнате ожидания у Бэмфорда О'Коннела пахло полированной мебелью и затхлой материей, как и во всех медицинских приемных, в которых Сэм когда-либо бывала. Журналы «Поля», «Сельская жизнь», «Яхты и яхтный спорт», «Дома и сады» были разложены на столике слишком аккуратно, настолько аккуратно, что Сэм стало просто интересно, а не разложил ли их так пациент, который теперь консультировался у О'Коннела в кабинете.

У МЕНЯ, ДОКТОР, ПУНКТИК НАСЧЕТ ОПРЯТНОСТИ. Я ТОЛЬКО ЧТО НАВЕЛ ПОРЯДОЧЕК В ВАШЕЙ ПРИЕМНОЙ, И ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ТАМ РАЗБРОСАЕТ ЖУРНАЛЬЧИКИ, ТО Я ИМ ПРОСТО ГОЛОВЫ ОТРУБЛЮ БОЛЬШИМ ТАКИМ НОЖИЧКОМ. ВЫ МЕНЯ ПОНИМАЕТЕ?

НУ РАЗУМЕЕТСЯ. РАЗ УЖ ВЫ ЧУВСТВУЕТЕ, ЧТО ДОЛЖНЫ ЭТО СДЕЛАТЬ, ВАЖНО НЕ ПОДАВЛЯТЬ СВОИ ЧУВСТВА.

А ЭТО ВЕДЬ БУДЕТ ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЕСЛИ Я И В САМОМ ДЕЛЕ ОТХВАЧУ ЕЙ ГОЛОВУ, ВЕДЬ ПРАВДА ЖЕ? ЧТОБ ЕЙ БОЛЬШЕ СНЫ НЕ СНИЛИСЬ.

ДА, КОНЕЧНО, ЗДОРОВО.

Я МОГУ ОТНЕСТИ ЕЕ ГОЛОВУ К СЕБЕ ДОМОЙ В ПЛАСТИКОВОМ МЕШОЧКЕ И ПОСАДИТЬ ЕЕ НА КОЛ В САДУ – И КАЖДОЕ БОЖЬЕ УТРО Я СМОГУ ГОВОРИТЬ ЕЙ: «АХ ТЫ, ГАДКАЯ, ГАДКАЯ, ГАДКАЯ. А КТО ЭТО У НАС СНОВА ВИДЕЛ ДУРНОЙ СОН ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ, А?»

Кто-то пририсовал фотомодели на обложке журнала «Вог» шариковой ручкой крошечные круглые очки и смешную козлиную бородку, и теперь красотка походила на довольно зловещего Зигмунда Фрейда.

Дверь позади нее открылась, она вздрогнула от неожиданности, услышав голос Бэмфорда О'Коннела, который звучал мягче обычного и с менее заметным лондонским акцентом.

– Сэм, привет. Заходите.

На психиатре был надет клетчатый костюм «а-ля принц Уэльский», на носу солидные очки в черепаховой оправе. Эксцентрично экипированный щеголь, который был у нее на званом обеде, превратился в серьезного ученого мужа. И только пижонский проборчик да слишком длинные волосы напоминали того Бэмфорда, которого она знала по частной жизни. Она нашла его новый, преображенный облик странным образом успокаивающим, будто это создавало некоторую дистанцию между ней и Бэмфордом-приятелем.

Он резким движением закрыл тяжелую дверь с солидной обшивкой, обеспечивающей полное уединение. Внезапно наступившая тишина врачебного кабинета напугала ее. Сэм подумала, что, может быть, комната звуконепроницаемая. Как глаза, медленно приспосабливающиеся к темноте, ее уши потихоньку привыкали к непривычной тишине, нарушаемой лишь шипением автомобильных покрышек, доносящимся с пропитанной дождем Харли-стрит сюда, на третий этаж, да тихим, но постоянным гудением вмонтированных в стену газовых труб.

Аккуратная, элегантная, хотя и несколько разностильная комната: письменный стол из красного дерева, дубовый книжный шкаф, два удобных кресла, подделка под викторианский стиль, шезлонг и вытянутая в длину картина на стене, на которой было изображено нечто напоминающее стебли ревеня в грозу.

– Присаживайтесь, Сэм. – Он показал на одно из кресел. – Я вспоминаю прекрасный вечер на прошлой неделе. Великолепно развлеклись.

– Неплохо. Было очень мило видеть вас обоих. Гарриет отлично выглядит.

Он сел за письменный стол, оказавшись на фоне естественного пейзажа в окне: верхушки крыш, серое небо и косые струи дождя, сильного, надоедливого дождя, вроде тех дождей в мокрый воскресный день, которые видишь в фильмах или в театральных постановках. Он подтянул рукава пиджака чуточку повыше, словно желая продемонстрировать модные часы на ремешке из крокодиловой кожи и изящные запонки с сапфирами.

– Итак, чему обязан столь высокой честью?

– Мне нужна небольшая помощь… совет. Я пришла к вам как к профессионалу. И хочу заплатить вам за визит.

– Не требуется ничего подобного.

– Пожалуйста, Бэмфорд, я так хочу.

– Не желаю и слышать об этом. В любом случае мне не следовало бы принимать вас, не поговорив предварительно с вашим врачом. – Он подмигнул. – Ну, расскажите…

Она посмотрела вниз, на ковер, дорогой, из чистой шерсти, неопределенно бурого цвета, потом снова подняла глаза:

– Мы разговаривали за обедом… ну, о снах… о предчувствиях.

– Та авиакатастрофа в Болгарии, – напомнил он. – Вы ее увидели во сне?

– Да. – Она помолчала, посмотрела на электрическую лампочку в светильнике под потолком и почувствовала холодный озноб. – Я… у меня недавно был новый сон. – Она снова уставилась на лампочку. – По поводу уикэнда… и он сбылся.

Он слегка наклонил голову и сцепил пальцы.

– Расскажите-ка мне оба этих сна.

Она рассказала ему сон про авиакатастрофу и сон про «Панча и Джуди». О Панче, появляющемся в черном капюшоне и с дробовиком, о том, что произошло впоследствии. Он сидел молча, глядя на нее внимательно и так напряженно, что ей стало неловко. Казалось, он что-то читал на ее лице, как в полиции читают служебное донесение.

– Этот черный капюшон, который присутствовал в обоих снах… у вас есть какие-нибудь ассоциации с ним?

Помолчав секунду, она кивнула.

– И что же это за ассоциации?

Она посмотрела на свои пальцы.

– Это… наверное, из детства. Я… Ну, это очень длинная история.

Он ободряюще улыбнулся:

– У нас уйма времени.

– В нашей деревне жил один парень, – начала Сэм. – Вы, наверное, могли бы назвать его деревенским идиотом, если не считать того, что он совсем не был забавным. Он был отвратительным… злобным, страшным. Он и его мать жили в фермерском домике на самом краю деревни. Дом очень большой и на отшибе, наводивший страх на всю округу. Всегда ходили слухи о загадочных вещах, которые там творились.

– И какого же рода вещи?

– Ну, я не знаю. Черная магия или что-то такое. Его мать, иностранка, была чем-то вроде… ведьмы, полагаю. Мои тетя и дядя время от времени говорили о ней, и ходил такой слушок, будто она была женой или любовницей одного немецкого колдуна, который вроде совершал ритуальные убийства, а этот Слайдер его сын, вот только… – она пожала плечами, – вероятно, это просто обычные деревенские сплетни. Она, конечно, была очень загадочной. Совсем отшельница. На ее ферме творилось много странного. Одна моя приятельница, которая жила в этой деревне, рассказывала много лет спустя, что та женщина находилась в кровосмесительной связи со своим сыном, только не знаю уж, как она-то узнала об этом. – Сэм улыбнулась. – В маленьких сообществах возникает масса странных сплетен. Она… ну, эта женщина… забеременела, родила девочку, но никто никогда не видел ее. Не знаю, родила ли она ее от сына. Ходили слухи о ритуальных оргиях и бог знает о чем еще. Всем детям всегда строго-настрого наказывалось держаться от той фермы как можно дальше. От того дома веяло страхом. Я до сих пор помню это очень четко. И домашние животные у людей там пропадали… ну, собаки и все прочее… и всегда говорили, что это, мол, Слайдер их забрал.

– Слайдер?

– Это его кличка. У него был стеклянный глаз, который он, бывало, то вставлял, то вынимал. Любил прогуливаться по Хай-стрит, а завидев кого-нибудь, вытаскивал глаз и помахивал им. Сама пустая глазница была такая красная, с мертвенно-бледным оттенком и ресницами, загибающимися вовнутрь. – Она подняла взгляд на О'Коннела, но тот не выказал никакой реакции. – А иногда он вставлял себе вместо глаза маленькую луковичку. Случалось, вытащит ее, помашет ею кому-нибудь, пожует ее и выплюнет.

О'Коннел слегка нахмурился.

– Никто не знал, как он лишился глаза. Ходили слухи, что какая-то кошка, которую он мучил, выцарапала ему глаз, хотя я-то думаю, что он попал в автомобильную аварию и там и потерял свой глаз. Поговаривали, что он вообще любил мучить животных… ну, домашних животных, которых он подлавливал. После того как он умер, а его мать переехала, их сад срыли до основания: скорее всего, там нашли что-то вроде склепа.

– А сколько ему тогда исполнилось лет?

– Двадцать с небольшим, полагаю. У него было еще и другое увечье. На одной руке, совсем усохшей, остался всего один палец – большой, отчего она походила на жуткую клешню.

– Какой-нибудь несчастный случай?

– Я не знаю. Но думаю, у него это с рождения.

– А как он умер?

«Годы прошли, – подумала она. – Я не говорила об этом долгие годы ни единой душе». Страх оказался настолько сильным, что она никогда не рассказывала даже Ричарду. На всякий случай… словно опасаясь, что даже одно упоминание о Слайдере может вернуть все это на круги своя…

Вот и теперь она вдруг почувствовала, как что-то надвигается в ее сторону, какая-то тень, вроде облака или волны, которая, достигнув ее, вздымается вверх позади. Сэм задрожала и не сводила пристального взгляда с О'Коннела – чтобы успокоиться. Потом неожиданно призналась:

– Я убила его.

Последовало довольно долгое молчание.

– Вы убили его? – спросил он наконец.

Сэм кивнула и прикусила нижнюю губу. Рассказывать об этом… о предзнаменовании?.. Она надеялась, что все осталось в прошлом, угасло само собой, и если она сможет когда-нибудь забыть обо всем, то, скорее всего, все сложится так, будто никогда ничего и не случалось. Думала, что уж по прошествии-то четверти века она в конце концов сможет почувствовать себя в безопасности и не бояться Слайдера.

– Вы его убили? – повторил свой вопрос О'Коннел.

– Ну… Я… я играла в поле и услышала страшный крик, доносящийся из амбара. Амбар стоял на отшибе, совсем заброшенный… да вряд ли им когда-либо пользовались. Я подбежала к амбару и услышала крики наверху, на сеновале, ужасные пронзительные крики. Ну, я и взобралась вверх по лестнице и увидела его, Слайдера, в этом черном капюшоне… таком страшном… он там как раз насиловал и душил какую-то девочку.

Слайдер погнался за мной через сеновал, а потом подмял под себя. В тот момент я не знала, что это он, потому что было темно и капюшон закрывал его лицо, но я чувствовала, что он собирается убить меня. Я кусала его, отчаянно брыкалась и каким-то образом выдавила ему тот, ненастоящий глаз, он вылетел из глазницы. Тогда Слайдер совсем обезумел, а потом… Я не помню в точности, что случилось, но он провалился сквозь прогнившие доски в сеновале и напоролся на какую-то старую машину внизу, на земле…

Теперь Сэм трясло, трясло так сильно, что, даже когда она сцепила свои руки, она не смогла унять их дрожь.

– Там был металлический штырь… что-то вроде шпоры… и он прошил его шею насквозь. Я видела, как он таращится на меня снизу вверх, а вокруг все залито кровью. На сеновале было темно, потому что электрическая лампочка разбилась… она разбилась во время борьбы. Там была я и эта мертвая девочка. Я понимала, что она мертва, – не знаю почему, но понимала, – только вот я не знала, умер ли Слайдер или жив. На нем по-прежнему был черный капюшон, и все, что я могла видеть… нет, скорее ощущать – это один глаз, глядевший на меня сквозь прорезь. Я боялась, а вдруг он выберется из этой машины, поднимется сюда и убьет меня… А спуститься вниз я не осмеливалась, потому что…

– И что было дальше?

– Я осталась там, наверху. Каким-то образом я догадалась, что если он попытается вскарабкаться по этой лестнице – я забросаю его связками соломы, и он не сможет добраться туда. Но он по-прежнему не шевелился. А потом совсем стемнело, и я больше не могла его видеть, что еще более пугало. А еще попозже до меня донеслись голоса, я увидела фонари, услышала голос моего отца. И я вопила и вопила не переставая.

– И Слайдер был мертв?

– Да.

– А кто была та другая девочка?

– Да кто-то из деревни. Я ее толком-то и не знала. Она была старше меня, ей уже было лет четырнадцать или пятнадцать.

– А сколько было тогда вам?

– Семь.

– Сэм, это просто воспоминание, принесенное из детства.

– Есть и другое, – сказала Сэм. Она перевела взгляд на свое запястье и принялась теребить ремешок часов. – После того как это произошло, мне стал сниться Слайдер.

– Ну, этого нетрудно было ожидать, – сказал О'Коннел.

– Мне постоянно снился один и тот же повторяющийся сон. Будто я слышу этот вопль и бегу к амбару, забираюсь на сеновал, а из темноты на меня выходит Слайдер. Только вот во сне он не умирал. Он всегда хватал меня, ложился на меня сверху, и одного глаза у него не было, и его красная глазница надвигалась все ближе… ну а потом я просыпалась. Это означало, что должно произойти что-то плохое.

– Что же, например?

– Началось с мелочей. В первый раз, когда мне приснился этот сон, на следующий день подох мой хомячок. А дальше становилось все хуже и хуже, происходили более серьезные события: я заболевала или у моей матери рождался ребенок и умирал. А в последний раз, когда я видела этот сон, то проснулась и узнала, что мои родители погибли в автомобильной катастрофе.

– И все это случилось тогда, когда вам было семь лет?

– Да.

– И после этого вам больше не снился этот сон?

– Нет… ну, как будто он уже получил то, что хотел, я так думаю… и отомстил.

– А вообще вы могли бы предсказать по вашим снам, что именно плохое должно произойти?

– Нет.

– И теперь вот опять в ваши сны возвратился образ этого Слайдера, плюс к тем двум?

– На самом-то деле я видела три сна с его участием. – Она рассказала ему о своем сне в такси. – И прошлой ночью мне приснился очень странный сон, – улыбнулась Сэм. – Вы, наверное, думаете, что я совсем чокнулась.

– Расскажите мне о нем.

И она рассказала ему свой последний сон о станции метро «Хампстед». Когда закончила, все еще было невозможно понять реакцию Бэмфорда.

– А этот мужчина в капюшоне, Слайдер, он и был тем человеком в вашем сне про метро?

– Не знаю… я так не думаю. Мне… я не видела его лицо, но там, кажется, он был без маски… вот только… – Она замолчала. – От него пахло луком.

– Вы выглядите очень усталой, Сэм. Вы не проходите сейчас никакого курса лечения?

– Нет.

– Какие-нибудь таблетки от бессонницы пьете? Что-то успокаивающее?

– Нет. Ничего.

– А Ричард знает, что вы здесь?

Она поколебалась.

– Нет… Я была бы вам признательна, если бы вы не…

– Ну разумеется.

Она внимательно посмотрела в его непроницаемые глаза и перевела взгляд на полированную поверхность письменного стола, на котором ничего не лежало, кроме позолоченной авторучки. Потом она мельком взглянула на свои пальцы. «Грызу ногти», – подумала она, глядя на свой большой палец, на котором даже кожа была немного обкусана. Фи, как безобразно.

– Интересно, а есть ли какие-нибудь таблетки, которые вы могли бы мне прописать, чтобы я больше не видела снов?

Она продолжала щипать заусеницы на пальцах… Стоп. Попыталась остановить себя, но тут же снова принялась их щипать. Бэмфорд выпятил нижнюю губу, потом слегка постучал по своей золотой авторучке.

– Есть такие транквилизаторы, но от них масса побочных эффектов. Они прервут ваши сновидения по ночам, но вместо этого у вас начнутся дневные сны и галлюцинации. Скажите мне, Сэм, если уж вы видите будущее, то чего вы по-настоящему боитесь? А вдруг это окажется полезным? Не могли бы вы как-то использовать эту информацию?

– Это не совсем то. Мне кажется, будто… будто я провоцирую эти события тем, что они мне снятся.

– И вы считаете, что вызвали эту авиакатастрофу?

Она кивнула.

– И самолет не разбился бы, если бы вам это не приснилось?

Она почувствовала, что слегка краснеет, и пожала плечами.

– А те сны, что снились вам в детстве, после того как погиб мужчина в капюшоне… как скоро после этих снов что-то случалось на самом деле?

Она стала вспоминать, вызывая в памяти далекое прошлое. Все туманно. Детство представало в ее памяти мозаичной картиной, составленной из отдельных фрагментов. С течением лет они сглаживались, стирались, словно царапины на старом письменном столе, становясь частью привычного пейзажа, и, несмотря на ее отчаянные попытки, невозможно было припомнить их строгую очередность.

– Случалось по-разному.

– Ну, через день? Неделю? Несколько месяцев?

Она услышала собственный голос:

«МАМОЧКА!»

Крепкие объятия. И слезы.

«ВСЕ В ПОРЯДКЕ, ДОРОГАЯ МОЯ».

– Это всегда происходило очень скоро. На следующий день или через несколько дней.

– А у вас когда-нибудь случалось что-либо плохое, когда вам не снились дурные сны?

– Я… думаю, что да, случалось.

Молчание. *Я-то понимаю, что вы имеете в виду.* Она снова ущипнула палец и, почувствовав боль, поняла, что содрала кусочек кожи.

– В новостях, Сэм, чуть ли не каждую неделю сообщается об авиакатастрофах. И если вам снится сон об авиакатастрофе, то он почти непременно сбывается?

– Нет, конечно же не в точности так, как в моем сне, со всеми подробностями.

– А вы их записывали? До того, как услышали об этой катастрофе?

– Нет.

– Я знаю, Сэм, что вы умный человек, но в данный момент вы очень возбуждены. Вам не кажется, что, возможно, вы приписали вашему сну больше подробностей, чем их в нем было на самом деле? И может, подгоняете этот сон под факты, а?

– Нет.

– Давайте-ка поговорим немного о других снах… Ну, например, парень в капюшоне из такси, который дал вам посадочный талон. Не думаю, что в этом есть что-то пророческое. Вы же выяснили, что на том самолете вообще не было места под таким номером, разве нет?

– Да, выяснила.

– 35А, не так ли? Эти цифры, возможно, имеют какое-то иное значение. Они означают что-нибудь для вас?

– Нет.

– Но почему вам приснились именно они? В наших снах все появляется по какой-то причине, но добраться до понимания этих причин можно, только проанализировав их. – Он улыбнулся. – Да не смотрите вы так тревожно!

– Вы считаете, что мне надо сходить к психоаналитику?

– Ну, если вы чувствуете, что ваши сны беспокоят вас до такой степени, что оказывают отрицательное воздействие на вашу жизнь, то, вероятно, стоит в них разобраться.

– И чем же мог бы помочь психиатр?

– Он мог бы попытаться раскрыть те причины, которые вызывают ваши сны. Докопаться до их корня и извлечь на поверхность. Помочь вам понять, почему вам это снится.

Сэм машинально щипнула другой ноготь.

– Бэмфорд, я все-таки думаю, что я… что это было предчувствие.

Он выдвинул правый ящик письменного стола, а потом задвинул его, кажется так ничего и не достав. Потом он проделал то же самое с левым ящиком. «Словно органист, устанавливающий регистры», – подумала она.

– Теперь давайте взглянем на сон с «Панчем и Джуди»: Панч исчезает, снова появляется в черном капюшоне и стреляет в вас из дробовика. Вы просыпаетесь, и толстый кусок штукатурки падет на вас со стены. Так?

– С потолка.

– На следующий день какой-то ребенок завладевает ружьем вашего мужа и стреляет из него во время представления с «Панчем и Джуди». – Бэмфорд взял позолоченную авторучку и покатал ее в своих пальцах с аккуратным маникюром. – Ну, здесь, несомненно, есть связь, но вряд ли на основании этого сна вы могли бы предсказать, что может произойти в действительности. И никто, я думаю, не смог бы. Давайте-ка, Сэм, немного прокрутим этот сон с разных сторон. Каким образом шестилетний мальчик мог завладеть заряженным ружьем?

– Ричард… – Она поколебалась. – Мы не уверены. Ричард считает, что он, наверное, сам оставил его. Обычно он держит ружье на втором этаже, а патроны кладет на гардероб, так что Ники не может их достать.

Бэмфорд кивнул:

– Стало быть, он все-таки спрятал его?

– Возможно, но маловероятно. Мальчик сказал, что он нашел ружье прислоненным к стене.

О'Коннел подался вперед:

– Видите ли, Сэм, может быть, этот сон действительно означает что-то в вашей жизни, но совсем не то, что вы думаете. Ведь возможно другое истолкование: вы отказались от карьеры ради Ники, но, поскольку роды были трудными, вы больше не можете иметь детей. Может быть, глубоко в своем подсознании вы испытываете гнев к нему и ощущаете, что если бы не он, то…

Сэм уставилась на Бэмфорда в полном изумлении, стремительно перерастающем в возмущение.

– Вы хотите сказать, что дело во мне? Что это я дала мальчику ружье?

– Я в данный момент говорю не о том, что вы на самом деле испытывали именно такие чувства, я только хочу показать вам возможные альтернативы, варианты, которые будет нащупывать психоаналитик, пытаясь выявить истинную причину этого сна. Ваши сны свидетельствуют о том,

что у вас есть сложные проблемы. Отметая их от себя, как необоснованные предчувствия, вы как бы игнорируете их истинное значение, так сказать, заметаете мусор под ковер с глаз долой. Ведь куда проще отмахнуться от них, как от мучительных предчувствий, чем отважиться понять их подлинный смысл.

– Вам не кажется, что вы пытаетесь упростить проблему, сведя все к расхожему фрейдистскому толкованию? – холодно спросила она.

– Я не пытаюсь ничего упрощать. Но вам, Сэм, необходимо понять, что значат на самом деле ваши сны. – Он аккуратно положил позолоченную авторучку на стол и поправил ее, чтобы она не укатилась. – Наша жизнь – это постоянное балансирование на грани здравомыслия и безумия. Большинство из нас выбираются из этого нормально. Когда мы бодрствуем, мы держим свои эмоции под контролем, но они выплескиваются наружу в наших снах: ревность, боль, крушение надежд, огорчения, гнев, страстные желания и прошлое. Самое важное – это прошлое. – Он сообразил наконец, что авторучка отвлекает внимание Сэм, и убрал ее в стол. – Папа делает это с мамой, и я тоже хочу делать это, но если он застукает меня, то мне не поздоровится… Или вот в вашем случае: у папы такая здоровенная пипка, а у меня какой-то крошечный бугорочек, стало быть, я его хуже… ну, вы понимаете, да? Первобытные оценки и тому подобная мура?

Она слабо улыбнулась.

– Ну а что касается сна о спуске в метро… вы рассказали его очень хорошо. Он прозвучал как строгое изложение фактов. Я легко мог проследить за вашим рассказом. – Он развел руками. – Но не понимаю его смысла. Видите ли, в этом сне, по всей вероятности, полно символов, которые могут быть понятны только вам.

Он замолк и посмотрел на Сэм с неожиданным смущением. Поерзал в кресле, потом наклонился вперед, положив локти на письменный стол и подперев подбородок.

– Сэм, – произнес он очень мягко, – вы не возражаете, если я спрошу вас о чем-то очень личном? Если вы не хотите отвечать, это совершенно нормально.

– Не возражаю… разумеется.

– За обедом я не мог не заметить, что отношения между вами и Ричардом очень напряжены.

Она покраснела.

– Между вами все в порядке?

Тоска по члену! Ну конечно же. Это-то и выбивает меня из колеи. Вот почему мне и снятся пикантные сцены. Ну разумеется! Он откинулся назад, не отводя от нее глаз.

– Думаю, что вам куда легче будет поговорить об этом с посторонним человеком. А вы не хотите повидаться со специалистом из моего заведения у Гэя, он поможет разобраться в ваших чувствах, не смущая при этом вас?

– Я не знаю.

– Если ваши сны так беспокоят вас и вам начинает казаться, что они влияют на вашу жизнь, тогда вы обязаны считаться с ними. Но не исключено, что в один прекрасный момент они могут прекратиться.

– Они не собираются исчезать, – возразила Сэм.

– Почему вы так считаете?

– Не знаю. Просто у меня такое ощущение. Предчувствие, что ли…

– Вы хотите, чтобы я порекомендовал вам кого-либо?

– Я хочу заставить себя поверить вам, Бэмфорд. Хочу заставить себя поверить всей этой психоаналитической чепухе. Но уверена, у меня бывают именно предчувствия. И ведь тогда я могла бы спасти жизнь тех людей.

– Забудьте о предчувствиях, Сэм. Они не более чем удачные совпадения. Только и всего. Не дайте себя заманить в эту западню.

Ее охватил гнев.

– Почему же нет? Ведь Ники мог бы быть застрелен… да и любой из пришедших на праздник детей тоже. Может быть, я смогла бы предотвратить это.

Он мягко покачал головой, что распалило ее гнев еще больше.

– Как бы вы ни решили, Сэм, позвольте мне дать вам один маленький совет. Держитесь подальше от всяких мошенников. – Он легонько постучал себя по голове. – Все идет отсюда. Не имеет никакого значения, что вам говорит кто-то другой. Мне, как врачу, это хорошо известно.

– Господи, Бэмфорд, да вы просто самодовольный ублюдок! – взорвалась она.

Он никак не отреагировал на ее грубость. Последовала довольно продолжительная пауза, врач молча таращился на нее, и она почувствовала, что ее лицо вспыхнуло и залилось краской. Она уже жалела, что сорвалась, ведь отняла у него столько времени, а отплатила жутким хамством.

– Сэм, – заговорил он. – Вы пришли ко мне за помощью, за советом. Я сделал, что смог. Что я могу еще? Посоветовать обратиться к ясновидящей? К медиуму? Отправить вас в какую-нибудь группу по изучению снов? К парапсихологу? Я же хочу помочь вам, а не сделать все еще хуже.

– Если вы хотите помочь мне, Бэмфорд, первым делом вы должны поверить мне.

Он неторопливо подтянул рукава своего пиджака, почесал нос, а потом снова поставил локти на письменный стол.

– Я скажу вам, во что я верю. Верю, что ВЫ искренне верите, что у вас бывают предчувствия.

– И вы считаете, что они – всего лишь иллюзии? – Она пристально посмотрела на него, и гнев вновь вспыхнул в ней. – Вы хотите, чтобы кто-нибудь еще погиб? Тогда вы, может быть, поверите?

Он откинулся в своем кресле и скрестил руки.

– Мужчины в капюшонах, – сказал он. – Этот тип в капюшоне… Слайдер, да?

Она мрачно кивнула.

– Сэм, вы же давно взрослая. Вы мать и преуспевающая деловая женщина. Но вам до сих пор снится пугающий призрак из вашего детства. Я не знаю ни единого живого существа, кто мог бы последовательно предсказывать будущее. Таких нет и не будет. Существуют удачные предположения, порой во время сна сознание уносится куда-то и преподносит нам возможные варианты. Только и всего. К примеру, этот ваш верзила – урод в капюшоне, воняющий луком, – он сидит в вашем подсознании, а вы думаете, что вам является призрак человека, умершего двадцать пять лет назад. Мерзкая тварь приходит в ваши сны и пытается уничтожить вас. Да если он действительно хочет уничтожить вас, тогда зачем он снабжает вас сведениями? Чтобы предостеречь?

Она снова почувствовала холод, холод и пустоту; все совершенно запутанно. Посмотрела пристально вверх, на электрическую лампочку, потом – через окно – наружу, на верхушки крыш и свинцовое небо.

– А может быть, он играет в какую-то игру, зловещую, непонятную пока игру, ну, чтобы… помучить меня… понимаете? Просто играет со мной, пока еще не подготовился?

– Всем нам являются призраки, Сэм, только они не привидения и не демоны, которые поднялись из могилы. Это наши собственные страхи и опасения. – Он снова постучал себя по лбу. – Нам необходимо проникнуть туда, вовнутрь, Сэм, и выдернуть их. Вот так бы и поступил психоаналитик.

Сэм внимательно посмотрела на него, а потом покачала головой:

– Как бы я хотела, чтобы вы оказались правы, Бэмфорд.

Она крепко зажмурила глаза.

Господи, я так хотела бы, чтобы вы оказались правы.

19

Сэм сидела перед туалетным столиком, накладывая косметику. На ней был черный кружевной бюстгальтер, трусики и подвязки, которые Ричард подарил ей на Рождество год назад. Интересно, помнит ли он об этом и почему она до сих пор носит их. Как некий сигнал? Оливковая ветвь?

Она пристально осмотрела себя, потом наклонилась поближе к зеркалу, изучая предательские лучики вокруг глаз. Они становились все заметнее. Вот так-то, девочка, все с этого момента покатится под уклон. Скоро станешь совсем морщинистой, а потом рыхлой. Ну а потом… вообще ничего не будет. Пустота. Безбожное черное небытие. Она слегка прикоснулась к уголкам глаз, натянула кожу, морщинки на мгновение исчезли. Снова пристально посмотрела на фотографию, где она с Ричардом на яхте в Греции. Это через год после свадьбы, девять лет назад. Они выглядели тогда такими молодыми и беззаботными. Насколько же мягче, свежее было ее лицо. А теперь, кажется, что ни день, то появляется новая складочка. Она нахмурилась, глядя в зеркало, и тут же внезапно возникли совсем новые морщинки, которых она никогда прежде не видела.

А может, это фотография изменялась, а не ее лицо? Ее лицо всегда было вот таким, а фотография отступала в прошлое? Женщина на фотографии становилась все моложе и моложе, настолько теперь уже моложе, что порой выглядела совершенной незнакомкой. Сэм открыла тюбик с губной помадой.

Бэмфорд О'Коннел. Прав ли он? Кто знает. Кто знает… Она пожала плечами и откинула волосы назад. Пока еще ни одного седого волоса, но вскоре они появятся.

ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВЫ, БЫТЬ МОЖЕТ, ПРИПИСАЛИ СВОЕМУ СНУ БОЛЬШЕ ПОДРОБНОСТЕЙ, ЧЕМ ИХ В НЕМ БЫЛО? ЧТО ВЫ, ВОЗМОЖНО, ПОДГОНЯЕТЕ ВАШ СОН ПОД ФАКТЫ, А?

Нет-нет, никоим образом, определенно нет. А точно ли нет?

О, черт подери! Вы мне всю голову заморочили, Бэмфорд. У меня все шло в последовательном порядке. Не запутывайте меня – только потому, что я не подхожу ни к одной из ваших аккуратных коробочек.

– Куда ты собираешься, мамочка?

Она увидела в зеркале Ники, стоявшего в двери, и повернулась, улыбаясь ему.

– Мы собираемся в гости на обед.

– А к кому?

– К Ховортам. Ты их помнишь?

– А за город мы поедем?

Сэм старательно водила помадой по губам.

– Угу.

– А завтра уже выходные?

– Завтра пятница. Подойди и поцелуй мамочку.

Ники подбежал к ней, и она погладила его по волосам.

– Ты сегодня опять был первым в классе по арифметике?

– Ага, был.

– Очень хорошо. Твоя мамочка обычно в арифметике была последней.

Услышав, что открывается парадная дверь, он быстро оглянулся, а потом бросился вон из комнаты.

– Папочка! Папочка! Папочка!

– Привет, тигренок! – услышала она из прихожей голос Ричарда.

– Папочка! А мы можем сегодня поиграть на компьютере? Мы же на нем с Рождества не играли. Мы можем это сделать сегодня вечером?

– Да перестань ты, черт возьми, канючить.

– Ну, пожалуйста, папочка, мы сможем на нем поиграть?

– Господи, тигренок! Отвяжись ты от меня, черт подери, ладно?

Ричард ворвался в спальню и ногой захлопнул за собой дверь.

– Все канючит и канючит, черт бы его побрал! А какого хрена ты все это нацепила на себя? Выглядишь как шлюха.

– Это ты мне подарил.

– Трахаешься в этом с Кеном, да?

Сэм вскочила в ярости:

– Ты в стельку пьян?

– Нет, я еще не надрался, но собираюсь надраться в стельку.

Сказал это и как ненормальный выскочил из комнаты. Сэм в замешательстве посмотрела ему вслед. Ярость. Она никогда не видела его в подобной ярости. Он вернулся в комнату с высоким стаканом виски в руке и с грохотом захлопнул дверь.

– Что это с тобой случилось? – спросила она.

– Снимай это проклятое блядское тряпье и надевай что-нибудь приличное.

Угроза в его голосе испугала ее. Он был явно не в себе.

– Я думала, тебе понравится…

Ричард подлетел к ней, вцепился в бюстгальтер и рванул так, что тот лопнул, расцарапав кожу. Она взвизгнула от боли и со всего размаху ударила его по лицу.

– Ах ты, ублюдок!

Он заморгал и очумело уставился на нее. На мгновение Сэм подумала, что он сейчас набросится на нее и убьет. Но вместо этого он опять заморгал, словно выходя из какого-то транса, попятился и уселся на кровать. Отпил немного виски, потом наклонился и развязал шнурки на туфлях, сбросил их, глотнул еще виски и откинулся на спинку, прикрыв глаза.

– В котором часу мы должны там быть?

– В восемь, – ответила Сэм.

Она стянула с себя разодранный бюстгальтер, внимательно оглядела его и достала из ящика новый.

– Может, тебе лучше выпить немного кофе, а не виски?

Ричард ничего не ответил.

Она сняла с себя кружевные трусики, скомкала и бросила в мусорную корзину, а потом надела новые, подходящие к бюстгальтеру. Молча надела платье, достала из стенного шкафа вечернюю сумочку и заглянула в свою деловую. Среди прочего барахла она обнаружила в ней какой-то конверт и достала его. В конверте лежала журнальная вырезка. Сэм развернула ее и прочла:

«СНЫ: ЗА ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ ОТКРЫВАЕТСЯ БУДУЩЕЕ».

Кен. Это Кен дал ей вырезку в понедельник, а она позабыла про нее напрочь. Держа в руке листок, она вышла из спальни и закрыла дверь. Услышав, что у Ники бежит вода в ванной, она вошла в его спальню. Он с надутым видом сидел на кровати. Сэм подошла и присела рядом с ним.

– У папы был плохой день, тигренок.

– Он же обещал, что мы сможем сегодня вечером поиграть на компьютере.

– Сегодня вечером мы должны уехать.

– Он накричал на меня. А я не делал ничего плохого.

Он заплакал, и Сэм крепко обняла его.

– Я поиграю с тобой на компьютере, пока папа не будет готов.

– Нет, – прорыдал он. – Его же надо установить. Только папа знает, как его устанавливать.

Вошла Хэлен:

– Ванна готова, Ники.

– Иди в ванную, тигренок, а я успею тебе рассказать коротенькую сказку.

Его надутое лицо было мокрым от слез, он встал и медленно побрел к двери. Сэм вышла следом, прошла по коридору в гостиную и уселась на диване перед телевизором. Ее всю трясло, гнев и смятение клокотали в душе. Это был совершенно незнакомый Ричард, совсем другой человек, она не знала, как ей управляться с таким Ричардом. Может быть, это ему следовало проконсультироваться с Бэмфордом О'Коннелом, а не ей? Возможно, на бирже сегодня дела шли плохо. Он порой бывал раздражительным, когда на бирже не ладилось. Но так он себя никогда не вел. Она опустила взгляд на статью и принялась читать.

К снам следует относиться куда более серьезно, чем это делается, утверждает Дэвид Эбнер, психолог-практик из клиники Гэя, полагая, что сны не только богатый источник творчества, но и неоценимая возможность проникнуть в личные и психологические проблемы; иногда же сны позволяют приоткрыть завесу над будущим.

Пожалуй, самый знаменитый из всех «провидческих» снов – это сон библейского фараона. Ему приснилось, как семь тощих коров проглотили семь тучных, и египтяне стали запасать пищу в течение семи урожайных лет, что помогло им предотвратить голод во время семи последующих недородов.

На судьбы людей XX века сны влияли не менее серьезно. Гитлер спасся благодаря одному из своих снов, когда ему, капралу, на Первой мировой войне приснилось, что он будет завален обломками. Он проснулся и бросился наружу, а всего через несколько секунд на его блиндаж упал снаряд и все, кто спал там, погибли.

Сны вдохновляют великих изобретателей. Элиас Хоув изобрел швейную машинку после того, как ему приснилось, что туземцы бросают копья с отверстиями на наконечниках в форме глаза, и таким образом он сообразил, где следует поместить отверстие в иголке.

Очень важную роль играют сны и в религии, духовные отцы полагают, что Господь разговаривает со Своими проповедниками посредством снов. «Многие люди по-прежнему верят в это сегодня, – продолжает Эбнер, – и я уверен, что в известной степени так оно и есть, чем бы ни был Господь, – сны можно рассматривать как послания из Вселенной. Похоже, некоторые люди являются принимающими станциями, Юнг называл это „совокупным бессознательным“. Объяснять ли это явление с научных или религиозных позиций, одно не подлежит сомнению: в своих снах человек порой, кажется, может проникнуть в то, что закрыто для бодрствующего, сознательного разума».

В ближайшие месяцы Эбнер и его группа психотерапевтов, занимающихся проблемами сна, намерены открыть телефонную «линию снов», где люди смогут не только немедленно регистрировать предчувствия, но и обсуждать свои сны с психотерапевтами, работающими в течение ночи.

А пока люди, стремящиеся лучше понять свои сны, могут принять участие в серии исследований, проводимых группами сна, которые открываются под патронажем Дэвида Эбнера. Подробности можно узнать по телефону 01-435-0702.

Черт бы тебя подрал, Бэмфорд. Сэм взяла телефон. Пошел ты к черту вместе со своим советом держаться подальше от мошенников. Хрен с тобой и твоей проклятой самоуверенностью, думала она, прислушиваясь к гудкам в телефонной трубке. Наконец мужской голос с мягким, расслабленным американским акцентом произнес:

– Говорит Дэйв Эбнер.

– Я… э-э-э… – Чувствуя себя глупо, она на всякий случай огляделась, не вошел ли кто в комнату. – Я читала одну статью в… э-э-э… о вашей…

Наступило молчание, за которым последовало отдаленное «хм-хм», а потом – пауза.

– Что за статья?

– Кто-то вырезал ее. Я не уверена, откуда это… о ваших группах сна.

– Ах да, помню. – Голос его стал скучающим. – Это неверный номер. Им не следовало публиковать этот номер. Надо было указать номер Тани.

– Тани?

– Тани Якобсон. Она ведет группу сна уже сейчас. Я дам вам ее номер.

Сэм набрала новый номер, и ей ответил осипший женский голос, встревоженный, немного запыхавшийся:

– Алло?

– Могу я поговорить с Таней Якобсон?

– Это я, – ответила женщина слегка раздраженно, и на мгновение Сэм испытала искушение бросить трубку.

– Мне дал ваш номер Дэвид Эбнер, – поспешила объяснить Сэм. – Я прочитала одну статью о ваших группах сна и хотела бы узнать…

– Вы хотели бы присоединиться к нашей группе? – Голос женщины стал дружелюбнее. – Вы позвонили как раз в нужный момент. Совпадение! Просто поразительное! Нам нужна еще одна женщина, чтобы укомплектовать группу. Послушайте, у нас начинаются занятия новой группы прямо в следующий понедельник вечером. Вы сможете успеть?

– Да, – ответила Сэм.

– Блеск! Просто отлично! У вас замечательный голос. У меня, знаете ли, появляются предчувствия, вроде виброфонов. А у вас они тоже бывают?

– Да, – смешалась Сэм.

Предчувствия. Предчувствия. Теперь, кажется, у всех есть предчувствия.

– Отлично, а как вас зовут?

– Миссис Кэртис.

– Так официально. Блеск! А по имени?

– Сэм.

– Сэм, это прекрасно. Вы нам, думаю, очень подойдете. Мы начинаем в 7.30. Если вы приедете немного пораньше, вы сможете выпить кофе, познакомиться со всеми. Запишите адрес. Вы знаете Хампстед?

– Хампстед?!

– Да, мы совсем рядом с подземкой.

Ее прошиб озноб.

– С подземкой?

Сэм чувствовала, что ее сотрясает дрожь. Ей хотелось немедленно повесить трубку, повесить и забыть об этом. Хампстед. Подземка.

– Алло, Сэм? Вы меня слушаете?

«ХАМПСТЕД». РЯДОМ С ПОДЗЕМКОЙ. Эти слова гулким эхом отозвались у нее в голове. «ХАМПСТЕД». РЯДОМ С ПОДЗЕМКОЙ.

– Виллоуби-роуд. Вы знаете Виллоуби-роуд?

– Я найду, – услышала она собственный голос, как бы со стороны, будто говорил кто-то незнакомый.

– Надо свернуть от Хай-стрит. Вы выходите из подземки, поворачиваете налево, и там совсем немного надо пройти.

– Я доеду, – сказала Сэм. – Я приеду на машине.

Она повесила трубку. В комнате внезапно стало холодно, за окнами буйствовал ветер, от его порывов стекла глухо звенели, и казалось, что разъяренный незнакомец пытается пробраться в дом. Незнакомец. Вроде Ричарда. Господи, что же случилось с ним, черт побери? Она услышала тяжелые ритмичные звуки – это работали машины какого-то большого судна, поднимающегося вверх по реке. От нового порыва ветра заскрипели снасти на яхтах у причала, глухо захлопали

незакрепленные фалы, а те, которые были натянуты, загудели, как гитарные струны.

Будто ее нервы.

20

Сильный дождь, который шел весь день напролет, как раз перестал, когда она вышла из конторы. На темном мокром асфальте полосатым калейдоскопом отражались огни машин и уличных фонарей. Блестящие черные лужи, словно оставленные стремительным потоком, плескались у водостоков, захлестывали мчавшиеся автомобили, из-под колес брызги взлетали вверх, как из-под носа корабля. Вспыхивающий с краткими промежутками луч Белишского маяка стелился по дороге в ее сторону. Сэм остановила машину: какой-то мужчина торопился через перекресток, держа в руках сломанный зонтик.

В точности как она видела в своем сне.

Сэм почувствовала, что у нее сводит живот. Ну все, решительно все. Этот дождь, и темнота, и эти отражения были в точности такими, как она видела во сне. Казалось, что перед нею прокручивается видеопленка. Ей хотелось развернуться и поехать домой. Но вместо этого она, кусая губы, покатила дальше по Авеню-роуд, ее словно влекла неведомая, непреодолимая сила. Влекла так сильно, что казалось, этот сон обрел собственный разум и теперь заставлял ее увидеть все еще раз.

Словно он бросал ей вызов.

Она крепко-крепко зажмурилась, а в голове у нее мелькнуло: уж не спит ли она сейчас.

Она встревоженно посмотрела на часы – десять минут восьмого – и пожалела, что не осталось времени побольше. Она просидела в своей конторе, так и не решив до последнего момента – то ли ехать, то ли забыть об этом. Ведь еще надо отыскать дом и место для парковки. ЕСЛИ ВЫ ПРИЕДЕТЕ НЕМНОГО ПОРАНЬШЕ, ВЫ СМОЖЕТЕ ВЫПИТЬ КОФЕ, ПОЗНАКОМИТЬСЯ СО ВСЕМИ.

СЕВЕР. ШОССЕ М-1.

Она въехала на полосу одностороннего движения, автомобиль недовольно загудел, этот звук пронизывал ее насквозь. *Твою мать!* Она крутанула руль «ягуара» и услышала сердитый гудок такси прямо рядом с собой. Осторожно притормозила и прищурилась, вода захлестнула ветровое стекло. Она включила «дворники», и на мгновение за окном все слилось. Она въехала на боковую дорожку справа и направилась вверх по Фитцджон-авеню в сторону Хампстеда. Белый, на гигантских колесах «форд-капри» едва не оцарапал ее, и водитель-молокосос, требуя уступить ему дорогу, показал ей поднятые вверх большие пальцы.

Она содрогнулась. «Нет, – подумала она. – Это невозможно. Этого не может быть».

Тот же самый белый «форд-капри», который она видела во сне. Тот же самый молокосос с тем же жестом.

«Не будь смешной, – одернула она себя. – Совпадение. Только и всего». Она высокомерно отвернулась в сторону, переключилась на вторую скорость и нажала на акселератор. Двигатель взревел, бешено закрутились задние колеса, хвост «ягуара» завихлялся, она немного сбавила ход, слыша, как покрышки цепляются за дорогу, и тут же увеличила скорость. Машина мощно рванулась вперед.

Перед нею медленно двигался какой-то автомобиль, и она свернула под прямым углом, поперек встречной полосы движения. С холма спускалась еще одна машина, фары надвигались прямо на нее, волна ледяного страха окатила ее.

Нет. Пожалуйста. Господи, нет.

Грузовик из ее сна. Едущий вниз.

Она дернула вперед ручку переключения передач, двигатель взревел, послышались громкие щелчки, и ручка бешено завибрировала в ее ладони. Автомобиль начал замедлять ход, теперь фары были почти над нею. Она еще раз рванула ручку переключения передач и что есть силы, резко повернула руль влево. Грузовик в каких-то дюймах промчался мимо, обдавая воздушной волной.

Черт подери!

Она увидела, что с холма спускается полицейский автомобиль, замедляя ход и как бы высматривая, где ему развернуться, чтобы поехать за ней. Она почувствовала, как холодный обруч тисками сжимает ее голову.

Тот сон. Это был тот сон. В точности тот, весь целиком. Ей опять захотелось остановиться, развернуться и поехать обратно. Она свернула направо, проехала по улице, возможно той самой, по которой она ехала во сне, а может, и нет, потом повернула налево, на улицу Хампстед-Хай. Справа от себя, почти мгновенно, она увидела ту самую улочку из своего сна, обсаженную деревьями, – вне

всякого сомнения, именно ту – и обнаружила, что автоматически сворачивает на нее, будто что-то затягивает ее туда.

Виллоуби-роуд. Эта улица и была ей нужна.

Она недоверчиво уставилась на название, потом услышала сзади гудок и поехала вперед, внимательно вглядываясь через боковое стекло в номера домов. Примерно посередине улочки в ряду припаркованных автомобилей она увидела брешь, именно там, где и во сне. Она остановила «ягуар», дала задний ход и втиснулась в эту брешь, потом выбралась и осмотрелась кругом. Капля воды упала ей на лоб, она удивленно подставила руку. Темный вечер был спокоен до жути, вроде бы все абсолютно нормально, но казалось, сама ночь ждала: вот-вот что-то произойдет.

«Не будь смешной», – приказала она себе, глядя на двери и пытаясь разглядеть номера. Потом криво усмехнулась, расценив это как насмешливый личный выпад: она припарковалась точно по нужному адресу – у дома номер 56.

Она прошла в открытую калитку и спустилась по стертым мозаичным ступенькам в цокольный этаж. Там, где заканчивалась лестница, стояло два мусорных ящика, пустые картонные коробки и кучка пустых молочных бутылок. Прямо перед ней дверь с освещенной пластиковой табличкой: «Центр исследований сна», а рядом большая кнопка звонка.

Сэм внимательно посмотрела на кнопку, не в состоянии нажать на нее. В который раз ей хотелось повернуться, добежать до автомобиля и укатить прочь. Что-то очень недоброе притягивало ее сюда. Это «что-то» ее пугало, заставляло дрожать и вызывало приступ тошноты. Она вздрогнула. Живот сводило мучительными спазмами.

Что сказал бы Бэмфорд? Что это страх от встречи с группой сна? Что совпадение деталей во время поездки просто случайность, а боязнь спуститься по ступенькам вниз на самом деле обычный страх перед неизвестным?

Она подняла палец и осторожно нажала на кнопку, так осторожно, что звонок, как она надеялась, мог и не зазвенеть. Но он в ответ заверещал очень пронзительно, буквально около ее лица, почти визгливо, словно сердясь, что его потревожили.

– Привет. Вы, должно быть, Сэм?

– Да.

– Ну как, нашли нас?

– Да. Все отлично. Это было просто.

– Замечательно. Блеск! Великолепно. А я Таня Якобсон.

Небольшой, плотный сгусток энергии, немного даже пухлая, в бесформенном коричневом рабочем халате и черных шерстяных колготках, с беспорядочными кудряшками и чистеньким энергичным лицом, явно без всякой косметики. На шее нитка хрусталиков, а коротенькие пухлые пальцы унизаны толстыми кольцами с крупными яркими камнями. Она протянула Сэм руку, быстро и дружески поздоровалась.

– Заходите.

Сэм прошла следом за ней по грязному коридору в небольшую комнату с потрепанными стульями, расставленными вдоль стен, кофейным столиком из простых сосновых досок посередине.

– Присаживайтесь, Сэм. Я просто хочу быстренько переговорить с вами, прежде чем мы войдем.

Женщина села, ноги подобрала под стул и подперла голову руками, пристально уставившись на Сэм.

– У вас приятное лицо, Сэм. Наверное, вы и в самом деле милая особа. Я права?

Сэм залилась краской.

– Не знаю.

– Вы раньше посещали группы сна?

– Нет.

Таня Якобсон покачала головой.

– Вы замужем?

– Да.

– Ваш муж знает, что вы здесь?

– Нет.

Таня Якобсон посмотрела слегка удивленно:

– Отлично. Замечательно. Это замечательно. – Она подняла подбородок, потом снова опустила его. – А чем вы занимаетесь, Сэм?

– Я работаю на одну компанию, которая делает коммерческую рекламу для телевидения.

Женщина улыбнулась:

– Хорошо. Блеск. Значит, это вы во всем и виноваты?

Сэм вяло улыбнулась ей в ответ.

– Скажите мне, а почему вы хотите вступить в группу сна?

Сэм пожала плечами:

– Я мало знаю об этом. У меня бывают кое-какие очень странные сны, которые вроде бы то и дело сбываются. Я прочитала ту статью и подумала, что мне стоит вам позвонить.

– Вы считаете, что у вас бывают предчувствия?

– Да.

Женщина энергично выпрямилась. «Словно щенок, желающий угодить хозяину», – подумала Сэм.

– Прекрасно! Вы можете рассказать о них группе. И прямо сегодня же вечером вы увидите, что испытываете, как контактируете с каждым. Если ваши ощущения будут приятными, то вы, надеюсь, присоединитесь к нашим постоянным занятиям.

– Постоянным?

– Ну, на время существования группы. Обычно это рассчитано на курс до двух лет. Мы встречаемся каждый понедельник, и… – она выглядела смущенной, – и девять фунтов за занятие. Полагаете, вы с этим справитесь?

– Два года – срок довольно долгий.

– Чтобы разобраться со снами, Сэм, нужен долгий срок. Мы должны понять их динамику. Ну, вы и сами поймете. Думаю, с вами в самом деле все будет хорошо. – Она похлопала Сэм по руке. – У вас будет небольшое неудобство, потому что остальные в группе занимаются вместе уже несколько недель, и они замечательно контактируют. У вас уйдет на это какое-то время… на период адаптации.

– А… а у вас всех здесь появляются предчувствия? – спросила Сэм.

– Ну, мы же группа. Я психотерапевт, так? Ну, вроде психолога. То, чем мы занимаемся, – это проработка наших снов от начала и до конца. Предчувствия, предварительное знание… все это чуточку… – она поводила головой из стороны в сторону, – чуточку за гранью понятного? Мы здесь стремимся по-настоящему наладить связь с нашими снами, вступить в диалог с ними, свободно общаться, заставить включиться полезную динамику… Понятно? Ну, пойдем к группе.

Сэм вышла следом за ней в коридор. Ей не понравилось услышанное, какая-то смесь расхожих понятий и терминов, общие слова. В газете говорилось, что они изучают предчувствия, но эта женщина, Таня Якобсон, казалось, избегала говорить об этом.

Они вошли в большую квадратную комнату, где пахло застоявшимся сигаретным дымом и старой мебелью, хотя мебели почти не было. С потолка свешивалась голая электрическая лампочка. Никаких стульев, только старые, потрепанные диванные подушки, подушечки и пуфики, разбросанные на полу широким кругом по потертому ковру. На них лежали, развалясь, несколько человек, иные прислонились к стенам, вытянув вперед ноги. Сэм ощутила враждебность, вызванную ее появлением. Хотелось повернуться и уйти.

– Так, все внимание! Это Сэм. Мы двинемся по кругу. Это вот Барри, он возглавляет нашу группу

вместе со мной. Барри, это Сэм.

Долговязый мужчина лежал, растянувшись, в блестящем черном костюме для карате, ноги босые, мягкие, лоснящиеся, черные волосы зачесаны на брови челкой, как у Битлов. Глаза закрыты. Он что-то сосредоточенно бормотал себе под нос.

Словно индийский вождь, он сделал знак рукой, не поднимая век.

– Рад познакомиться с вами, Сэм, – приветствовал он и снова забормотал что-то.

– А вот это Антея.

Женщина лет пятидесяти с лишним, свернувшаяся калачиком в углу, уставилась на вошедшего, медленно сощуриваясь, словно нежащаяся на солнце змея. На ней был джемпер домашней вязки и довольно грязные джинсы, длинные рыжие волосы свешивались вниз до самой талии, закрывая руки и грудь, наподобие пледа. Женщина еле заметно кивнула в знак приветствия, а потом закатила глаза под потолок с весьма озадаченным видом, словно на нее только что неожиданно упала капелька дождя.

– Привет, я Гэйл, – представилась симпатичная девушка-блондинка с новоанглийским выговором.

Она выглядела модно и элегантно, даже роскошно – в своей белой шелковой блузке, с бархатной лентой вокруг головы и с часами «Картье».

– Привет.

Девушка мягко и доброжелательно улыбнулась Сэм:

– Первый раз здесь трудно, правда?

Сэм улыбнулась и кивнула.

Чей-то голос с вялым северным акцентом произнес: «Клайв», и агрессивного вида мужчина лет сорока, сутулый, в мешковатом свитере, с короткими взъерошенными, уже седеющими волосами встал и злобно пожал ей руку, будто это было для него неприятной обязанностью, от которой следовало побыстрее отделаться, как от укола. Он поздоровался и снова сел.

– Найдите себе какое-нибудь пространство, где вы будете чувствовать себя комфортно, Сэм. Не хотите ли немного чаю? У нас есть чай с ромашкой, одуванчиком, и кофе есть, «Хэг» и «Нескафе».

– Мне «Нескафе», пожалуйста, – попросила Сэм.

– Вам с молоком, с сахаром?

– С молоком, пожалуйста. Сахара не нужно.

Нежащаяся змея переменила позу, а мужчина в мешковатом джемпере отклонился назад и вытянул руки. «ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ, – как бы говорили они. – ОСТАВАЙСЯ В СТОРОНКЕ!»

Сэм села достаточно далеко от них, на пустые диванные подушки около двери.

– Мы только вот дождемся еще одну женщину, Сади, и тогда у нас на сегодняшний вечер будет полный комплект, – объявила Таня. – Роджер звонил, что у него грипп, так что он не придет. Я сказала, что мы сохраним для него мысленное пространство.

Сэм огляделась. Окно с матовыми стеклами расположено высоко над полом, без занавесок; вмонтированный в стену конвекторный нагреватель, небольшой столик с телефоном и автоответчиком, сосновый кухонный шкаф, служащий книжным, уставленный поверху кофейными кружками и пепельницами, забитыми окурками.

Стены выкрашены потускневшей белой краской, на выступе перед закрытой вентиляторной заслонкой запыленный красный Будда, похожий на оплывшую свечу. Единственная картина на стене, окантованная гравюра XVIII века, изображала анемичного мальчика, полулежащего на постели и внимательно рассматривающего какую-то безделушку, которую он держал в руках.

Таня Якобсон вернулась в комнату и вручила Сэм кружку с горячим кофе.

– Сохраняете дистанцию, Сэм, а? Сохраняете для себя пространство?

Сэм размышляла, сделала ли она что-нибудь не так или, может быть, своим поведением дала им важный ключ к пониманию своей личности. Она чувствовала себя неловко, неудобно, явно нежеланной здесь. Она услышала гудение электрического нагревателя. Вдруг щелкнула входная

дверь.

– Сади снова опоздала, – сказала Таня. – Я думаю, у нее проблема с распределением своего времени. У нее же уйма снов о часах.

– И о сексе, – добавил мужчина в мешковатом свитере. – У нее, похоже, масса снов про секс.

– Я думаю, у нее маленькая проблема с сексом, – сказала девушка-американка.

Таня уклончиво кивнула со слабым оттенком сочувственной улыбки.

– У нас у всех проблемы. Для этого и существует группа. Итак, Сэм, чтобы группа могла познакомиться с новичком, он рассказывает какой-нибудь свой сон. Вы принесли его с собой?

– Принесла с собой? Я ничего не записала… нет.

Таня легонько похлопала себя по голове:

– Вот там, Сэм. У вас там есть сон, который вы могли бы припомнить и рассказать группе?

Сэм пожала плечами:

– Я…

Она осмотрелась вокруг. Нежащаяся змея в углу, казалось, собралась спать. Мужчина в мешковатом джемпере неподвижно таращился на противоположную стену, интересно, а уж не надулся ли он, что не его попросили рассказать свой сон. А девушка-американка подбадривающе улыбнулась Сэм и дружески кивнула.

Дверь открылась, и в комнату вошла крошечная женщина с фигурой, похожей на мяч для регби, чопорное лицо под толстым слоем косметики почти полностью закрыто прядями мягких каштановых волос. Она изобразила губами молчаливое извинение, облизала языком свою ярко-красную губную помаду и жеманно уселась на пуфик. С громким щелчком открыла сумочку, порылась в ней и вытащила оттуда пачку сигарет, зажигалку и маленькую жестяную банку, с которой сдвинула крышку и поставила на пол рядом с собой. Она походила на нелепого домового, взгромоздившегося на пуфик. Сэм заинтересовало, что же она собирается делать с этой жестянкой.

– Сади, сегодня вечером у нас в группе новый член. Сэм, это Сади. Сэм собирается рассказать нам сон. Не важно, Сэм, если сон старый.

Сади улыбнулась Сэм преувеличенно приветливой улыбкой, которую Сэм поначалу ошибочно приняла за сердечность, но поскольку Сади все еще продолжала улыбаться, то она сообразила, что это своего рода предупредительный выстрел по ее позициям. Сэм в смущении отвернулась и услышала, как щелкнула зажигалка этой женщины и она шумно, с удовольствием затянулась дымом.

– Вы помните сон, который был у вас в прошлую ночь, Сэм? – спросила Таня Якобсон.

Сэм почувствовала, что краснеет.

– Нет… я… я думаю, что прошлой ночью мне не снились сны. Во всяком случае, я…

Она беспомощно озиралась по сторонам. Нет, не так. Все было не так. Она увидела девушку-американку, та ободряюще кивала, побуждая продолжать.

«Ах ты, обманщик проклятый, мать твою», – подумала она.

ЧТО ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я СДЕЛАЛ? ПОСОВЕТОВАЛ ВАМ ПОЙТИ И ПОВИДАТЬСЯ С КАКОЙ-НИБУДЬ ЯСНОВИДЯЩЕЙ? С МЕДИУМОМ? ОТПРАВИЛ ВАС В ГРУППУ ПО ИЗУЧЕНИЮ СНОВ? Я ЖЕ ХОЧУ ПОМОЧЬ ВАМ, А НЕ СДЕЛАТЬ ВСЕ ЕЩЕ ХУЖЕ.

Сэм увидела, как Сади ерзает на своем пуфике, а ее глаза слегка сузились. «НЕЧЕГО ОТНИМАТЬ СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ, – как бы говорила она. – МНЕ НАДО РАССКАЗАТЬ ВАЖНЫЕ СНЫ».

– На прошлой неделе… м-м-м… – Сэм запиналась. – Ночью в прошлый вторник мне приснился один сон, который… который, кажется, сбывается. Во всяком случае, часть его.

– А вы не хотели бы познакомить нас с его содержанием?

Сэм рассказала им свой сон про станцию подземки «Хампстед», чувствуя себя очень глупо оттого, что рассказывает его этим равнодушным физиономиям и голым стенам. Она закончила, Таня Якобсон сидела на своей диванной подушке, раскачиваясь взад-вперед с закрытыми глазами, а

Сади скорчилась на своем пуфике, попыхивая сигаретой и стряхивая пепел в жестянку, принесенную с собой. Сэм интересовало, поверил ли кто-нибудь хоть одному сказанному ею слову.

Когда она замолчала, никто не вымолвил ни слова. Девушка-американка откинулась назад и пристально смотрела в потолок, мужчина в мешковатом джемпере уставился в стену перед собой.

Таня Якобсон несколько раз глубоко вздохнула, открыла глаза.

– Хорошо, Сэм, самое главное, что бы мне хотелось, – это чтобы вы общались свободно.

– Простите? – не поняла Сэм.

– Чтобы вы рассказали мне все, что приходит вам на ум в связи с этим сном.

– Повторение, – уточнила Сэм.

– Повторение?

– Да. Ну, поездка сюда… все было в точности как мне снилось. Моя поездка к вам сюда походила на видеозапись этого сна.

Таня внимательно посмотрела на нее с каким-то безучастным выражением лица.

– Отойдем на мгновение в сторону от этого сна. В нем происходит многое. Нет ли иной причины, из-за которой вам приснилась станция «Хампстед»? Может быть, вы когда-нибудь жили там? Или знаете кого-нибудь, кто обитает в настоящее время?

– Нет.

– Это было очень кинематографично, – внезапно сказала девушка-американка. – Первая часть очень в духе Бунюэля. А потом, когда вы спустились по этим ступенькам, вроде в какой-то туннель, я вспомнила… знаете что? Фильм «Третий человек».

Антея, распрямившись в своем углу, подняла руку.

– Канализация, – медленно произнесла она, четко выговаривая слово по слогам, как на уроке дикции.

– Канализация? – эхом отозвалась Таня Якобсон.

– Канализация, – повторила Антея. – Гэйл неверно запомнила. Это были не туннели, а канализация.

– Я не чувствую связи с тобой, Антея, – сказала Таня.

– О бог мой! – Голос Антеи стал громче и высокомернее. – В том фильме. «Третий человек». Они там спускались в канализацию, а не в туннели.

Она опустила голову и снова свернулась в кольцо.

– Это был хороший фильм, – заговорил Барри, не открывая глаз. Он поскреб свою левую ногу пальцами правой ступни. – С Орсоном Уэллсом.

– И с Джозефом Коттеном, – сказала девушка-американка.

– Влагалище, – хрипло проговорил мужчина в мешковатом джемпере. – Я получил образ влагалища. – Он выпрямился и сцепил руки, уставившись на Сэм. Его лицо, возможно, когда-то было приятным, но теперь на нем словно застыло озлобленное выражение. – Вы спускаетесь вниз, внутрь этого влагалища, и находите там нечто ужасающее. Там тот мужчина, который хватает вас, тащит в темную комнату, где нет никакого света, и пытается задушить и изнасиловать вас. У меня такое ощущение, что вы ненавидите мужчин.

– А ты не думаешь, Клайв, что это могло быть прежнее существование? – спросила Таня Якобсон.

Он нахмурился, потом откинулся назад и засунул руки в карманы.

– Прежнее существование, – повторил он. – Хм-хм.

Таня Якобсон отвела голову назад, потом опять наклонила вперед:

– А знаете, что приходит в голову мне? Сон Сэм состоит как бы из нескольких разных снов. Путешествие. Покупка билета. Сошествие вниз по тем ступенькам… Итак, сошествие вниз, как вы понимаете, я связываю с прежним вашим существованием. Вроде обратного рождения.

Сэм попыталась извлечь смысл из этого словесного нагромождения. Она пристально смотрела на гравюру с мальчиком, разглядывающим безделушку. Он тоже казался озадаченным.

– Вы имеете в виду, что она направляется обратно, в лоно своей матери? – спросила девушка-американка.

Таня трижды резко мотнула головой, словно пытаясь вытряхнуть воду из своих волос.

– Она направляется вниз, в своего рода туннель, а потом внезапно ее втягивают в эту темную комнату. А при рождении это было бы наоборот. – Таня пристально смотрела на Сэм. – При рождении вы сначала находитесь внутри лона, а потом движетесь по туннелю, ну а потом врач или кто там… принимает роды, вытаскивает вас наружу. – Она хлопнула себя по груди. – У меня сильное ощущение, что вам снятся сны о возвращении обратно, в материнское лоно. Там, внутри, замечательное и безопасное место, вы не должны там ничего делать. Там приятно, тепло и уютно. Это хорошее место, чтобы сбежать туда. Никаких травм там, внутри. Никаких предвидений. Вы улавливаете связь, Сэм?

– Я не уверена, – ответила она нерешительно.

– Каким было ваше рождение, Сэм? Травматическое? Кесарево сечение или что-то в этом роде? Или же оно было нормальным?

Сэм пожала плечами:

– Я не знаю. Я никогда… – Она умолкла, и Таня ободряюще улыбнулась.

– Это сильный шок – рождаться на свет, – заметила Таня. – Он никогда не оставляет нас и продолжает постоянно возвращаться к нам в наших снах.

«Далеко, – подумала Сэм. – Слишком далеко от мишени».

– Нет, – извиняющимся тоном сказала она.

– Вы знаете этого мужчину? – спросил Барри. Его глаза все еще были закрыты.

Знаю ли я Слайдера? Да Слайдер ли это был? Лук? Бог мой, неужели я и в самом деле хочу влезть во все это? Так поэтому ты и находишься здесь. Я знаю. Однако…

– Нет. Не знаю, – вслух сказала Сэм.

– Он мог быть вашим предубеждением, – предположила девушка-американка.

– А вы знаете что-нибудь о предубеждениях? – спросила Таня.

– Нет, – ответила Сэм.

– Юнг считал, что в нас существует противоположное начало «я», которое порой проявляется в наших снах. Если вы мужчина, то видите незнакомую женщину, которая и есть ваше «я» во сне, если же женщина, тогда вы видите незнакомого мужчину. Он мог быть вашим предубеждением. Вы испытываете ярость к кому-нибудь? В отношении, скажем, себя самой?

Сэм покачала головой. Последовало довольно продолжительное молчание. Таня Якобсон откинулась назад с закрытыми глазами, потом открыла их снова.

– Давайте попытаемся поискать свободные ассоциации чуточку подальше. Этот человек пытался изнасиловать вас во сне. Подумайте об изнасиловании. Ищите свободные ассоциации. Просто скажите все, что вам придет в голову.

Сэм осмотрелась по сторонам, еще раз взглянула на картину. Почувствовала тяжесть на сердце. Нагреватель продолжал назойливо гудеть, откуда-то сверху донесся приглушенный визг дверного звонка.

– Слайдер, – произнесла Сэм.

Мужчина в мешковатом джемпере повернул к Сэм голову, глубокомысленно изучая ее, а девушка-американка улыбнулась.

– А кто такой Слайдер, Сэм? – спросила Таня Якобсон. – Не хотите ли вы рассказать нам о Слайдере?

И она рассказала им о том, как узнала Слайдера, о том, как он умер и даже после смерти все снился и снился ей – до тех пор, пока не погибли ее родители. Когда она кончила говорить, вокруг стояла

тишина, которая, казалось, воцарилась тут навсегда.

– Ужасно, – сказала девушка-американка. – Это действительно ужасно. У меня прямо по всему телу мурашки поползли.

Потом опять надолго все замолчали.

– Ну и что же вы чувствовали в связи с этим, Сэм? – заговорила Таня Якобсон.

Эти слова прозвучали будто издали, как эхо. Сэм осмотрелась, озадаченная, не поняв, к ней ли они были обращены. Ее взгляд наткнулся на Сади, сидящую на своем пуфике, как на горном выступе.

– Я не могу припомнить, правда. Пожалуй, оцепенение, и довольно долгое время. Я чувствовала, что это сделал он, он убил их. Потом он мне не снился довольно долго.

– А почему, по-вашему, так произошло? – спросила Таня.

– Потому, что смерть моих родителей – самое страшное из всего случившегося. Хуже он уже ничего не мог бы сделать.

Таня кивнула.

– И кто же растил и воспитывал вас потом, Сэм? – поинтересовалась она.

– Дядя с тетей.

– Они к вам хорошо относились?

– Нет. Они обижали меня. Они были очень холодными людьми.

– Вы когда-нибудь рассказывали им о Слайдере?

– Нет.

– А вообще кому-нибудь когда-то рассказывали, Сэм? – спросила Таня.

– Нет, – ответила она, немного поколебавшись, поскольку вспомнила, что рассказала Бэмфорду О'Коннелу.

– А как насчет вашего мужа?

– Нет. Ему – нет.

– А что произошло, когда он приснился вам снова? – спросила Гэйл. – Через какое время это случилось?

Сэм внимательно посмотрела на нее:

– Спустя двадцать пять лет. Две недели назад.

– Блеск! – восхитилась Таня Якобсон. – Вы ведь многое держите внутри себя, не так ли? Варитесь в собственном соку. Не могли рассказать дяде и тете. Не могли рассказать мужу. Но это прорывается наружу в ваших снах. Сэм, это всегда так будет. – Она наклонилась вперед. – Понимаете ли, Сэм, не имеет значения, что именно мы пытаемся спрятать от мира, ведь мы не можем спрятать это от самих себя. Все обнаруживается в наших снах и будет продолжать обнаруживаться, пока мы не разберемся в себе и не разделаемся с этим. Но так лучше, Сэм. Хорошо, что все выходит на поверхность, потому что теперь вы сможете бороться. Вам предстоит встретиться с этим лицом к лицу, рассказать об этом подробно, – и тогда он уберется прочь. – Таня театральным жестом сцепила руки. – Вы должны встретиться со своим монстром, Сэм. У всех у нас есть личные монстры, которые являются нам в наших снах. Одно из того, что мы пытаемся проделать здесь, – это встретиться с ними и понять их. И тогда они уберутся прочь.

Сэм уставилась на нее, потом мельком взглянула на свои часы. «Не проявляют ли и остальные нетерпение?» – поинтересовалась она. И увидела, что и Сади со свирепым видом посмотрела на свои часы, а потом – снова на Сэм, сердито попыхивая сигаретой.

– А не хочет ли кто-нибудь еще рассказать о… Я отняла у всех довольно много времени.

– Не беспокойтесь пока об остальных, Сэм. Это же ваш сон. Так что давайте-ка побеспокоимся о вас. Я думаю, что пока мы не готовы двигаться дальше. Верно?

Внезапно Сэм страшно разволновалась, рыдания подступили к горлу. Она оглянулась и увидела, что на нее смотрят друзья. Даже враждебность пристального взгляда Сади, казалось, немного

смягчилась. Безопасность. Здесь она находилась в безопасности.

– У вас есть еще какие-нибудь другие ассоциации?

Сэм закрыла глаза, раздумывая, отважится ли она на это. Потом открыла глаза и посмотрела вокруг. Вдруг ей стало необычайно легко.

– Да… с моим мужем. – Она почувствовала, что краснеет. – От того мужчины во сне пахло луком. А когда я проснулась, я почувствовала запах лука в дыхании моего мужа.

– И вы ассоциировали его с насильником? – спросила Таня.

Сэм прикусила губу.

– У него сейчас любовная интрижка…

– Блеск! – Таня хлопнула в ладоши. – Я думаю, что вы по-настоящему начинаете контактировать! – Она раскачивалась взад-вперед. – У нас тут набрался всего полный мешок, не так ли? Мужчина в капюшоне, Слайдер, вот он по-настоящему загадочен для меня. Я это связываю с капюшоном, ну, вроде маски. Я думаю, часть того, что вы видите в нем, – это какая-то темная сторона в вас самой. Понимаете? Вы не можете позволить своему истинному «я» проявиться, не можете позволить проявиться своим чувствам, вы держите все их надежно спрятанными под этой маской. Я думаю, он воплощает для вас довольно много. Какая-то часть его – это отвратительные взрослые, то есть ваши холодные дядя и тетя, они стали угрозой для вас, забрали куда-то ваших милых, заботливых, добрых родителей, а взамен вы получили от них только холодное осуждение, полное отсутствие любви. – Она покачала головой, а потом пристально и безжалостно посмотрела на Сэм. – Подумайте-ка о том, как вы описываете его, Сэм. Капюшон, один глаз… о чем еще это вам напоминает? Вы меня понимаете? На что это вас наводит?

Сэм пыталась подумать, но не могла сосредоточиться.

– Старая одноглазая змея, прячущаяся в брюках, а? Меня это заставляет думать о пенисе, Сэм. О гигантском пенисе.

Сердце у Сэм так и упало. Неужели любой анализ сворачивает на одну дорожку, к одному и тому же месту? Неужели все оканчивается пенисом?

– Вы ведь были изнасилованы, Сэм, не так ли? Ваше детство было изнасиловано этим мужчиной, а теперь вот и ваша взрослая жизнь снова насилуется вашим мужем. Ну как, соответствует?

Внезапно Сэм почувствовала раздражение. Чепуха. Все это чепуха.

– Я уверена, что все соответствует очень четко, но думаю, что это побочный вопрос. Суть в том, что у меня было предвидение… ну, по поводу этой авиакатастрофы в Болгарии. Я видела это во сне в ночь накануне перед тем, как она случилась. И там был кто-то в этом сне с капюшоном Слайдера на голове. А на следующий день он приснился мне снова, в такси. Получается, что он связан с каждым из этих предвидений. Ну, я не знаю… ну что-то вроде предвестника. Я чувствую, вот-вот может произойти что-то еще более страшное. У меня было и второе предвидение несколько дней спустя, он появился снова.

Таня приподняла брови.

– Сэм, отделаться от сна, считая его предвидением, – это легкий путь. Я думаю, вы используете это как предлог для того, чтобы не встречаться лицом к лицу с истинным значением своих снов. Я не говорю, что у вас нет предвидений или того, что вы считаете предвидениями, но я не нахожу связи с ними. Не думаю, что они имеют значение.

– Для меня имеют.

– Отлично! Они имеют значение для вас. – Таня мельком взглянула на свои часы. – Есть еще одна вещь, о которой мне хотелось бы, чтобы вы подумали, и это может быть важным. Почему этот человек преследует вас? Вы пытались убежать от него вверх по лестнице и не могли пошевелиться. А преследование лицом противоположного пола может означать, что вам нравится кто-то, но вы испытываете по этому поводу чувство вины… и вы не осмеливаетесь отвечать на попытки ухаживания. Не коснулась ли я чего-то чувствительного?

– Я… я не знаю. Не думаю.

– Вы будете удовлетворены, если мы оставим все это как есть на какое-то время?

Сэм пожала плечами.

– Ну хорошо, вам есть над чем подумать, – сказала Таня. – Принес ли кто-нибудь еще свой сон?

– Да! – воскликнула Сади, едва не взорвавшись.

– Хочешь рассказать нам, Сади?

– Это еще один мой сексуальный сон.

Сэм уловила слегка раздраженный вздох мужчины в мешковатом свитере и попыталась припомнить его имя. Ян? Колин? А Сади залезла в свою сумочку и вытащила оттуда толстую записную книжку, перелистала исписанные от руки страницы, нашла нужное место и принялась рассказывать:

– Это было ночью в прошлый понедельник, после занятий группы. Я находилась в большой комнате наверху, в старой мансарде… похоже, это был дом моих родителей, только значительно больше, а в углу там сидела маленькая старая дама, вся в морщинах, и она вроде бы как наблюдала за мной. Она ткала гобелен, но пыталась сделать вышивку на листе металла с помощью дрели.

Ну, так или иначе, я лежала на постели голая, в наручниках. Я догадалась, что эта дама и надела на меня наручники, а металлический лист вдруг превратился в доску, на которой указывают счет в спортивных играх, и старуха собиралась что-то записывать на ней. – Сади самодовольно осмотрелась по сторонам и достала сигарету из своей пачки.

В комнату вошел Клайв. Сначала я не узнала его, а потом сообразила, что это он, на нем был его свитер, который он всегда носит.

Сэм посмотрела на него и увидела, что тот почти дымится от ярости. Клайв – вот как его звали!

– Он принялся заниматься со мной любовью, только он не удовлетворял меня, ну я ему и сказала, чтобы он, так сказать, отправлялся в хвост очереди и попытался попозже снова. Потом вошел молодой паренек из моеей конторы и сказал мне, что он уже несколько месяцев безумно в меня влюблен и ему очень хотелось бы стать моим малышом для игр…

Казалось, сон Сади бесконечен. Молодой паренек из ее конторы. Роберт Редфорд. Принц Филип. Джек Николсон. Джон Макэнрое. Пол Хоган. Ричард Гир. И все они, естественно, тайно вожделели ее большую часть своей жизни. Но все были не способны удовлетворить ее.

Прошло два часа. Все встали. Сэм сказали, что она контактировала хорошо.

– Надеюсь, вы теперь лучше разберетесь в своих чувствах? – спросила ее Таня.

– Да, думаю, что так, – сказала она с сомнением.

Все явно смущались, молча доставая деньги, которые путешествовали по рукам быстро, почти тайком, как контрабанда, будто их присутствие каким-то образом принижало ценность того, чем они так старательно занимались.

– Так вы собираетесь прийти на следующей неделе, Сэм? – поинтересовалась Таня.

Барри с закрытыми глазами все еще валялся на полу в своем черном костюме каратиста. Он поднял правую руку:

– Пока. Приятно было познакомиться с вами.

Интересно, открывал ли он вообще глаза хоть раз, чтобы посмотреть на нее, и сможет ли он узнать ее в следующий раз.

– Да, – ответила Сэм.

– Вы многое держите в себе, не так ли?

– Полагаю, что так.

– Мы должны извлечь эту наружу, – заявила Таня. – На что, видимо, уйдет довольно много времени. Вы только не позволяйте себе отвлекаться на все эти ваши предвидения, Сэм. Мы не видим снов о будущем… – Она легонько похлопала себя по голове в кудряшках. – Но мы устанавливаем связи. Мы встречаемся со своими монстрами. Забудьте об очевидном, Сэм. Вы должны установить связь с глубинами своей души.

– Мне бы хотелось поверить вам, – сказала Сэм.

– Вы поверите, вы еще поверите мне.

Сэм вышла из комнаты и поднялась по ступенькам цокольного этажа, самые разные мысли вихрем проносились в ее голове. Уверенность. Приятно вновь обрести уверенность, получить ответы. Вот и школьные учителя тоже дают вам ответы. Уж они-то знают ответы на многие вопросы.

Только вот не всегда те, которые нужно.

ВЫ ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМ МОНСТРОМ, СЭМ.

Надо убить дракона. Убить навсегда.

Она вышла на улицу, в темную ночь.

Вышла навстречу своему монстру.

21

Ночь оказалась теплой, больше похожей на летнюю, чем на зимнюю, в начале февраля. И группа молча растворилась в ней, едва попрощавшись друг с другом. Забираясь в свой «ягуар», Сэм посмотрела вверх, на небо. На фоне яркой полной луны ветви деревьев походили на вырезанные из картона силуэты.

Сэм повернула ключ зажигания, прислушалась на мгновение к тиканью подсоса горючего, потом включила стартер. Двигатель было заработал, но тут же заглох. Она дернула вверх рукоятку дросселя и попыталась снова завести машину, утопив вглубь кнопку стартера, вслушиваясь в тарахтение, шипение и завывание мотора.

Наконец отняла руку от кнопки, и шум сразу стих. Еще немного пощелкал храповик, и наступила тишина. Она опять подергала рукоятку дросселя, но безуспешно. Посмотрела на часы. Без четверти десять.

Она выключила зажигание, снова включила и опять выключила. Двигатель молчал.

– Ну, давай, давай, только не устраивай мне фокусов. Мне рано вставать.

Она выпрямилась и зажмурилась, чувствуя себя совершенно измотанной и поглупевшей. Господи, что она там наговорила? Что заставило ее все выболтать? Да еще совершенно незнакомым людям? Какой-то кучке чокнутых. Что же они должны были подумать о ней? А разве их заинтересовали ее сны? По всей вероятности, все же больше, чем Сади с ее идиотскими фантазиями.

Сэм попыталась снова, еще и еще раз завести машину, пока не услышала, что аккумулятор начал садиться, тогда она отказалась от тщетных попыток и посмотрела на часы. «Если позвонить в компанию техобслуживания, сколько придется ждать?» – раздумывала она. Как минимум час. А возможно, все два или три. Утром ей предстоял деловой завтрак без четверти восемь, и ей не хотелось быть на нем в разбитом состоянии. Автомобиль можно оставить здесь, все будет в порядке. А утром надо послать Драммонда, чтобы он посмотрел мотор.

Она задрожала, сама не зная отчего. Заперла автомобиль и тут услышала визг колес и рев двигателя. А подняв взгляд, увидела мчащийся прямо на нее автомобиль с включенными на полную мощь огнями.

«Как во сне», – ужаснулась она и, обогнув багажник «ягуара», ринулась на тротуар. Автомобиль с грохотом пронесся мимо.

Как в том проклятом сне. Ее вновь охватила дрожь.

МЫ НЕ ВИДИМ СНОВ О БУДУЩЕМ… НО МЫ УСТАНАВЛИВАЕМ СВЯЗИ. МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ СО СВОИМИ МОНСТРАМИ. ЗАБУДЬТЕ ОБ ОЧЕВИДНОМ, СЭМ. ВЫ ДОЛЖНЫ УСТАНОВИТЬ СВЯЗЬ с ГЛУБИНАМИ СВОЕЙ ДУШИ.

Сэм шла по улице, пугаясь тени деревьев: они казались ей похожими на темные лужи крови, а когда она попадала на открытые участки, освещенные резким светом луны, то чувствовала себя перепуганным кроликом, попавшим под свет фар автомобиля.

Тот сон. Все происходило, как в том сне.

Когда она пересекла очередной незатененный отрезок дороги, луна внезапно поблекла, словно ее погасили. Послышался легкий шум, словно топот крошечных ножек, и холодная капля воды ударила ее по лбу.

Дождь. Она испытала чувство облегчения. В этом месте ее сна дождя не было.

В считаные секунды обрушился ливень, она колебалась, не вернуться ли к автомобилю, или надо хоть достать зонтик. Но ведь она была совсем рядом с Хай-стрит, и тут она увидела прямо перед собой проезжающее такси.

– Такси! – закричала она и кинулась к нему, но, пока она бежала, такси уже уехало.

Она стояла под дождем, а тот все усиливался. Она смотрела на расплывающийся свет фар, на хвостовые огни в надежде увидеть желтый огонек свободной машины. Еще одно такси промчалось мимо, из-под колес летела вода, на заднем сиденье маячили тени съежившихся людей, следом проехало еще одно такси, и тоже занятое. Она промокла насквозь. Волосы прилипали ко лбу, а пальто отяжелело от воды. Она беспомощно озиралась по сторонам и вдруг заметила на некотором расстоянии от себя, вверх по холму, знак подземки. Какое-то мгновение она колебалась, вглядываясь в улицу, в проносящиеся мимо огни машин. Ни одного такси.

В том сне ведь не было дождя. С тобой все будет в порядке. Нет, Сэм. Нет! Ах, черт подери!

ВЫ ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМ МОНСТРОМ.

Сон. Это был просто сон.

КУДА ПРОЩЕ ОТНОСИТЬ СНЫ В РАЗРЯД ПРЕДВИДЕНИЙ, ЧЕМ ПОСМОТРЕТЬ ПРАВДЕ В ГЛАЗА И ОСОЗНАТЬ ИХ СУТЬ.

ВЛАГАЛИЩЕ. Я ПОЛУЧИЛ ОБРАЗ ВЛАГАЛИЩА.

ВЫ ИМЕЕТЕ В ВИДУ, ЧТО ОНА НАПРАВЛЯЕТСЯ ОБРАТНО, В ЛОНО СВОЕЙ МАТЕРИ?

Ну, разумеется. А разве не у всех так? Может, и так.

Она побежала к станции подземки, а потом остановилась. Да не будь ты такой уж чертовски глупой!

Трусиха! Трусиха! Трусиха!

Это я-то?

Трусиха! Трусиха! Трусиха!

Вообще-то я больше не пользуюсь подземкой… ну… видите ли, грабители и все такое. И Ричарду это не нравится.

Трусиха!

Она помчалась дальше к подземке.

Но ведь ты не собираешься спускаться туда, Сэм?

О да, собираюсь.

О нет, не собираешься!

О да, собираюсь.

О нет, не собираешься!

Да идите вы в задницу!

Сэм влетела внутрь, там было прохладно, пахло сухой пылью и затхлостью, она промчалась мимо нескольких человек, съежившихся у входа, и ринулась к билетным автоматам.

НЕ РАБОТАЕТ. НЕ РАБОТАЕТ. Третий автомат вроде работает, она открыла сумочку, вытащила кошелек, попыталась отыскать «Уоппинг» в перечне станций, но не смогла.

Она прошла к билетной конторке, замирая от страха, а вдруг там сидит та самая женщина из ее сна. С облегчением увидела за конторкой молодого мужчину с густой бородой.

– В один конец до Уоппинга, пожалуйста.

– Лифты не работают, – сказал он, приподнимая брови.

– Простите?

– Лифты. У нас тут проблема с электроэнергией.

– Я могу спуститься по лестнице.

Он нахмурился:

– А вы бывали здесь раньше?

– Нет.

– Спускаться довольно далеко.

Она почувствовала легкое беспокойство.

– Я… – Она помолчала. – Я не возражаю.

Он пожал плечами:

– Девяносто пенсов. Повернете там направо. – И он показал ей рукой.

Сэм взяла билет и прошла через барьерчик, контролер отсутствовал. В начале лестницы висел какой-то знак.

ШАХТА ЛИФТА НА ЭТОЙ СТАНЦИИ САМАЯ ГЛУБОКАЯ В ЛОНДОНЕ. ТРИСТА СТУПЕНЕК. ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННОЙ СИТУАЦИИ.

Грязные кафельные плитки стен казались знакомыми, как в общественном сортире… как стены в том сне. Она уставилась на стальную коробку шахты в середине лестницы, все в точности, как она видела в своем сне.

«Господи, как же, черт подери, могла я увидеть это во сне так точно? Может быть, я была здесь раньше? Когда-то давным-давно?»

Должно быть, так оно и есть.

Она дрожала.

«Успокойся! Это всего лишь обыкновенная станция подземки. Все пользуются подземкой».

Она прислушалась, в надежде, что подойдут еще люди и они могли бы пройти вниз вместе. Послышались быстрые шаги – двое мужчин, углубившись в разговор, спускались по лестнице. Она услышала позади себя еще чьи-то шаги и болтовню студентов-иностранцев. Огромная толпа итальянцев беззаботно, оживленно щебетала и смеялась. Энергия и энтузиазм. Жизнь. Она начала спускаться вместе с ними, стараясь держаться поближе, чтобы не оказаться в одиночестве.

Уже было пройдено полпути, когда она услышала, как что-то щелкнуло, и ее сумочка упала на землю, подпрыгнула и скатилась вниз через несколько ступенек, из нее выпала записная книжка, раскрылась, повсюду рассыпались бумажки.

Черт подери!

Она опустилась на колени, а студенты, осторожно переступив через листки, не переставая весело щебетать, проследовали дальше. Она лихорадочно запихивала бумажки обратно, чувствуя себя при этом очень глупо, а потом посмотрела на оборванный ремешок сумочки. Заклепка сломалась. И вдруг поняла, что кругом стоит тишина. Ей стало совсем страшно, она дрожала на сквозняке в промокшей насквозь одежде, и от страха тоже, – сообразила она, заталкивая записную книжку в сумочку. Болтовня студентов уже стихла, и она осталась одна. «Повернись, – подумала она, – повернись и беги обратно наверх».

Она посмотрела вверх, а потом вниз. И там и там темно, тихо и страшно.

ВЫ ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМ МОНСТРОМ.

Уж не это ли имела в виду Таня Якобсон?

Прямо здесь?!

Она стояла и вслушивалась, щебет итальянцев умолк окончательно.

Успокойся, Сэм. Успокойся. Просто иди дальше вниз. С тобой все будет отлично.

Она сунула сумочку себе под мышку, сделала вниз один шаг, за ним другой и услышала резкое эхо своих шагов.

В том сне дождя не было.

И билеты в том сне продавала женщина.

Сон. Просто сон. Только и всего.

Она медленно спускалась все дальше, прошла один виток, за ним другой. Глубоко внизу, под собой, она услышала слабое громыхание поезда метро.

В том сне не было никаких других людей. А сегодня вечером кругом уйма народу, ведь конечно же они были, да? Она прошла вниз еще дальше, ступая на цыпочках, стараясь идти бесшумно, чтобы не было никакого эха и никто не смог бы услышать, чтобы, если уж он дожидается там, тогда… Бог мой, подумала она, ведь ее пальто шуршало, и сумочка терлась о него. Она снова остановилась и прислушалась. Снова слабое громыхание – нового поезда, а потом – тишина. Сколько же осталось

ступенек? Как далеко она прошла? Сэм ощутила покалывание сзади в шее. Кто-то крался вниз следом за ней. Кто-то стоял позади нее.

Она резко повернулась.

Ни души.

Она почувствовала, как бьется ее сердце, бьется так громко, что она почти слышит его. Ну, давай же, Сэм. Встреться со своим монстром. Встреться со своим монстром.

И что же, черт подери, ты станешь делать, когда его встретишь? Ударишь его сумочкой и попытаешься удрать от него? Удрать от него – куда? На пустую платформу?

Она стояла и в ужасе смотрела назад, вверх по лестнице, а затем продолжала спускаться вниз, медленно, стараясь не шуметь и понимая, что это невозможно.

«Я должна уже была бы находиться в самом низу, – думала она. – Сколько же осталось ступенек? Всего их триста». Она прошла вниз еще немного, считая про себя. Пять. Шесть. Семь. Господи, как медленно! Сэм поняла, что не прошла и половины.

А потом она окаменела.

Прямо под собой, в считаных ярдах от себя, она услышала шарканье ног. Она прислушалась не шевелясь. Кто-то стоял ниже по лестнице, прямо под ней, тяжело дыша.

Опять послышалось шарканье чьих-то ног. Совсем рядом. И тут же она увидела тень на стене. Неподвижную. Нет, еле-еле движущуюся.

Тень затаившегося человека, старающегося, чтобы его не заметили. Кто-то поджидал ее.

Грязные стены, казалось, смыкались вокруг. Ее словно окатили ледяной водой. Но вот тень стала стремительно приближаться. Она росла, становясь все больше, все темнее.

Она услышала гулкие, подобные ударам в барабан шаги. И сопение, по всей видимости, мужчины. Сопит, прямо как свинья.

Она повернулась и побежала спотыкаясь.

Нет! Помогите мне! Бога ради, помогите мне!

Она споткнулась и упала, сильно ушибла колено, поднялась, рывком преодолела еще несколько ступенек, цепляясь за поручень, карабкаясь вверх.

Она ударилась об стену справа, споткнулась, и ее плечо больно врезалось в поручень слева. От судорожного дыхания легкие жгло как огнем, но она бежала все дальше, слыша позади себя шаги и сопение, а его тень гналась за ее тенью, то касалась ее, то отступала.

Наконец она оказалась наверху и выбежала вон, мимо барьерчика, мимо людей, притулившихся у входа. Прочь, прочь, под проливной дождь, на свет уличных огней.

Она прислонилась к стене, еле дыша, заглатывая воздух большими, глубокими вдохами, чувствуя, как ее сердце гулко бьется в груди. Острая резь в животе заставила ее скрючиться. Сэм ждала, пока боль отпустит, но она не проходила, а дождь тем временем смывал пот с ее лица.

Она стянула перчатки и с благодарностью подставила под холодные струи ливня свои пылающие ладони. Она простояла так довольно долго, пока не стала походить на привычный персонаж уличной обстановки: незаметное, скрючившееся, как в любом большом городе, еще одно отверженное существо, мимо которого вы проходите, ускоряя шаг, стараясь ни в коем случае не смотреть на него. Сэм медленно заковыляла по улице, чертовски болела лодыжка. Она направлялась к телефонной будке, которую разглядела неподалеку.

Пролистала справочную книгу и отыскала номер телефона компании техобслуживания.

– Могу я узнать ваш членский номер? – строго спросила девушка.

– Моя карточка осталась в машине. У нас коллективное членство, от одной компании. «Киностудия Кена Шепперда».

Она ждала у трубки довольно продолжительное время, прежде чем девушка вернулась и недоверчивым грубым тоном произнесла:

– Если вы подождете у своего автомобиля, мы направим туда кого-нибудь, когда сможем.

– И как долго надо будет ждать?

– Как минимум час. У нас в данный момент масса вызовов.

Сэм устало забралась обратно в «ягуар», закрыла дверцы и сидела, тупо глядя вперед. Устало прикрыла глаза, а в мозгу все бурлило; интересно, не вообразила ли она все и на сей раз. Она видела движущуюся тень, слышала шарканье ног, дыхание, сопение, тень гналась за нею вверх по ступенькам. Она содрогнулась и в ужасе посмотрела через окно в темноту, потом включила радио.

И почти тут же выключила его, испугавшись, что не сможет расслышать звуков снаружи. Она сидела и молча ждала, думая об этой группе сна, и о Бэмфорде, и о тени, которая поднималась по ступенькам, направляясь к ней.

А если Бэмфорд прав? И Таня Якобсон тоже?

Если эта тень существовала только в ее собственном сознании?

Если. Если. По всей вероятности, они правы. Ну и пошли они к чертовой матери!

Да, старичок, совсем она чокнулась. Моя жена? Сэм?

Да, боюсь, что на нее кирпич свалился.

Шум двигателя напугал ее. Луч фары осветил обшарпанный грузовичок, который остановился рядом с ней. Водитель помахал ей, и она подняла в ответ руку. Негнущимися, одеревеневшими пальцами она отперла дверцу и выбралась из машины. Дождь прекратился, но в воздухе все еще чувствовался холод.

– Не заводится? – спросил мужчина, молодой и энергичный.

– Нет.

– Отличная машина. Ее бы в музей надо.

– Она очень надежная.

– В старых «ягуарах» электрическая проводка. В них необходимо поменять провода, совершенно все поменять – вот в этом обычно и проблема.

Он проскользнул на водительское место, включил зажигание и нажал на стартер. Двигатель заработал немедленно. Мужчина провернул его несколько раз, а она стояла в облаке густого, маслянистого выхлопа, оцепенев от изумления. Он снова прокрутил двигатель. «Сильно, слишком сильно», – подумала она равнодушно. Потом мужчина высунул голову наружу.

– Вы, по всей вероятности, залили его водой. Но, судя по звуку, все в порядке. Просто отлично.

Она медленно покачала головой:

– Нет. Я его не заливала.

Он пожал плечами.

– Тут другая причина, – сказала она.

– Контакты барахлят?

Она покачала головой:

– Нет.

Мужчина из компании нахмурился:

– С норовом, что ли?

– С норовом, – эхом отозвалась она, глядя в сторону.

Где-то поблизости в одном из окон послышался слабый переливчатый смех, а потом хриплый мужской голос и новый взрыв хохота. Она услышала шуршание велосипеда и скрип тормозов, потом увидела, как элегантно одетая женщина слезает с велосипеда и заносит его по ступенькам дома номер 54.

– Могу ли я посмотреть вашу карточку, мне от вас нужна только подпись.

– Извините, – сказала она. – Извините, что я вас побеспокоила.

Он нырнул в кабинку своего грузовичка и вытащил квитанционную книжку.

– Водой, по всей вероятности, залило. Так постоянно случается. Что там стоит? Тройник, что ли?

– Простите?

– Ну, карбидный такой.

– Я не знаю.

– М-да, ну, скорее всего, что водой залило.

Она вытащила карточку из бардачка и передала ему. Как было бы просто согласиться с ним. Да, я залила его. Как это глупо с моей стороны. Но дело-то не в этом. И не в том, что контакты барахлили.

Это было нечто такое, с чем никакому механику не под силу справиться.

22

Домой Сэм добралась уже за полночь, в прихожей было темно. Она тихонько закрыла парадную дверь и сняла с себя насквозь промокшее пальто. В конце коридора из-под двери Ричарда выбивался слабый свет, она двинулась по коридору на этот свет.

Ричард сгорбился перед экраном своего компьютера, рядом с ним стоял высокий стакан для виски и бутылка «Тичерз». Он повернул голову.

– Что-то ты мокрая, – пробормотал он. – Да и еще выглядишь так, словно у тебя все мозги вышибли.

– Там ливень. – Она подошла и чмокнула его в щеку. – До сих пор работаешь?

– Андреас сказал, что сегодня ночью предстоит одна операция. Считает, что могут случиться кое-какие крупные передвижки.

Он устало потер нос, налил себе виски, как всегда, на четыре пальца, потом пошлепал по клавиатуре компьютера и наклонился вперед, всматриваясь в экран. При виде изменяющихся цифр он нахмурился:

– Где ты была?

– Ох… у нас проблемы со съемками. Рыбные палочки… ну, эти «Суперпалочки»… клиент желает, чтобы снималось на натуре, в Арктике, а мы пытаемся убедить его сделать это здесь, в студии. – Она была рада, что Ричард не смотрел на нее: она никогда не умела складно лгать. – Ну а потом машина никак не заводилась.

– Это чертовски смешной автомобиль, на нем только по лужам шлепать по всему Лондону. Я же говорю тебе, что твой Кен большой эгоист.

– При чем тут эгоизм? Ему нравятся старые автомобили: хорошее капиталовложение и работает на имидж.

– Да, в особенности когда они ломаются посреди ночи.

И он снова нахмурился, глядя на экран. Сэм внимательно посмотрела в окно, наблюдая, как темная пелена дождя закрывает темные силуэты неугомонных лихтеров и черную воду реки. Во всяком случае, у Ричарда исчезла агрессивность и незнакомая яростная вспыльчивость, которая охватила его, когда он, явившись домой, разорвал на ней бюстгальтер. Ее оплеуха, кажется, подействовала, и с тех пор он был мирным, иногда вспыльчивым, но все-таки мирным.

– Звонил Ион Гофф. У них там билеты в театр на четверг, зовут посмотреть новую пьесу Айкборна.

– Черт возьми, мне хотелось бы посмотреть. Но в четверг не могу. Как раз в четверг я должна ехать в Лидс. У нас там в пятницу утром презентация.

Он скосил взгляд на экран с цифрами, а потом проверил что-то в блокноте на своем столе.

– Господи Иисусе! – закричал он, глядя на экран, голосом искаженным, как от мучительной боли. – Ты не можешь, мать твою, сделать это! Как ты могла? – Он оглушительно ударил кулаком по столу. – Как ты могла сделать это, мать твою?!

– Тсс, – сказала Сэм. – Не кричи так. Ведь Ники…

– К черту Ники! Господи Иисусе! Что же эта биржа делает-то, мать ее? Андреас никогда не ошибается! Во что же, по-ихнему, они там играют? Из Токио мне сообщили, что, по их мнению, Нью-Йорк смотрится дешево.

Он воинственно и свирепо уставился на экран, загроможденный бесконечными рядами цифр, незнакомых названий и символов. Свой жаргон. Свой язык. Совершенно чуждый ей; впрочем, язык группы сна тоже оказался бы чужим для Ричарда.

Сэм постояла еще несколько минут сзади него, молча наблюдая, как опять он выпил, отстучал по клавиатуре новые распоряжения и снова зачертыхался. Казалось, он забыл, что она рядом, и не обращал внимания ни на что, кроме этого маленького экрана с непонятными зелеными значками.

Она оставила его в покое и отправилась раздеваться. Довольно долго она пролежала в постели, не выключая света и размышляя. Она думала о Ричарде и о том, что тревожило его. Ей хотелось, чтобы они могли откровенно поговорить об их проблемах: она рассказала бы ему о своих снах, а он бы воздержался от своих обычных насмешек, а потом рассказал бы ей, что у него случилось. Она думала и о Бэмфорде О'Коннеле, и об этой группе сна. В голове вереницей проносились

авиакатастрофа, стрельба, спуск вниз по ступенькам станции подземки «Хампстед». Она посмотрела на часы. 2.15. А Ричард все еще не ложился спать.

Теперь Бэмфорд О'Коннел и Таня Якобсон, они оба говорили одно и то же.

«Что все это коренится в моем подсознании».

А кто же тогда поднимался по ступенькам станции метро? Ее собственное воображение, что ли?

Она услышала щелчок двери в ванную, а потом шум льющейся воды. «Странно», – удивилась она. Странно, что Ричард принимает душ, прежде чем отправиться в постель. Она опять подумала о тех ступеньках и о тени. Подумала уже в который раз.

«Ничего. Ничего там не было. Какого черта я не пошла дальше вниз?»

ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМ МОНСТРОМ.

«Нет, только не я. Я напугана».

Трусиха, трусиха!

– Пока, таракашка.

Она почувствовала запах мятной зубной пасты и ощутила его поцелуй. Она приподнялась вздрогнув.

– Который час?

– Двадцать пять минут седьмого. Я буду поздно.

– Уже утро?

Глаза у Ричарда красные от бессонной ночи, лицо мертвенно-бледное. Она, наверное, выглядит не лучше.

– У меня вечером теннис.

– Ужинать будешь дома?

– Да… я буду около девяти.

– Хорошо.

Дверь закрылась.

Утро. Она так и не спала. Или спала? Она выскользнула из постели, как ни странно чувствуя себя бодрой и свежей. Должно быть, хороший день для ее биоритма. «Я чувствую себя великолепно. Потрясающе. Я резонирую».

У ВАС УЙДЕТ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ НА ТО, ЧТОБЫ РЕЗОНИРОВАТЬ, СЭМ.

БЛЕСК, СЭМ, ВЫ В САМОМ ДЕЛЕ ХОРОШО РЕЗОНИРУЕТЕ.

ДА, В САМОМ ДЕЛЕ?

«Резонирую», – подумала она, когда вода из душа обожгла лицо и глаза защипало от мыла. Резонирую! Она улыбнулась. Она чувствовала себя легко и беззаботно, словно с нее сняли какую-то тяжесть. «Берегись, Слайдер, я резонирую. Я доберусь до тебя, ты, отвратительный слизняк с глазами-щелочками».

Она оделась и направилась в прихожую. Хэлен вышла из своей комнаты в халате.

– Доброе утро, миссис Кэртис. Вы сегодня поднялись рано.

– Да, у меня деловой завтрак. Что там у Ники в школе?

– Сегодня у него экскурсия. Они собираются в лондонский зоопарк.

Сэм прошла в комнату Ники. Он как раз начинал просыпаться, и она слегка поцеловала его в лоб.

– Увидимся вечером, тигренок.

Он сонно посмотрел на нее снизу вверх с печальным выражением лица.

– А почему ты сейчас уходишь, мамочка?

– Мамочка сегодня должна прийти на работу рано.

Она почувствовала себя виноватой. А он что чувствует? Что он не нужен? Что он помеха в ее карьере? Это слова Бэмфорда О'Коннела всколыхнули в ней чувство вины.

ВЫ ОТКАЗАЛИСЬ ОТ СОБСТВЕННОЙ КАРЬЕРЫ РАДИ НИКИ… МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ГНЕВ НА НЕГО. МОЖЕТ БЫТЬ, ГЛУБОКО В СВОЕМ ПОДСОЗНАНИИ ВЫ ОЩУЩАЕТЕ, ЧТО ЕСЛИ БЫ У ВАС ЕГО НЕ БЫЛО, ТО…

Она внимательно посмотрела на Ники, ей не хотелось уходить, а хотелось крепко обнять его, самой сводить в зоопарк, показать ему жирафов, быть ласковой с ним. Она желала, чтобы никогда, ни на единый миг он не испытывал того, что испытала она в своем детстве.

– Вечером увидимся, – сказала, она, с неохотой отрываясь от сына.

– Ты сегодня придешь поздно, мамочка?

– Нет.

– Обещаешь?

Она засмеялась:

– Обещаю.

– Ты вчера на ночь не рассказала мне сказку.

– Мамочка вчера пришла немного поздно.

– А сегодня-то вечером ты мне расскажешь?

– Да.

– Про дракона? Расскажешь мне ее снова, да?

Она улыбнулась и кивнула, погладила его волосы, снова поцеловала и вышла из комнаты, прошла по коридору и надела свое не совсем просохшее пальто.

На улице все еще было темно, сквозь клубящийся туман моросил густой мелкий дождь, нагонявший еще большую тоску. Угрюмый мальчик – разносчик газет в непромокаемой куртке стоял перед почтовыми ящиками, разбирая газеты.

– Одиннадцатая квартира, – сказала Сэм. – Вы уже нашли их?

Стекла его очков совсем запотели. Он беспомощно смотрел сквозь них.

– Не беспокойтесь, – произнесла она и поспешила к своему автомобилю.

Ее энергия быстро испарилась, и к тому времени, когда она после своей встречи добралась до конторки, чувствовала себя усталой, разгоряченной и совершенно разбитой. В ресторане гостиницы было жарко и душно. Все сидели, поглощая кофе в диких количествах, хрустели тостами, смотрели затуманенными глазами. В воздухе плавали запахи лосьона после бритья, яичницы и копченой рыбы. По какому же поводу, черт подери, эта встреча? Да ни по какому, в том-то и дело! Судебная тяжба с компанией Макферсона заставляла Кена придавать особое значение коммерческой рекламе и тому обстоятельству, что их пригласили в Лидс провести презентацию. Горячие деловые приветствия. Уверенные рукопожатия. Предстояло сделать не обычную коммерческую рекламу. О нет, сэр! Пришествие Иисуса Христа – неприметное пятнышко в анналах истории по сравнению с новым Пришествием. Это же будет Рассвет Великой Новой Эры. «ОТВЕРЖЕННЫЙ». Первая в мире Система Личного Питания. Пища XXI века. Пища для резонирующих людей.

Клэр сосредоточенно молотила по печатной машинке, низко наклонив голову. Сизый табачный дым плавал по комнате. Рядом с Клэр стояла пепельница, набитая свежими окурками, перепачканными помадой.

– Доброе утро, Клэр.

Клэр в ответ слегка приподняла руку, продолжая неистово стучать по клавишам.

– Что это вы печатаете?

– Это как раз для Кена, – ответила она сквозь зубы.

– И что же это? – спросила Сэм, все больше и больше приходя в ярость.

– Они не хотят жирафов.

– Что-что?

Сэм открыла окно и вдохнула всей грудью мокрый лондонский туман.

– Они отменяют.

– Все съемки? – всполошилась Сэм.

– Нет. Они решили использовать актеров, одетых жирафами. Их донимают люди из лиги защиты животных.

– Алкоголь, сигареты, защита животных, эксплуатация женщин… Бог мой, да так ведь мы ни о чем не сможем сделать коммерческую рекламу.

Сэм села за свой стол и вскрыла конверт с письмом, лежащий в почте первым. Ее информировали об увеличении платы за фотолабораторию.

Клэр вытряхнула сигарету из пачки, исподлобья посмотрела на Сэм:

– Ужасно, это сообщение в новостях. Вы уже слышали?

– Какое сообщение? – рассеянно спросила Сэм, занятая письмом из фотолаборатории.

– Про ту несчастную женщину.

– Женщину?

– Ну, вчера ночью. Которую убили.

Сэм перечитала первый абзац, раздраженная болтовней Клэр. Она пыталась подсчитать, на сколько реально увеличена плата.

– Сегодня утром и по радио сообщили. На станции подземки «Хампстед».

Сэм, вздрогнув, подняла взгляд.

– Что-что, Клэр? О чем вы говорите?

– Прошлой ночью. Женщину изнасиловали и убили на станции подземки «Хампстед». Это говорили в новостях сегодня утром. Поневоле задумаешься, а где вообще можно чувствовать себя в безопасности, не так ли?

Сэм показалось, что все вокруг нее плывет, ее охватила мелкая дрожь, а в горле застрял комок.

Клэр продолжала печатать.

– «Хампстед», высказали? Станция метро «Хампстед»?

Клэр, казалось, не слышала ее.

– Господи.

Она посмотрела на часы. Двадцать минут двенадцатого. Вышла на улицу, перешла на другую сторону и остановилась у стенда продавца газет. Она позабыла накинуть пальто и теперь мокла под проливным холодным дождем. Первый выпуск «Стандард» как раз вываливали из фургончика, продавец медленно, мучительно медленно развязывал бечевку.

Она прочитала эти заголовки еще раз, потом еще, задерживаясь на каждом слове, набранном броскими черными буквами, будто опасаясь, что если станет читать дальше, то внезапно обнаружит, что она и есть та девушка, которая была…

ИЗНАСИЛОВАНА И УБИТА В МЕТРО.

О господи! О боже милостивый, нет!

Она смутно сознавала, что мир вокруг продолжает жить. Вот такси высадило пассажира. Вот два человека под одним зонтиком торопливо прошли мимо. Из фургончика выгружали пакеты…

А потом она увидела эту фотографию внизу.

Увидела улыбающееся лицо женщины, словно она улыбалась именно ей, и никому другому. Словно в ее улыбке сквозило тайное понимание.

Сэм отшатнулась в сторону, врезавшись в продавца газет, от которого пахло, как от сырого мешка, извинилась, ухватилась за стенд с газетами и в полном оцепенении снова уставилась на фотографию женщины.

Пожалуйста, нет. Пожалуйста, пусть это будет сном.

Она медленно побрела назад, давясь слезами от горя и беспомощности, стыда и чувства вины. Виновата. Виновата. Трусиха, трусиха, ты ведь могла спасти ее! Могла спасти ее! Могла спасти ее!

Ее.

Она же разговаривала с ней всего несколькими минутами раньше.

Нет, это неправда. Этого не могло быть. Это, должно быть, какая-то…

Она, спотыкаясь, вошла в контору и столкнулась с Драммондом, как раз выходившим на улицу. Коробка, которую он нес, шлепнулась на землю и покатилась к водосточной канаве.

– Извините, – пробормотала Сэм. – Извините. Извините.

Она прошла мимо восковой фигуры Кена – руку уже приклеили обратно, хотя и под углом, что выглядело очень странно, – поднялась в свой кабинет. Села за свой стол, положила промокшую газету и снова уставилась на фотографию, потом на текст, а потом – снова на фотографию.

37-летнюю мать маленького ребенка зверски изнасиловали и убили прошлой ночью на станции метро «Хампстед».

Таня Якобсон, психотерапевт, была обнаружена мертвой в котельной на середине печально известной лестницы вскоре после десяти часов вечера электриком по эксплуатации. Билетер Джон Баркер ранее предупреждал миссис Якобсон, что лифты не работают и что ступеньки ведут очень глубоко.

ПРЕДЧУВСТВИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ… ВСЕ ЭТО ЧУТОЧКУ… ЗА ГРАНЬЮ, ПОНЯТНО? МЫ ЗДЕСЬ СТРЕМИМСЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СВЯЗАТЬСЯ С НАШИМИ СНАМИ, НАЛАДИТЬ КОНТАКТ С НИМИ, СВОБОДНО ОБЩАТЬСЯ, ЗАСТАВИТЬ ЗАРАБОТАТЬ ПОЛЕЗНУЮ ДЛЯ НАС ДИНАМИКУ.

Она подняла взгляд и увидела, что Клэр наблюдает за ней.

– Я знаю ее, – мрачно сказала Сэм. – Я была с ней как раз… перед тем… как ее… Я ходила на эту…

Темная комната. Панталончики, содранные вниз. Руки вокруг шеи. Зловоние лука.

Скажи, что ты любишь меня.

Ах ты, сука вонючая!

Нет. Пожалуйста, нет. Не убивайте меня. Пожалуйста, не убивайте меня… У меня ребенок… ну, пожалуйста…

Сэм почувствовала, как ледяной холод стремительно сковывает ее до мозга костей. Она закрыла глаза, но тут же снова открыла их.

– Должно быть, все произошло за какие-то минуты… – Она помолчала. – Я могла бы помешать этому.

Клэр взглянула на нее и нахмурилась. А Сэм опять подумала о сопящем дыхании и о темной тени, которая поднималась по ступенькам за нею.

– Я должна позвонить в полицию, – сказала она. – Рассказать им, что я была там.

– Вы что-нибудь видели?

– Да… я… я не знаю, – вздохнула она.

Сэм резко встала и, сцепив руки, бесцельно стала бродить по кабинету. Подошла к окну и уставилась невидящим взглядом в пелену дождя, который не переставая лупил по лужам, черным зонтам прохожих; какой-то старик старательно рылся в мусорной урне.

Мертва.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО. БЛЕСК! ВЕЛИКОЛЕПНО. А Я – ТАНЯ ЯКОБСОН.

Таня Якобсон. От окна тянуло холодным сквозняком, по ее лицу с мокрых волос стекала вода.

ВЫ ТОЛЬКО НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ СЕБЕ ОТВЛЕКАТЬСЯ НА ВСЕ ЭТИ ПРЕДВИДЕНИЯ, СЭМ. МЫ НЕ ВИДИМ СНОВ О БУДУЩЕМ... НО МЫ УСТАНАВЛИВАЕМ СВЯЗИ. МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ СО СВОИМИ МОНСТРАМИ.

– Я видела это во сне, – сказала она.

СЭМ, ОТМАХНУТЬСЯ ОТО СНА, СОЧТЯ ЕГО ПРЕДВИДЕНИЕМ, – ЭТО ЛЕГКИЙ ПУТЬ. Я ДУМАЮ, ВЫ ИСПОЛЬЗУЕТЕ ЭТО КАК ПРЕДЛОГ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НЕ ВСТРЕТИТЬСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ИСТИННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЭТИХ СНОВ.

А может быть, это-то как раз и был обходной путь? Может, они использовали психологический путь, чтобы уклониться от встречи лицом к лицу с предвидениями?

Господи! Ведь должен же быть кто-то, кто…

Она почувствовала, как тепло радиатора пробивается сквозь холодный сквозняк, и продолжала пристально смотреть за окно.

– А ясновидящая, к которой вы ходите, Клэр… Почему вы ходите к ней?

– Миссис Вульф?

– Да. – Сэм повернулась. – Для чего вы к ней ходите?

– Я хожу к ней, чтобы получить руководство.

– А она дает полезные советы?

Клэр руками откинула волосы назад и пристально посмотрела на потолок, словно там был написан ответ.

– Да, дает, и очень полезные. В самом деле.

– И она помогает вам понять суть вещей?

– Да… она действительно помогает людям понять суть вещей.

– А она примет меня, как вы думаете?

– О да, я убеждена, что примет. Вы можете прямо сейчас и поехать. Вам даже не нужно договариваться о времени приема, хотя лучше было бы договориться. По средам. Она всегда бывает у себя по средам.

23

Заведение находилось на узкой улочке в Блумсбери. Сэм разглядела вывеску, проехав полдороги, по противоположной стороне улицы. Надпись из голубых букв возвещала: «ЕДИНЫЙ ЦЕНТР МЫСЛИ И ТЕЛА». Сэм ощутила таинственную вибрацию, исходящую от этой надписи даже с такого расстояния. Она взглянула на часы. Приехала на четверть часа раньше.

В окне заведения была выставлена небольшая карточка, которую Сэм прочитала, подъехав поближе.

«ЕВА ВУЛЬФ, ЯСНОВИДЯЩАЯ.

ПРИНИМАЕТ СЕГОДНЯ».

Еще одна карточка поверх аккуратного штабеля пирамидок провозглашала: «ЧУДО ПИРАМИД!» Рядом лежала кучка горных хрусталиков, несколько колод гадальных карт и две книги: одна называлась «ПОЛНОСТЬЮ РЕАЛИЗУЙТЕ СВОЙ ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ», а другая – «ПОНЯТЬ МАГИЮ». Здесь же лежал очаровательный серебряный браслетик, составленный из четырех листиков клевера, с надписью: «ИДЕАЛЬНЫЙ ПОДАРОК – ВАЛЕНТИНКА».

Внутри заведение, как и вывеска, было выдержано в голубых тонах, голубоватого оттенка лампы дневного освещения заливали резким неприятным светом полки и голый пол. «В этом тайный замысел дизайнера», – подумала Сэм. Она прошла дальше, и ощущение враждебности обстановки почти потрясло ее. Захотелось повернуться и убежать от этого жара голубых флуоресцентных ламп, запаха ароматизированных курящихся палочек и свирепого взгляда женщины, смотревшей на нее из-за полуразобранного кассового аппарата.

Уж не она ли и есть миссис Вульф?

Рыжие волосы туго стянуты назад, кожа на лице тоже натянута, как будто она находится под воздействием причудливого лунного притяжения. Одета в черный свитер, сквозь который отчетливо проступают, как два маленьких черных колышка, соски.

Сэм повернулась и осмотрелась кругом. На полке прямо перед ней было несколько хрустальных шаров. Стеллажик с кассетами для медитации, снова пирамидки, астрологические карты, полки, уставленные свечами, некоторые из них черные, на непонятном мешочке лежат несколько маленьких камушков, витринка с травяными настоями для сна и постоянный запах, запах… ароматизированных палочек, но и чего-то другого, чего-то таинственного, по-настоящему таинственного. Эти флуоресцентные светильники ей припекали голову, обжигая, словно лампы для загара.

Женщина склонилась над кассовым аппаратом, возясь в нем отверткой, словно человек, пытающийся извлечь мясо из панциря омара.

– Простите…

Женщина подняла взгляд:

– Да?

Это слово, казалось, выскользнуло из нее почти беззвучно, рот даже не пошевелился, будто оно Сэм просто послышалось. Сэм стало по-настоящему не по себе.

– У меня назначена встреча с миссис Вульф.

Женщина снова ткнула отверткой в кассовый аппарат.

– Мимо тех книг. Вниз.

На этот раз она не подняла головы, а губы ее опять даже не шевельнулись.

Сэм прошла в заднюю часть магазинчика, мимо стеллажа с книгами карманного формата. Дойдя до лестницы, она опять заколебалась.

Да беги же ты отсюда.

Не будь глупой. Сюда ходит Клэр. Все в порядке. Может быть, эта женщина просто повздорила со своим дружком или еще что-нибудь в этом роде? Может, со своей подружкой, а? Сэм спустилась вниз по крутой лестнице в подвальный этаж, который был продолжением книжной секции. Какой-то мужчина с косичкой, одетый в черное, расставлял книги на полках. Вокруг повсюду книги, кучами наваленные на столах, на полках, в мусорных корзинах. В глубине, на дальней стене, она заметила

стрелку, указывающую вниз, в короткий коридор, ведущий к какой-то двери.

На двери крупным почерком было написано от руки: «ЕВА ВУЛЬФ, ЯСНОВИДЯЩАЯ», а ниже более мелкими буквами надпись:

«СЕАНС У ЯСНОВИДЯЩЕЙ (30 мин.) – 12 фунтов

ЧТЕНИЕ ПО ЛАДОНИ – 10 фунтов

ЧТЕНИЕ ПО АУРЕ – 10 фунтов

ГАДАНИЕ ПО КАРТАМ – 12 фунтов

ЧАСТНЫЕ СЕАНСЫ по взаимной договоренности»

Из-за слегка приоткрытой двери раздался гортанный голос со среднеевропейским акцентом:

– Миссис Петерсон? Вы пришли довольно поздно. У меня назначена другая встреча.

– Нет, я миссис Кэртис.

Последовало молчание.

– Я думаю, что миссис Петерсон не придет сегодня. Заходите, пожалуйста. Заходите.

Сэм толкнула дверь и вошла в комнату немногим больше туалетной кабинки. Голые кирпичные стены выкрашены в тот же голубой цвет, что и повсюду, а сверху свешивалась единственная электрическая лампочка, тоже голубая. В комнате стоял слабый запах ароматизированных палочек и сильный запах приторно-сладких духов. Миссис Вульф сидела за крошечным круглым столиком, который в соседстве с ней выглядел еще меньше. На ней был темный трикотажный свитер и незастегнутый афганский вязаный жилет. Она сидела прямо как стрела, высокая, широкая в кости женщина лет семидесяти с небольшим, напряженное лицо грубо намазано яркой косметикой, прямые, как проволока, седые волосы свешивались вдоль лица, лоб прикрыт челкой. Ее глаза уставились на Сэм из затененных глазниц, словно какие-то настороженные твари из нор.

– Пожалуйста, закройте за собой дверь. Пальто повесьте вон на тот крючок.

Сэм проделала это и села. Женщина быстро взяла ее руку, цапнула, словно птица, хватающая корм, и твердо сжала ее в своей большой ладони, жесткой и мозолистой, как у крестьянки от постоянной работы в огороде, ногти без лака, под них забилась грязь. На столе лежала старенькая Библия, обернутая в потрескавшийся целлофан, а рядом стояла кофейная чашечка со следами губной помады на ободке.

Женщина пристально рассматривала ее, будто ожидала увидеть нечто совершенно другое, и Сэм чувствовала себя неловко, даже подавленно, словно ее личное пространство подверглось чьему-то вторжению.

– Вы хотели провести сеанс?

– На самом-то деле я хотела бы… просто поговорить. Мне нужен кое-какой совет… Я оплачу ваше время.

Женщина никак не отреагировала.

– У вас есть полчаса. Вы можете использовать его, как пожелаете.

Они немного посидели в молчании, и Сэм чувствовала себя все более неуютно. Она услышала шаги наверху и слабое жужжание вытяжного вентилятора. Посмотрела на холодное серьезное лицо женщины и увидела на нем две бородавки и родинку, из которой рос волосок. Лицо женщины, казалось, окаменело еще больше, и Сэм медленно, почти незаметно начала охватывать мелкая дрожь, она чувствовала, что ее рука трясется.

– У меня бывают, как я полагаю, предвидения… в моих снах. Это началось недели две назад. Я…

Она услышала, как ее голос стихает. «А что я надеюсь услышать? – мелькнула у нее в голове мысль. – С чего это я вообще явилась сюда?» Она ощутила внутри поднимающуюся волну страха.

ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ЭТИХ ПАРНЕЙ-МОШЕННИКОВ.

– Я надеялась, что вы, возможно, поможете мне понять, почему ко мне приходят эти сны.

У Сэм все больше складывалось впечатление, что миссис Вульф все это абсолютно не интересно.

– Духи должны рассказать вам правду.

– Духи?

– Все идет от духов.

– Ага…

– Все это часть любви Господней к нам.

– Ах так.

Выражение лица миссис Вульф смягчилось, она наклонилась вперед и нежно, с любовью похлопала по Библии, как будто это был младенец, которого она только что покормила грудью.

– Господь милосердный всегда наблюдает за нами, Ему не важно, христианка вы или еврейка, потому что в Царстве Божьем есть место для каждого. – Она сдержанно улыбнулась, совсем другой какой-то своей улыбкой. – Он все понимает и велит мне сказать вам, что Он держит местечко и для вас. В любой момент, когда вы захотите войти к нему, Он примет вас.

«Что ж, очень мило с Его стороны», – подумала Сэм.

– Доброта. О, Он так полон доброты. Доброты и любви.

«Ах, значит, вот почему Он убил моих родителей».

– Он просит нас помолиться вместе. Сначала маленькая молитва с просьбой защитить и понять, а потом мы воздадим молитву Господню.

Ясновидящая закрыла глаза и сжала руку Сэм еще сильнее. Слишком уж сильно, едва не раздавила ее ладонь.

– Боже милостивый, сойдясь здесь вместе, мы просим благословения для всех тех, кто вышел из Духа, чтобы быть с нами, и, пожалуйста, мы просим благословения для миссис Кэртис. А теперь, Отец Небесный, мы молим о защите, и мы знаем, что, когда мы придем к Тебе и предстанем перед Твоим милосердным взором, мы получим защиту ото всех земных напастей. Если бы мы смогли приходить к Тебе чаще, мы бы поняли, что мир и покой существуют только перед Твоим ликом…

В словах женщины не было и намека на искренность, с таким же успехом она могла бы читать вслух телефонный справочник. Это выглядело так, как если бы она… притворялась?

И Клэр доверяла этой женщине? Так решительно рекомендовала ее?

Но попробовать-то надо.

– Аминь.

Ясновидящая тяжелым взглядом посмотрела на Сэм.

– Аминь, – сказала Сэм, едва дыша.

Рука женщины была холодной. Неприятно холодной, как вообще она могла быть такой холодной?

– Я улавливаю связь с рекламным делом. Это вам понятно?

«Так вы же знаете. Я это вам сказала, когда договаривалась о встрече, и сообщила, что меня рекомендует Клэр».

– Да, – сказала Сэм.

– Дух показывает мне двух человек… они, возможно, ваши бабушка и дедушка. Нет, они помоложе. Они не могут быть вашими родителями?

Сэм нахмурилась.

– Умерли, когда вы были совсем молоденькой, так?

Что же, Клэр рассказала ей об этом?

– В вашей карьере был какой-то перерыв… вижу маленького ребенка… но это ведь было в прошлом, так?

Сэм неохотно кивнула.

– Я вижу сложности с каким-то мужчиной в настоящий момент. Очень честолюбивый мужчина, вижу также, что сердце его разрывается. Его тянут в двух направлениях. Не знаю, между вами ли это и работой или же между вами и другой женщиной. Это что-нибудь означает?

Сэм снова кивнула. Ледяные тиски сжали руку Сэм еще сильнее, так сильно, что она поморщилась от боли, но женщина не обращала на это внимания, она плотно закрыла глаза и задышала прерывисто и тяжело. Сэм уставилась на нее, рука мучительно болела, к тому же она с ужасом увидела, что по лицу женщины течет пот. «Уж не транс ли это?» – подумала Сэм.

ИЗНАСИЛОВАНА И УБИТА В МЕТРО.

Прошлую ночь она пролежала в постели, читая до тех пор, пока не осталось сил даже перевернуть страницу. Сэм почувствовала, будто это она сама спускается по темным ступенькам, поджидает эту тень, а когда наконец видит ее и поворачивается, чтобы убежать, то не в состоянии и пошевельнуться, просто стоит там и вопит. А потом Ричард засопел и спросил, все ли с ней в порядке.

Нет, черт тебя подери! Не все со мной в порядке. И ты ведь не веришь мне, ведь так? Ты не веришь, что я была там внизу, внизу, на станции подземки, за считаные минуты до того, как это произошло.

УДАЧНО УДРАЛА, ТАРАКАШЕЧКА, НЕ ТАК ЛИ?

Вот только это он и сказал. С широкой ухмылкой на лице. Он что же, полагал, что это было так забавно?

Глаза миссис Вульф открылись, в них стоял дикий непостижимый страх. Потом они снова закрылись, женщина по-прежнему дышала короткими, судорожными вздохами. Она говорила медленно, словно бормотала во сне:

– Вы… знаете… мужчину… с… только… одним… – Потом одышка мешала ей говорить, и женщина принялась мотать головой из стороны в сторону и постанывать: – Нет… нет… нет… нет…

В комнате царил ледяной холод. Сэм видела, как изо рта женщины струится плотный пар и зависает в воздухе. Она почувствовала, что мурашки побежали у нее по рукам, по спине, в животе забурлило.

Послышался странный громыхающий звук, словно вдалеке шел поезд метро, но казалось, что он шел откуда-то сверху, а не под ними. Когда Сэм вслушивалась в этот грохот, то почувствовала, что холод, царящий в комнате, просачивается внутрь нее, и все внутри у нее леденеет.

Откуда-то сверху раздался резкий свист. Свет погас.

Сэм резко откинулась назад и уставилась вверх, пытаясь разглядеть лампочку, а потом в ужасе огляделась вокруг, ничего не видя в этой внезапно наступившей кромешной черной тьме.

А ясновидящая продолжала тяжело дышать и постанывать. Постепенно тиски ее руки стали ослабевать, и Сэм почувствовала, что в комнате теплеет.

– Я думаю, нам лучше остановиться, – сказала миссис Вульф. – Думаю, нам лучше остановиться.

Она по-прежнему тяжело дышала.

– Пожалуйста, скажите мне… пожалуйста, скажите мне, что происходит, – прошептала Сэм.

– Там… я… – Она услышала шуршание одежды женщины в темноте. – Они не хотят показывать мне ничего. Ничего.

– Почему? Я не понимаю.

– Лучше, если вы и не будете этого понимать.

– Я хочу знать.

– Никакой оплаты не надо. Я не могу дать этого вам. Я не могу дать вам того, что вы хотите.

Стул женщины заскрипел, отодвигаясь.

– Почему же нет? Пожалуйста, объясните…

– Вы хотите знать, что происходит? О будущем? Я не могу разглядеть. Я не могу показать вам.

– Но почему вы не можете?

– Не могу. Откройте дверь. Мы должны открыть дверь!

– Почему вы не можете? – Голос Сэм повышался.

– Потому что там ничего нет, – сказала женщина.

– Что вы хотите этим сказать?

– Там ничего нет.

– Вы хотите сказать, что вы не можете ничего разглядеть?

– Ничего.

– Что… что же это означает?

Голос ясновидящей дрожал.

– Нет больше никакого будущего. Это означает… что у вас нет никакого будущего.

Сэм почувствовала, что ее рука освободилась, услышала, как женщина встала и как открылась дверь. Тусклый свет из коридора наполнил комнату.

– Никакой оплаты не надо, – повторила женщина. – Просто уходите. Убирайтесь!

– Пожалуйста… – начала Сэм. – Пожалуйста, только объясните. Скажите мне…

– Вон, убирайтесь вон! Убирайтесь! – кричала женщина. – Убирайтесь! Никакой оплаты, выметайтесь! – Теперь она просто вопила. – Что вы принесли с собой? Забирайте это прочь. Нам это здесь не нужно. Забирайте и выметайтесь, выметайтесь!

Сэм внимательно посмотрела вверх, на лампочку. Она была целой, но почернела. Сэм, ошеломленная, встала, двигаясь совершенно автоматически.

– Убирайтесь отсюда! – снова прошипела женщина. – Забирайте это прочь. Забирайте это с собой.

Сэм, пятясь, вылетела из комнаты, прошла по коридору мимо мужчины с косичкой, которой злобно и свирепо посмотрел на нее. Она поднялась по ступенькам и заметила, что женщина со стянутыми рыжими волосами, до сих пор ковырявшаяся в кассовом аппарате, подняла глаза и взглядом проводила ее.

Спотыкаясь, она прошла через магазинчик и вышла на улицу, в голове ее царила полная сумятица. Холодный ветреный день, водянисто-голубое небо, солнце уже садится. Четыре часа. Из греческого ресторанчика на противоположной стороне улицы вышел официант и запер за собой дверь. Двое мужчин, болтая, широкими шагами прошли мимо, один из них потирал руки от холода.

Сэм очень быстро, как только могла, пошла прочь, подальше от этого магазинчика, от миссис Вульф, от женщины с оттянутой назад кожей. Она шла, ничего не видя, ослепленная бушующим в ее душе смятением, то и дело налетая на прохожих. И вдруг увидела, что какой-то предмет загораживает ей дорогу; огибая его, она сошла с тротуара на мостовую.

Раздался визг тормозов, и она в испуге подняла взгляд на такси, остановившееся в нескольких дюймах от нее.

Из окошка высунулась голова водителя в матерчатой кепочке, из-под которой торчали кустики волос, и с сильным не то ирландским, не то немецким акцентом произнесла:

– Сто зэ с вами? Во сто вы, серт восьми, играете? Хотите, стоб вас, серт восьми, упили?

– Извините, – сказала Сэм. – Извините.

Сквозь слезы она увидела небольшой скверик на противоположной стороне улицы. Она вошла в него и присела на скамеечку.

Опустила голову на руки, и на секунду ей показалось, что ее вот-вот стошнит. Мир вокруг закрутился, словно гигантское ярмарочное колесо, все быстрее и быстрее, бешеным волчком, доводящим ее до головокружения, а потом это колесо стало подниматься вверх, и, чтобы не вывалиться на траву, она вцепилась в сиденье, вцепилась что было сил, понимая: она теперь отклонилась так далеко, что если отпустит сиденье, то выпадет в открытое пространство.

НЕТ БОЛЬШЕ НИКАКОГО БУДУЩЕГО… У ВАС НЕТ НИКАКОГО БУДУЩЕГО.

«Ну хорошо. А теперь я хочу проснуться. Сон окончен».

Двое адвокатов в мантиях и париках прошли из суда по дорожке прямо перед ней. Она внимательно наблюдала за ними, надеясь, что они, быть может, превратятся в лягушек, а то и в жирафов, сбросят свои мантии и взлетят в воздух, чтобы до нее уж наверняка дошло – это опять сон, но они просто продолжали идти болтая.

Она внимательно посмотрела вверх, на большой рекламный щит на крыше какого-то многоэтажного офиса. Гигантские рельефные буквы, уже ярко освещенные в преддверии наступающей темноты, буквы, нацеленные прямо на нее, словно глумились над нею.

«ЗАСТРАХУЙТЕ СВОЕ БУДУЩЕЕ С ПОМОЩЬЮ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ „ГАРДИАН РОЙАЛ“».

24

Интенсивный поток машин в северном направлении редел по мере того, как они все больше удалялись от Лондона. Сэм пристально глядела сквозь ветровое стекло, и ей начинало казаться, что они на другой планете или путешествуют в космосе. За окном только чернота, усыпанная мелькающими красными да изредка оранжевыми огнями, только беснующийся ветер и мосты, проносящиеся над головой, словно замедляющие время на какую-то долю секунды. Среди этого мельтешения внезапно выплывали из темноты и исчезали в ней дорожные указатели.

НОРТХЭМПТОН. КОВЕНТРИ. ЛЕЙКЕСТЕР. ЛОУБОРО. СТАНЦИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ…

Яркая молния, рассыпаясь на изломанные секторы, прорезала небо, и несколько капель дождя ударили по ветровому стеклу. Внутри «бентли» было почти темно, лишь слабо светились экранчики приборной доски и глазок приглушенного, едва слышного радио. Кен вел себя непривычно тихо, впрочем, сейчас они оба были тихими.

– Так это Клэр предложила ее? – спросил он вдруг.

– Да.

– А она бывает у нее?

– Думаю, что очень часто, она ее так рекомендовала…

– А ты рассказывала Клэр, что она там тебе наговорила?

– Нет. Мне с ней не так-то легко разговаривать.

– Она не очень-то тебе нравится, да?

– По-моему, она немного странная.

– Но она очень толковая в работе.

– Кен, а ты много знаешь о Клэр?

– Нет, немного. Живет в Илинге. Раньше жила в Южной Африке. Работала там восемь лет на одну небольшую компанию по коммерческой рекламе.

– А ты знаешь, что она там для них делала?

– Да то же самое, что делает и сейчас.

– Я не думаю, что она знает очень много об этом бизнесе.

– У нее хорошие рекомендации.

– А ты их проверял?

– Нет. Она сказала, что ее компания обанкротилась. Как раз в то же самое время, когда она расплевалась со своим дружком, вот потому-то она и решила вернуться в Англию. Ты, конечно, не думаешь, что эти рекомендации фальшивые?

– Нет, я уверена, что с ними все в порядке. Я думаю, что я просто очень… ну, в общем, совершенно выбита из колеи всем, что происходит.

– Тебе надо бы уехать, Сэм. Вы не могли бы с Ричардом сбежать куда-нибудь на несколько дней?

– Ему в последнее время, кажется, не хочется никуда уезжать.

– Меня так и подмывает поехать туда и задать этой корове хорошенькую взбучку. «Единый центр мысли и тела»! – произнес он с презрением. – Шайка проклятых лицедеев, только и всего. Психи. Группы сна, ясновидящие, психотерапевты… – Он мельком взглянул в зеркальце заднего обзора и переместил машину на соседнюю полосу. – Может быть, нам стоит попытаться поискать какую-нибудь колдунью? Может, в Лидсе найдется?

Она улыбнулась.

– Так что мы будем делать с тобой, Сэм?

– Тебе не стоит беспокоиться. У меня же нет никакого будущего.

– Разумеется, у тебя есть, черт подери, будущее! – Он отнял ладонь от руля и легонько коснулся ее руки. – Я хочу, чтобы у тебя было будущее. Чепуха все это, Сэм. Послушай, да ведь ни у кого из нас нет никакого будущего. В конечном счете все мы умрем, так о чем же она говорит? Что тебе предстоит умереть лет через сто? Она ничего больше не уточнила?

– А ты думаешь, она скажет, что обманывает? Такие люди, если они и видят что-то плохое, не должны нам рассказывать.

Он пожал плечами:

– Сэм, на свете есть очень странные люди. Может быть, ты просто не понравилась ей… ну, она позавидовала, ты молодая и хорошенькая, вот и решила забавы ради напугать тебя до смерти.

Новая ветвистая молния прочертила небо и исчезла. Словно перегоревшая электрическая лампочка.

Хлоп. Трах.

Электрические лампочки.

Электрические лампочки перегорают все время, разве не так? А если намазать их чем-то липким, например краской, то тогда они взрываются. А почему бы и нет?

Та женщина с натянутой, как у скальпа, кожей.

И миссис Вульф.

Причудливо все это и странно… Кен прав. Они управляют Клэр. Но они не управляют ею. О нет. Отличный вышел трюк, этот фокус с электрической лампочкой. Ничего сработано, а? Наверняка.

Еще одна надпись выплывала на них из темноты:

«ЛИДС».

И тут же следующая, на сей раз черно-белая:

«163 ЧЕЛОВЕКА ПОГИБЛИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В БОЛГАРИИ».

А потом, кружась, изгибаясь и скручиваясь, как газетный лист, выплыла из мрака страшная надпись:

«ИЗНАСИЛОВАНА И УБИТА В МЕТРО».

Газетная полоса с этой надписью надвигалась прямо на них, затем шлепнулась о ветровое стекло и распрямилась, словно крыло гигантского насекомого. Когда «дворники», включенные Кеном, разгладили ее, как афишу на щите для объявлений, она смогла прочитать текст и отчетливо увидеть лицо Тани Якобсон. Таня пристально смотрела на нее сквозь стекло, улыбаясь и подмигивая.

НУ КАК, СЭМ, ВЫ РЕЗОНИРУЕТЕ?

Она пронзительно вскрикнула.

– Сэм? С тобой все в порядке?

Голос Кена. Она сильно прищурилась и внимательно посмотрела вперед. Ничего. Никакой газеты. Только чернота и хвостовые огни автомобилей и «дворники», смахивающие капли дождя. На приборной доске замигал новый крошечный огонек. Они сворачивали.

– Все отлично, – ответила она. – Извини. Я задремала.

Гостиница находилась рядом с автострадой, множество указателей сообщали о ее присутствии, так что пропустить ее было невозможно.

«ЗАГОРОДНЫЙ ГОЛЬФ-КЛУБ „ТРОПИКАНА“.

БАССЕЙН И ГРИЛЬ-БАР „ТРОПИКАНЫ“ – ОТКРЫТЫ И НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСТОЯЛЬЦЕВ ГОСТИНИЦЫ.

КРЕОЛЬСКИЙ РЕСТОРАН НА РАЙСКОМ ОСТРОВЕ.

ДИСКОТЕКА НА РАЙСКОМ ОСТРОВЕ».

Две колонны у входа украшали эмблемы – пальмы в разноцветных огоньках, которые радостно

сверкали сквозь все усиливающийся дождь. Та же эмблема была изображена над крыльцом входа на высоте сорока футов. «Загородный клуб, – подумала Сэм. – Получить разрешение построить двадцатитиэтажную гостиницу в сельской местности совершенно невозможно, а вот какой-то загородный клуб – это совсем другое дело». Соответствующий образ. Упаковочка. Этикетки. Можно сделать все, что душе угодно, если знать, какую этикетку следует пришлепнуть.

«ВХОД ДЛЯ ПРОЖИВАЮЩИХ ГОСТЕЙ.

ГОЛЬФ-КЛУБ.

АВТОСТОЯНКА».

Они последовали за стрелками в виде пальмовых ветвей по дорожке, обсаженной деревьями и кустами, прямо к главному входу. Когда они подкатили к двери, Сэм с беспокойством осмотрелась в темноте, ощутив внезапный приступ страха.

– Выглядит немного по-пижонски, – отметил Кен.

Она внимательно посмотрела на медно-красную пальму над крыльцом и снова принялась вглядываться в темноту.

– Что случилось?

– Ничего. – Она улыбнулась. – Все отлично.

Вестибюль был также выдержан в тропическом стиле: у входа экзотические растения и яркие огни, мебель из пальмового дерева, стены раскрашены в буйные тропические цвета. Девушка в платье изумрудно-зеленого цвета, на груди у нее пришпилена маленькая позолоченная пальма с выгравированным на ней именем «Мэнди», приветствовала их сверкающей белозубой улыбкой.

– Добрый вечер, мадам, добрый вечер, сэр. У вас заказаны номера?

– Да, мы участники встречи «Замечательная пища Спея».

– Ага. – Она опустила взгляд и просмотрела какую-то стопку бумаг. – Мистер и миссис…

– Мистер Шепперд и миссис Кэртис.

– Для вас есть сообщение от мистера Эдмундса. Они задерживаются в Лондоне и приедут сюда поздно. Если они не увидятся с вами сегодня вечером, то будут ждать вас утром в фойе в четверть девятого.

– Спасибо, – сказал Кен и повернулся к Сэм: – Давай забросим наше барахло в номера, а потом пообедаем.

Нагловатый подросток-носильщик с пушком над верхней губой и пришпиленной на груди табличкой с именем «Билл» сначала проводил Сэм в ее номер на девятнадцатом этаже, и Кен пошел вместе с ними.

– Здесь очаровательный вид на автостраду, – со смешком сказал Билл, открывая дверь.

Небольшая чистенькая спальня с мебелью из бамбука, занавески и постельные покрывала ярко-зеленого цвета, на полу коврик-циновка из тростника, а на стене оттиск картины Гогена, которую Сэм узнала с трудом: негр и очаровательная негритянка сидели на полу в какой-то галерее.

– Через пятнадцать минут? – спросил Кен.

– Хорошо.

Они вышли и закрыли за собой дверь, а она нажала медные кнопки на своем чемодане, и замки открылись с резкими щелчками.

Черт подери! Зачем она притащила с собой это барахло? Всего-то на одну ночь? Она расстегнула ремешки и порылась в стопках ровно сложенной одежды. Толстый свитер. Неужели это она взяла его с собой? И еще один?! Три разных туалета? Чокнутая, чокнутая, чокнутая. В номере было жарко и душно. Она подошла к окну, оттянула занавеску и увидела балкон. Отперла дверь и вышла.

Холодный воздух приятно освежал, она услышала шум дождя, падающего в темноте, посмотрела на автостраду, убегающую вдаль бесконечной неоновой лентой. Она глянула вниз и увидела прямо под собой крышу плавательного бассейна – его огромный восьмиугольный стеклянный купол был

установлен в ярко освещенном внутреннем тропическом саду. Стекло покрывала тонкая пленка сконденсированной влаги, которая слегка размывала очертания. Сэм понаблюдала за какой-то женщиной с красивыми волосами и складной фигуркой. Лениво отбрасывая свои роскошные волосы, та нежилась в шезлонге под кварцевой лампой. На краю бассейна, у деревянной стойки бара, под крышей из пальмовой циновки сидело несколько человек в одних купальных костюмах. Интересно, а какая же там у них внутри температура.

Она облокотилась о балконные перила, пытаясь рассмотреть получше, и вдруг ей показалось, что поручень немного сдвинулся под ее весом. Она испуганно отступила назад, вытянула руку и потрогала его. Поручень не шелохнулся. Продолжая стоять на расстоянии вытянутой руки, она толкнула его посильнее. Все по-прежнему было нормально. Наверное, ей просто почудилось. Ну, давай же, Сэм, встряхнись. Ты пугаешься всего на свете. Расслабься. Она снова подошла к перилам и отважно налегла на них всем своим весом, а затем, чтобы окончательно убедиться, даже толкнула их своим задом.

25

Из громкоговорителя ресторана на Райском острове уже третий раз звучала мелодия «Острова под солнцем». Стояла такая душная жара, словно администрация гостиницы твердо вознамерилась не упустить ни единой детали для создания у своих гостей иллюзии пребывания в тропиках, разместившихся прямо здесь, в сельской местности, на сырой полоске зелени, зажатой между автострадами.

С шероховатых, выкрашенных в белый цвет стен свешивались клочки рыбацких сетей. На высоком выступе стояла модель деревянной шхуны. Во рту у Сэм пылало от острой креольской приправы к рыбе, она выпила немного минеральной воды. Кен закурил сигарету. На его груди, сквозь рубашку из грубого хлопка, проступили мокрые пятна, на бровях тоже повисли мельчайшие капельки пота.

– Ты выглядишь чуточку повеселее, – отметил он, поднимая свой бокал. – Твое здоровье.

– Твое, – сказала она. – Я должна помнить, что надо все время улыбаться, но постоянно забываю.

– Да, что ж… это вещь неплохая. Но очень опасно быть слишком веселой.

– Вот как?

– Думаю, что порой мы просто обязаны слишком веселых людей помещать в больницу. Нам жилось бы куда спокойнее, если бы все были несчастными и угнетенными. Веселые люди опасны: оптимисты в розовых очках то и дело в кровь расшибают свои лбы, когда сталкиваются с тем, на что они не обращали внимания. Не беспокойся, старушка, все будет отлично, согласна?

Она улыбнулась:

– Ты, наверное, прав.

– Не хочешь ли пудинга? – спросил он, высматривая официанта.

– Нет, спасибо.

– Через годик-другой в ресторанах перестанут изощряться с меню – просто каждому будут подавать плитки «Отверженного». Как вам подать его, мадам? В обертке? На тарелочке? Не надо ли порезать? А может, съесть его за вас? – Он слегка промокнул лоб своей салфеткой. – Умираю от духоты. Они обязаны предупреждать гостей, что, когда приезжаешь сюда, надо брать с собой тропические одеяния. Как насчет того, чтобы немного прогуляться? Подышать воздухом, а?

Они вышли через боковой вход. Молнии перестали полосовать небо, дождь прекратился, дул мягкий, приятный ветерок. Они пошли по тропке в сторону поля для гольфа; между тем по мере того, как огни из гостиничных окон гасли за их спиной, становилось все темнее. Неожиданно тропка оборвалась, и они двинулись по мягкой мокрой траве поля для гольфа, ступая очень осторожно, потому что теперь оказались почти в кромешной тьме.

Кен взял под руку Сэм и поддерживал ее твердо, удобно, покровительственно. Надежно. Она чувствовала себя с Кеном надежно. Он сжал ее руку, и ей стало хорошо и тепло рядом с ним.

Вдруг из темноты возникли два силуэта, двигаясь в их направлении. Сэм увидела огонек сигареты, услышала шепот и хихиканье, парочка прошла мимо.

– А ты веришь в сверхъестественное, Кен?

Он молчал довольно продолжительное время.

– Я бы никогда не стал безоговорочно отрицать что-либо, Сэм, – заговорил он наконец. – Половина когда-либо живших на свете ученых в конечном счете оказывалась неправой. Ученые и врачи, они ведь тоже могут быть самонадеянными болванами. Кто знает? Кто вообще что-нибудь знает? Когда изобрели электричество, то многие ученые мужи бегали и вопили, что это, мол, невозможно, такого не существует, все это просто иллюзия, рука дьявола… пока не появились бизнесмены и не изобрели электрические лампочки.

Она улыбнулась.

– Я ничего не знаю о том, как люди могут видеть будущее. То, как видишь ты… это загадочно. Я не знаю, сверхъестественно ли это, или же ты видишь сквозь какое-то искривление времени. А может, это просто случайные совпадения? Ты знаешь, что делали индонезийцы?

– Нет.

– Они читали будущее по внутренностям цыплят. Я видел по телевизору. Выглядело отвратительно.

Она засмеялась, неожиданно почувствовав облегчение.

– И у них получалось?

– Ну, им-то казалось, что да. А что бы сказал Ричард, если бы ты начала заниматься предсказаниями?

– Он бы… – Сэм ощутила озноб, внезапно продрогнув. – Давай-ка вернемся.

– Вообще-то мой отец… ну, у него были не то чтобы предвидения, но у него обычно возникали… ощущения по поводу всяких событий. Чернушки – так он называл их. Ко мне, говорит, чернушка приходила, малыш. Большая такая чернушка.

– И что же он делал, когда они к нему приходили?

– Он становился совсем нервным. Он был очень суеверен и привык быть вдвойне осторожным. Иногда случалось что-то плохое, а иногда и нет.

Они брели мимо наружной стены плавательного бассейна, ко входу в гостиницу; Сэм бросила взгляд вверх, на возвышающуюся громадину здания, в направлении своей комнаты, а потом принялась всматриваться в темноту. Ей казалось, будто кто-то еще был с ними рядом, в этой темноте, кто-то, кого они не могли видеть, но он прислушивался, наблюдал за ними.

– А чем твой отец зарабатывал на жизнь?

– Да главным образом проводил все свое время в забастовках. Глупый болван. Он работал печатником в одной газете в Ноттингеме. Его называли Красный Гарри. Все собирался возглавить революцию. Хотел стать передовым бойцом русских в Англии. «Теперь-то уж недолго осталось, малыш! – бывало, орал он мне через стол за завтраком. – Они будут здесь со дня на день, парень!»

– И что же с ним стало? – спросила Сэм.

– В конце концов его вышвырнули из газеты. Товарищи побастовали несколько недель из-за его увольнения, а потом вернулись к работе. Отец стал еще более раздражительным. К тому же русские, как видишь, так и не пришли. И умер он злой как черт. Помню, моя тетя подошла ко мне на похоронах. «Он был хороший человек, твой папа. Хороший человек. Он никогда не причинил никакого вреда никому». – Кен снова сжал ее руку. – Что за дурацкая эпитафия, а? У нее не хватило духу сказать, что он был старым глупым пердуном, который просрал свою жизнь.

– Таким вот ты и запомнил его?

– Нет. Я ушел из дома прежде, чем его выгнали с работы. Когда я жил дома, он все еще пылал энтузиазмом. Обычно он читал мне на ночь рассказы о русской революции. Он не мог понять, как я занялся рекламным делом. Не разговаривал со мной долгие годы.

– Печально.

– И все же я и не рассчитываю, что моя эпитафия будет многим лучше.

– Почему?

– Да я немного пошел в своего отца. Думал, что смогу изменить мир. Нет, я не был агитатором, но считал, что смогу изменить его, занимаясь творческой деятельностью, с помощью кино. А вместо этого все, что я делаю, служит укреплению существующей системы. Я поддерживаю ее рекламой шоколадных плиток и японских автомобилей и хлеба из муки грубого помола и… Эпитафия у меня, видно, будет такая: «Здесь покоится Кен Шепперд. Он сделал больше для коммерческой рекламы хлеба из муки грубого помола, чем кто-либо другой. Упругий и устойчивый, никаких потерь в качестве. Человек, который принес миру МЕЧТУ ИЗ МУКИ ГРУБОГО ПОМОЛА».

Она засмеялась. Они наконец добрались до двери гостиницы.

– Давай выпьем, – предложил Кен, и они прошли в бар с дискотекой, где сели за слабо освещенный угловой столик.

За соседним расположилась группа коммивояжеров. Один из них рассказывал анекдот, остальные хихикали. У стойки бара сидела в одиночестве женщина с длинными, не по возрасту, светлыми волосами и в мини-юбке. Кен мельком взглянул на нее, встретился взглядом с Сэм и подмигнул.

– А не сделать ли нам Джейку подарочек? Посадим ее дожидаться в его номере, а? – Он знаком подозвал официанта и заказал бутылочку шампанского «Крэг». – В виде любезности от

«Замечательной пищи Спея», – сказал он. – Потанцевать не хочешь?

Сэм посмотрела на него, удивленная:

– С удовольствием.

Он взял ее руки в свои и, мягко увлекая ее за собой, повел на площадку для танцев. Она почувствовала, как нервная дрожь пробегает по шее и дальше вниз, к животу.

Звучала мелодия «Когда мужчина любит женщину», Кен посмотрел на нее пристально и лукаво, придвигаясь все ближе.

Нет-нет, Сэм.

Серьезная опасность.

Ее руки трепетали, и она ощутила, что струйка пота сбегает сзади вниз по шее. Он наклонил голову, и их губы слегка соприкоснулись. Она резко отшатнулась назад, словно от разряда тока, а потом быстро, будто клюнула, поцеловала его и плотно прижалась своей щекой к его щеке. Она почувствовала колючесть его щетины, запах одеколона и шампуня, а еще чистый и грубый запах его пота сквозь рубашку из толстой хлопчатобумажной ткани.

Они танцевали, щеки их соприкасались, и она настороженно косилась по сторонам: вдруг Чарли Эдмундс или еще какой-нибудь знакомый неожиданно окажется здесь. Но в баре вообще не было никого, кроме коммивояжеров, гоготавших над очередным анекдотом, и старой шлюшки у стойки бара, курившей в одиночестве сигарету.

Сэм чувствовала, что руки Кена сильно и жадно гладят ее спину, и она вдруг вспомнила другой случай, казалось позабытый ею навсегда. Холодная ветреная ночь. Густой запах кожи автомобильных сидений. Легкое чувственное прикосновение руки того юноши к покрывшемуся мурашками бедру, как раз поверх чулка. Из приемника льется подогревающе-страстная мелодия «Жё тэм, жё тем». Окна совсем запотели, и она вспомнила, как тогда в темноте боялась, что вдруг какой-нибудь любознательный тип тайком подглядывает за ними. Она отчетливо припомнила треск разрываемой бумаги, маслянисто-резиновый запах презерватива, шуршание одежды и неловкое сопение. А потом, спустя считаные мгновения, она лежала на спине, чувствуя на себе невыносимо тяжелое тело этого юнца, все шептавшего ей: «Ну и как было? Ничего, а? Господи, это было клево!» В самом деле? Она даже не была уверена, это произошло у него по-настоящему, кончил ли он в нее или же произошел, как это там называется… преждевременный выброс, что ли, или как там еще.

Сэнди. Ей удалось вспомнить его имя, но лицо стерлось из памяти. Красивые волосы… Вот и все. Остальное представало каким-то расплывшимся пятном.

Музыка прекратилась, и она отстранилась от Кена. Их глаза встретились.

– Ты очень привлекательный, Кен. Не искушай меня.

– Я?! Да я просто танцую, – сказал он, но его глаза неотрывно глядели в ее глаза. – Я бы хотел переспать с тобой.

Она покачала головой:

– У нас отличные отношения, Кен. Давай не… – Она пожала плечами. – Я должна быть сильной именно сейчас. Я должна быть сильной, сохранять голову ясной… так или иначе. – Она крепко обняла его. – Я не сомневаюсь, заниматься с тобой любовью – самая замечательная вещь на свете, но я не могу, понимаешь? – Она мягко коснулась зубами мочки его уха, а потом отстранилась. – Давай присядем и выпьем.

Шампанское уже стояло на столе, и он разлил им понемногу. Они чокнулись бокалами и выпили, Кен закурил новую сигарету.

– Мне казалось, что отношения между тобой и Ричардом… – начал было он.

– Не такие уж блестящие, – закончила она. – Не знаю, что с ним случилось. Он так сильно изменился за последние несколько месяцев.

– Что ты имеешь в виду?

– Он стал другим человеком. Я не знаю, оттого ли это, что… – Она уставилась на пузырьки в бокале. – Есть один довольно странный тип, с которым Ричард ужасно подружился. Не знаю, может, он заимел над ним такую власть… вроде какого-нибудь Свенгале.

Кен скептически нахмурился.

– Да-да, Кен, именно это я имею в виду. Он все время разговаривает с ним по телефону. Раньше он отстаивал собственное мнение, казалось, с этим всегда было все в порядке, а потом этот тип, Андреас Беренсен, дал ему в прошлом году то ли совет, то ли сведения, полученные частным путем, которые подтверждались, и Ричард наварил на этом уйму денег, ну и теперь он, можно сказать, даже в сортир не ходит, не спросив у своего дружка на то разрешения.

– А кто он такой, этот Андреас Беренсен?

– Директор одного из швейцарских банков. – Она пожала плечами и выпила еще немного. – Может быть, я просто нервно реагирую на него. Может, дело вовсе не в нем… а во мне. Возможно, Ричард попросту больше не считает меня привлекательной. Он пьет чертовски много. Иногда я думаю, не нервное ли истощение у него. – Она печально улыбнулась. – Я… я чувствую, что это серьезно, что я просто обязана быть рядом. И обязана быть сильной.

– Ну, Ричард – парень везучий.

– Только вот вместо жены у него какая-то чокнутая, да?

– Никакая ты не чокнутая, Сэм. Ты – прекрасная, потрясающая, очаровательная девушка. Ясно?

– Так точно, босс.

Кен ухмыльнулся, а Сэм снова мельком оглянулась по сторонам.

– Сэм, ты вроде бы нервничаешь, да?

– Нет. Просто смотрю, нет ли тут кого…

– Смотришь, не прибыл ли учитель, чтобы отправить нас всех баиньки? Никто по-настоящему не меняется в жизни, а?

– А ты разве так не считаешь?

– Нет.

– Ты не считаешь, что мы… – Сэм отодвинулась немного назад, чтобы посмотреть на него с более далекого расстояния, – что мы стали жестче?

– «Она считала, что любовь – это не более чем контакт между двумя оболочками из кожи, но тем не менее она плакала, когда я от нее ушел».

– Франсуаза Саган, да?

– Ты ее тоже почитываешь?

– Ну, раньше я увлекалась популярной философией…

– А чем ты увлекаешься сейчас? Реальностью?

– Нет, – сказала она. – Мне кажется, что реальности с меня достаточно. Моя жизнь переполнена реальностью. Думаю, я заслужила немножко фантазии.

Кен снова ухмыльнулся:

– Извини. Мне бы следовало надеть мой костюмчик супермена.

Она слегка коснулась его плеча:

– А как там дела с этой рекламой? «Стоит вам только взглянуть на клеймо…», а?

Он ответил ей пристальным взглядом.

– Что же нам делать с тобой, черт побери? Должны же быть какие-то специалисты по предвидениям, ведь они, черт подери, существуют по всему свету. Должны же быть люди, которые и не чокнутые, и не скептики. Может быть, какая-то организация или центр при университете. Твой приятель-психиатр, к которому ты ходила, похоже, просто самодовольный пижон. Ты не звонила ему, не рассказывала насчет «Хампстеда»?

– Нет. Я знаю, что он все равно мне не поверит.

– А что ты рассказала полиции? Они не приезжали допросить тебя?

– Они просто хотели от меня изложения фактов… ну, в котором часу я туда спустилась, кого я там

видела. Они сказали мне, что лучше вообще не спускаться по этой лестнице.

– А ты рассказала им о своем сне?

– Я не считала, что…

– Могу себе представить, как это будет звучать в суде. – Он заговорил с утрированным акцентом жителя Северного Лондона: – М-м-м, э-э-э, свидетельница, ваша честь, видела это все, понимаете ли, во сне. Она полагает, что преступление совершил призрак, который ходит в черном капюшоне и умер двадцать пять лет назад.

Она засмеялась.

– А твой отец предпринимал что-нибудь в связи с его предвидениями? Он когда-нибудь обращался к кому-нибудь?

– Нет, никогда. Он просто принимал это как есть. Он из шахтерской семьи… а шахтеры очень суеверны, они просто принимали вещи такими, какие они есть, особенно в них не копаясь. – Кен встал и мягко обхватил ее запястье. – Давай еще немного потанцуем?

На площадке он крепко сжал ее.

– Уверена, что не передумаешь?

– Я старая женщина, Кен. Просто старая женщина, понемногу выживающая из ума. Я думала, ты ухлестываешь только за эффектными молоденькими фотомоделями?..

Он нежно поцеловал ее в щеку.

– Ты и в самом деле старушка, Сэм, а? Я слышу, как скрипят твои суставы и гремят кости.

Она игриво ткнула его в живот кулаком.

– Дело во мне, – сказал он. – Это я становлюсь старым. Миновал сороковник, и теперь уже все идет под гору.

– И тебя беспокоит твой возраст?

– Я то и дело замечаю какие-то вещи. Крохотные физиологические изменения. Кожа становится дряблой, в неожиданных местах вырастают волосы. Память слабеет. Я порой разговариваю с людьми и забываю, как их зовут. Меня, по всей вероятности, в один прекрасный день обнаружат спящим под каким-нибудь железнодорожным мостом, завернувшимся в газеты. «Ах, глупый старый болван, не помнит, кто он такой, и все только бормочет и бормочет о каком-то хлебе из муки грубого помола и о шоколадных плитках. Так-так… Ну, может быть, он голоден. Похоже, он не ел несколько дней».

Она засмеялась.

– Ну пошли, пора спать.

– Порознь?

– Порознь, – ответила она твердо.

26

Ее разбудил одиночный и резкий тарахтящий звук.

Наверное, позвонили в дверь.

Сэм открыла глаза, звук повторился снова. Да, дверной звонок.

Комнату пронизывал странный желтоватый свет. Звонок опять зазвонил.

Ну, иду я, иду. Господи, Ричард, а тебе бы почему не открыть?

Она выпростала руку из-под одеяла и почувствовала, что он лежит рядом, но только не с той стороны. С чего вдруг?

О господи!

Опять это тарахтение, но это не дверной звонок, нет, это хрипло и прерывисто храпел мужчина, спящий с непривычной стороны постели.

Кен.

О господи! Нет, ну конечно же нет! Не может быть, чтобы она…

Но он по-прежнему спал рядом. Лучше бы он тихонько убрался прочь, пока темно, и тогда они, встретившись за завтраком, смогли бы сделать вид, что ничего такого и не произошло.

Могли бы…

А он продолжает лежать сбоку и храпеть, хотя уже наступило раннее утро и солнечный свет пробивался сквозь занавески. Привкус во рту отвратительный, в животе то бурчит, то возникают жуткие спазмы. Она лежала тихонько, не осмеливаясь пошевелиться, чтобы не разбудить Кена, пока не обдумает случившегося. Все, что в темноте можно было как-то иначе преподнести, замаскировать, при утреннем свете выглядело совсем по-иному. Спасительная темнота. В темноте можно сделать вид, что все, мол, нормально, не всерьез, а просто так, ничего особенного. Интересно, как она посмотрит в лицо Кену? Сэм почувствовала себя очень глупо, словно все, ради чего она так усиленно работала последние три года, сама же перечеркнула за одну ночь. Она, оцепенев, уставилась в потолок. Если бы можно было повернуть время вспять, только на несколько часов назад, в минувший вечер.

Ну и как же теперь все будет выглядеть? Что они будут говорить друг другу? Может, он скажет в это утро, что ей теперь неловко продолжать работать у него? Или он предоставит событиям развиваться, так сказать, своим путем, чтобы все решилось само собой? Тягостное каменное молчание в конторе. Язвительные замечания. Просмотр новых фотомоделей, когда она будет пристально следить за его реакцией на каждую претендентку, и муки ревности станут пожирать ее изнутри. В конце концов ей придется освободить свой письменный стол и уйти. Именно такое будущее уготовано для нее?

Из-под смятой простыни виднелась только его голова, взъерошенные волосы, на щеках выросшая за ночь щетина, из приоткрытого рта несется немилосердный храп. Интересно, а снится ли ему что-нибудь сейчас и что вообще видят во сне другие люди? Она прислушалась к постукиванию и посвистыванию нагревателя, внимательно посмотрела на оттиск картины Гогена на стене – женщина с одной обнаженной грудью, такой твердой, заостренной; потом она посмотрела на свои собственные груди, сравнение было явно не в ее пользу: они показались ей маленькими и обвисшими.

Надо бы почистить зубы, прежде чем он проснется. Сэм тихонько выбралась из постели и с беспокойством увидела, что он пошевелился, но тут же успокоился и продолжал храпеть. Она молча прошла по ковру, открыла дверь балкона и проскользнула между занавесками наружу. Первые слабые лучи рассветного солнца окрасили небо в серые и желтые тона, свежий воздух отдавал сыростью, но было необычно тепло, и она подумала, что можно почти поверить, будто ты в Индийском океане. Даже автострада, казалось, находится дальше отсюда, пустая и бесшумная в эти часы, похожая на какой-то канал. По земле стелился низкий туман, сквозь который угадывались очертания поля для игры в гольф, мокрая трава поблескивала в утреннем свете.

Пока она стояла на балконе, солнце становилось все ярче, и теперь она чувствовала слабое тепло его лучей на своем обнаженном теле. Ее внезапно охватило волнующее ощущение свободы. Она вдруг с удивлением заметила, что совсем не стесняется своей наготы.

Итак, у нее любовник.

Ее пронизывало непонятное, таинственное чувство, казалось, что из нее исходит некий внутренний свет, отчего на какое-то мгновение воздух вокруг нее как-то посветлел, а потом вдруг все померкло, притихло, налилось свинцовой тяжестью. Что-то изменилось внутри нее, то, что произошло этой ночью, изменилось навсегда. Пока она еще не понимала, как именно, но знала, что ей скоро предстоит это понять.

Она внимательно посмотрела вниз, на свои груди, на темные лобковые волосы, кончики которых слегка позолотил солнечный свет. Все ее тело окрасилось золотисто-светлым заревом, как будто она стояла под лучами гигантской лампы.

Сэм прислонилась к мокрым балконным перилам и посмотрела вниз на бассейн. Стеклянный купол светился яркими огнями. Внутри рабочий, который отсюда выглядел совсем крохотным, чистил бассейн, похожий с такого расстояния на капельку слезы. Официант легкой походкой шел в сторону бара на краю бассейна с ящиком пивных бутылок, громко позвякивавших друг о друга. Сэм удивилась, как она отчетливо слышала их звяканье через стекло да еще с высоты девятнадцати этажей.

Женщина с красивыми волосами, которую она приметила вчера, широкими шагами входила в двери бассейна, держа в руках полотенце и какую-то книгу. Она расстелила полотенце на одном из лежаков под солнечной лампой и устроилась там. Сэм наклонилась подальше вперед, чтобы посмотреть, что находится непосредственно под ней, и балкон, как ей показалось, снова, как накануне, зашатался.

Он был плохо укреплен, да-да, плохо.

Нет, нет же, это все твое воображение. Ну, давай же, попробуй снова.

Она в испуге отступила назад. Трусиха! Трусиха! Трусиха!

Перила не укреплены. Трусиха!

Штампуют эти паршивые гостиницы как попало. Они что же, совсем не беспокоятся о безопасности? Перила-то еле держатся.

Трусиха!

Она снова подошла к ним, медленно, осторожно и внимательно посмотрела вниз. Бог мой. Ну и высота! Прямо голова кружится.

Она сделала шаг назад, голова ее кружилась все сильнее.

Трусиха!

«Я не боюсь. Черт подери, да не боюсь я! Я не психопатка, которая боится балконных перил». Она четким шагом прошла вперед, крепко ухватилась за поручень обеими руками и посмотрела вниз.

Раздался резкий, оглушительный треск, и весь балкон наклонился вперед, прижав ее к самым к перилам.

Нет! О господи, нет! Перила теперь полностью приняли на себя вес ее тела.

– Кен! Помоги! Помоги!

Послышался новый треск, и балкон наклонился еще больше. Сэм повернула голову. Балконная дверь оказалась теперь выше ее головы на несколько футов.

– Кен! – жалобно, почти со слезами позвала она.

О господи, помоги же мне.

Кен! Кен!

Она вновь услышала этот жуткий треск и еще дальше накренилась вперед, почти теряя равновесие. Только не смотри вниз. Не смотри вниз. И не шевелись. Тихонечко. Тихонечко. Она осторожно повернулась и попыталась вскарабкаться обратно по отвесному скользкому полу, однако угол был слишком крутым, и каждый раз, когда она шевелилась, то ощущала, что балкон кренится все дальше.

Да помогите же мне кто-нибудь!

Та женщина внизу растянулась на лежаке, прямо под Сэм.

Я же упаду прямо на тебя. Убирайся, пока жива!

Официант тащил еще один ящик с пивом в сторону бара. Да посмотри же наверх. Ну, пожалуйста, посмотри наверх!

– Помогите!

Тихий скрежещущийся звук.

– Кен! Помоги же мне.

Теперь она уже раскачивалась. Перила издавали ломкий треск, вот-вот рухнут. Она ощущала, что балкон у нее за спиной начинает медленно оседать. Она попыталась оттолкнуться от перил, отчего балкон накренился еще больше.

Сэм в отчаянии посмотрела назад и вверх, на дверь.

– Кен! – крикнула она. – Кен!

И тут она увидела, как он приближается, сердце ее так и запрыгало в надежде. Вот, теперь хорошо, все будет хорошо, он-то уж сообразит, что делать. Балкон продолжал крениться, и она пронзительно закричала:

– Я не могу удержаться!

Кен прошел через дверь, совершенно голый, только на лице у него был какой-то капюшон, черный такой капюшон с прорезями-щелями.

– Кен?! Ты что, с ума сошел? Не надо так шутить, Кен! Нет… нет… нет…

Раздался оглушительный треск, будто что-то ломали со страшной силой, а Кен стоял наверху, внимательно наблюдая за ней.

И улыбался. Его губы улыбались сквозь прорезь.

Балкон накренился в последний раз, послышался ужасный щелчок, а потом она, со свистом рассекая воздух, полетела вниз, как свинцовый груз. Она ощущала, что желудок подкатывает к самому горлу. Она все еще цеплялась за перила. А стеклянный купол становился все больше и больше, и воздух пронзительно свистел ей навстречу в лицо. «Женщина, – подумала она. – Та женщина. Я же вот-вот убью ее».

– Нет. НЕТ!

Она слышала какой-то жужжащий звук, резкий, настойчивый.

Темно. Кругом темно. Только это жужжание.

Она совсем замерзла и промокла насквозь… Она что же, попала в бассейн?

Снова это жужжание. И еще странный клацающий звук над ней. Трубы отопления?

Темнота. Вакуум.

И назойливое жужжание. Может, телефон?

Она вытянула руку. Никакого телефона.

А жужжание не прекращалось.

Она пощупала с другой стороны и наткнулась на что-то твердое, почувствовав в своей руке незнакомую телефонную трубку.

– Вы делали вызов на раннее утро, мадам.

– Минеральная вода? Спасибо… благодарю вас… я…

Но телефонистка уже повесила трубку.

О господи.

Ужас начал стихать, но она еще находилась в состоянии полного замешательства, голова кружилась. Сэм поискала рукой выключатель, нащупала его, нажала, и рядом с ее постелью зажегся свет, ослепив на какое-то мгновение. Она повернулась и посмотрела на правую половину

постели, а потом вздохнула с облегчением: там все было не потревожено, наволочки на подушках свежие, без всяких вмятин. Она закрыла глаза, жадно глотнула воздуха, вздрогнула, ощущая холод, как от погружения в прохладный бассейн: это холодный пот прошиб ее.

Слава богу. Сэм поняла, что произнесла эти слова вслух. Она выскользнула из постели, подошла к окну и отдернула занавески. За окном все еще темно, темно и дождливо. Она прошла через комнату в ванную, повернула кран и внимательно посмотрела в зеркало на свое испуганное лицо.

Она понимала, что и это был еще один сон. То же самое ощущение, та же ясность.

В точности такой же, как и те другие сны, которые сбывались.

27

Она внимательно всматривалась в темноту за окном «бентли», но кроме собственного неясного отражения в стекле ничего не могла разглядеть. Пустота. Ничего.

Адская пустота, в которой можно вопить хоть всю жизнь, и ни единая душа не услышит тебя. Пустота, где всегда холодно и где ты никогда не повзрослеешь и никогда не умрешь, и тебе не сбежать оттуда вовек.

Когда она утром спустилась вниз, Чарли Эдмундс, Джейк и Зурбрик из фирмы «Уркварт Симеон Макферсон» всей компанией завтракали, и у нее не было возможности сообщить Кену про свой сон о балконе, и только на обратном пути в Лондон она смогла это сделать, не упомянув в своем рассказе, что он оказался в ее постели.

День прошел хорошо. «Замечательной пище Спея» понравилась коммерческая реклама шоколада «Отверженный», понравился им и Кен. Они проведут разведку на местности в апреле, а съемки – в мае, три коммерческие рекламы, одна за другой. Бюджет одобрен в сумме около шестисот тысяч фунтов.

Она рассказала Кену, как выходила на этот балкон, когда только приехала, и уже тогда ей показалось, что он не надежен, но она проверила его, и все вроде бы было нормально. А Кен сказал ей, что она не должна придавать особого значения этому сну, возможно, и был какой-то совсем мелкий дефект, а ее инстинкт самосохранения предостерег ее. Может быть, тот же самый инстинкт предостерег ее и в случае с ружьем, брошенным без присмотра, и с тем насильником на станции «Хампстед» тоже.

– А вдруг у тебя есть этакие чувствительные антенны, как уши у кроликов или усы у таракана.

– Ричард называет меня таракашкой.

– Вот, может быть, как раз поэтому.

– Он говорит, что иногда, когда я задумаюсь, я выставляю наружу передние зубы, словно кролик.

– Ну да? А я и не замечал.

– А если ты никогда и не видел меня задумавшейся!

– Я полагаю, «таракашка» – это получше, чем «челюсти».

– Очень тебе признательна.

Кен несколько минут вел машину молча, потом закурил сигарету.

– Я не знаю, как насчет того сна об авиакатастрофе, может, это было и совпадением, но вот других два… предположим, что ты кому-то приглянулась там, наверху.

– Моей крестной матери, фее?

Он улыбнулся:

– Я за вариант с чувствительными антеннами.

– Ты начинаешь говорить, как Бэмфорд.

– Бэмфорд?

– Ну, наш приятель-психолог.

Кен ничего не сказал. Он затянулся сигаретой и легонько похлопал по рулю.

– А ты когда-нибудь думаешь о смерти? – спросила она.

– Иногда.

– Боишься ее?

– О, я куда больше боюсь жизни.

– Что ты имеешь в виду?

Он откинул голову назад.

– Наверное, боюсь отправиться в могилу, не оставив ничего после себя. – Он немного опустил стекло вниз и щелчком стряхнул пепел. – Понимаешь ли, я вот все думаю о том, что, живя на земле, мы постоянно что-то забираем: сжигаем бензин, загрязняем атмосферу, уничтожаем леса. Всегда забираем. И всем нам необходимо взамен оставить что-то в мире после себя. Мы просто обязаны постараться оставить его лучшим, чем он был, когда мы пришли в него. А пока я не вижу, что сделал это.

– Ты забавный. – Она улыбнулась и почувствовала, что его рука лежит на ее руке, легонько ее сжимая. – Очаровательно забавный. Ты много думаешь, да?

– Даже, может быть, слишком много. Что ты собираешься делать в выходные?

– Поеду за город. Ричард завтра отправляется на охоту, а вечером мы идем на один званый обед. А потом, в воскресенье… надеюсь, что ничего. А ты как?

– А я утром улетаю в Испанию. Съемка у Джереза.

– Ну да, конечно. И надолго уезжаешь?

– Вернусь вечером в среду, если мы уложимся в график.

– А ты работал с испанскими группами?

– Нормальные ребята. Придется сделать всего несколько цитат.

– Да, год нам предстоит довольно хлопотный.

Она прислонила голову к мягкой коже сиденья, закрыла глаза, вслушиваясь в привычный гул дорожного движения на автостраде и монотонное шуршание покрышек. От нагревателя по ногам шло жаркое тепло, Сэм расслабилась и почувствовала, как устала, и тут же задремала.

Она проснулась, вздрогнув от тряски, когда «бентли» запрыгал по улице Уоппинг-Хай.

– Ты неплохо вздремнула, – сказал Кен.

– Извини, плохая из меня получилась компания.

И тут она увидела, что две полицейские машины припаркованы на улице рядом с пакгаузом. Взглянула мельком на Кена, их глаза встретились, и она заметила, что тот нахмурился, но ничего не сказал. Она снова посмотрела на эти машины, на двери одной из них был герб городской полиции Лондона, а другая без опознавательных знаков, но с двумя небольшими антеннами.

Кен помог ей донести чемодан и стоял, наблюдая, пока не закрылись двери лифта. Он кивнул ей, ничего не говоря, показывая, что на всякий случай подождет несколько минут.

О господи.

Она уже поняла.

И пока уныло освещенная кабина лифта, дергаясь и лязгая, медленно ползла вверх, она все окончательно поняла. Лифт остановился со своим обычным резким толчком, и ее чемодан с громким стуком упал набок. Она проволокла его по коридору до дверей квартиры и принялась рыться в сумочке в поисках ключей. Во всем здании стояла тишина, в которой ощущалась какая-то тревога, словно соседи, наблюдая через дверные глазки, со всех сторон молча выжидали.

Когда она открыла дверь, Ники словно ракета вылетел навстречу.

– Мамочка!

Нет, это не было его обычное ликующее приветствие, а разгневанный и в то же время беспомощный крик о помощи.

– Тигренок! В чем дело, тигренок?

Он едва не плакал.

– Они разрезали медвежонка.

Ее охватило странное ощущение нереальности, словно на самом деле она не была здесь, а все происходило в ее воображении или снилось.

– Медвежонка? Разрезали? Кто его разре…

И тут она увидела полицейского, вышедшего из комнаты Ники. За ним по пятам следовала Хэлен.

– Что случилось, Хэлен? – спросила Сэм. – Нас ограбили?

Хэлен медленно покачала головой. Она была в шоке.

От страха у Сэм свело живот. Значит, это не сон? Она действительно наяву находится здесь? Дверной косяк, казалось, сам кинулся в ее сторону и сильно ударил по руке. Спотыкаясь, она прошла в прихожую и, чтобы удержать равновесие, ухватилась за край вешалки.

– Хэлен? Что это значит?

– Они все вытащили у него из животика. – Ники принялся плакать, его лицо заплясало у нее перед глазами.

– Ограбили? Нас ограбили? Где мой муж?

Полицейский шел по коридору в ее сторону, внимательно и смущенно глядя на нее. Молодой, высокий и неуклюжий. Ему лет двадцать, подумала она.

– Миссис Кэртис?

– Да.

– Мне кажется… м-м-м… инспектор… возможно, вам бы лучше поговорить с ним. Или с вашим мужем.

Он показал на нижние комнаты, а потом неловко попятился и пошел к ее спальне.

– По какому праву вы хотите войти туда?

– Инспектор вам все объяснит, – сказал он.

– Я не желаю, чтобы вы входили в мою спальню. – Она положила руки на плечи Ники.

Полицейский залился ярко-красной краской.

– Видите ли, у нас есть ордер, миссис Кэртис.

– Что-что?

– Ордер на обыск.

– Что вы имеете в…

О бог мой.

Это что, новый сон? Еще один кошмар? Уж не Слайдер ли это шел по коридору?

Какой-то ордер на обыск…

– А что вы ищете? – спросила она.

– Я думаю, было бы лучше всего, мадам, если вы поговорите с инспектором.

– Покажите мне ордер.

– Инспектор…

– Вы не войдете в мою спальню, пока я не увижу ордер. – Сэм повернулась к Хэлен: – Не давайте ему войти туда. – Она опустилась на колени и поцеловала Ники. – Секундочку, дорогой мой. Подожди здесь и не давай этому мужчине входить в мою спальню.

– Он разрезал моего медвежонка, это он сделал, – прорыдал Ники.

– Я его самого разрежу, – сказала Сэм, так свирепо посмотрев на полицейского, словно действительно намеревалась осуществить свою угрозу.

Она стремительно бросилась по коридору, но тут же остановилась, когда увидела, что на кухне другой полицейский стоит с фонариком на коленях перед посудомоечной машиной и пытается заглянуть под нее. Кружки, кастрюли, тарелки, блюда – все было вытащено из буфетов и нагромождено на столы. Что-то щелкнуло внутри нее.

– Убирайтесь! – завопила она. – Убирайтесь вон из моей кухни!

Сэм вцепилась в первый попавшийся выдвижной ящик и рывком выдернула его. Ящик был набит ножами, лопатками, мутовками, деревянными ложками. Она с силой запустила им в полицейского. Ящик пролетел через комнату, ливнем рассыпая по дороге содержимое, врезался в стену как раз над головой полицейского и с грохотом обрушился на него. Судя по тому, как полицейский застонал, удар был довольно-таки основательным.

– Сэм. – Ричард вцепился в ее руку. – Придется им разрешить. – Он повернулся к констеблю, сидевшему на полу. Тот, потирая голову одной рукой, рассматривал палец на другой. – С вами все в порядке?

Констебль поморщился.

– Пожалуйста, не могли бы вы выйти отсюда?

Ричард повел Сэм в комнаты. В гостиной они увидели двоих мужчин. Один, в коричневом пиджаке, расклешенных брюках и с прической в духе 60-х годов, под битлов, стоял у обеденного стола и перевязывал красной лентой стопки документов. Второй мужчина, опустившись на колени перед письменным столом Ричарда, вытаскивал из ящика новые документы, из-под его серых брюк высовывались носки горчичного цвета, не прикрывающие целиком белые безволосые ноги. Полицейский мельком глянул через плечо, а потом поднялся, оказавшись здоровенным мужиком, который, возможно, лет десять назад немножко занимался боксом, с лицом обжоры и глазами чуть навыкате, что придавало ему вид хорошо откормленной лягушки. Измятый пиджак явно маловат, воротник рубашки расстегнут, и узел галстука наполовину приспущен на грудь. С невозмутимым видом он уставился на Сэм и продолжал смотреть на нее слегка снисходительным взглядом, будто она тоже была маленьким ребенком и он мог распорядиться раскромсать ее медвежонка.

– Это хозяйка?

Ричард кивнул, наблюдая за Сэм, словно загнанное в угол животное. Потом он посуровел и попытался бодро улыбнуться – «все хорошо», но вместо улыбки его лицо исказила какая-то нервная судорога.

– Таракашечка, это вот инспектор… м-м-м?

– Моя фамилия Мильтон. Как у того поэта. Инспектор сыскной полиции Мильтон.

– Добрый вечер, – поздоровалась Сэм.

– Отдел по борьбе с мошенничеством в бизнесе, городская полиция Лондона. – Инспектор резко ткнул большим пальцем в сторону мужчины в коричневом пиджаке. – Сержант сыскной полиции Уилер.

Уилер тем временем, даже не повернув головы, продолжал увязывать документы.

Так, отдел по борьбе с мошенничеством.

Совершенно сбитая с толку, Сэм уставилась на них. События и факты последнего времени с бешеной скоростью замелькали в ее сознании. Поведение Ричарда. Его странное усердие, когда он допоздна засиживался, склонившись над экраном своего компьютера. Деньги на новый дом. Часы «Ролекс». Пьянство…

Сэм почувствовала, как струйка пота стекла по спине, неприятно холодя кожу.

А инспектор сыскной полиции Мильтон продолжал высокомерно смотреть на нее, и в его взгляде явственно читалось: «Я могу слопать вас на завтрак вместе с потрохами, леди, а потом спустить вас в виде дерьма вон в тот пруд, так что не связывайтесь со мной».

– Замечательная квартирка, миссис Кэртис, – произнес он гнусавя фальшивым голосом. – Я вырос здесь поблизости. Мои родители жили за углом. Теперь-то они, разумеется, не смогли бы позволить себе жить здесь и платить такие деньги, вы же понимаете? И все же я полагаю, что это прогресс.

– Я хочу взглянуть на ваше удостоверение и на ордер.

Он выудил бумажник из своего кармана и открыл его хорошо заученным движением руки, показывая документы так, чтобы дама могла хорошо увидеть, прочитать, чтобы даме хватило времени на все это, словом, в точности как предписывают правила.

Правила, мадам, вы понимаете, что я имею в виду? Что все надо делать по правилам. Знаю я вашу породу, знаю. Ловкие прохиндеи. Что ж, а мы теперь половчее будем. Ноги у нас, может быть, по-прежнему здоровенные, но и мозгов-то у нас нынче побольше. Вот разве что сердца у нас стали

поменьше.

С фотографии на нее смотрело его же лицо, но только помоложе и более тощее, с испуганным выражением и с еще более вытаращенными глазами. Инспектор щелчком захлопнул бумажник и спрятал его обратно во внутренний карман, а потом той же рукой извлек оттуда листок бумаги, который вручил ей. Вверху стоял какой-то герб, несколько строчек текста, а также их адрес, а внизу подпись: «Р. Феннер. Городское управление». Полицейский сложил листок и снова положил его в карман.

– Может быть, вы могли бы объяснить мне, почему вы здесь находитесь?

Он почесал свой нос пальцем.

– Я надеюсь, что попозже ваш муж расскажет вам, если вы его хорошенько попросите. – Он показал пальцем на письменный стол Ричарда. – Прекрасная мебель. И стоит-то, поди, всего несколько шиллингов, а? Я просто заболеваю от таких людей, вроде вас, миссис Кэртис. Вам просто необходимо играть на сцене, вы должны это сделать. А знаете, вы бы отлично сыграли негодующую жену. Бьюсь об заклад, вам нравится тратить деньги вашего мужа, но только чтобы самой не запачкать ручки, так ведь? Уверен, что все у вас чистенько, комар носа не подточит. И если даже заглянуть в ваш носик, то и там не увидишь ничего такого неприятного…

– Ты позвонил Бобу Стореру? – спросила Сэм у Ричарда.

– Он уже в дороге. – Ричард вытряхнул из пачки сигарету. – Мы ничего не можем сделать, таракашка. Пусть они продолжают свое занятие.

Она свирепо посмотрела на инспектора:

– Меня не интересует, какие там бумажонки вы приволокли с собой. И не смейте больше говорить со мной подобным тоном. – Она повернулась к Ричарду: – Мы можем перекинуться словечком наедине?

Она вышла из комнаты. В коридоре стояла Хэлен.

– Ники пора принимать ванну. Как вы считаете, могу я выкупать его?

– Только пусть они сначала проверят дырку в ванне.

Хэлен кивнула, не понимая, шутит ли Сэм или говорит серьезно. А Сэм вышла в коридор на лестницу и подождала, пока Ричард не спустится к ней. Она закрыла входную дверь.

– Что происходит, Ричард? Что, черт подери, все это означает?

Позади нее раздался какой-то металлический лязг, она резко обернулась. В дверях лифта стоял Кен.

– Все нормально, Сэм? У вас все…

– Все отлично. Спасибо тебе. Все просто замечательно. Я… мы с тобой увидимся… м-м-м…

– В четверг.

Она слабо улыбнулась в ответ, наблюдая, как двери лифта сомкнулись, услышала глухое постукивание и завывание спускающегося лифта, а потом снова посмотрела на Ричарда.

– Так в чем же дело, Ричард?

– Да ни в чем, – сказал он. – Правда.

– Ни в чем?! Команда из отдела по борьбе с мошенничеством ползает тут по всей нашей квартире! Бога ради, ты можешь рассказать мне?

– Да все в порядке, таракашка. – Он стряхнул немного пепла на пол. – Они просто вынюхивают тут, только и всего.

– Вынюхивают тут? – Она уставилась на него. – Что ты натворил?

– Ничего.

– Полиция не вспарывает просто так игрушечных медвежат, если не подозревает, что у них внутри есть что-то запрещенное законом.

Он пожал плечами:

– Ну, отдел по надзору из Ассоциации по ценным бумагам немного раздражен. Все из-за той аферы и продолжающейся свистопляски дельцов и маклеров. Они до сих пор закидывают свои сети.

Ричард отвел взгляд в сторону.

– И ты в этом замешан?

– Нет. Разумеется, нет. – Он глубоко затянулся сигаретой. – Эта сделка всех жутко напугала. Я включил нескольких клиентов в одну сделку, которая, как оказалось, попала в самую точку, ну а ребята из Ассоциации никак не могут поверить, что это было чистым везением, а не жульничеством.

– Но это ведь еще не все, Ричард, не так ли? – настаивала Сэм. – Помимо этого, ведь есть и еще кое-что похуже?

– Нет. В общем-то нет.

– И тебя что же, арестуют?

– Нет. – Его лицо побагровело. Сигарета догорела почти до самого фильтра. Он держал ее между кончиками пальцев, словно какой-нибудь люмпен, сильно затягиваясь и глубоко вдыхая дым. – Во всяком случае, пока нет.

28

Воскресное утро. Сэм лежит в постели, наблюдая за тем, как одевается Ричард, а Ники, тепленький такой, свернулся клубком рядом с ней. Две последние ночи Ники не спал и прибегал в их комнату, до сих пор напуганный тем отвратительным типом с огромным ножом: а вдруг он вернется обратно. Ники спал между ними, и Сэм лежала не закрывая глаз, прислушиваясь к его дыханию, иногда он забавно и тихо похныкивал. Оттого, что Ники был рядом, она испытывала ощущение надежности и покоя.

Ах, мерзавцы!

Инспектор Мильтон. «Вроде того поэта». Явился забрать ваш рай, мадам. О да, я как раз одна из тех, кого вы называете ловкими ублюдками, ловкими ублюдками с толстым кошельком.

Она взглянула на часы. 7.45.

А ты хоть когда-нибудь читал стихи своего однофамильца? Сам ты здоровенный ублюдок с лягушачьими глазами! Самодовольный кретин, до смерти перепугавший маленького мальчика. Радуешься, поди? Радуешься, что мой сынишка встретился с настоящим живым привидением, которое располосовало ножом его медвежонка? Герой. Ну просто герой.

Самодовольный. Господи, до чего самодовольный! Перепугал ребенка и ушел себе со своими картонными коробками, набитыми бумагами и аккуратно перевязанными красной лентой твоим неуклюжим дружком в усохшем от старости пиджаке.

Ники проснулся и, прищурив глаза, тихонько скреб пальчиками по простыне.

– Пока, таракашка.

Сэм посмотрела на Ричарда и поняла, как он мучается. Она подняла руку и коснулась его лица.

– Езжай поосторожнее. Когда ты вернешься?

– Да примерно к полудню, – выдавил он из себя с неимоверным трудом, словно преодолевая огромную тяжесть. – Пока, тигренок.

Он провел ладонью по голове Ники.

– Ты едешь стрелять, папочка?

– Нет, тигренок.

– А ты говорил, что сегодня я смогу поехать с тобой и что сегодня мы сможем пойти пострелять.

– Так мы и сходим. После обеда, хорошо?

– А куда ты сейчас едешь?

– У меня кое-какие дела.

– А мне можно поехать с тобой? Куда ты едешь?

– В лондонский аэропорт. Встречать Андреаса. Подписать кое-какие документы.

Сэм услышала, как дверь спальни открылась и потом закрылась, хлопнула парадная дверь, прошуршал гравий и раздался рев двигателя БМВ. Она посмотрела на потолок, его только что оштукатурили и покрасили. Строители сделали это довольно быстро, во всяком случае в спальне. Они обнаружили, что все потолки уже трухлявые и крыше держаться больше не на чем, и теперь дом, зияя дырами, стоял в лестницах, настилах и новых лесах, поэтому им пришлось согласиться на капитальный ремонт. Надо делать новую крышу, и Ричард сказал, что с деньгами все в порядке, все, мол, отлично. Пока Мильтон («вроде того поэта») не нагрянул в пятницу.

Ники снова уснул, и она задремала. Немного погодя Ники зашевелился, а потом выбрался из постели, но она не заметила этого, потому что заснула глубоким, усталым сном и проспала почти до десяти часов.

Когда открыла глаза и увидела сквозь щелочку в занавесках яркий дневной свет, то уставилась туда в тоскливом оцепенении, ощущая себя вялой, как старая прохудившаяся покрышка, которая спустилась давным-давно и в конце концов сползла с колесного обода. Никакой энергии. Все выжато.

Она прошла на кухню и приготовила кофе. Появилась Хэлен.

– Доброе утро, миссис Кэртис.

Сэм улыбнулась.

– Спали хорошо?

– Да. Здесь так спокойно. Как дома.

– А где Ники?

– Да он вышел совсем недавно.

Она подошла к холодильнику и налила немного апельсинового сока, отхлебнула глоток, и желудок обожгло терпкой волной, вызвавшей приступ боли.

– Мамочка!

Отчаянный вопль прозвучал как завывание сирены.

– МА-МА!

Они кинулись из кухни через боковую дверь.

– МА-МА!

Они озирались по сторонам, смотрели вверх-вниз, через поля, дальше, в направлении реки…

Река?!

Сэм бросилась было бежать туда.

– МА-МА. МА-МА. МА-А-А-МА!

Она резко остановилась и развернулась. Крик доносился сверху, откуда-то прямо над ней, с самого верха лесов.

И этот жуткий скрипучий звук, когда что-то ломается с треском.

О Господи Иисусе, нет. Боже мой, нет. Нет. НЕТ!

Ники судорожно обвил руками стойку новых лесов, словно в порыве безумной любви, а вовсе не потому, что понимал: если он отпустит ее, то разобьется насмерть.

Крепления не выдержали и леса отошли от стены дома, раскачиваясь, как сломанный подъемный кран, визжа и скрипя, накреняясь то в одну, то в другую сторону. Вот они сильно ударились о стену, едва не сбросив Ники вниз, а потом снова откачнулись назад, на этот раз так далеко, что Сэм с ужасом ждала, как они опрокинутся, однако вместо этого леса отклонились обратно и опять врезались в стену, теперь уже сильнее, отбивая крупные куски кирпичной кладки, которые падали со звонким стуком, и этот звук эхом разносился по трубам.

Сэм стремглав бросилась к нижним лесам, пытаясь удержать их. Хэлен стояла рядом и помогала ей, но у них не было ни малейшего шанса удержать раскачавшиеся леса. Они еще больше накренились вниз, частично приподнявшись от земли прямо рядом с ней, потом на какое-то мгновение выровнялись и снова с диким грохотом врезались в стену.

Сэм стала карабкаться по ним. Ее руки онемели от холодного как лед, заржавевшего металла, но она втягивала себя наверх, не замечая лестницы, ведущей в глубь строительных лесов. Между тем ветер продолжал усиливаться, и все сооружение вибрировало.

– МАМАМАМАМАМА-А-А-А!

Я иду. Иду. Иду.

Сэм почувствовала, как больно напрягается в ее бедре какая-то мышца, рука порезана обо что-то острое, а с ноги свалилась домашняя туфля. Она услышала позади себя скрип и лязг, обернулась и увидела Ники всего в нескольких футах от себя, потом его лицо оказалось перед ней, так близко, что она могла бы коснуться его, но он вдруг откачнулся прочь, куда она не могла дотянуться. О господи, нет, пожалуйста, нет… так далеко, на этот раз леса конечно же опрокинутся. А потом Ники качнулся обратно, к ней.

– Дорогой, дай мне руку… вот она, возьми мою, мою, правильно, вот так!

Она стиснула своей рукой его ладонь, стиснула так сильно, чтобы больше не выпустить ее. Он

принялся вырываться, и она потянула сильнее, чувствуя, что ее рука растягивается.

– Держись, тигренок, ты только держись!

Рука растягивалась все больше. Боль была невыносимой. Он высвобождался… осторожнее… будь осторожнее… удержи его.

А потом она почувствовала, что двигается сама.

Нет.

Послышался страшный треск.

Нет.

Резкий звук раскалывающегося дерева. Леса подпрыгивали, как на пружинах.

Отпусти, отпусти, отпусти.

Падение.

Она отпустила его руку в ужасе и отчаянии.

Стена отодвигалась от нее. И Ники тоже отодвигался, уставившись на Сэм, лицо его оцепенело. Вбок, он падает вбок.

Нет.

Нет, это она сама опрокидывается.

Земля стремительно летела навстречу.

Она падала.

Сэм развернулась, отчаянно пытаясь оттолкнуться назад, но было уже слишком поздно, слишком поздно.

В голове все бешено завертелось, а потом земля со свистом врезалась в нее, притиснув ее желудок к позвоночнику. Внутри нее что-то разматывалось с ужасной скоростью, потом она услышала, как щелкнула ее собственная челюсть, почувствовала запах мокрой травы и сырой земли. Со всех сторон вокруг нее слышался странный приглушенный звон. Вроде церковных колоколов.

29

– Таракашка?

Мягкая почва пружинисто двигалась под ней.

Постельное белье…

Это сон, еще один сон… Ричард внимательно смотрел на нее, освещение вокруг было непривычным.

– Как ты себя чувствуешь, таракашка?

Она нахмурилась. Голова чертовски болела. Она пошевелилась, и руке тоже стало больно. Во рту все горело, чувствовался привкус крови.

– Ники, – произнесла она. – Где Ники?

– С Ники все отлично. Он только чуточку ушибся.

Ники внимательно смотрел на нее сверху вниз широко открытыми серьезными глазами. Господи, временами он выглядит таким серьезным. Она приподняла руку, чтобы погладить его. Это движение причинило ей боль, и она поморщилась.

– Как вы себя чувствуете, миссис Кэртис?

Голос незнакомый… Мужчина, приятный, в белом халате, со стетоскопом в кармане, стоял над кроватью и пристально глядел на нее.

– Я…

Ей казалось, что комната кружится вокруг нее.

– У вас сотрясение мозга. – Он мельком глянул на свои часы. – Вы пробыли без сознания более трех часов.

Три часа?! Нет, он, видно, ошибается. Должно быть… прошло всего-то…

– А где я нахожусь?

– Вы в больнице графства Суссекс, в Брайтоне.

– В больнице?!

– Да, и боюсь, что у вас было очень неприятное падение. Мы сделали вам рентген и сканирование. Слава богу, все кости целы, но думаю, что вы чувствуете себя не очень хорошо и вам все равно больно, потерпите немного. – Он улыбнулся милой, ободряющей улыбкой врача, умеющего ладить с больными. Молодой. Моложе ее. – Вам еще очень повезло, учитывая высоту, с которой вы упали. Хорошо, что прошли такие сильные дожди и почва стала очень мягкой. – Он снова улыбнулся. – Я вернусь и посмотрю вас немного погодя.

Она попыталась поблагодарить, но язык не слушался.

Она была совершенно сбита с толку, не имея ни малейшего представления о времени. В комнату просачивался слабый зимний солнечный свет, в окне она видела кусочек неба, и было похоже, что уже вторая половина дня.

Дверь закрылась, а потом послышалось металлическое позвякивание. Она почувствовала, что кровать оседает.

– Тигренок, не делай этого, – сказал Ричард. – Ты опускаешь маму вниз.

Она услышала шаги, а затем возбужденный голос Ники:

– А мне видно море!

Она уставилась на белый потолок и на электрическую лампочку, висевшую над головой. Поводила во рту языком. Нёбо ее болело, и снова чувствовался вкус крови.

Леса.

Я была на лесах.

Она снова посмотрела на Ричарда, наблюдая за ним влажными испуганными глазами. Он присел рядом с ней и взял за руку.

– Я подам иск на этих проклятых строителей.

Она покачала головой, медленно и осторожно.

– Это… это не их вина…

– Но леса отошли от стены. Они могли рухнуть на кого-нибудь и убить.

– Ники не должен был…

– Леса предназначены для того, чтобы лазить по ним. Они для этого и существуют. – Он презрительно фыркнул. – Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит.

– Они считают, что у тебя трещина в черепе.

– А как твоя встреча с…

– Отлично. И все будет отлично.

Она сжала его руку.

– Это хорошая больница, – сказал он. – Они хотят подержать тут тебя эту ночь. Врач говорит, что утром ты сможешь уйти.

– Сегодня воскресенье, ведь так?

– Да.

– Утром у меня назначена встреча.

– Я позвоню Кену. Врач считает, ты должна посидеть дома денек-другой.

– Кен в отъезде. Ты не мог бы позвонить Клэр? Передай ей… или Люси…

– Ну, разумеется.

– А что там за дверью, папочка?

– Там коридор, тигренок. Мы же из него и вошли.

Ники наклонился над постелью:

– Извини меня, мамочка.

Она улыбнулась ему. Его глаза были еще красными от слез.

– Поцелуй мамочку.

Он наклонился и испуганно клюнул ее в щеку, боясь поцеловать сильнее, чтобы ненароком не причинить боль.

– Я же только полез посмотреть, нет ли там какого-нибудь гнезда…

– Ну и нашел его?

– Нет. А ты сейчас поедешь домой?

– Завтра.

– Ой. А мы не можем с тобой остаться?

– Сегодня вечером ты побудешь с папой.

Он потихоньку отошел от постели.

– Я тут хочу поглядеть…

– Не выходи туда, тигренок, – сказал Ричард.

– Да я же не уйду далеко.

Она услышала, как дверь открылась и закрылась, и заметила, что Ричард гладит ее руку. Он наклонился к ней немного и заговорил тихо, будто опасаясь, что его подслушивают:

– Таракашечка, я должен съездить в Швейцарию по делам… в Монтре. Я вот подумал, что, может быть, и тебе захочется съездить. Мы бы могли поехать в Зерматт, покататься несколько дней на лыжах.

Зерматт. Они ездили в Зерматт на первое Рождество после того, как поженились.

– Я должен ехать на следующей неделе или что-то около этого. Может быть, на следующие выходные.

Она внимательно посмотрела в его обеспокоенные глаза:

– А что ты должен делать?

Он нервно поглядел по сторонам:

– Да у меня там в одном банке припрятано немного деньжат. Я хочу удостовериться, что там все надежно, на тот случай, если дела пойдут неважно… ну, удостовериться, что мы сможем продолжать оплачивать закладную и школу Ники.

– Я ведь тоже работаю, и если что-нибудь…

– Да-да, я понимаю, но нет никакого смысла…

– Ричард, а у тебя в Швейцарии нет ничего противозаконного?

– Нет-нет, там все в порядке. Андреас во всем уже разобрался. Я только должен действовать чуточку поживее, пока не…

– Пока что?

Он пожал плечами:

– Ну, я не знаю. Толком никто не знает. У полиции уйдет некоторое время на то, чтобы разобраться во всем. Они там трясут всю лавочку. И у Арчи вот тоже делали обыск. Это может протянуться несколько месяцев, а может, всего недели две.

– А чем все это грозит тебе?

Он поднялся с постели и подошел к окну.

– Да ничего серьезного, – уклончиво ответил он. – Ну, вкатят штраф или что-нибудь в этом роде.

– Этот инспектор… Мильтон… все время давал понять, что в тюремной камере ты не будешь таким оптимистом.

– Любят они попугать, только и всего. Болтают много. Этот тип прямо рта не закрывал.

– Да, он был невыносим.

Ричард снова подошел к ней и присел на кровать. Теперь она окончательно проснулась, но голова чертовски болела, и в душе царило полное смятение. Ей было жаль его, впервые по-настоящему жаль с тех пор, как она вернулась домой и обнаружила там полицию. Но сквозь жалость к Ричарду пробивалось горестное и мучительное раздумье. Господи, ведь все было отлично, пока не… пока не появилась эта шлюшка?! Пока ей не приснился сон про катастрофу с самолетом? Казалось, что все рушится вокруг нее.

Вроде тех лесов.

– Как думаешь, ты сможешь вырваться на несколько дней? – спросил Ричард.

– Надо посмотреть, что у меня намечено, но моя записная книжка дома.

– Было бы здорово, если бы ты поехала.

Ричард и Ники оставались с нею, пока она не поужинала и не вошла медсестра, которая принесла ей пилюлю для сна.

– Я так измучена, – сказала Сэм, – что засну без всяких таблеток.

Однако она все-таки приняла эту пилюлю и вдруг почувствовала себя лучше, почувствовала какой-то странный прилив возбуждения.

И надежды.

Ответы. Ведь есть же ответы. Ответы на то, почему все это происходит. Надо только оказаться в нужном месте, только и всего, отыскать потайную кнопочку или, быть может, некое магическое кодовое слово. Убирайся вон, Слайдер, я тебе приказываю! Проваливай в свою преисподнюю, зверь ты вонючий. Уползай с позором и чтоб даже тени твоей не было на моем пороге. Ты, проклятое, вонючее исчадие тьмы.

Прочь, прочь, гадкая мразь!

Что это, черт подери, за таблетка, если она одновременно испытывает разбитость и эйфорию. И вдруг гигантская волна усталости подхватила ее, потащила, а потом мягко опустила на спину.

Сэм спала.

30

Они продержали ее в больнице до конца понедельника, вечером Ричард забрал ее и отвез в Лондон. Она явилась в контору во вторник с тупой головной болью. Когда она вошла, Клэр подняла на нее взгляд. «Это уже нечто, – подумала Сэм. – Клэр соизволила поднять взгляд, какой прогресс!»

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась Клэр.

– Нормально, – ответила она.

Ей хотелось, чтобы Кен был на работе, а не на съемках в Испании, тогда она могла бы пойти к нему и рассказать о своих маленьких чувствительных антеннах, таких чувствительных, что даже чересчур. Она села за свой письменный стол и взяла из стопки верхнее письмо.

В нем оказалась коротенькая, но очень учтивая записка секретаря Королевской эскадры яхт:

«Комитет сожалеет, что не может позволить, чтобы его собственность использовалась в рекламе, вне зависимости от исключительных достоинств вашего конкретного проекта».

Черт бы их побрал.

Это был замечательный сценарий. Угрюмый старый хрыч, сидя у входа в клуб, вытаскивал свои очки, а вместе с ними из его кармана выпадал пакетик с презервативами.

СТАРОМУ МОРСКОМУ ВОЛКУ НИ К ЧЕМУ НОВЫЕ ШТУЧКИ, НО ОН МОЖЕТ ПОГИБНУТЬ ОТ КАКОЙ-НИБУДЬ НОВОЙ БОЛЕЗНИ. ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ПРЕЗЕРВАТИВАМИ. ТАК ПОСТУПАЮТ АДМИРАЛЫ.

Она взяла было следующее письмо, но тут же отложила его, потому что внезапно руки охватила дрожь, а на глаза навернулись слезы. Страх. Он пронизывал ее насквозь, глубоко насквозь ледяным холодом. Она открыла сумочку, вытащила ту самую брошюру с интригующим названием «О ЧЕМ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ РАССКАЗЫВАЮТ ВАШИ СНЫ», взглянула еще раз на краткую биографию автора, взяла телефон и набрала номер адресного стола.

– Пожалуйста, мне нужен телефон Университета Хэлла. – Сэм прикрыла рукой микрофон. – Я видела все это во сне. Мне приснилось, что я упала… с какого-то балкона.

Клэр в ответ молча, внимательно посмотрела на нее, причем в какое-то мгновение почти… почти… – Сэм просто ошарашило – насмешливо.

Сэм записала номер, данный телефонисткой.

– Как вам понравилась миссис Вульф? – спросила Клэр.

– Довольно странная дама.

– А мне кажется, что она очень проницательна. А вам не показалось?

– Надеюсь, что это не так, – ответила Сэм, сосредоточенно набирая данный ей номер.

– Университет Хэлла, – раздалось в телефонной трубке.

– Мне бы хотелось поговорить с доктором Колином Хэйром из отделения психологии, пожалуйста.

– Соединяю вас.

– Психология, – тут же ответил ей резкий и слегка раздраженный мужской голос.

– Я хотела бы поговорить с доктором Хэйром.

– А я могу узнать, кто звонит?

– Да, меня зовут… – Сэм заметила, что Клэр наблюдает за ней, и почувствовала себя неловко, – миссис Кэртис.

– Можно узнать, по какому поводу?

– Да, – сказала она, – это по поводу его исследования о снах. Я просто интересуюсь, можно ли с ним поговорить.

– Он в данный момент говорит по другому телефону.

– Мне подождать?

– Да. Можете подождать.

– Спасибо. – Она посмотрела на Клэр. – У меня просто голова раскалывается. Вы не могли бы сбегать в аптеку на Стрэнде и купить мне немножко диспирина?

– Разумеется, вот только закончу эту…

– Нет, сейчас, – сказала Сэм более резко, чем хотела.

Клэр нехотя встала. Сэм вручила ей пятифунтовую бумажку, и Клэр неспешно вышла из комнаты.

– Да-да, алло? – довольно мягкий, слегка нервный голос.

– Это доктор Хэйр?

– Да, у телефона.

– Извините, что я… м-м-м… беспокою вас… я звоню вам потому, что я просто в отчаянии. Мне нужна помощь.

Ее голос дрожал, прерывался, подступившие к горлу слезы мешали говорить.

– Расскажите мне, – произнес он очень терпеливо, словно у него было сколько угодно времени, чтобы слушать ее. – Просто расскажите мне.

– Со мной… происходят разные события. Мои сны… у меня бывают…

Да успокойся же ты, Сэм, бога ради! Спокойнее, спокойнее, а то тебя примут за чокнутую.

– Мне то и дело снятся сны, которые потом сбываются, но немного по-другому, и я не могу понять их… я думаю, что я, может быть, даже каким-то образом влияю на будущие события. Это звучит по-идиотски?

– Ну, я… а вы не могли рассказать мне чуточку подробнее?

– А может, лучше я приеду и тогда все расскажу вам? А то мне никто не верит. Мне действительно необходимо поговорить с кем-то, кто разбирается в снах. Прошу вас уделить мне хотя бы полчаса. – Она уже немного успокоилась. – Я не могу все объяснить толком по телефону, но мне кажется, что моя жизнь в опасности. И членов моей семьи, и других людей тоже. Мне просто необходимо, чтобы кто-то компетентный объяснил мне кое-что про мои сны. Если у вас самого нет времени, то, возможно, вы могли бы порекомендовать мне кого-либо?

– Я буду счастлив с вами побеседовать. Сны с предварительным знанием – в настоящее время мы как раз ими занимаемся, так что вы позвонили в подходящий момент… К сожалению, мы сможем встретиться с вами только в апреле или в мае, потому что в пятницу я уезжаю в Штаты месяца на два, читать лекции. Может быть, я мог бы связаться с вами, когда вернусь обратно?

Она изо всех сил сжала телефонную трубку в своей руке.

– Я должна увидеть вас до того, как вы уедете. Пожалуйста. Мне нельзя ждать… я… к тому времени я могу умереть.

Идиотка. Ляпнуть такую глупость…

– О господи, – произнес он. Последовало некоторое молчание. – Это и в самом деле звучит очень уж круто.

– Извините, – сказала она, – я не хотела, чтобы это прозвучало так драматически… только это правда.

– Я мог бы принять вас завтра в конце дня. Это вас устроит?

– Да, я…

– Откуда вы звоните?

– Из Лондона.

– Вам недалеко ехать.

– Да.

– Сколько вам лет?

– Лет?!

– Ну да.

– Тридцать два… то есть… уже почти тридцать три.

– Ага, хорошо, да-да… мы исследуем объекты как раз вашей возрастной группы. Э-э-э… если вы подъедете, не могли бы вы… э-э-э… подготовиться… э-э-э… провести одну ночь в нашей лаборатории сна… при университете… там довольно приятно… вроде обычного номера гостиницы… не считая электрических проводов, разумеется. Это помогло бы нам… и, может быть, и вам бы помогло, а?

– Ну, я постараюсь.

– Я знаю, что у нас есть одна… э-э-э… вакансия на завтра в этой лаборатории. Там довольно хорошее подсоединение. – Он вдруг заговорил с большим энтузиазмом. – Я буду… ну да… я… я буду у себя дома завтра в конце дня… это прямо напротив университета… возможно… если бы вы зашли ко мне домой… мы смогли бы спокойно поболтать… для начала… а?

Он дал ей нужные инструкции, и она старательно повторила их за ним, все записав, еще раз поблагодарила и повесила трубку. На всякий случай заглянула в записную книжку, нет ли у нее встреч, которые придется отложить. Она испытала какой-то прилив возбуждения в надежде, что, возможно, на все ее беды есть простой ответ. А вдруг он скажет ей то же самое? Чувствительные антенны и совпадения?

Она взяла следующее письмо из стопки и вскрыла его.

А тем временем этажом ниже Клэр закрыла за собой парадную дверь, вышла на улицу и перешла на другую сторону, к аптеке.

31

Сэм внимательно смотрела из окна поезда на однообразный сельский пейзаж, на реку Хэмбер, темная вода которой напоминала чернила, разлившиеся по школьной парте; на горизонте проплывали кирпичные дымовые трубы, похожие на шесты для палаток, подпиравшие темный купол неба.

Какой-то мужчина, проходя по вагону, приостановился и на мгновение выставился на нее, а потом двинулся дальше, и тут поезд вошел в туннель, Сэм испугалась, что дверь может незаметно открыться, и этот тип войдет в ее купе в темном капюшоне. Гулкое эхо туннеля, отражаясь от стен, громыхало вокруг. Наконец поезд снова оказался на свету, миновав закрытый шлагбаумом переезд, за которым вереница машин дожидалась, пока он проедет.

Сегодня среда, вторая половина дня. Встречалась ли в понедельник снова та группа сна? Во главе с этим Барри, молчаливым мужчиной в черном каратистском костюме? Неужели они встретились и обсуждали ее сон? Черт их знает, что они там себе напридумывали? Она что же, для них своего рода ведьма? Или же никому из них и в голову не пришло связать случившееся с ее сном? А может, они слишком поглощены своим дурацким резонированием?

Тот мужчина прошел обратно, снова уставился в ее купе, и она в ответ со злостью посмотрела на него. Убирайся. Убирайся, Слайдер, или кто ты там еще. Оставь меня в покое. Отвали. Мужчина приостановился, потом развернулся и ушел восвояси.

А МОЖЕТ БЫТЬ, У ТЕБЯ ЕСТЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ АНТЕННЫ, КАК УШИ У КРОЛИКОВ ИЛИ УСЫ У ТАРАКАНОВ.

Разумеется, ну конечно же, Кен. Ведь каждый, кому снится рушащийся балкон, на самом-то деле знает, что это означает. Уж Фрейд-то наверняка знал, так? И Юнг тоже. В книге «О чем в действительности рассказывают ваши сны» говорилось, что балкон – это, мол, материнская грудь. Ну, разумеется. Мамочка умерла. Я лишилась ее груди. Просто. И уж конечно, Фрейд знал, что балкон все равно что строительные леса. Проще пареной репы, старушка.

КУДА ЛЕГЧЕ ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ СНОВ, СОЧТЯ ИХ ПРЕДВИДЕНИЯМИ, ЧЕМ ОСОЗНАТЬ ИХ ИСТИННОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Разумеется.

Ричард решил, что она сбрендила, отправляясь сюда. Сказал, что после сотрясения мозга сознание выкидывает странные штуки, ей просто необходим отдых, тишина и покой, надо на несколько дней забыть обо всем, отключиться, и тогда она придет в себя настолько, что сможет поехать с ним в Швейцарию. А в Швейцарии ей станет еще лучше. Вне всяких сомнений. Прекратятся ее пророческие сны, ей будет работаться легче, да и их отношения поправятся. Словом, поездка в Швейцарию несет с собой столько плюсов, что невозможно отказаться.

А вся проблема в том, что когда вы пытаетесь рассказать о своих предвидениях уже после того, как они сбылись, то люди полагают, что вы немного тронулись. Ах, бедняжка Сэм. Шлепнулась с каких-то лесов, и прямо головой. И до сих пор никак не придет в себя. Ну, понятное дело, она уже была слегка выбита из колеи интрижкой мужа…

Истинное значение снов?

Из окна вагона Сэм увидела поток вагонеток, пересекающих подвесной мост. Потом мимо промелькнула погрузочная станция, а за ней плавучий маяк посередине дельты реки, подъемные краны, сгорбившиеся на фоне неба, словно старики с рыболовными удочками, но вот поезд замедлил ход, и в окне проплыло слово «ХЭЛЛ».

Истинное значение снов заключалось в том, что дети могут быть застрелены – слава богу, что такое не случилось. А ее могли изнасиловать и убить, она спаслась только потому, что видела это во сне. Она, черт подери, едва не погибла, упав с этих лесов, потому что… потому что… потому что она не сумела верно истолковать свой сон о балконе?

И сто шестьдесят три человека с того самолета остались бы живы, и Таня Якобсон была бы до сих пор жива. Пока этот Бэмфорд разглагольствовал о Фрейде, о зависти и боли, о крушении желаний и ревности женщин к пенису, о прочих разных вещах, которыми можно объяснить все на свете. Очень удобно объяснить все и ничего. Группа сна. Ступеньки, ведущие вниз, на станцию подземки. Это, мол, влагалище. Только и всего. Не имеет значения, если вас изнасиловали и убили, главное – понять свой сон, резонировать в унисон с ним.

Она вышла из такси на улице, застроенной вплотную, стена к стене домами 30-х годов, напротив главных ворот Университета Хэлла. «Звонок не работает. Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж

и покричите», – говорилось в написанной от руки записке на двери.

Держа в руке свой небольшой чемоданчик, с вещами всего на один день, Сэм поднялась по узкой лестнице и оказалась на темной, обшарпанной лестничной клетке. Сзади открылась какая-то дверь.

– Миссис Кэртис?

Сэм обернулась и увидела невысокого бородатого мужчину лет сорока с небольшим. На нем были мятые вельветовые брюки и аккуратный свитер. Он нервно ерошил свои и без того растрепанные, неопрятные волосы, будто что-то отыскивал в них. Над правым глазом у него белел кусочек лейкопластыря.

– Доктор Хэйр?

– Ох! – У него был смущенный, слегка ошарашенный вид мужчины, по ошибке забредшего в дамскую уборную. – Да-да. О… Колин, пожалуйста.

Она улыбнулась:

– Сэм.

– Сэм, точно. – Он размахивал руками, словно ветряная мельница, и смотрел вверх на потолок, как бы опасаясь, что он вот-вот обрушится на него. – Боюсь, что лампочка снова перегорела.

Сэм почувствовала мимолетный озноб. Еще одна лампочка.

Ну, давай же, девочка, не будь идиоткой. Нельзя бояться привидений всякий раз, когда перегорает обычная электрическая лампочка.

Хэйр хлопнул в ладоши и потер ими одна о другую.

– Хорошо. Ваш поезд… я-то думал, что вы будете здесь чуточку пораньше. Он опоздал?

– Да, немного.

– Что ж… м-м-м… заходите. Боюсь, что это немного… довольно-таки неудобно вообще-то… ну, вероятно, оно и к лучшему. Я вот только что принялся за уборочку…

Она прошла за ним в большую комнату и отшатнулась в изумлении. Помещение выглядело так, словно по нему только что пронесся ураган.

Повсюду разбросана одежда, книги валялись по полу, некоторые из них раскрыты, суперобложки отогнуты назад. Около стены с кофейным пятном посередине, напоминающим своими очертаниями паука, лежала лыжа-доска, а рядом разбитая чашка. Вдребезги разбитый проигрыватель для компакт-дисков соседствовал с обломками стандартной лампы. Здесь же валялся радиоприемник с разбитым корпусом, с проводами и батарейками, вывалившимися наружу. Над ним, на стене, недоставало большого куска штукатурки. Старенькая печатная машинка «Оливетти» лежала на полу вверх дном рядышком со сломанным деревянным столиком, а листы какой-то рукописи были разбросаны по всей комнате. Окно с треснутым прямо поперек стеклом выходило в небольшой, ухоженный, но довольно унылый сад.

Доктор Хэйр беспомощно воздел руки вверх.

– Я прошу меня извинить за этот жуткий беспорядок. Мы с моей… – Он ссутулил плечи. – Мы с моей женой тут вот только что чуточку посражались. Разводимся, видите ли. – Он снова взъерошил свои волосы, с опаской потрогал пластырь над глазом, смущенно озираясь вокруг. – Я не совсем уверен, что смогу все как-то объяснить квартирной хозяйке. – Он осторожно пощупал бороду, а потом закрыл за собой дверь и запер ее. – Это на тот случай, если она вернется. Она, видите ли, такая собственница. Извините.

– Я не могла бы помочь вам с уборкой? – спросила Сэм.

Из-за чего же, черт подери, они затеяли подобную драку и учинили такой разгром? Погуливал ли он на сторону от нее? Жил ли здесь с любовницей? А может, несмотря на свой ученый, не от мира сего вид, он был дебоширом? Взгляд Сэм наткнулся на цветную фотографию, стоящую на доске электрического камина. Две маленькие девочки в школьной форме, стекло на фотографии тоже с трещиной.

Доктор Хэйр сдвинул стопку книг и какое-то барахло с одной стороны старинного дивана на другую, потом принял у нее пальто и перекинул его через руку. Походил туда-сюда, подергал свой пуловер, поскреб бороду и проверил концы воротничка рубашки.

– Я очень ценю, что вы согласились принять меня так быстро, – сказала она.

Он снял ее пальто со своей руки, подержал его в воздухе и внимательно посмотрел на него, словно фокусник, у которого заело его хитроумное приспособление.

– Я вот только повешу его. Через минуту буду в полном порядке. Я, видите ли, чуточку взволнован. Вы чая не хотите?

– Благодарю вас.

– Есть и кофе, что вы предпочитаете?

– Лучше кофе.

– Так. Хорошо. Я только… если вы желаете воспользоваться… это дальше по коридору.

Он пошел через комнату к небольшой кухоньке, ступая очень осторожно, чуть ли не на цыпочках, словно пытаясь уравновесить тот шум, который, наверное, здесь был перед ее приходом.

Сэм слушала, как он звякает посудой, открывает холодильник, потом раздался пронзительный свист чайника. Ожидая возвращения Хэйра, она тем временем всматривалась в этот жуткий беспорядок. Может быть, так и нужно делать, когда вы обнаруживаете, что ваш муж завел любовную интрижку? Вот так взять все и разгромить?

Он вернулся в комнату, неся поднос с двумя дымящимися кружками и тарелкой сухого печенья. Что-то хрустнуло под его ногой, и он тоскливо посмотрел вниз, на раздавленную кассету.

– Кофе, вы сказали?

– Спасибо.

Она взяла у него кружку, поднесла к губам и подула, чтобы немного охладить. Запах не походил на кофейный. Сэм принюхалась снова так, чтобы Хэйр не заметил. Да, это был чай.

– Я принес печенье. Вы, должно быть, голодны. Вы ведь ехали довольно долго.

Он уселся напротив, неловко устроившись на краешке стула.

– Мне очень понравилась ваша книга.

Его глаза оживились, и он улыбнулся.

– А-а-а… «О чем в действительности рассказывают ваши сны».

– Она очень интересная.

– Вы нашли ее полезной?

– Да. Ну, кое-что из нее.

– В том виде, в каком они ее выпустили, это еще хорошо. Они там ужасно много выбросили. Просто взяли и подогнали к классическим интерпретациям. И чтобы поговорить о предвидениях, на это уже совсем не осталось места. О них я напишу в следующей книге.

Он размешивал свой чай и нервно поглядывал в сторону двери. Интересно, думала Сэм, что будет, если вдруг сюда вломится его жена, размахивая топором. Как справиться с сумасшедшей женщиной?

Хэйр посмотрел на свои часы:

– Я смотрю на время потому, что Ласло предпочитает, чтобы люди укладывались пораньше. – Он заметил, что Сэм нахмурилась. – Лаборатория сна. Мы отправимся туда примерно через полчасика. Я договорился, чтобы вы поужинали в столовой.

– Кажется, все высмеивают саму идею предвидений, – сказала она.

– Ну, еще бы – ведь это позволяет им чувствовать себя в безопасности. Им кажется, что если они что-то вычеркивают из своего сознания, выбрасывают, так сказать, на свалку, то тогда это не представляет для них никакой угрозы. – Он отложил свою чайную ложечку. – Они считают, что парапсихологи чокнутые. А я ученый – только и всего. Я ученый, которому не надвинешь шоры на глаза. – Он опять посмотрел на часы. – Давайте-ка поговорим о вас. Вы сказали мне по телефону, что ваша жизнь, как вы предчувствуете, в опасности.

– Да.

– Вы не возражаете, если я запишу наш разговор на магнитофон?

Она кивнула, и он вытащил из наброcанной кучи вещей небольшой магнитофончик, включил его, поставил на стол перед ней, проверил, и, когда оказалось, что тот работает, на его лице появился оттенок торжества, будто он выиграл очко в поединке со своей женой, обнаружив нечто, что ей не удалось уничтожить. Он скрестил руки и откинулся на стуле.

– Расскажите все, что, по-вашему, мне следует услышать, а потом мы пройдем в лабораторию и проконтролируем на мониторе ваш сон и сопоставим с моделями снов, посмотрим, не обнаружится ли что-то необычное. А завтра мы сможем провести обсуждение. Утром у меня встреча, но время ленча свободно. Вы могли бы остаться до ленча?

– Да. Благодарю вас.

– Отлично. Ну, слушаю. – И он помахал ей, чтобы она начинала.

Она рассказала всю историю, а он слушал, кивая и время от времени что-то бормоча себе под нос, не переставая сжимать в кулак и разжимать пальцы рук, будто практиковался в новой форме ручной сигнализации.

– Какая досада, что все это не было зафиксировано раньше, – сказал он. – Очень интересные примеры. Два из них очень яркое выражение предварительного знания: авиакатастрофа – я знаю нескольких человек, которые ее видели во сне, – и убийство этой несчастной девушки в «Хампстеде». Говоря о предварительном знании, я имею в виду то, что вы ясно видели будущее. Остальные сны мне кажутся скорее предвидениями – это предостерегающие сны, только не… – он сцепил руки вместе, – не вполне такие конкретные. Примеры, правда, хорошие, очень хорошие примеры. – Он поднял палец, наклонился и выключил магнитофон. – Скажите-ка мне… Вот этот мужчина в капюшоне, этот Слайдер, с ним связан тем или иным образом каждый сон?

– Да.

Она неуверенно, почти недоверчиво улыбнулась ему. Она боялась, что он будет насмехаться, придираться к ее снам. Но он не делал этого.

Он поверил ей.

Но теперь она вдруг поняла, что ей и не хотелось, чтобы он верил.

– Я не думаю, что вам следует так пугаться, Сэм. Вы наделены удивительным даром.

– Он мне не нужен. Я хочу избавиться от него. Я просто хочу вести нормальную жизнь.

Он улыбнулся, будто в ее словах был заключен какой-то скрытый юмор.

– Нормальная жизнь. А вам никогда не приходило в голову, что жизнь без предвидений – это ненормальная жизнь? Сны и предвидения помогают формировать мир. Кальпурния увидела во сне смерть Цезаря. Она могла бы спасти ему жизнь, если бы он не поднял ее на смех. Даже в Библии говорится, что все события имеют свои предзнаменования. – Хэйр осторожно пробирался среди разбросанных вещей к окну. Из-под его ног послышался жуткий хруст. – Проклятая баба, – пробормотал он. Добравшись до окна, он выглянул наружу. – Сэм, шестое чувство – психическое осознание, ну, или как вы там его ни назовите – оно часть нормальной жизни. Это так же нормально, как пить, дышать, думать. Мы подавляем его, потому что общество считает его бесполезным, что, мол, надежнее научить ребенка пользоваться телефоном, чем передавать какое-нибудь сообщение с помощью телепатии.

– А почему вдруг человек становится телепатом?

– Я не верю, что кто-нибудь действительно *вдруг* становится телепатом. Мы все рождаемся с этими способностями, вот только у большинства они исчезают очень быстро, потому что мы не используем их. Наше общество активно отбивает у нас охоту использовать их, что вы уже поняли по тем людям, к которым вы обращались за помощью. – Он повернулся к ней. – Большинство людей боится, что их будут высмеивать, вот они и оставляют все как есть, не дают своим психическим способностям развиться. Однако эти способности не улетучиваются, и мы по-прежнему владеем ими. В некоторых живет способность использовать их интуитивно, а иным необходим какой-то толчок извне, чтобы появилось своего рода дупло в голове для их активизации. – Он пожал плечами. – Они там. Мы все рождаемся с ними так же, как рождаемся с руками и ногами.

– Я что-то не припомню, чтобы у меня было дупло в голове.

– Дело не только в голове. Толчком может послужить и какая-то травма. Взгляните-ка на себя: кто-то пытался изнасиловать и убить вас, когда вы были маленькой девочкой, отвратительный тип в черном капюшоне… вы сразу потеряли и мать и отца. Очень серьезные травмы.

– Но ведь эти сны прекратились после того, как мои родители погибли. Прекратились на двадцать пять лет. Что же заставило вернуться их?

– Ну, как раз это положение мы и должны попытаться раскрыть. Есть некий спусковой крючок… нечто явно связанное с этим одноглазым в капюшоне. Возможно, мы узнаем что-нибудь после лабораторных испытаний.

Он снова нетерпеливо посмотрел на часы, будто стремился поскорее убраться из этой комнаты.

На тот случай, если его жена вернется?

– Я думаю, теперь нам бы лучше перебраться в другое помещение, на другую сторону улицы. Мы можем продолжить разговор там.

Он встал, принес ее пальто, помог надеть его, а потом напомнил, чтобы она взяла с собой свою сумку с вещами.

На улице стемнело, пошел снег. Они остановились у края тротуара, дожидаясь просвета в громыхающем, стремительном потоке транспорта часа пик, когда легковые автомобили, урча и завывая, плотной вереницей направлялись по домам, а грузовики мчались к докам. Щелкали стеклоочистители, ослепительно сверкали огни, гудели моторы. Хэйр не без напряжения старался перекричать этот рев:

– Если бы вы попытались перейти через эту дорогу с закрытыми глазами, вы бы погибли. Тем не менее именно так большинство из нас путешествует по жизни, как бы отключив сигналы своего сознания.

Промчавшийся грузовик ударил ее воздушной волной, наполнив легкие вонючим выхлопным газом. Тут же возник темный контур следующей машины с таким же вонючим выхлопом, из-под покрышек вылетали белые комья снега, превращаясь в бесформенную слякоть, брызги летели во все стороны. Они бросились через дорогу и прошли через университетские ворота.

Она почувствовала зависть к студентам, которые проходили мимо них в резком ярком свете огней университетского городка, ей вдруг захотелось снова стать студенткой, молодой и беззаботной, начать все сначала. Мимо них прошли парень с девушкой, они громко разговаривали и громко топали своими кроссовками на толстых подошвах. Уличная мода. Доверие улицы. Сэм подумала, что выглядела бы смешной в таких кроссовках. Она бы *чувствовала* себя в них смешной.

Студенты. Одна из мишеней рекламы. Будущие потребители. Придет осень, и все вы будете послушно лопать «Отверженный».

Сэм с Хэйром пересекли квадратный дворик, вошли в какую-то дверцу и поднялись по каменным ступеням на два пролета.

– Там не так уж просторно, но зато вполне уютно, – заметил Колин Хэйр, когда они добрались до лестничной площадки третьего этажа.

Он толчком открыл дверь, включил свет и отступил в сторону. Они оказались в небольшой аккуратной спаленке с новенькой, будто только что из мебельного магазина удобной односпальной кроватью и бежевым однотонным ковром. Обстановку дополняли гардероб, комод, телевизор и умывальная раковина. В комнате приятно пахло свежестью. Занавески задернуты, а край темно-синего стеганого покрывала на кровати был заботливо отвернут. Обычный спальный номер гостиницы, если не считать пучка проводов, свободно свисавших со стены над кроватью.

Они-то и напугали ее.

Что-то во всем этом было не так, но она не понимала, что именно. Очень напоминало интерьер спальни с фальшивыми стенами в мебельной секции какого-нибудь универмага. Все какое-то ненастоящее. У Сэм было такое ощущение, что ей предстоит раздеться и улечься в постель стеклянной витрины супермаркета. Только дело было не в этом.

А в чем-то другом. Она вздрогнула. Скажи ему: «Нет, спасибо». Скажи ему, что тебе надо немедленно уехать.

Но почему? Он же старался помочь.

Это ты так считаешь.

– Это совсем не похоже на то, что я себе представляла, – произнесла она. – Обычный номер. Очень мило. Куда милее половины гостиничных номеров, в которых мне приходилось останавливаться.

– Ну конечно, ведь нам необходимо, чтобы люди чувствовали себя здесь совершенно нормально.

– А я думала, что мне предстоит находиться в какой-то стеклянной кабинке.

– Нет, нам не нужно наблюдать за вами, пока вы спите. Мы получаем всю нужную информацию из распечатки. Я покажу вам комнату для наблюдения.

Когда они выходили из двери, мимо прошла очень прилежная на вид девушка со стопкой бумаг.

– Добрый вечер, доктор Хэйр, – поздоровалась она с заметным шотландским акцентом.

– Добрый вечер, Джейн. А это вот миссис Кэртис – наш новый объект.

Объект. Что-то вроде какой-нибудь лабораторной лягушки в формальдегиде?

– Добрый вечер, – вежливо ответила девушка, прежде чем исчезнуть на марше лестницы.

– Она одна из наших исследователей, в настоящее время учится в аспирантуре, – пояснил Хэйр. – Я покажу вам мой кабинет. Предпочитаю встречаться с людьми вне службы. Так спокойнее.

Они прошли по коридору, и он толчком распахнул дверь помещения, заставленного компьютерами, ящиками с карточками, заваленного бумагами. Здесь было немногим опрятнее, чем в той комнате у него дома.

Они проследовали еще дальше по коридору и очутились в небольшой, ярко освещенной комнате со множеством электрических приборов, компьютеров и двумя громоздкими приборами для построения графиков. Молодой человек лет тридцати сосредоточенно изучал листы с графиками. У него было угрюмое выражение лица, под глазами тяжелые черные круги. Он откинул со лба черные как смоль волосы и продолжал напряженно что-то изучать. Волосы опять упали ему на лоб, и он снова откинул их назад с некоторым раздражением.

– Ласло, я хочу вам представить…

Мужчина взглянул на них и устало потер глаза, явно недовольный тем, что его отвлекли.

– Миссис Кэртис? – произнес он отрывистым сухим тоном.

Не он ли вчера отвечал ей по телефону? Сэм улыбнулась:

– Да.

– Хорошо, – буркнул он и зевнул.

Она нахмурилась. Повисло неловкое молчание.

– Э-э-э… Ласло называет это помещение Хэлл-Хэлтоном, – сказал Хэйр, чувствуя неловкость.

– Вот как, – отозвалась Сэм.

Ласло опять уткнулся в свой график и снова принялся изучать его.

– Вы когда-нибудь бывали в лаборатории сна раньше, миссис Кэртис? – спросил он, не поднимая глаз.

– Нет, – ответила она.

– Ну, никаких проблем. – Он сделал авторучкой какую-то пометку на графике, сосредоточенно поджав губы. – Вам ничего не придется делать. Просто спать. – Он хихикнул, и это получилось у него неожиданно по-детски. – Просто спите. И смотрите сны. Вы будете развлекаться, а мы – работать. Правильно, доктор Хэйр?

Он произнес фамилию профессора так, словно в ней была заключена игривая шутка. Хэйр повернулся к Сэм.

– Люди не понимают, насколько утомительно исследовать сон, – сказал он. – Один из нас должен будет сидеть здесь всю ночь, наблюдая за графиком. Это очень обременительно для личной жизни исследователя.

Интересно, уж не из-за этого ли он и развелся, спрашивала себя Сэм.

– А нельзя оставить меня спать, а потом прочитать все это утром?

– Нет. Мы должны держать прибор под контролем. В ручках кончается паста, бумагу надо менять... – Он взял лист разлинованной бумаги, на котором она успела разглядеть голубые ряды, причудливые зигзаги прямых и извивающихся линий. – В каждой из этих линий заключено лишь двадцать секунд сна. На один ночной сон требуется две с половиной тысячи листов. Нам необходимо взаимодействовать со спящим. Если мы замечаем его необычную активность, то стараемся немедленно разбудить, выяснить, что происходит. А другая вещь, которую мы делаем, – это... – он гордо улыбнулся и легонько постучал по небольшой контрольной панели с рядом измерительных приборов и выключателей, – прозрачные сны, – сказал он. – Вам когда-нибудь снились прозрачные сны?

– А что это такое? – удивилась Сэм.

– Когда вы начинаете понимать во сне, что вы спите?

– У меня был один такой, – сказала она. – Очень давно.

– Правда? И вы смогли сделать с ним что-нибудь?

– Что вы имеете в виду?

– Вы были в состоянии контролировать этот сон? Воздействовать на него?

– Нет. Я просто понимала, что сплю.

– А вы много знаете о сне? Вообще о снах?

Сэм пожала плечами:

– Не очень, полагаю.

– А как часто вы видите сны?

– Обычно?

– Да.

– Ну, не знаю... раз или два в неделю.

– Нет. Вы видите сны каждую ночь. И все люди видят. В течение восьми часов сна у вас бывает от трех до пяти периодов сновидений продолжительностью от десяти-пятнадцати минут до тридцати-сорока минут. Но вы, по всей вероятности, не вспомните ни единого из них. Вы сможете вспомнить их, только если вы проснетесь посередине какого-либо сна или же сразу после него. – Он показал ей увесистую стопку листов с распечатками. – Вы настроены скептически. Вот, все это здесь. Если бы вы задержались подольше, я смог бы доказать вам это.

Она следовала взглядом за зигзагообразными линиями, а он по очереди пробегал пальцем вдоль каждой из них.

– Вот эта ровная линия фиксирует работу передней части мозга – немного активности в течение сна. А вот эта, паукообразная, – сканирование быстрого движения глаза. Ваши глаза мигают очень быстро, когда вы видите сны. Вот другие участки мозга: дыхание, сердечно-сосудистая деятельность, температура тела. – Он привычно поскреб в затылке. – Видите ли, когда вы припоминаете какой-либо сон – это замечательно, великолепно, мы можем проанализировать его, выкорчевать его из вас, посмотреть, не сбудутся ли какие-либо его фрагменты. Но вот как быть с теми снами, которые вы не помните? Целых пять периодов за каждую ночь? Два-три часа за одну ночь, из которых вы, может быть, запоминаете по нескольку секунд в неделю, а? Что тогда происходит? Нам известно, что вы видите сны, но что вы при этом делаете? Что происходит с вами? – Он легонько похлопал себя по голове. – Там-то, внутри, что творится? Возникают ли у вас предвидения, которые мы упускаем из-за того, что вы не помните своих снов? Или вы находитесь вне своего тела, в его астральной оболочке? Путешествуете во времени? Если вы начнете осознавать, что видите сон, то, возможно, будете в состоянии и вспомнить его. Вы сможете проснуться в его конце и рассказать нам о нем. У нас есть микрофон в той спальне и магнитофон с активизированной записью голоса.

– И вы в самом деле можете сделать это?

– Ну, это было бы большой удачей. Если вы сможете осознать, что видите сон, то тогда сможете и контролировать его.

– А как же вы заставляете человека осознать, что он видит сны?

Хэйр показал на серый ящик:

– Этот прибор испускает предельно низковольтный электрический сигнал. Мы передаем его по проводам к срединному нерву объекта, и, когда видим, что объект вошел в состояние сна, мы посылаем сигнал. Прибор помогает ему осознать, что он или она видит сон, не просыпаясь при этом, а потому они могут контролировать свой сон.

– А если ваш объект находится в самолете, который терпит катастрофу, возможно ли спасти его?

Хэйр засунул руки в карманы.

– Это помогает установить различие между сном с предварительным знанием и сном, который просто-напросто типичный ночной кошмар.

– И если вы останавливаете катастрофу самолета, значит, это был просто ночной кошмар?

– Мы не знаем, но это как раз та область, которую мы исследуем. В этом аспекте вы можете оказаться отличным объектом для нас. Когда я вернусь из Америки…

– Это дает простор вашим фантазиям, – вмешался в разговор Ласло, не поднимая глаз от своей работы. – Вам снится надоевший старый сон, а потом вы получаете сигнал, что спите. И вы можете делать во сне что вам угодно. Захотите, к примеру, перепихнуться с Томом Крузом – так вы только вообразите себе его и действуйте! – Он поднял взгляд. – И вы начинаете сомневаться, а стоит ли вообще просыпаться.

– Я и в самом деле сомневаюсь в этом уже некоторое время, – сказала Сэм.

32

Сэм поужинала в столовой за столом, покрытым жароустойчивой пластмассой. Вокруг болтали и суетились студенты, в воздухе стоял застарелый запах чипсов, теста и консервированного супа из бычьих хвостов. Затем она отправилась спать, точно так же, как в любой другой гостинице, не считая, правда, того, что ванна находилась не в номере, а в другом конце коридора, что было весьма неудобно.

Вошли Хэйр и Ласло, подсоединили к ней провода, пожелали приятных сновидений, а потом вышли и закрыли дверь.

Она уселась на кровать и принялась листать журнал «Вог». Со страниц на нее холодно взирали нарядные женщины с точеными надменными личиками. Они всматривались в нее так горделиво, словно она была каким-то зеркалом. Пышные наряды. Элегантность. Интересно, насколько элегантно сама она выглядела сейчас, с этими проводочками, опутывавшими всю голову. Кокетливая девица в халате сидела на сверкающем черном капоте «порше». Двое мужчин-фотомоделей пренебрежительно взирали на нее, образцовые папочка с сыном. Старик в костюме из твида пристроился на специальной трости-сиденье, сыночек тоже в складненьком костюмчике с иголочки.

Надпись под фотографией сообщала: «Старикам грезятся сны, а молодыми людьми овладевают мечты».

Сэм положила журнал на тумбочку у кровати, отхлебнула глоток воды, выключила лампу, стоящую на тумбочке, и медленно, осторожно улеглась, проверяя, не сместила ли она какие-нибудь проводки, прикрепленные к ней. Голова побаливала в том месте, где эти проводки натягивали волосы, но она не осмеливалась даже прикоснуться к ним. Постель удобная, мягкая, куда удобнее, чем у нее дома. Из приоткрытого окна тянуло прохладным сквозняком. Сэм услышала шаги и голоса, доносящиеся из квадратного дворика.

– О-о-о-й. Кейт, ну ты и ублюдок!

– Нет! – завизжала какая-то девушка, потом захихикала и взвизгнула снова. – Нет-нет, вот этого не надо, нет-нет, не ниже шеи! Ах ты, ублюдок!

Из столовой, где она ужинала, доносилось звяканье подносов, ножей и вилок – это убирали со столов. Шумела бегущая из кранов вода. Где-то в отдалении негромко играла пластинка «Каждый день» Бадди Холли. Господи, сегодня, видно, трудновато будет уснуть. Незнакомые шумы. Жирный запах жареной картошки из столовой. Проводки неприятно оттягивали ее волосы.

Предвидения.

Хэйр ей поверил. Однако… Было нечто странное в Хэйре. Что-то не так. И в этом Ласло тоже.

Они что же, сейчас сидят в лаборатории, перед этим прибором, выписывающим графики, и наблюдают за ее гениальными мыслями? О чем это говорил Хэйр, пока они прилаживали эти чертовы проводочки? Пять стадий сна. Первая стадия – это гипнагогическое состояние. Хм… Гипнагогическое.

НУ, ЭТО КОГДА ВЫ ТОЛЬКО-ТОЛЬКО НАЧИНАЕТЕ ЗАСЫПАТЬ. ВАМ ЧАСТО ВИДЯТСЯ НЕЗНАКОМЫЕ, ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИЦА, ЖУТКОВАТЫЕ ОБРАЗЫ.

Потом вторая стадия – более глубокий сон, затем третья, когда тело отключается, четвертая стадия – глубокий сон, сознание становится пустым, ну а потом пятая стадия – сон с быстрым движением глаз. Сновидение.

Пока что она не вошла даже в первую стадию.

Она снова беспокойно повернулась, нащупывая контрольную панель над передней спинкой кровати, и ткнулась в какой-то выключатель. Засветился телевизор. Интересно, а как теперь будут выглядеть на графике ее мудрые мысли, когда она, щурясь от внезапной яркости экрана, механически наблюдает за коммерческой рекламой.

Долгий кадр покрытой снегом горы, солнце сверкает из-за ее вершины. А в отдалении какое-то крошечное пятнышко, приближающееся к ним, а потом во весь экран вспыхивает надпись:

«АРОЛЕЙД».

Надпись исчезает, а пятно приближается еще, надпись снова вспыхивает.

«АРОЛЕЙД».

Она вспыхивает и гаснет, заслоняемая на мгновение этим пятном, которое становится больше и больше, пока не заполняет весь экран.

– «АРОЛЕЙД», – произносит шепотом чей-то неуловимо знакомый голос, и тут же раздается смешок. – «АРОЛЕЙД».

Сэм нахмурилась. АРОЛЕЙД?! Что это еще, черт подери, за Аролейд? Она выключила телевизор и пристально посмотрела на потолок, только теперь увидев, что там медленно вращаются лопасти здоровенного вентилятора, похожего на пропеллер. Странно, подумала Сэм, как она не заметила его раньше? В комнате холодно, холодно и в постели. И зачем включили этот вентилятор?

Дверь ее комнаты открылась, а потом тихонько закрылась. Она услышала чье-то дыхание, звяканье ключа и отчетливый щелчок затвора, вставшего на место.

Кто-то запирал комнату изнутри.

Она в недоумении, дрожа от страха всматривалась в темноту.

– Кто здесь? – спросила она.

Кто, черт подери, это был? Доктор Хэйр? Ласло? Почему они заперли дверь?

– Кто это? В чем дело?

Молчание.

Она разглядела, что кто-то стоит у двери, темный, почти неподвижный силуэт. Чья-то темная тень. Она слышала, как эта тень дышит.

– Доктор Хэйр?

Ее голос прозвучал неестественно и сдавленно. О господи! А кто вообще-то есть здесь, в этом здании? Сколько же надо орать, чтобы ее услышали? Что сейчас показывают графики на этом приборе?

Ведь конечно же они увидят это, да?

Если только не…

Ласло?

О господи, нет.

Темная фигура приближалась к ней.

– Посмотрим, как это выглядит на графике, – произнес чей-то знакомый голос.

Тот же голос, который звучал в коммерческой рекламе по телевизору несколько мгновений назад. Не доктора Хэйра. И не Ласло.

Сэм ощутила сквозь простыню у себя под подбородком чью-то руку, и тут же постельное белье было сорвано. Она коротко хрипло вскрикнула и почувствовала, как рука в перчатке зажимает ее рот.

– Да успокойся ты, глупая сучка. Я просто собираюсь трахнуть тебя, всего и делов-то. Тебе понравится. Ты это полюбишь.

Она пристально посмотрела вверх, на эту темную фигуру. Послышался щелчок, и загорелась лампа на тумбочке у кровати. Сэм замигала, глядя на Слайдера, стоявшего у кровати. Он был одет в спортивный костюм металлически-зеленого цвета, похожий на гоночный костюм мотоциклиста, на руках – толстые черные перчатки с крагами, а прорези для глаз его черного капюшона скрыты за защитными очками.

Она в ужасе отпрянула назад, увидев в узкой прорези для рта его злорадную ухмылку. Он протягивал ей какую-то оранжево-белую карточку, похожую на посадочный талон в самолет. Он помахал карточкой у нее перед глазами так, чтобы она смогла ясно прочитать ее.

«ЧАРТЭЙР», 35А.

– Тебе понадобится это. Очень скоро. Тебе не следовало оставлять ее там, на заднем сиденье такси. Это легкомысленно, очень легкомысленно. – Он отпустил карточку, и Сэм проследила взглядом, как та порхает вниз, падает на грудь. – О, посмотрите-ка, упала! – Он с плотоядной злобой посмотрел на Сэм. – Ты, сучка, какая-то заторможенная. Ну очень заторможенная. Как ты падала… Ну, с того

балкона-то? Здорово, а? – Он снова ухмыльнулся, демонстрируя омерзительные гнилые зубы. – А придется падать еще ниже. Ох, придется. Уж так упадешь, так глубоко…

Она следила за ним, как он вразвалку подошел к умывальной раковине, взял ее зубную пасту, отвинтил колпачок и показал ей тюбик.

– Игры любишь, а? Головоломочки? Загадочки? Посмотрим, ты догадаешься, что это значит? – Он принялся выдавливать пасту из тюбика. Она падала на ковер длинными струями, а он все скатывал и скатывал тюбик, пока тот не опустел, и тогда он бросил тюбик на пол. – Канительная это дрянь, зубная паста. Я свою голову не забиваю подобной чепухой.

«Это сон, – подумала она, – конечно же это сон, наверное, прозрачный сон».

– А на хрена ты прилепила себе на голову все эти проводочки-то, а? – спросил он. – Пытаешься победить меня с помощью высокой технологии? Глупая маленькая сучка, вот ты кто! Пора тебя проучить. Вот сейчас я и преподам тебе урок.

Прозрачный сон. Это я просто вижу прозрачный сон.

ЕСЛИ ВЫ СМОЖЕТЕ ОСОЗНАТЬ, ЧТО ВИДИТЕ СОН, ТОГДА ВЫ СМОЖЕТЕ КОНТРОЛИРОВАТЬ СВОЙ СОН.

– Нет, – ответила она, сама удивившись, как твердо прозвучал ее голос. – Не хочу я никакого урока. А вот я хочу тебе дать кое-что. Хочу дать тебе плитку «Отверженного».

Он выглядел озадаченным.

Сосредоточься. Плитка «Отверженного». Плитка «Отверженного»!

И шоколад появился у нее в руке. «Я могу получить все на свете, что только пожелаю», – внезапно подумала она и швырнула ему плитку.

– Попробуй, – предложила она.

Он подошел и взял плитку, а Сэм села на постели, наблюдая, как он разворачивает плитку и откусывает кусочек.

– Ну и как он тебе?

– Хороший, – оценил он. – На вкус немножко похоже на «баунти» с бисквитом.

– Вот и Кен так сказал.

– То же самое и сказал?

– Ну да.

Он улыбнулся.

Сэм почувствовала прилив уверенности.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне, Слайдер, с чего это ты заладил возвращаться ко мне? Что тебе нужно? Почему ты не оставишь меня в покое?

Он облизал пальцы.

– Хорошая она была, эта плиточка.

– Еще хочешь?

– Не-а.

– Мне нетрудно достать тебе еще одну. Я могу завалить ими всю комнату, если захочешь.

– Ты можешь завалить эту комнату плитками «Отверженного»?

– Ага. И могу заставить тебя исчезнуть, если захочу. Только я не хочу делать этого. Пока же мне надо узнать, чего ты хочешь. Я хочу узнать, почему мне снятся такие сны.

Он поднял руки и посмотрел удивленно.

– Я твой друг, Сэм. – Он присел рядом с ней. – Я твой друг, вот почему! Они снятся тебе, чтобы оградить тебя. Я показываю тебе будущее, чтобы предупредить тебя об опасности. Ты должна

научиться доверять мне, – Он приобнял ее рукой и легонько прижал. – Я твой друг. Понимаешь? Ты рада?

– Здорово.

Он улыбнулся:

– Здорово! Это здорово. А ты-то не думала, что я твой друг?

– Не думала.

Он довольно захихикал.

– Вот смехотища-то. С ума сойти.

Она почувствовала, как он заходится от неудержимого смеха, и засмеялась вместе с ним. Они хохотали вместе, не в силах остановиться довольно долгое время. А потом сидели в молчании, миролюбивом молчании.

– Послушай, Сэм, ты не должна беспокоиться о будущем. О нем уже позаботились. Со всеми деталями.

Он снова стиснул ее, а потом вскочил с кровати, подошел к двери и открыл ее.

– Не уходи, – попросила она.

– А я и не ухожу. Просто хочу посмотреть, не пришли ли газеты. – Он открыл дверь и наклонился, а потом повернулся, показывая «Таймс». – Приятное здесь местечко, не так ли?

– Да, – сказала она. – Замечательное.

Он сдвинул защитные очки на лоб, открыл газету и просмотрел ее, потом сложил страницы, подошел к кровати и уселся рядом с Сэм.

– Я же говорил тебе, что я уже позаботился обо всех деталях. Смотри-ка!

Он держал страницу прямо перед ней.

«ОБЪЯВЛЕНИЯ И СВЕТСКАЯ ХРОНИКА».

Она посмотрела на него снизу вверх, заглянула в эти глаза, ставшие внезапно такими холодными и жесткими, что она не могла отличить, который из них стеклянный.

– Ну, давай же, – настаивал он. – Взгляни-ка, посмотри, там про тебя, видишь эту колоночку?

«Смерти», – прочитала она, и ее охватила дрожь, а палец ее с длинным, аккуратно наманикюренным ногтем, слишком уж длинным, похожим на коготь, тем временем скользил вниз по колонке.

– Смотри, вон там! – Его голос был полон детского ликования. – Ну, видишь?

Она оцепенела.

«КЭРТИС. Трагически погибла. Саманта (Сэм) Рут. 32 года. Горячо любимая жена Ричарда и любящая мать Ники. Панихида будет проведена в частном порядке. Семья принимает только цветы».

– Дата. – Его слова доходили до нее как сквозь пелену. – Единственная вещь, которую они упустили.

Сэм почувствовала резкий сквозняк, и газетные листы один за другим сдуло на пол, словно подхваченные свирепым порывом ветра. Она услышала рев какого-то двигателя, волосы хлестали по лицу, а занавески грохотали так, будто они из жести. В изумлении она подняла взгляд на потолок. Это огромный, черный и страшный вентилятор бешено вращался с жутким клацаньем. Его шум перешел в оглушительный рев, она зажала уши руками.

Нет!

Ветер пронесся по постели, сорвал с нее простыни и расшвырял их по комнате, как листы бумаги.

– Нет. О господи, нет! – пронзительно закричала она, когда стакан с водой, стоящий на тумбочке, рядом с ней, вдруг взорвался, словно граната, осыпав ее острыми жалящими осколками.

Дверцы гардероба внезапно распахнулись, и ее одежда выпала на пол. Электрическая лампочка в

лампе у ее кровати тоже взорвалась, и в комнате стало темно.

– О господи, помоги мне.

– Ах ты, маленькая сучка. Думаешь, тебе удастся победить меня своей высокой технологией? Думаешь, что сможешь заставить меня исчезнуть, просто подумав об этом?

Какая-то жуткая сила вдруг швырнула ее из постели и подбросила к самому потолку, она почувствовала, что падает вниз, падает сквозь ледяной бешеный вихрь, кувыркается вверх ногами среди обломков стекла и мебели, которые больно ранили ее, и вот она с треском ударилась оземь, сильно, так сильно, что даже не могла пошевельнуться.

А потом внезапно сверкающий белый свет ослепил ее, и она зажмурилась.

– Сэм?

Она дрожала. Холодно, ах как холодно.

– Сэм?

Она учуяла странный незнакомый пыльный запах и открыла глаза. И увидела странный бежевый пух, он лежал сверху и давил на нее. Ей было ужасно холодно.

– Господи Иисусе, – произнес чей-то мужской голос. – С вами все в порядке, Сэм?

«Доктор Хэйр», – подумала она. По голосу было похоже на доктора Хэйра. Она попыталась оттолкнуть бежевый пух, но он даже не шевельнулся.

– Вы не ушиблись? – спросил голос Колина Хэйра.

«Я не знаю, – хотелось ответить ей. – Не знаю я».

– Пожалуйста, снимите с меня эту вещь.

Она снова толкнула этот бежевый пух. И тут только сообразила: это же ковер. Она лежала лицом вниз на ковре, на полу.

– Господи Иисусе, – это голос Ласло.

– Поднимите-ка ее обратно на кровать.

Она почувствовала чьи-то неловкие руки. Неумелые руки, а потом пух исчез, и она увидела белый потолок. «И никакого вентилятора», – мелькнуло в мозгу, затем она услышала скрип пружин и ощутила мягкость постели. Лицо Хэйра, вопрошающее и обеспокоенное, низко склонилось над нею. Глаза Ласло с темными кругами под ними всматривались в нее с каким-то странным непониманием, и это испугало ее.

– С вами все в порядке? – спросил Хэйр.

Сэм слабо кивнула.

– Она явно замерзла, Ласло. Давайте-ка прикроем ее.

Сэм проследила взглядом, как он повернулся и побрел по комнате. Ласло по-прежнему таращился на нее. «Почему? – казалось, говорил он. – Почему?»

Хэйр наклонился, собирая простыни с пола. О господи. Ну и бардак.

Комната выглядела как после разгрома. Повсюду битое стекло, одежда, мебель поломана. Окно разбито вдребезги, а карниз для занавесок оторван от стены и болтается. Под раковиной тонкий след какого-то белого порошка. У стены криво лежит стул, одна из его ножек согнута как у старика, который упал и не может подняться. Тумбочка, стоявшая у кровати, теперь оказалась на гардеробе.

Нет. Это невозможно.

Хэйр возвращался назад с постельным бельем. Он вытянул из кучи одну простыню и осторожно обернул ее вокруг Сэм.

Словно флаг вокруг тела убитого солдата.

«Я мертва. Я мертва. Вот почему он смотрит на меня так».

– Возьмите другой конец, Ласло. Подоткните его.

– Со мной все в порядке? – спросила она.

Хэйр внимательно изучал ее. Она почувствовала, что постель слегка оседает, сначала на одну, потом на другую сторону. Хэйр наклонился снова, и она ощутила на себе тяжесть одеяла. И тепло.

– Теперь я хочу проснуться, – сказала она и заметила, как быстро и нервно переглянулись Хэйр и Ласло.

Хэйр слабо улыбнулся:

– Вы сейчас не спите, Сэм. У вас был какой-то дурной… – Он замолчал и развел руками в воздухе.

– Прозрачный, – сказала она. – У меня был прозрачный сон.

– Ох, – сказал Хэйр. – Ну да… я…

– Зубная паста. Он выдавил мою зубную пасту. Она там?

– Ваша зубная паста?

– Ну, на умывальнике.

Он посмотрел на умывальник, затем вниз, на коврик под ним. Белой зубной пастой там было выведено только одно слово крупным, отчетливым почерком:

«АРОЛЕЙД».

Хэйр опустился на колени, коснулся зубной пасты пальцем, подобрал что-то с пола и показал им. Тюбик зубной пасты, пустой, ловко скатанный.

– Он был здесь, – произнесла Сэм, уставившись широко открытыми глазами на надпись, сделанную зубной пастой. – Он это сделал.

– Кто, Сэм?

– Слайдер.

Хэйр снова внимательно осмотрелся вокруг.

– Это не я все это сделала, – сказала она. – Только не сама по себе. Да я и не смогла бы дотянуться… не с этими же проводочками…

Она подняла руки. Все проводки по-прежнему были на месте. Хэйр молча, сверху вниз, смотрел на нее, его взгляд скользил по ее лицу, потом перешел на Ласло.

– А как там ваш график? – спросила она, внезапно охваченная гневом, гневом и смятением, вперемежку со страхом и ужасом, которые вихрем проносились в ее голове. – Все отлично, не так ли? Он показывает приятные сны, да? И никаких аномалий?

Хэйр повернулся к Ласло:

– Я думаю, нам бы лучше… э-э-э… отсоединить.

Ласло ухмыльнулся и поднял брови.

Сэм наблюдала за ними обоими.

Что это, черт подери, происходит с этими двумя? Это что же, своего рода игра? Они считают, что это забавно? Большой фокус-покус? О господи. А потом она сообразила: он криво ухмылялся, только совсем не весело, нет-нет, совсем нет. Он гримасничал. Просто все выглядело так, что он ухмыляется, а его лицо было искажено гримасой. Да и Хэйру произошедшее тоже не казалось забавным. Он трясся, словно осенний лист, как перепуганный кролик.

Словно человек, напуганный всерьез, до смерти.

Сэм отвернулась, осмотрелась, потом снова взглянула на Хэйра. И увидела ужас в его глазах.

И внезапно поняла почему.

33

Сэм продолжала бодрствовать всю оставшуюся ночь в оцепенелом молчании. И Хэйр просидел тут же в ее комнате с ней, ссутулившись на стуле почти точно так же, как теперь, сидя напротив нее в пивнушке, около окна, и глядя на главную дорогу, идущую рядом с университетом.

АРОЛЕЙД.

Что же, черт подери, означало это Аролейд? Не была ли это какая-то анаграмма? УМРИ, АОРА? УМРИ ОТ ОРАЛЬНОГО СЕКСА? Загадки. С загадками у нее всегда было плохо.

АРОЛЕЙД.

ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ НА САМОМ ДЕЛЕ ГЛУБОКОЕ ПАДЕНИЕ.

Падение? Может, это связано с падением? Хэйр чудаковато щурился. Господи, этот бедный педик выглядит ужасно. Совсем не может заснуть. И в кресле тоже. Он что-то сказал ей, но пивнушка полным-полна посетителей, наступило время ленча, и сквозь журчание разговоров и рев уличного движения за окном все труднее и труднее расслышать его мягкий голос.

– Простите?

– Я надеюсь, вы не сожалеете, что приехали сюда?

– Все отлично, – заверила она, испытывая облегчение оттого, что находится здесь, а не в его комнате, той комнате.

Все ясно. Ясно как белый день. О господи. Казалось, что тонкие холодные струи воды обрызгивали изнутри, кололи, словно острая игла, жалили, пронизывая ее ледяным холодом, который проникал в кровь и во все уголки ее тела. Она посмотрела на него, в его усталые и испуганные глаза, и сделала глубокий вдох.

– Это ведь не ваша жена разгромила комнату? – спросила она.

Хэйр довольно продолжительное время молчал, пока наконец не ответил.

– Нет, – сказал он.

– Это был некто… НЕЧТО, не желавшее, чтобы вы помогали мне, не так ли?

Он продолжал пристально смотреть перед собой. Пристально смотреть сквозь нее. Так, будто он смотрел кинофильм, предназначенный только ему одному. Потом он поднял плечи и робко кивнул, широко открыв глаза, словно перепуганный зверь. Настолько перепуганный, что это испугало и ее тоже. Его рот дергался, и он сомкнул пальцы вместе, а потом медленно расцеплял их, по одному.

– Существует научное объяснение. – Трясущейся рукой он взял бокал, выпил немного пива и вытер бороду тыльной стороной ладони. – Атмосферные помехи… энергия…

Он сам себе кивнул, как бы в подтверждение своих слов. Просто.

– Я не совсем с вами согласна.

Он, казалось, не испытывал охоты продолжать и колебался, снова сцепил и расцепил пальцы.

– Наши мозговые волны излучают огромную энергию. Невероятную энергию… в особенности если мы находимся в той или иной степени возбуждения… я…

Он замолчал, пока официантка расставляла тарелки с пиццей на столике. От тарелок поднимался пар.

– Беспокойство… ну и вещи такого вот рода… могут передаваться. Возможно, разумеется, что я принял ваше беспокойство, и энергия возбудила цепную реакцию в энергетических структурах моей комнаты, воздействовала на электромагнитную поляризацию… э-э-э… молекул в… Ну, это то, что порой называют феноменом полтергейста.

– А разве слово «полтергейст» не означает «рассерженное привидение»?

– Ну, буквально это означает «шумное привидение». По-немецки. – Он осторожно потыкал вилкой свою пиццу, как бы опасаясь, что в ней может оказаться мина-сюрприз. – Хорошо они здесь готовят.

– Выглядит очень аппетитно, – без всякого выражения согласилась Сэм.

Она слегка приподняла ложку с томатной пастой, подогретой в микроволновой печи, но аппетита не было совсем, и она опустила ложку.

– Если вы появитесь здесь снова, мне хотелось бы, чтобы вы познакомились с некоторыми из моих здешних объектов. Я думаю, вам обязательно следует познакомиться с другими людьми, которых посещают предвидения… узнать, что вы не одиноки. – Он отложил свою вилку и отхлебнул пива, пристально глядя на нее своими встревоженными глазами. – Я был бы признателен, если бы вы приехали, или же я мог бы приехать в Суссекс. Мне очень хочется провести дальнейшее исследование. Самые завораживающие сны могут оказаться и наиболее ценным материалом.

– А у других людей бывает столько же предвидений, как и у меня?

Он, казалось, немного расслабился.

– О да, я… – Он сделал паузу. – Я бы сказал: да. – Он нахмурился. – Теперь главное зафиксировать ваши следующие сны, так ведь? И посмотреть, который из них сбудется.

– Мне вот что хотелось бы знать: откуда же появляются предвидения… предварительное знание… ну, как бы вы там это ни называли?

– Понятно. Что ж, это сложный вопрос. Это как раз то, что мы и пытаемся раскрыть здесь. Разрабатываем три теории. Не принимаем во внимание ничего такого, что можно отклонить как совпадение или как исполнившееся предсказание. Мы исследуем истории только тех людей, которые, как нам кажется, действительно способны заглядывать в будущее… Реальное время. Это что-нибудь для вас означает?

Сэм покачала головой.

Он подцепил вилкой ломтик сыра, внимательно вгляделся в мясо под ним, затем развернулся в кресле, чтобы посмотреть на разношерстную толпу посетителей – бизнесменов, студентов, строительных рабочих, – и наконец, снова повернувшись к ней, ответил:

– Реальное время – это теория, согласно которой вы настраиваетесь на мысли людей телепатически… непреднамеренно, разумеется. Видите ли, вы могли настроиться на того летчика телепатически. Может быть, у него были проблемы с алкоголем или какие-нибудь другие проблемы, и он знал, что этот самолет разобьется, когда он в следующий раз полетит в Болгарию. Может быть, он собирался сделать это умышленно – совершить самоубийство. Возможно, вы поймали эти сигналы.

– То есть я как бы «прочитала» его сознание?

– Ну да. Поймали его мысли. Даже что-то вроде диалога, который, как он предполагал, у него будет с его вторым пилотом. – Он улыбнулся. – Тот ребенок, который выстрелил из дробовика, и насильник со станции подземки… ну, вы могли настроиться на них, на их мысли в состоянии сна.

Она почувствовала, как неприятно перехватило горло, и пристально посмотрела на свои ногти. Они выглядели не лучшим образом.

– Если я телепатически улавливаю происходящие события, то почему же ко мне не поступают сигналы от ваших мыслей, от мыслей моего мужа, людей, идущих по улице мимо меня?

– Воздух полон сигналов: радиосигналы, световые волны, звуковые. Мы ловим всего лишь узкую полосу, небольшую их часть. Наш мозг либо не способен принимать остальные, либо он как бы отфильтровывает их, сохраняя только те, которые нам необходимы. Возможно, что-то нарушилось в вашей фильтрационной системе, и в своем сне вы улавливаете обрывки мыслей других людей.

– А они будут зафиксированы на ваших графиках?

– Надеюсь, что да. Мы надеемся, что сможем отыскать некоторое общее отклонение от нормы в людях, у которых бывают предвидения.

– А как насчет моих, ну… прошлой ночью?

– К сожалению, мы не записывали ваш сон достаточно долго, чтобы дать ему истолкование. Единственным событием были вы сами… когда вы заснули, вы, кажется, вошли в стадию сна с быстрым движением глаз мгновенно, но такое часто происходит в незнакомой обстановке.

– А как же эта телепатическая теория объясняет мой сон о балконе?

– Сны могут быть очень непонятными. Сны-предвидения и сны с предварительным знанием смешиваются с процессами сна и прячутся в символах. Самое трудное – разложить их на части. Их истинное значение часто замаскировано и нуждается в истолковании. Я уверен, что на самом деле

куда больше людей имеют предвидения, но они не осознают этого, потому что не анализируют свои сновидения.

– А какие символы вы усматриваете в том балконе и в строительных лесах?

– Ну, падение… на какую-то женщину… часто связано с падением… э-э-э… с уступкой сексуальным притязаниям… – Он беспокойно пошевелил руками. – Э-э-э… с половым актом.

«Добрый старина Зигмунд. Я знала, что и вы не сможете обойтись без него».

Сэм почувствовала, что ее лицо становится пунцовым.

Тот сон не имел никакого отношения к строительным лесам. Или имел?

По его лукавому взгляду и выражению лица она поняла: он сообразил, что затронул чувствительный нерв.

– Символизм… – продолжил он уже несколько живее. – Далеко не всегда можно, видите ли, истолковывать сны с его помощью.

– А в чем заключаются остальные теории?

– В сверхъестественном, разумеется.

Он насквозь проткнул свою пиццу вилкой, словно пытаясь выпустить из нее весь пар.

– А вы верите в сверхъестественное?

– Ох. – Он перевернул вилку в своей руке. – Я ведь ученый. Официально нам не разрешается верить в сверхъестественное.

– А неофициально?

– Это вопрос терминологии.

– А вы верите в привидения?

Он поскреб свою бороду, потом щеку, немного опустил голову и наконец произнес:

– У меня нет каких-либо… свидетельств… связи между привидениями и предварительными знаниями.

– А как же Слайдер?

– Вы считаете, что он привидение, этакий дух, являющийся вам из прошлого?

Внезапно он набрался смелости и, подцепив вилкой, положил себе в рот большой кусок пиццы. Крошечный кусочек отвалился и закувыркался по его бороде, словно акробат по предохранительной сетке. Хэйр в задумчивости жевал.

– Я думаю, что это очень интересное явление. Подавляющее большинство привидений остаются позади, в детстве. Они могут быть просто воплощением ваших страхов. То есть если вы испугались и ваш мозг почувствовал опасность, то они преображают ее в такой вот гротескный образ. Ваш мозг говорит вам: «Осторожно, Слайдер!» Точно так же, как если бы он говорил: «Красные идут!»

– Стало быть, когда он возникает в моем сне, то я должна понимать, что мне надо быть осторожной… что вот-вот нечто сбудется, да?

– Похоже на то, не так ли? – Он подцепил еще немного пиццы своей вилкой. – Думаю, что для вас важно попытаться разобраться в этих событиях, докопаться до их значения. Я там на одном листе записал кое-что. Забегу туда и сделаю вам копию. Надеюсь, это вам пригодится.

– Благодарю вас.

Он улыбнулся:

– Другая теория, которую мы разрабатываем и которая довольно популярна, – это теория об искривлении времени. Вы вообще-то понимаете суть времени?

– Полагаю, довольно смутно.

– Ну, не стану морочить вам голову научными выкладками, но скажу только, мы считаем, что в самом деле существуют разные временные плоскости – разные измерения времени – и в состоянии

сна некоторые люди настраиваются на них… – он поднял руки, – преднамеренно ли или же случайно – этого мы не знаем. – Он потеребил воротничок своей рубашки. – Вы боитесь, что этот тип в капюшоне – чей-то призрак из прошлого, преследующий вас. Однако на основании того, что вы мне рассказали, я склоняюсь к той точке зрения, что вовсе никакой он не призрак из прошлого. Возможно – это кто-то из настоящего, кто сейчас досаждает вам, тревожит, кто у вас вызывает ассоциации с этим Слайдером.

Ей снова стало холодно, и гораздо сильнее, чем прежде: казалось, холод распространяется по всему ее телу, просачивается прямо под кожу. Она заметила, что их столик дрожит, а потом сообразила, что это трясутся ее руки, вцепившиеся в край столика. Ноги ее непроизвольно, со стуком столкнулись одна о другую. Все как-то расплылось, потеряло фокус, что ли…

– Что… – Ее голос дрожал. – Что же это за личность?

Он встревоженно смотрел на нее.

– Кто-то, кого вы знаете, кто, возможно, заставляет вас чувствовать себя неуютно? Тот, кто вам не нравится, кому вы не доверяете? Кто-то, напоминающий вам о том одноглазом мужчине в капюшоне? Я не знаю. Я ничего не хочу внушать вашему сознанию. Это всего лишь одно из предположений, объясняющее, что так трансформируется в вашем сне нечто плохое, связанное с этим человеком. – Он пожал плечами. – Может быть, ничего такого и нет.

«Андреас? – подумала она. – Андреас? Рассказать ему об Андреасе? Нет-нет, это глупо. Нет тут никакой связи».

Он сверился со своими часами.

– Это, разумеется, всего лишь теория. Вам надо успеть на поезд. Я вот только быстренько сбегаю для вас за тем листком. Две минуты.

Он допил пиво, встал и поспешил на улицу. Она наблюдала за ним через окно, – как он подбежал к краю тротуара и стоял в ожидании, когда появится просвет в потоке грузовиков, потом она отвела глаза и посмотрела на свою пиццу, отковырнула вилкой кусочек.

И в это мгновение раздался неистовый визг тормозов и какой-то глухой стук, словно кузнечным молотом изо всех сил врезали по мешку с картошкой. Она резко повернулась и снова посмотрела в окно, увидев, как Хэйр взлетает в воздух, а потом исчезает. Послышался звук яростного скольжения покрышек и тупой металлический удар, потом снова скрежет покрышек, еще один удар, и все стихло.

Кто-то пронзительно закричал.

Это закричала она.

А затем кто-то еще. Она вскочила на ноги, с грохотом отшвырнув свой стул назад, побежала, натолкнувшись на кого-то по дороге, задела чей-то столик, и стаканы с напитками полетели на пол…

– Извините, ох извините.

Прочь с дороги! Пожалуйста, ну дайте поскорее пройти! Она рвалась к двери.

– Извините меня, простите… Колин!

Она вырвалась из двери, остановилась и прищурилась. Хэйр стоял на тротуаре, дожидаясь удобного момента, чтобы перейти улицу.

– Доктор Хэйр! Колин! Колин! Не надо!

В уличном движении появился просвет, и Хэйр выскочил на середину дороги.

– Нет! Доктор Хэйр! Нет!

Она увидела этот грузовик. Услышала неистовый визг тормозов и тот самый глухой удар, словно кузнечный молот протаранил мешок с картошкой… И Хэйр исчез. Она услышала скрежет скользящих покрышек и тупой металлический удар, потом снова скрежет и еще один удар.

– Доктор Хэйр! Колин! Нет. Нет, пожалуйста. Господи. Н-Е-Е-Т!..

Дверь позади нее открылась, и она услышала шаги. Дверцы автомобиля были открыты. Кто-то оглушительно кричал. Она услышала шипение пневматических тормозов и тарахтение дизельного двигателя.

Сначала она медленными шажками двинулась вперед, вцепившись пальцами в бедра, а потом бросилась через дорогу, проталкиваясь сквозь уже собравшуюся толпу. Он лежал лицом вниз, голова находилась где-то под массивным колесом этой махины, пятно крови и… чего-то еще… расползалось рядом с ней.

Сэм отвернулась, шатаясь, побрела прочь, натолкнулась на кого-то, извинилась, опустилась на колени, и ее стало отчаянно рвать.

34

В комнате было тепло, а чай оказался горячим и сладким, приторно-сладким. Она отхлебнула немного, почувствовав, как он проскальзывает через горло, к желудку, и как его тепло распространяется внутри. Кружку стало слишком горячо держать, и она поставила ее на виниловую поверхность стола, рядом с вырезанными на нем словами, казалось, надпись сделана совсем недавно:

«А ПОШЛИ БЫ ВЫ ВСЕ, СВИНЬИ, В ЖОПУ».

Она удивилась, как этого тут не заметили, не прикрыли чем-нибудь или вообще не стерли. Возможно, здесь без конца что-нибудь вырезают на столе. По мере того как она внимательно наблюдала за нацарапанными буквами, они вдруг у нее на глазах сложились в одно слово:

«АРОЛЕЙД».

С противоположной стороны стола ей улыбнулся офицер полиции, похожий на большого игрушечного медвежонка в синей шерстяной куртке с серебристыми пуговицами и слоем перхоти на плечах. Он выглядел словно человек, который хотел бы изменить этот мир, да вот только не знал как.

– Выпейте еще немного, дорогая, да выпейте вы его весь. Сразу почувствуете себя лучше.

Сэм кивнула, взяла чашку, но ее руки тряслись слишком сильно, и горячий чай расплескался, обжигая пальцы. Она поставила чашку на стол, и вокруг тут же расползлась лужица.

– Извините. Извините, пожалуйста.

– Да ничего страшного, дорогая. Дайте ему немножко остыть.

Она порылась в своей сумочке, вытащила носовой платок, вытерла руки и промокнула губы. Прополоскала незаметно рот чаем, но привкус желчи по-прежнему чувствовался. Сэм осмотрелась по сторонам: небольшая хмурая комната для бесед, заставленная жесткими стульями из лекционной аудитории, стены выкрашены зеленой краской, которая шелушилась и уже осыпалась – вон там, на той стене, не хватает здорового куска. А может, в этом месте они хорошенько приложили головой какого-нибудь панка, пока проводили с ним беседу?

Офицер полиции снова медленно прочитал ей ее собственное заявление.

– Не хотите ли добавить что-нибудь еще, дорогая?

«Хочу.

Это я вызвала. Я убила Таню Якобсон, а теперь вот и доктора Хэйра. Оба они погибли, потому что… потому что они могли помочь мне».

Так почему же тогда не погиб Бэмфорд О'Коннел? Потому что он и не пытался помочь? А Кен пытался?

– С вами все в порядке, дорогая?

Она, заморгав, испуганно выпрямилась.

– Простите. Я…

– Может, вам надо немного прилечь и отдохнуть?

Она почувствовала спазм в животе.

– Со мной все в порядке, благодарю вас. Я должна ехать обратно… обратно в… в Лондон.

– Там кто-то пришел из университета, чтобы подбросить вас до станции.

– Благодарю вас. Это… очень… любезно.

Он пододвинул к ней через стол ее заявление.

– Если вы не возражаете, просто подпишите это. Не знаю, понадобитесь ли вы для дознания следователю. Ну, если ему будет нужно, он сообщит вам.

Она вышла следом за полицейским в предбанник полицейского участка и, к своему удивлению, увидела, что там сидел, дожидаясь ее, Ласло. Он поднялся с мертвенно-бледным лицом, черные

круги под глазами обозначились еще резче. Увидев его, Сэм заплакала. Полицейский заботливо похлопал по плечу:

– Опасаюсь, что это все еще шок. Я предлагал отвезти ее в больницу, но она хочет вернуться в Лондон.

Сэм вышла на улицу, в яркий холодный свет, и забралась в потрепанный двухместный, с откидывающимся верхом «ситроен» Ласло. Он пристегнул ее ремнем к спинке сиденья и закрыл за ней дверь, потом забрался внутрь сам и завел двигатель. Она прислушалась к пронзительному завыванию, напомнившему шум газонокосилки.

– Спасибо вам, – сказала она.

– Я думаю, поезда ходят довольно часто.

– Да.

Несколько минут он молча крутил руль.

– Ужасно, – сказал он вдруг. – Это так ужасно.

– Да.

– Он, в сущности, был целым отделом. Он знал так много. Все это только начиналось.

– Внимательный. Он был такой внимательный.

Она почувствовала, что слезы текут по ее щекам, но она не стала вытирать их.

– Он был очень предан делу. Быть может, слишком предан.

– Что вы имеете в виду?

Ласло повернулся и мельком взглянул на нее.

– Вы знаете, что я имею в виду.

Он затормозил у светофора. Сэм посмотрела на Ласло, но на его лице ничего нельзя было прочесть: пустое, как будто на нем вывешено объявление: «ИЗВИНИТЕ, ЗАКРЫТО ДО КОНЦА СЕЗОНА, ПРОВАЛИВАЙТЕ».

– Я чувствую себя виноватой, – сказала она. – Чувствую, что я вызвала это.

– Нет, – возразил он, и резкость его ответа удивила ее. Свет переключился, и они покатили дальше. – Вы же знаете, что люди говорят, миссис Кэртис. Знаете такое выражение: «Если вы не можете переносить жара, то убирайтесь вон из кухни»?

– И что вы хотите этим сказать?

– Если вас пугает то, что вы видите будущее, нечего и стараться заглядывать в него.

Она в оцепенении уставилась вперед.

– Я и не стараюсь заглядывать в него.

– Так чего же вы тогда сюда явились?

– Потому что я хочу это прекратить. Я не хочу видеть будущее. Больше не желаю.

– Вы зашли слишком далеко на этом пути. И не можете остановиться.

– Отчего же нет?

– Жизнь, миссис Кэртис, полна точек пересечения. У стран существуют границы. У жизни есть граница в виде смерти. Земная гравитация также имеет свои границы, за пределами которых она не действует. Когда вы начинаете заглядывать в паранормальное, то до определенной границы остаетесь наблюдателем. А вот когда через нее переступаете, то становитесь участником. Понимаете?

Она, нахмурясь, смотрела на него и дрожала.

– Когда вы заглядываете в будущее, миссис Кэртис, вы заглядываете за пределы плоскости земли. И если смотрите достаточно долго, то пересекаете ту границу и становитесь частью будущего.

– Я… я действительно не понимаю.

– А я думаю, что понимаете. Вы все понимаете о тех силах, которые окружают вас и которые вы принесли минувшей ночью в лабораторию. Я тогда понял по вашему лицу, что вы все понимаете.

– До прошлой ночи я не понимала.

– Так уж и не понимали? – спросил он почти злобно.

– Вы считаете, что я умышленно убила доктора Хэйра? Вы считаете, что я…

Они подъехали к станции, и ей захотелось, чтобы они туда не входили. А Ласло, похоже, хотелось, чтобы она поскорее убралась, убралась из машины, из города, из его жизни, хотелось, чтобы она убралась настолько быстро, насколько это в его силах ускорить.

– Я думаю, миссис Кэртис, что вокруг вас сложилось плохое энергетическое поле. Оно… возможно, и вызывает плохие события, потому что вносит хаос, разлад в развитие этих событий и жизнь людей.

– Что это за энергетическое поле? Откуда исходит сила этого поля?

Он выключил двигатель и отстегнул ее ремень безопасности.

– Я думаю, что поезд будет минут через пять. Если вы поторопитесь.

Сэм выбралась из автомобиля, а он взял с заднего сиденья сумку с ее вещами и отнес на станцию.

– Билет у вас есть?

Она кивнула.

– Ваша платформа вон там.

– Пожалуйста, могу я спросить вас всего об одной вещи?

Он ничего не ответил.

– Если именно так вы думаете о предвидении будущего, то почему же работали с доктором Хэйром?

– Мне казалось, что я просто хочу знать, – сказал он и отвернулся, затем приостановился, полуобернувшись к ней. – Но я ошибся.

Она смотрела ему вслед, как он бредет со станции не оборачиваясь. Хлопнула дверца автомобиля, взвыл двигатель-газонокосилка, а потом загромыхали шестерни передачи. Так натужно, будто что-то мешало ему отъехать побыстрее.

35

Было восемь часов вечера, когда Сэм добралась до дома. Ричард еще не вернулся. Хэлен сидела в своей комнате и смотрела телевизор, а Ники лежал в постели, но не спал и выглядел несчастным. Она присела рядом с ним и крепко обняла его, но его лицо не изменилось.

– Мамочка, я не хочу, чтобы вы с папой снова уезжали. Это нечестно. Всегда вы уезжаете.

– Это же всего на одну неделю, тигренок. Маме с папой нужно некоторое время провести вместе.

Сэм снова крепко обняла его и поцеловала в лоб. За окном стоял холодный сухой вечер, дул сильный, почти штормовой ветер, и на реке тяжело шлепала вода. Она посмотрела сверху вниз на Ники и подумала – вот если бы она могла рассказать ему правду: мол, и она тоже не хочет уезжать, что она тревожится, оставляя его одного, даже несмотря на то, что он остается с друзьями и неплохо проведет у них время. Она не хотела рассказывать ему, что боялась уезжать.

Чертовски боялась.

Она рассказала Ники какую-то сказку, потом принялась за другую, и в конце концов он уснул. Она вышла, закрыла за собой дверь и побрела к гостиной. Зазвонил телефон, она подошла к письменному столу Ричарда и взяла трубку.

– Да-да? Алло?

– Сэм?

– Кен! – Она почувствовала прилив радостного возбуждения. – Кен! Ты вернулся!

– Ну, как тут все?

– О… тут все… хорошо… все…

Внезапно она почувствовала, что не может говорить. Голос ее, казалось, застревал в горле, глаза наполнились слезами. Ее начала бить дрожь, такая сильная, что она выронила трубку из рук. Трубка ударилась об пол, и от микрофона откололся маленький кусочек. Она наклонилась и подняла трубку.

– Сэм? Сэм? Что там такое? С тобой все в порядке? Ты одна? Хочешь, я приеду? Или, хочешь, приезжай ко мне сама, – предложил он, когда она не ответила. – Может, встретимся где-нибудь, а?

– Я… – Она с усилием выдавливала из себя слова. – Я приеду. Я буду там, как только…

Она повесила трубку, тяжело дыша, пристально и тоскливо глядя за окно. Потом вытерла глаза и постучала в дверь Хэлен, сказав, что уезжает.

Сэм долго пережидала у светофора на краю площади Клэпхэм-Коммон, и двигатель «ягуара» успел заглохнуть. Она нажала на стартер, и тот снова энергично заурчал. Потом резко дернула акселератор, но в ответ раздался только какой-то ревущий треск, и облако маслянистого голубоватого дыма закружилось в темноте вокруг нее. «Уже больше недели не ездила на приличное расстояние», – подумала она, снова дергая за акселератор. Он неожиданно ответил громким выстрелом и выплюнул еще больше дыма, а когда на светофоре поменялся свет, прибавила скорость. Вскоре, замедлив ход, свернула на въездную дорожку, ведущую к гигантскому дому-чудовищу викторианских времен, и там остановилась позади «бентли».

Когда выбиралась из автомобиля, парадная дверь распахнулась.

– Кен! – Она распахнула руки и крепко обняла его, из глаз хлынули неудержимые слезы.

– Сэм! Что случ… – Теперь он сам крепко обнимал ее. Она вырвалась, Кен пристально посмотрел ей в лицо. – Господи, что случилось? Ты… – Он поколебался. – Ну, пошли, тебе надо выпить.

– Ты один?

Он улыбнулся:

– Да. Только что вернулся из Испании, час назад. Я звонил тебе, потому что не смогу быть в конторе завтра – должен поехать в Бристоль.

Он закрыл парадную дверь, и она последовала за ним через прихожую, которую украшали два комплекта рыцарских доспехов. Она мельком, осторожно взглянула на их забрала с прорезями-

щелочками для глаз, прошла мимо еще одной восковой фигуры Кена, сидящей на плетеном стуле, – он что, купил их целую партию оптом? – мимо сюрреалистической картины высотой в десять футов, изображавшей дикого кабана, прыгающего между двумя горными пиками, мимо проигрывателя-автомата – и оказалась в салоне с галереей портретов певцов, которая соседствовала с другими картинами: Хокни, Лихтенштейн, здесь же висел портрет-мистификация, исполненный «под Пикассо», кисти Джорджа Шеридана, изображавший Арианну Стасинопулос-Хаффингтон. В камине работы Эдама, который Кен сумел раздобыть неизвестно где, пылал огонь. Телевизор был включен, передавали что-то похожее на «Пороки Майами».

Сэм устроилась на старинном диване с высокой спинкой, словно утонула в нем, Кен на минутку вышел из комнаты и вернулся с высоким стаканом в руке.

– Это действительно замечательное пиво. «Айлэн». Тебе оно понравится. Давай-ка, проглоти его поскорее.

Она выпила немного, а потом еще немного, от пива в животе стало легче.

– Ну, как там было в Испании? – спросила она, глядя в свой стакан.

– Отлично. Все прошло хорошо.

Он закурил сигарету и сел на такой же огромный диван, напротив нее.

– Мне не следует находиться здесь, – сказала она. – Это опасно, видишь ли… для тебя…

И тут она расплакалась так, будто в ее голове лопнула какая-то труба. Кен подошел и сел рядом. Она посмотрела на него сквозь слезы, застилавшие глаза.

– Я боюсь за тебя, Кен. Я думаю, что ты можешь быть… думаю, что тебе следует быть очень осторожным.

– Осторожным, почему?

– Вокруг меня какая-то плохая энергетическая сила, – выпалила она.

Он обнял ее.

– Еще один сон? – мягко спросил он.

– Чувствительные антенны, – ответила она и рассказала ему о падении со строительных лесов и о своей поездке в Хэлл, рассказала обо всем случившемся, обо всем, что она смогла припомнить из сказанного Хэйром и Ласло.

Он внимательно слушал ее, потягивая пиво, потом загасил сигарету, выдохнул дым от последней затяжки в потолок на пухленьких голых херувимчиков.

– Ты полагаешь, доктор Хэйр был убит, потому что пытался помочь тебе? Что его квартира была разгромлена каким-то привидением в качестве предупреждения, а поскольку он проигнорировал это предупреждение, то его убили?

Сэм внимательно наблюдала за трепещущими языками пламени в камине, а потом кивнула.

– Я не уверена, смогу ли вынести еще что-нибудь такое.

– Тебе уже здорово досталось, да? Эти леса… события в Хэлле. – Он стиснул ее плечи. – Я думаю, нам надо попытаться посмотреть на все это спокойно. Я понимаю, что все выглядит ужасным, но человеческое сознание, Сэм, довольно странная штука: мы ведь очень впечатлительны. Так что вполне возможно, что многие события излишне драматизируются.

– Ты заговорил как Бэмфорд О'Коннел.

Он улыбнулся:

– Нет, не так все плохо. Я действительно верю, что у тебя были кое-какие предвидения – самолет, станция подземки, но вот балкон – это что-то совершенно неопределенное, Сэм. То, что доктора Хэйра переехал грузовик, – ужасно, но ты же сама говорила, какое опасное это шоссе, к тому же его развезло после бессонной ночи, да еще и кружку пива выпил. Нам надо попытаться сохранять спокойствие, только и всего.

Она плотно сжала губы и ничего не ответила. Кен откинул голову на диванные подушки.

– А не то я приму меры!

– Не поняла?

– А не то я приму меры!

– Ты примешь меры?!

– Аролейд? Ну, это слово, да? «А не то я приму меры» – это же его анаграмма.

– «А не то я приму меры»? Это ничего для меня не означает.

Он прищелкнул пальцами.

– Нашел! «Я перезаряжаюсь»!

– «Я перезаряжаюсь», – эхом отозвалась она.

– Этот Слайдер… на нем был зеленый мотоциклетный костюм, и он дал тебе какой-то авиабилет? «Чартэйр»?

– Да. Тот же самый, который он давал мне в такси после нашего с тобой ленча. Ну, ты знаешь, после той катастрофы у «Чартэйр». Я помню номер того места: 35А. И он сказал, напрасно, мол, я считаю, что упала со строительных лесов – по-настоящему.

Кен тоскливо посмотрел на нее:

– По-моему, это больше похоже на дурной сон, связанный с авиакатастрофой и твоим падением. Ты просто обречена продолжать думать об этом.

– С этим, полагаю, я могу примириться. Я могу с этим согласиться куда легче, чем…

Сэм вертела в руках свой стакан. Они помолчали.

– Ну хорошо. А что же мы теперь будем с тобой делать? Завернем тебя в вату, пока все эти сны не исчезнут навсегда? А может, поместить тебя в обитую войлоком палату в психушке, пожалуй, так будет безопаснее всего? – Он ухмыльнулся, а потом увидел, что она не улыбается, совсем не улыбается, а только кивает в знак согласия. Он коснулся ее щеки костяшками пальцев. – С тобой все будет хорошо, Сэм, – ты ведь прошла школу выживания.

– Ах, так?

– Послушай-ка… – Он закурил новую сигарету. – Я думаю, что ты, возможно, сделала ошибку, ринувшись в этот Хэлл сразу после падения.

– Почему?

– Возможно, это звучит жестоко, но я не это имею в виду. Я думаю, что ты просто паникуешь. Загнала себя в определенное состояние, и, думаю, ты должна помочь сама себе выбраться из него. Тебе необходимо уехать отсюда. Я говорил тебе еще на прошлой неделе: возьми отпуск. Попытайся забыть обо всем. Расслабься по-настоящему.

– Я уезжаю в субботу. Покатаемся недельку на лыжах с Ричардом. Я там разобрала все в конторе. Ну и как, это нам подходит?

– Ну, разумеется. Но ты должна расслабиться, хорошо? Обдумай все хорошенько, взвесь, а потом, вернувшись, посмотри, будет ли все это выглядеть по-прежнему… Увидишь, что нет…

– Надеюсь, ты окажешься прав, – сказала она.

– Вот и я надеюсь. Ну, пошли, я угощу тебя обедом. Бьюсь об заклад, что ты не ела. Ты голодна?

– Не очень.

– Тебе надо поесть.

– Я тебя приглашаю. Я буду тебя угощать.

– Идет. – Он встал и осушил свой стакан. – Ну и мудреное же это словечко.

– Какое еще словечко?

– «Аролейд». Из него можно составить уйму слов. Я вот еще один вариант придумал: «повторный набор номера».

– Но ты же не все буквы использовал.

– А разве твой мотоциклист в капюшоне сказал, что все буквы надо использовать?

Сэм посмотрела на него встревоженно:

– Ну, пожалуйста, Кен. Будь осторожнее.

Они вышли в прихожую, и он приподнял забрало на одном из рыцарей.

– Все в порядке, Сэм. Вот видишь, у меня тут есть свои собственные мужики в капюшонах с прорезями для глаз. Они из твоего Слайдера отбивную сделают, если только он попытается здесь хулиганить.

Он опустил забрало, и оно закрылось с громким лязгом.

36

АЭРОПОРТ ГАТУИК.

Его бело-голубой знак самолетиком-эмблемой промелькнул мимо них на автостраде.

– Прочь с дороги, засранец!

Ричард яростно жал на гудок, сверкал огнями, резко увеличив скорость, пока автомобиль впереди в конце концов не уступил им дорогу. Сэм наблюдала, как «дворники» БМВ смахивают холодный февральский дождь с ветрового стекла. Раздался громкий шлепок, и брызги из-под колес какого-то грузовика на мгновение ослепили их.

Тот же самый сон. Ночью в четверг, и снова он же в прошлую ночь. Вентилятор на потолке, вращающийся все быстрее и быстрее. Тот вентилятор, который снился ей в лаборатории. Вентилятор, похожий скорее на пропеллер. А потом она просыпается дрожа, вся в поту. И это все. Только это. И все время при ней и вчера и сегодня.

Она послала цветы на похороны Колина Хэйра. Хотела было написать записку, но в конце концов попросила просто поместить ее имя на карточке, и больше ничего.

Послышался оглушительный рев, и огромный самолет стал снижаться в их сторону. Его крылья и шасси все приближались, он медленно проследовал прямо над их головами и исчез из вида за какими-то складами. Она ожидала услышать взрыв, глухой гул и увидеть пелену огня – но ничего такого не произошло.

Ричард притормозил, а потом прибавил скорость.

– Ты быстро едешь, – сказала она.

– Мы опаздываем. – Он нажал гудок, сердито сигналя автомобилю, который тащился перед ними. – Я достал два одноместных сиденья. Я не смог достать билеты на рейс по общему расписанию: все в Женеву было заказано. Весь мир сейчас собирается кататься на лыжах. Все будет в порядке, это хорошая авиалиния.

– А как она называется?

– «Чартэйр»… Ну, давай же, ты, задница, шевелись.

«Чартэйр». «Чартэйр».

Она пристально смотрела сквозь ветровое стекло на черные щетки «дворников», елозящие по стеклу взад-вперед.

Словно пропеллеры.

– А у самолетов есть пропеллеры? – спросила она.

– Только у маленьких.

– Значит, на том самолете, на котором мы собираемся лететь, их не будет?

– Да у них их нет уже лет тридцать.

– А я думала, что у них есть такие крошечные маленькие пропеллеры, внутри двигателей.

– У них есть лопасти вентиляторов. Чтобы сжимать воздух.

Лопасти вентилятора…

Она услышала щелканье индикатора и увидела впереди съезд с дороги.

– Мне хотелось бы взять Ники, – сказала она. – Он уже достаточно взрослый, чтобы начать кататься на лыжах.

– В следующем году, – сказал Ричард.

В следующем году… А будет ли он, следующий год?

– Я паршиво себя чувствую оттого, что мы опять бросаем его одного. Я, кажется, только всегда и делала, что бросала его.

– С ним все будет в порядке. Все отлично. Он такой самостоятельный маленький паренек.

Самостоятельный. Вот так, бывало, ее дядя и тетя говорили и о ней. Так они оправдывали себя за то, что не замечали ее. ОЙ, ДА НЕ НАДО ТЕБЕ БЕСПОКОИТЬСЯ НАСЧЕТ САМАНТЫ. ОНА ТАКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА.

Она подумала о самолете, взлетающем под проливным дождем в клубящееся серое небо. В этот вихрь. Вот ты и будешь падать сквозь вихрь в пустоту. И останешься в этой пустоте навсегда.

Автомобиль замедлил ход, а потом стал стремительно подниматься вверх по склону.

– Мы чертовски опаздываем. Я тебя высажу, а ты хватай носильщика или тележку и давай на регистрацию, пока я буду парковаться.

Она проталкивалась с тележкой через битком набитый людьми зал вылета, мимо длинных, идущих во всех направлениях очередей. Их было очень много, и все они сходились посередине зала, где скопились груды багажа, а пассажиры в куртках с капюшонами раздраженно толкались вокруг, доведенные до точки кипения. Впереди нее везли какого-то старика в инвалидной коляске; откинув голову в нелепой панамке назад, он озирался вокруг с озадаченным выражением лица – похоже, ему казалось, что он в прошлом столетии и его везет рикша.

«Пожалуйста, не улетайте, – хотелось закричать Сэм. – Только не сегодня. Вы погибнете. Многие из вас. Сегодня это опасно». Она куснула губу. Да расслабься же ты, бога ради! Тысячи самолетов летают ежедневно. Все люди летают. Это как автобус, только безопаснее.

Раздался мелодичный сигнал «бим-бом», а затем объявили: «Мистер Гордон Кэмпинг, пожалуйста, подойдите к справочному столу».

Она увидела ряд регистрационных стоек компании «Чартэйр». Над ними объявления на стенах: «ЖЕНЕВА», «МАЛАГА», «ВЕНЕЦИЯ», нашла самую короткую очередь и встала в хвост. Ну, давайте же, давайте. Она посмотрела на свои часы. Очередь немного подвинулась вперед, и какой-то мужчина с сонной физиономией, смахивающий на пса, ткнул сзади тележкой ей по ногам. Она обернулась и сердито взглянула на него, но он даже не обратил на нее внимания, а спустя мгновение снова толкнул ее своей тележкой. Она в бешенстве развернулась, морщась от боли.

– Почему бы вам не взять уроки вождения? – спросила она язвительно.

– Мадам, пожалуйста, могу я взглянуть на ваши билеты? Мадам? Мадам!

Сэм порылась в сумочке и вытащила небольшую книжечку. Положила ее на стойку. Девушка достала билеты и нахмурилась.

– Вы опоздали на этот рейс. Регистрация окончилась двадцать минут назад.

– Я… это… это пробки… – растерянно забормотала она.

Девушка сунула руку под столик и извлекла оттуда телефон.

– Мне надо им позвонить.

Сэм ждала, оглядываясь по сторонам – не появится ли Ричард. Его нигде не было.

– Все в порядке, – сказала девушка. – Вам повезло. Сколько мест багажа вы сдаете?

– Два.

Сэм с усилием поставила сумки на транспортер, и девушка мельком взглянула на их вес, потом оторвала два номерка, прилепила их на оранжево-белые посадочные талоны и вручила Сэм.

Сэм посмотрела на них и увидела номер первого талона.

35А.

Не может быть.

Это насмешка?

Регистрационная стойка вдруг неизвестно почему поехала на нее, ударила по ее коленям. Она, споткнувшись, отступила назад, налетела на тележку этого сонного идиота с песьим лицом и вцепилась ему в плечо. Его чемоданы полетели на пол.

Девушка за столом регистрации невозмутимо наблюдала за ней странным, почти враждебным

взглядом. Лицо Сэм горело.

– Простите… а нельзя ли… другие места?

– Абсолютно исключено, – ответила девушка. – Самолет совершенно заполнен.

Сэм увидела, что ее сумки поехали по транспортеру. Она ринулась вперед, сграбастала их и поставила на пол.

– Их уже зарегистрировали, мадам, – сказала девушка.

Во рту у Сэм было такое ощущение, словно она надкусила лимон. Она прикрыла глаза, голова страшно болела, казалось, что в мозг вонзаются осколки стекла. Боясь упасть, она ухватилась за край стойки.

Девушка смотрела на Сэм как на сумасшедшую.

Да неужели ты ничего не понимаешь? Ты, глупая девчонка, регистраторша? Да они же все вот-вот…

– Вы же можете взять эти карточки обратно, – сказала Сэм. – Я боюсь, что… видите ли… мы не можем лететь.

– А мы не можем перепродать вам билеты.

– Ничего, все нормально.

Сэм бросила свои посадочные талоны на стойку, с трудом поставила сумки обратно на тележку и стала протискиваться сквозь толчею назад.

Она увидела Ричарда, стремительно лавирующего между пассажирами, лицо потное, и одет так, словно он собрался на денек поохотиться: на нем была пуховая безрукавка, рубашка в полоску и зеленые плисовые брюки.

– Привет, – сказал он. – В чем дело?

Она почувствовала, что краснеет, а потом по ее щеке покатилась слеза.

– Ох, черт подери. Мы что, опоздали на него?

Сэм кивнула. Он посмотрел на свои часы:

– Еще сорок минут. Он же не взлетит еще целых сорок минут. Это же смешно, черт подери. Я поговорю с управляющим. Я знаком с этим типом, которому принадлежит эта авиалиния. Том Чартэлл, он приятель Арчи. Я договорюсь с ними.

– Нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не хочу.

– Чего ты не хочешь?

– Не хочу лететь на этом самолете.

– Да что случилось?

Сэм опустила голову и достала носовой платок. Она крепко зажмурила веки, пытаясь остановить слезы, с безнадежным ощущением собственной глупости.

– Я не могу этого сделать.

Она ожидала, что он взорвется. Но вместо этого она почувствовала, как он тепло и нежно обнял ее левой рукой.

– Ты и в самом деле плоха. А я-то думал, что… ну, что мы вместе поедем, понимаешь?

Он вздохнул.

Кто-то наткнулся на них и извинился. Но она даже не заметила этого.

– Я хочу ехать, – сказала она. – Действительно хочу. Только я не могу лететь на этом самолете. С

ним что-то должно случиться.

Прямо позади нее раздался непонятный громкий отрывистый хлопок и звон разбитого стекла. Она пронзительно вскрикнула и резко обернулась. Какой-то мужчина опустился на колени и уныло взирал на золотисто-коричневую жидкость, хлынувшую из его упавшей на пол сумки для беспошлинных товаров. Сэм закрыла глаза и перевела дыхание.

– А ты не хочешь рассказать им?

– Рассказать им?

– Ну да, – сказал Ричард, почти переходя на крик. – Рассказать им.

Она легонько промокнула глаза.

– Так что ты собираешься делать, таракашка? – резко спросил он. – Собираешься рассказать им, черт побери? Почему бы тебе не пойти и не объявить это по радио? Ну, расскажи им. Рейс «Чартэйра» СА-29 должен, черт побери, разбиться, а?

Она попыталась представить себе это, вообразить, как она входит в справочную службу аэропорта. «Извините меня. Мне раза два приснился один и тот же сон… ну, о том, как ваш самолет разбился… ну, тот, в Болгарии. Да, вы, конечно, не поверите, только я думаю, что и этот тоже сгинет навсегда. Понимаете ли, Слайдер, ну, это привидение в капюшоне, дважды появлялся, в этих двух снах, с такой же посадочной карточкой – 35А. Ну, видите ли… это же та карточка, которую мне дали на этот рейс, так что дело очевидное, не так ли?»

– Мы можем поехать на машине, Ричард, – сказала она. – Если ты устал, то я сама могу вести.

– Тебе приснилось, что этот самолет должен потерпеть катастрофу? – спросил Ричард.

– Я не могу лететь на нем.

– Так он разобьется?

– Я не знаю.

– Ты собираешься рассказать об этом кому-нибудь?

– Что-то должно произойти, но я не знаю, что именно. Не знаю, потерпит ли он катастрофу… или…

– Таракашечка, мне необходимо попасть в Швейцарию. Я должен быть там утром в понедельник. Дела начинают… – Он нервно осмотрелся кругом, глянул на полицейского, который стоял рядом с ним, и понизил голос: – Того и гляди все счета, черт возьми, заморозят. Я должен шевелиться… Если ты не едешь, я поеду один.

– Да мне хочется ехать… сейчас без двадцати три. Мы могли бы быть в Дувре через два часа, там сесть на паром или судно на воздушной подушке, ехать можем всю ночь – и тогда мы могли бы оказаться в Женеве к двум или трем часам ночи. Завтра воскресенье, а тебе надо быть там только в понедельник.

– В Монтре, – сказал он.

– Ну, это путь подальше.

– Я-то ожидал, что завтра мы проведем прекрасный день, сможем нанять лодку и покататься по озеру.

– Мы так и сделаем, – сказала она.

– А на машине-то нам можно ехать?

– Что ты имеешь в виду?

– Не было никаких таинственных снов насчет езды на машине?

Она вытерла глаза.

– Нет.

Поджидая, пока он подгонит БМВ, она наблюдала за подъезжавшими автомобилями и такси, из которых выскакивали люди и устремлялись к багажным тележкам, прикрываясь руками от проливного дождя. Прямо позади нее раздался громкий издевательский смех.

Смех Слайдера.

Она обернулась. У какого-то мужчины раскрылся чемодан, и все содержимое высыпалось на пол. Он опустился на колени подобрать вещи, а его компания снова загоготала без удержу неприятным, злорадным смехом. Непрекращающийся хохот становился все громче и громче, она покатила свою багажную тележку подальше от этой толпы, пока не выехала из-под укрытия под навесом на тротуар и не осталась в одиночестве под проливным дождем, наедине со своим страхом.

37

Сэм проснулась в незнакомой кровати, огромной, мягкой, слишком уж мягкой. Она слегка пошевелилась, услышала тихий звон пружин и почувствовала под собой легкую вибрацию.

В комнате было тепло, яркий свет, заливавший всю комнату, впитывал в себя таившийся в ней страх, словно промокательная бумага. Мимо стремительно пронесся свет фар. Чопорные полицейские на границе… НЕТ! Ты просто спишь и видишь сон. Тебе не рады в Швейцарии. Зачем вы сюда едете? А ну, уматывайте прочь. И сны свои забирайте с собой.

– Мы едем покататься на лыжах.

– Нет, вы едете не покататься на лыжах. Вы едете проворачивать разные штучки-дрючки с великой швейцарской банковской системой.

Солнечный свет пробивался в машину сквозь просвет в занавесках, освещая стену справа от нее. Вверху, над ее головой послышался слабый жужжащий звук, потянуло легким ветерком. Она посмотрела вверх и увидела медленно вращающиеся лопасти вентилятора.

Она немного потянулась в постели, с опаской наблюдая за вентилятором, и принялась искать на тумбочке у кровати свои часы. Нащупала основание лампы, потом наткнулась на кожаный ремешок «ролекса». Часы раскачивались перед ее лицом, и она внимательно всматривалась в их циферблат. Наконец ей удалось разглядеть, который час: 11.40. «У меня слегка болит голова», – сообразила она, с усилием приподнялась еще немного и отпила маленький глоток воды. Та же тупая боль, мучившая ее уже не одну неделю, временами обостряющаяся еще больше, но никогда не прекращающаяся, была с ней. И спина болела тоже от слишком мягкого матраса. Казалось, что эта постель прогнулась под ней до самого пола.

Шум вентилятора стал немного громче, и она снова посмотрела вверх. Вентилятор слегка раскачивался, словно собирался упасть вниз.

А где же Ричард? Дверь в ванную приоткрыта, но оттуда не доносилось никаких звуков. Она отхлебнула еще немного воды и осмотрелась. Какая огромная, элегантная и роскошная, по-старомодному уютная комната. Мебель в стиле Людовика XIV. По периметру потолка фриз с лепными барельефами. Мягкие пастельные цвета. Над туалетным столиком стеклянный канделябр.

Между тем шум над ее головой усилился, и она вдруг забеспокоилась, как бы этот вентилятор не обрушился на нее. Замечательно. Потрясающе. Погибнуть оттого, что на тебя с потолка свалится вентилятор. Она наблюдала за ним, чувствуя себя все более неуютно. Лопасти вращались все быстрее, легкое дуновение превращалось теперь в такой резкий завывающий порыв ветра, что прикрывающие ее простыни начали колыхаться.

О господи!

Вентилятор раскачивался все сильнее, набирая обороты. От него по потолку поползли в разные стороны трещины, напоминающие вены на старческих руках. Они становились все толще и шире, а потолок начал прогибаться и вздуваться, все больше походя на гигантскую потрескавшуюся яичную скорлупу. Начали отваливаться куски штукатурки, с шумом обрушиваясь вниз, засыпая все вокруг тонким слоем белой пыльцы. Вентилятор по-пьяному накренился и спустился на несколько футов. Она завизжала.

Вентилятор завис, неестественно накренившись, его лопасти теперь находились всего в нескольких дюймах от ее головы. С разных сторон из него вываливались электрические провода, потолок прогибался, все новые и новые куски белой штукатурки падали вокруг нее, волосы, развевающиеся от ледяного ветра этих страшных лопастей, хлестали ее по лицу, по глазам и губам, причиняя жгучую боль. С каждой секундой лопасти снижались все ниже, приближаясь к ней.

Сэм в ужасе рывком метнулась в сторону, перекатилась с боку на бок, чтобы убраться подальше, но запуталась в простынях, которые спеленали ее, словно сети. Всем своим весом она прижалась к краю постели, крупные куски штукатурки, серые и холодные, как лед, падали вокруг, некоторые из них ударяли по голове, попадали в шею… Она дернулась, неистово изогнулась и снова метнулась вбок. Пелена из простыней вдруг ослабела, и вот она уже совсем освободилась от них и стала падать. Она слишком поздно вытянула перед собой руки и со всего маху врезалась лицом в ковер, перевернулась и покатилась дальше.

А потом наступила тишина.

Она лежала на спине, жадно глотая воздух, пот струйками стекал по ее лицу и телу. Послышался резкий перезвон ключей, и дверь открылась. Низкий, смущенный женский голос произнес по-французски: «Извините», и дверь поспешно закрыли.

Лязгнула какая-то пружина, и под ней что-то слегка завибрировало. Ощущение было непривычным, совсем незнакомым, но вполне нормальным.

Постель? Она все еще в постели? Вентилятор по-прежнему постукивал, но как-то очень спокойно. Она открыла глаза и с опаской осмотрелась вокруг. Комнату заливал мягкий теплый свет, пробивающийся сквозь плотные занавеси. Все выглядело совершенно обыденно. Ни обломков штукатурки, ни разрушений. Она осторожно, хмурясь и часто моргая, взглянула вверх, на потолок. Никакого вентилятора, никаких змеевидных трещин. Только красивый хрустальный светильник и элегантные лепные украшения. Но по-прежнему слышался звук какого-то работающего вентилятора.

Не понимая, в чем дело, она хотела было протянуть руку к выключателю, но не смогла даже пошевелить ею. Рука запуталась в простыне, которая словно смирительная рубашка спеленала Сэм с головы до ног. В паническом испуге она резко приподнялась и только тут сообразила, что просто сама придавила телом собственную руку.

Высвободив ее, она стала ощупью искать на своей тумбочке часы. Сначала она наткнулась на основание лампы, потом пальцы коснулись кожаного ремешка «ролекса». Она поднесла их к самому лицу и внимательно вгляделась в циферблат. 11.40.

То же самое время, как и во сне. А может, это и был не сон? Совершенно сбитая с толку, она недоуменно озиралась вокруг. Голова жутко болела, с трудом приподнявшись еще немного, она сделала маленький глоточек воды. Спина тоже болела из-за слишком мягкого матраса. Ощущение было таким, будто эта постель прогибается до самого пола, как гамак.

В гуле, издаваемом вентилятором, появился новый оттенок, похожий на щелканье. Сэм снова посмотрела на потолок и сообразила, что звук доносится из ванной. Она выскользнула из постели, прошлепала по мягкому ковру к двери ванной и заглянула туда. В ванной пахло мылом и одеколоном, в воздухе висел сыровато-теплый туман. Большое белое полотенце лежало на мраморном полу, а сама ванна была мокрой, наверное, ею совсем недавно пользовались. Халат Ричарда из мягкой шерсти висел на дверном крючке. А потом она наконец увидела и этот вентилятор, а точнее, маленькую вытяжку на стене, над сиденьем унитаза. Здесь, внутри ванной, она щелкала значительно громче.

Сэм мимоходом взглянула в зеркало и поразилась, каким отекшим и усталым было ее лицо. Она выключила свет, и вентилятор умолк, лопасти щелкнули еще несколько раз и остановились.

Наступившая тишина была странной и неуютной. Она обернула вокруг себя полотенце и, пройдя через комнату, отдернула занавески и взглянула в окно. «Спокойно, как все спокойно», – подумала она. Открыла окно. Мягкий солнечный свет наполнял воздух приятным теплом, погода больше походила на весеннюю, чем на февральскую. Она облокотилась на подоконник и стала смотреть на Женевское озеро, необъятная зеркальная ширь которого скорее напоминала океан, чем озеро; оно было совершенно гладким, словно вода туго натянута между берегами, как гигантское брезентовое полотно. А за озером, сквозь туманный свет угадывались Французские Альпы, покрытые снегом, с отвесными коричневатыми склонами. Где-то там, правее, за этим туманом, Лозанна. А дальше, там, где озеро делало изгиб, находилась невидимая отсюда Женева.

Внизу пожилой, хорошо одетый мужчина с ярким шарфом на шее выгуливал крошечного терьера по деревянному понтонному мосту. Вот он нагнулся, чтобы посмотреть на быстроходные катера и небольшие яхты, пришвартованные у моста, совсем неподвижные, как игрушечные; потом уставился вниз, на воду, внимательно всматриваясь, будто что-то уронил туда.

Внезапно до нее донесся запах сигаретного дыма, а потом острый, почти соленый запах озера.

Голова продолжала болеть. В котором часу они приехали? Она попыталась вспомнить. Около трех ночи. Они стояли у входа в гостиницу, долго нажимали на кнопку звонка, пока почтенный ночной швейцар не открыл им дверь и не занес их сумки в вестибюль.

Где-то в отдалении дважды прозвонил церковный колокол, а потом затих, и снова воцарилась тишина. «Покой, – подумала она. – Покой». Она понаблюдала за лодкой, уплывшей далеко, к самому горизонту, и походившей теперь на небольшое темное пятнышко в туманной дымке, стоящей над водой.

Они внимательно слушали новости Би-би-си по радио в автомобиле, пока ехали сквозь ночь, на тот случай… ну так, на всякий случай, но ничего так и не произошло, если судить по последним, полуночным новостям. Никакой авиакатастрофы. Ну просто вообще ничего. Самолет компании «Чартэйр» CA-29, по всей вероятности, взлетел и благополучно приземлился, как при любом нормальном рейсе.

А если бы она летела тем самолетом? Что тогда?

Сэм повернулась и посмотрела вверх, на этот светильник, в то место, где в ее сне висел вентилятор. Такой реальный. Господи, он же казался таким реальным. Как и все прочее… Она снова повернулась к озеру. Его безмятежность выбивала ее из колеи. Она услышала скрежет ключа, и за спиной у нее отворилась дверь.

– Привет, таракашка, ты уже проснулась.

– Да вот только что встала.

– А я договорился насчет лодки, – сообщил Ричард. – Сегодня во второй половине дня. Я-то думал, что мы прокатимся на лодке после ленча.

– Отлично. Замечательно. – Она заметила кипу газет у него под мышкой. – Это сегодняшние?

– Ага. – Он показал их ей. – «Санди таймс» и «Воскресная почта».

– Уже из Англии?

– Ну, швейцарцы – народ оперативный.

Она посмотрела первую страницу «Почты» и принялась перелистывать дальше.

– Да ничего там нет, таракашка.

– Ничего?

– Никакой авиакатастрофы. Ты же это хотела узнать, разве не так?

Она пристально смотрела на Ричарда, стараясь отыскать выражение удовлетворения на его лице, и тогда могла бы закричать, выместить на нем свое раздражение. Но ничего похожего! На его лице не было ничего, кроме тревоги. За нее.

Мягкий плеск весел был единственным шумом, который нарушал тишину озера. Она откинулась назад, к корме крохотной лодочки, и провела пальцами по водяной глади за бортом. Вода оказалась ледяной. Она вытащила руку и растерла ее, посмотрела вверх, на горы, маячившие в отдалении высоко над ними. Все казалось таким огромным в сравнении с их крошечной хрупкой лодочкой.

Когда они отправились в путь, было тепло, почти жарко, однако лучи послеполуденного солнца грели все слабее, и клочья белого тумана постепенно затягивали поверхность озера. Ее начала пробирать дрожь, она машинально следила за уткой, плескавшейся в одиночестве в нескольких футах от них, совершенно по-домашнему, как в деревенском пруду.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Ричард, работая веслами.

– Отлично. Устала только…

Он тоже выглядел усталым. Кожа мертвенно-бледная. Белизна мраморного бюстика или восковой фигуры.

Или трупа.

За ленчем они разговаривали мало, сидели, как два незнакомых человека, вынужденные делить один столик. Она думала свое, а Ричард свое, он теребил нос, курил сигареты, слишком много пил: пиво, потом вино, потом коньяк. Она удивилась, что он не отправился спать, а упорно хотел пройтись на веслах по озеру, словно в этом для него заключалась некая миссия.

Может быть, он рассчитывал, что они там, на озере, снова полюбят друг друга? Может быть, в его сознании присутствовала какая-то мечта, образ, память о беззаботных днях Кембриджского университета… Лето. Да, летом замечательно кататься на лодках по озеру. Не как сейчас, когда зима в самом разгаре, настоящая зима и чертовски холодно.

Она обхватила себя руками, не желая разрушать его иллюзию, чтобы не сказать ему: «Бога ради, давай вернемся назад, пока мы не умерли от воспаления легких». Это не романтично, совсем не романтично. Мы что, приехали сюда, чтобы заболеть? Зато какие здесь можно сделать съемки! И залечить раны. Так что подрожать от холода – это сущий пустяк.

За ними тянулся тоненький белый след пены.

Вроде зубной пасты.

АХ ТЫ, МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА, ДУМАЕШЬ, ЧТО ТЕБЕ УДАСТСЯ ПОБЕДИТЬ МЕНЯ СВОЕЙ ВЫСОКОЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ?

– Ты как там, таракашка, замерзаешь?

– Немножко.

Откуда-то издалека вдруг донесся музыкальный мотив – «Каждый день» Бадди Холли, будто внезапно усилили громкость радиоприемника. А потом мелодия оборвалась так же резко, как и возникла. Та же песенка, которая звучала по радио в лаборатории сна. Она попыталась припомнить, было это в ее сне или когда она бодрствовала.

– Хочешь, повернем назад?

Она пристально вглядывалась в туман, который густыми глыбами надвигался на них.

– Знаешь, – сказала она с внезапно охватившим ее смятением, – давай вернемся назад.

Она наблюдала за тем, как Ричард гребет в своем толстом свитере и в защитных очках. Старается выглядеть молодым, следит за модой. Но ему никогда не удавалось выглядеть молодо. Она бы никогда не полюбила его, если бы он казался молодым. Он всегда выглядел мужчиной средних лет. Этаким папашей.

– В котором часу у тебя завтра встреча?

– В девять.

– Надолго?

– Да надо только подписать несколько бумажек.

– Каких бумажек?

– Да подписать кое-какие банковские документы.

– А какие?

Он озорно ухмыльнулся:

– Бумагу о моем исчезновении.

– Исчезновении?!

– Ну да, я… Андреас… это он придумал всю эту цепочку клиентов. Просто великолепно. Деньги переводятся по всему миру: из Швейцарии на голландские Антильские острова, оттуда в Панаму, потом в Лихтенштейн, потом обратно в Швейцарию. И каждый раз они приходят к разной группе клиентов. – Он пожал плечами, увидев, что она нахмурилась. – Все так делают.

– Все?

– Ага. Припрятывают. Чертов отдел по борьбе с мошенничеством и за миллион лет не сможет отыскать, кто же на самом деле владеет этими деньгами… и Интерпол тоже не в состоянии. Никто…

Клубы тумана стремительно проносились мимо, словно чьи-то тени, обдавая их ледяным дыханием.

Будто промчалось привидение.

Сэм вздрогнула. В отдалении она расслышала слабые глухие удары и повернулась, всматриваясь в туман, все более сгущающийся вокруг них. «Греби быстрее», – захотелось ей поторопить его, но она не хотела, чтобы он заметил ее испуг.

– И когда, по-твоему, ты узнаешь о…

На какую-то секунду он совершенно скрылся в тумане.

– Они арестовали старшего партнера в нашем американском филиале и пообещали смягчить ему приговор, если он развяжет свой язык.

– Я уже говорила, что могла бы содержать нас, если… Ты знаешь, что я имею в виду.

Глухие удары становились все громче, все ближе.

– Да все будет хорошо, таракашка. То, что придумал Андреас, действительно очень остроумно. Все у нас будет отлично.

В полной тишине туман сомкнулся вокруг них, и она почувствовала, как его ледяное дыхание оседает на волосах. Ее голос непроизвольно затих. Она боялась. Боялась находиться в этой крошечной лодочке в сплошном тумане. Боялась доносящихся до них глухих ударов.

Потом она услышала плеск воды и стук мотора, быстро приближавшийся к ним.

– Ты слышишь? – спросила она.

Ричард снял свои солнечные очки и засунул их в карман. Он всматривался в туман хмуро и обеспокоенно.

– Ты не мог бы грести чуточку быстрее?

Он осмотрелся:

– Я не уверен, верным ли курсом я гребу. Этот проклятый туман опустился так быстро. Надеюсь, что он вскоре рассеется, смотри, это же просто клочья.

– Да греби же ты, бога ради! – пронзительно закричала Сэм, пытаясь встать и тут же падая обратно в лодку, отчего та стала раскачиваться, да так сильно, что вода перехлестывала через планшир.

– Таракашка, поосторожнее, не надо делать резких движений.

Она почувствовала, как ледяная вода проникает сквозь подошвы.

– Это же движется на нас, – сказала она. – Прямо на нас. Неужели ты не слышишь?

– А это тебе тоже снилось?

– Я не знаю. Не знаю я, что мне снится, черт подери.

Глухие удары все усиливались, и она увидела, как Ричард искоса глядит на нее сквозь туман.

– Все будет нормально, – успокаивал он, налегая на весла. – Нам надо просто продолжать двигаться.

Она повернулась и, вытянув шею, попыталась что-нибудь рассмотреть сквозь плотное белое облако.

Пропеллер.

Ее снова охватила дрожь.

Пропеллер.

Никакой не вентилятор. А пропеллер! И не самолета.

А судна!

А потом она увидела огромную черную тень, почти над ними.

– Эй! – завопила она. – Эй!

Вода тяжелая, словно пули, перехлестнула через них, обжигая холодом и больно ударяя. Их лодка зачерпнула боком, потом бешено откачнулась назад, отчего Сэм сорвало с сиденья, и она упала на дно, громко хлопнувшись прямо под ноги Ричарду. Она услышала глухой рев двигателя, мощные удары винтов-пропеллеров, которые молотили по воде, взбивая ее в безумно-дикую водяную пыль. Гигантские тяжелые волны обрушивались на них, словно стремительный водопад. Лодку швыряло с борта на борт.

«Сейчас мы перевернемся», – подумала она.

А потом наступила тишина.

Это исчезло. Пропало.

Абсолютная тишина, если не считать шлепанья воды от еще раскачивающейся лодки.

Вода стекала по ее лицу, обжигая глаза маслянистым грязным потоком, пахнущим отработанным топливом. Твидовые брюки Ричарда промокли насквозь, волосы спутанными прядями прилипли ко лбу.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Лодка накренилась набок.

– Где оно?

– Вот сволочи! Прошли на такой скорости в таком тумане…

– Я его не слышу. Куда оно делось? Что это было, Ричард? Что это, черт подери, было?

Она отползла назад на коленях, потом осторожно села, вытирая воду с лица и отбрасывая волосы назад.

– Что-то вроде скоростного катера.

– А почему мы больше не слышим его?

– Что ты имеешь в виду?

– Он же… как… он просто исчез, – сказала она. – Растворился в воздухе.

Она всматривалась в клубящуюся белизну вокруг них, дрожа от холода и страха. А потом, совсем рядом, послышалось жужжание стартера, резкий громоподобный гул какого-то мощного двигателя и звуки ударов по воде.

Чей-то голос закричал из тумана:

– Эй! Там! Все в порядке? Эй?

Двигатель сделал два-три оборота и снова заглох.

– Эй?

Какой-то массивный темный контур возник за спиной Ричарда, туман развеялся, и она увидела

корму большого шикарного моторного катера. За его штурвалом стоял мужчина в клетчатой шерстяной куртке и в шапочке для бейсбола – он обеспокоенно смотрел вниз.

– Простите. Извините меня.

Позади него виднелась кабинка, дымчатые стекла которой закрывали жалюзи с широкими планками, сквозь которые Сэм разглядела фигуру: какой-то мужчина смотрел в их сторону.

– Ах ты, псих проклятый! – заорал Ричард.

– Извините меня, извините меня. – Рулевой поднял вверх руки. – Все в порядке?

Ричард успокаивающе помахал рукой.

– В порядке все, все в порядке! – крикнул он по-французски.

Сэм перехватила взгляд мужчины из-за жалюзи, увидела злорадную, самодовольную ухмылку, разглядела его настолько, что была почти уверена…

Это был Андреас Беренсен.

Рулевой ткнул с громким стуком вперед рукоятку переключения передач, и, когда катер медленно стал отваливать прочь, туман на мгновение рассеялся, и они ясно увидели в отдалении берег. А потом туман снова опустился, словно занавес на сцене, и в нем исчезли и катер, и берег.

– Ты его видел? – спросила Сэм.

– Его?! Кого?

– Твоего приятеля!

– Моего приятеля?

– Да-да, твоего приятеля! Ты его видел?

– Что ты имеешь в виду, таракашка? Какого моего приятеля?

– Андреаса. Он был на этом катере.

– Да не смеши ты меня, черт подери!

– Он наблюдал за нами. Я видела его в кабинке.

– Ты думаешь, что он мог просто остаться внутри и не выйти? Это Андреас-то? – Он засмеялся. – Он обязательно бы вышел. Он же один из моих самых лучших друзей. Господи, таракашка, у тебя в самом деле какой-то пунктик насчет него. Он ведь тебе не нравится, да? На этом катере не было больше ни души. Твое сознание вновь выкидывает какие-то штучки.

– Мне это не пригрезилось. Там кто-то был в той кабинке. И я уверена, это был Андреас.

Ричард пожал плечами:

– Ты просто сходишь с ума, таракашка. В самом деле, может быть… когда мы вернемся обратно, тебе следовало бы съездить повидаться с Бэмфордом?

Она отвернулась и рассерженно уставилась в непроглядный туман, прислушиваясь к звуку удаляющегося катера, который набирал скорость. Когда тарахтение двигателя стихло, она услышала другой звук, похожий на отдаленный смех, медленно перекатывающийся по озеру, будто его несло ветром.

Не считая, конечно, того, что никакого ветра и в помине не было.

39

Пейзаж бесшумно проплывал за окном. Сквозь темные пихты пробивался солнечный свет. Сэм внимательно наблюдала за приплясывающей трехконечной звездочкой, трепещущей на краешке капота, словно танцор в немом фильме. Ей казалось, что она очутилась внутри плотного кокона. В машине стоял густой запах новой кожи. Сэм ласково погладила пальцами мягкую кожаную обивку сиденья, испытывая почти чувственное наслаждение от прикосновения к ней.

Справа дорога круто спускалась вниз, о чем предупреждали несколько дорожных знаков: толстые извилистые линии, две стрелки, черная и красная, и большой восклицательный знак. Ричард резко затормозил, и она уперлась ногами в нишу на полу под толстым ковровым покрытием. Странно было видеть Ричарда сидящим слева от нее за рулем. Она попыталась вспомнить, почему они оказались в этом «мерседесе», а не в их собственном БМВ. Она еще раз присмотрелась к ярко-зеленому капоту. Отвратительно. Отвратительный цвет для такой дорогой машины. Гадость ужасная!

Тормоза взвизгнули на крутом повороте, промелькнул небольшой домик с рекламой мороженого. Промчался встречный желтый автобус ПТТ.

– Тебе не кажется, что цвет этого автомобиля ужасный? – спросила она.

– Некогда мне было еще и о цвете беспокоиться, – отрезал он с сердитым выражением лица и резко увеличил скорость.

Покрышки заскрежетали по неплотно уложенному гравию, перейдя на визг и сцепляясь с полосой свежего гудрона. Машина виляла из стороны в сторону. Двигатель прибавил обороты, автомобиль стал подниматься вверх по холму, мимо придорожного столба и ряда деревьев с побеленными стволами. Деревья закончились, и «мерседес» со свистом мчался вверх по извилистой дороге; слева круто поднималась ввысь внушительная скала, а справа шел голый крутой откос, спускающийся к стремительной реке, которая на глазок становилась заметно мельче и уже.

Она встревоженно посмотрела на Ричарда: почему он так гонит машину? Дорога опасна, а машина огромная. Пришлось еще больше сдвинуться к краю, чтобы освободить путь громадному грузовику, который, громыхая, мчался под гору навстречу. Мощная воздушная волна, поднятая им, ударила в «мерседес».

С пронзительным визгом тормозов машина сделала очередной вираж, и Сэм с облегчением увидела, что теперь вдоль обочины тянулось низкое каменное ограждение. Справа, на сотню ярдов подальше, виднелась небольшая придорожная площадка для стоянки автомобилей и знак, оповещающий о панорамном обзоре. Послышались слабые гудки. Теперь навстречу стремительно промчался красный «фольксваген», за ним – с кошачьим завыванием – мопед, а следом белый фургончик.

Сэм снова услышала гудки, теперь уже ближе, злобные, трубные звуки, от которых она задрожала. Было видно, что дорога впереди изгибается, скрываясь из вида, промелькнул дорожный знак с черной изломанной линией, предупреждающий об опасном повороте, затем следующий, ограничивающий скорость до сорока миль в час.

Ремень безопасности, казалось, еще сильнее затянулся на ней, так плотно прижав к сиденью, что она едва дышала. Громадный грузовик-джаггернаут с ревом вылетел из-за поворота, прямо на них, его водитель оглушительно сигналил, отчаянно пытаясь обогнать другой джаггернаут слева. Тормозные колодки «мерседеса» взвизгнули, безумный взгляд Ричарда метнулся сначала на скалу слева от них, а потом на откос справа, уходящий вниз на несколько сотен футов. А ревущий джаггернаут был уже почти над ними, она видела в кабине беспомощное лицо водителя, пытающегося вывернуть рулевое колесо. Наконец ему удалось увести свою машину немного в сторону, и между двумя джаггернаутами образовалась брешь. В голове Сэм промелькнула отчаянная надежда: быть может, они сумеют протиснуться в эту брешь.

Быть может.

Но вдруг грузовик резко вильнул в другую сторону, врезался в джаггернаут, который обгонял, а затем его отбросило прямо на них.

Словно поднявшись на дыбы, он надвигался гигантской тенью, похожий на огромное голодное насекомое с разинутой пастью. Сэм попыталась нырнуть вниз, под приборный щиток, но ремень безопасности крепко удерживал ее на месте. Оглушительный грохот двигателя, тупое надсадное завывание гудка, визг и скрежет тормозов, покрышек – все это сливалось в оглушительную и устрашающую какофонию смерти.

Она увидела, что трехконечная звездочка на капоте, как от легкого щелчка, отлетела назад, а

бампер джаггернаута протаранил ветровое стекло их машины. Она выбросила руки вверх, загораживая свое лицо, будто надеясь оттолкнуть, сдержать этот бампер. Ее, как из катапульты, вышвырнуло вверх и вперед, и тут же она почувствовала мучительную боль, когда ее голова врезалась во что-то жесткое и острое.

Раздался скрежещущий страшный удар, сопровождаемый ужасным визгом резины и металла, и вдруг она оказалась уже не в машине, а на площадке придорожной стоянки. В ошеломлении она наблюдала, как джаггернаут бешено несется дальше, вниз по дороге, вместе с «мерседесом», зажатым под его кабиной, словно жук с мухой во рту. Потом его круто развернуло к краю дороги, задняя часть «мерседеса» пробила низкое ограждение, и обе машины, не расцепляясь, перелетели через край, продираясь сквозь деревья, грохоча, словно гигантские мусорные ящики, и со страшным треском разбились. Наступила тишина, такая долгая тишина, что свет вокруг начал меркнуть, пока не стало совершенно темно, и она не смогла больше ничего увидеть.

Смерть.

Вот она, смерть. Тишина. Поймана в непроницаемую ловушку пустоты. Навсегда.

Пустота.

На какое-то мгновение она почувствовала тошноту. А потом ее охватил гнев. Ее затрясло: да помогите же кто-нибудь!

– Ричард! – закричала она. – Ричард!

Ничего.

Почему же не слышно сирен полицейских машин, «скорой помощи», пожарных?

– Помогите мне, кто-нибудь!

Она плыла, словно попавшая в непонятную среду, не похожую ни на воду, ни на воздух. «Пустота, – догадалась она. – Это пустота».

Прошелестел тихий шепот.

– Все в порядке. Все в порядке, Сэм!

Кто-то приближался к ней из темноты. Кто-то был в этой пустоте вместе с ней! И приближался все ощутимее. Она увидела мерцающий отблеск спортивного костюма металлически-зеленого цвета, а потом – его голову.

Нет. Господи, пожалуйста, нет!

Голова приближалась. Ярко-красная пустая глазница под черным капюшоном надвигалась почти вплотную, еще немного – и она коснется ее щеки.

– НЕТ!

– Таракашка?

– Помогите мне. О господи, помогите мне.

– Таракашечка?

Голос совсем другой.

Слышится одинокий звон церковного колокола, что-то шевелится в темноте рядом с ней.

– Таракашка? Все в порядке? С тобой все в порядке?

– Ричард? – спрашивает она.

В комнате ледяной холод. Чертовский холод. Лицо совсем закоченело. Раздается какое-то шуршание, а потом – лязг пружины.

– Ты в порядке, таракашка? – сонно спрашивает голос Ричарда.

Слышно какое-то ворчанье, опять что-то шуршит, но уже громче – это шевелится она сама.

Сэм осторожно провела рукой по постели и недоверчиво дотронулась до человека, лежавшего рядом. Теплая плоть. Дыхание. Она опять прикоснулась к нему и уже не отнимала свою руку, так сильно сдавив его плоть, что он снова заворчал. Подвинулась ближе к нему, вытянула другую руку и

коснулась его плеча. Она крепко держала его, еще дрожа от пережитого страха и внезапного облегчения, она целовала его спину…

Он снова зашевелился.

– Трахни меня, – сказала она.

40

Сэм стояла у окна и пристально смотрела на озеро, ожидая, когда привратник заберет их чемоданы.

Далеко-далеко от берега торопливо летел по воде моторный катер, так далеко, что она едва слышала звук его двигателя. Не тот ли самый, который выскочил из тумана и чуть не убил их.

Кто-то легонько постучал в дверь, и она крикнула по-французски:

– Войдите!

Появился привратник и забрал чемоданы, она последовала за ним по коридору, к лифту. В сумрачном, прохладном вестибюле царила привычная, спокойная атмосфера терпеливого ожидания – которая, кажется, всегда присутствует в вестибюле большой гостиницы. Приглушенно зазвонил телефон, и тут же сняли трубку. Высокий привратник стоял на посту, оглядывая свои владения. Коротенький аккуратный мужчина в толстых очках сидел за столиком кассира и записывал что-то в огромном гроссбухе. У стойки приема гостей один служащий разговаривал по телефону, а другой лениво листал какую-то брошюру.

Молодой человек в щегольском костюме дожидался у самого входа с внутренней стороны. Его глянцевый кожаный чемодан стоял на полу рядом с ним, а сам он нетерпеливо и с раздражением смотрел на свои часы. Рядом с ним на диване сидела хорошо одетая пожилая пара: мужчина читал газету, а женщина что-то вязала. Сэм села напротив них и вытащила из своей сумки книжку.

Высокая элегантная дама в лисьем пальто до пят широкими шагами проследовала через вращающиеся двери, а вокруг ее ног засеменили на длинных тонких поводках собачки-пекинесы. Рослый привратник почтительно вытянулся и что-то сказал даме по-немецки. Интересно, может, это известная актриса, которую ей следовало бы знать в лицо, а может, просто скучающая жена богатого бизнесмена. Она понаблюдала, как дама поболтала минутку со служащим, который читал брошюру, а потом взяла свой ключ и поволокла свой собачий выводок к лифтам.

Минувшей ночью они занимались любовью в первый раз с тех пор… с тех пор, как это случилось. Что это? Возвращение к нормальной жизни? Ощущение было странным: все вроде изменилось, и в то же время все осталось по-прежнему. Если он и научился чему-нибудь новенькому от своей конторской шлюшки, то, верно, проявил осторожность, чтобы не показать этого. Нет, та же самая позиция, та же техника, та же тяжесть его тела… Прежние романтические словечки.

ЧЕРТ ПОДЕРИ, ТАРАКАШКА, ЭТО БЫЛО КЛЕВО.

И тут же уснул.

Ну да, времени-то уже три ночи. Можно ли вернуть обратно романтику, раз уж она безвозвратно ушла? «Ах, эта романтика», – подумала она с грустью, открыла свою книжку и нашла нужное место.

«– А скоро ли мы увидимся снова? – спросил он.

Она мигом учуяла неуверенность в его голосе и не смогла устоять перед искушением подразнить его.

– Возможно, – томно сказала она и была чрезвычайно рада, когда увидела, как он хмурится.

– Возможно? – переспросил он отрывисто. – Всего лишь возможно?

Вместо ответа, она дотянулась до его руки и один за другим стала целовать его пальцы»…

– Привет, извини, что задержался, – сказал Ричард запыхавшись. Она подняла взгляд и увидела, что он торопится к ней через вестибюль с обеспокоенным видом. Он поцеловал ее в щеку. – Что это ты читаешь?

Она показала ему обложку.

– «Дочери бури» Элизабет Бучен.

– Сложила все?

– Ага. А ты задержался дольше, чем обещал.

– Да машина сломалась.

– А что случилось?

– До банка доехал – все было нормально, а когда вышел – она не стала заводиться.

– А теперь с ней все в порядке?

– Нет. Что-то там барахлит. Думаю, компьютер разладился.

– А я только что выписалась. Теперь придется снова регистрироваться, да?

– Нет, уже все в порядке, Андреас одолжил нам свою машину.

– Андреас?

– Ну да. Он собирается приехать ненадолго и провести с нами в Зерматте парочку дней, говорит, что знает там какие-то замечательные скоростные трассы. Он пригонит БМВ, если его отладят. А если нет, то мы заберем его на обратном пути.

– Очень мило с его стороны, – нерешительно произнесла она.

– Ну да, он отличный малый. Я ведь тебе говорил. – Он посмотрел на чемоданы. – Это весь твой багаж?

– Да. А как твои дела, все удалось решить?

– Отлично. – Он фыркнул. – Никаких проблем. С точки зрения швейцарской банковской системы Ричарда Кэртиса более не существует.

Он наклонился взять сумки, но привратник примчался через весь вестибюль, буквально вырвав у него вещи, и торжествующе просиял.

– Отнести на улицу? К вашей машине?

Они вышли следом за ним на улицу, в ослепительный солнечный свет, и Ричард показал ей через подъездную дорожку на автомобиль, который двумя колесам неуклюже стоял на кромке тротуара. Это был сверкающий зеленый «мерседес».

41

Сэм развернулась, побрела обратно в вестибюль, села на диван и пристально уставилась перед собой. В никуда.

Вошел Ричард и присел рядом с ней.

– Таракашка? В чем дело, таракашечка? Что случилось?

– Я… не хочу ехать в этой машине.

– Как это понимать?

Она продолжала оцепенело смотреть перед собой.

– Почему же нет, таракашечка? Ведь машина-то почти новая.

– Цвет.

– Цвет?! Ты полагаешь, у меня был выбор? Андреас и так оказал нам большую любезность, одолжив нам свой автомобиль. Совсем новый, он и месяца на нем не проездил!

– Мне опять приснился сон! – заорала она на весь вестибюль так громко, что на нее стали оборачиваться.

А пусть смотрят, наверняка они ничего не поймут и решат, что еще одна парочка ссорится.

– Великолепно! Еще один сон, черт бы его побрал! – Он наклонился, положив руки на подлокотник дивана. – Так что же тебе снилось, таракашка?

– Один… зеленый «мерседес».

– И что, по-твоему, я должен делать? Пойти к Андреасу и сказать ему: «Спасибо тебе большое за эту тачку, только вот моей жене цвет не нравится», так?

Она улыбнулась, сама не понимая, то ли потому, что ей это показалось забавным, то ли это было чисто нервным. Но, посмотрев на него снизу вверх, она все-таки улыбнулась еще раз.

– Да соберись же ты, таракашка! Ты не захотела лететь сюда, потому что считала, что этот самолет потерпит катастрофу. Теперь ты не хочешь ехать на машине, потому что… а что ты вообще хочешь делать? Остаться здесь до скончания своих дней?

Они вместе вышли к машине, и он протянул ей ключи.

– Тебе будет легче, если сама поведешь машину?

– Нет.

Сэм забралась внутрь, и Ричард захлопнул за ней дверцу.

Они в полном молчании выехали из Монтре, обогнули озеро и направились к долине Рейна. События последних недель и многочисленные советы, которые ей давали, назидательные объяснения все еще бурлили в сознании Сэм.

ВАЖНО, ЧТОБЫ ВЫ ПОПЫТАЛИСЬ РАЗОБРАТЬСЯ В ПРОИСХОДЯЩЕМ. ПОПЫТАЛИСЬ БЫ ОТЫСКАТЬ ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО.

Зеленый «мерседес», исчезающий в пасти джаггернаута…

Очень уж по-фрейдистски.

В самом деле?

Да, именно так.

Думаешь, это может символизировать страстное желание родиться снова?

Да, определенно так.

МЕНЯ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕТ ПОЛОВОЙ АКТ, СЭМ.

ЭТО РЕЗОНИРУЕТ?

И это постоянное «динь-дон»…

Она наблюдала, как солнечный свет пляшет на трехконечной звездочке, украшающей радиатор «мерседеса». В автомобиле даже пахло точно так же, как в том сне. Кожа. Густой, сочный, острый запах кожи. Как у Кена в его «бентли» или как в «ровере» ее дяди.

Как в том сне. Как в том сне. Как в том сне.

Приборная доска сияла новехонькой лакированной поверхностью.

Как маленький гробик.

Ричард сидел слева от нее, тоже как в том сне. И этот отвратительный зеленый цвет. Тот же самый. Выпендреж дизайнера.

Он вытянул руку и положил ей на бедро, нежно похлопав.

– Андреас сказал, что снег там сейчас потрясный. Он был там в прошлые выходные.

– Хорошо, – сказала она. – Хорошо.

Слева из долины Рейна крупными уступами поднимались вверх виноградные поля, а справа возвышались Альпы, словно стены гигантской крепости. Мимо промелькнул деревянный фруктовый ларек, а потом – гигантский мебельный торговый центр. Она почувствовала, что горло у нее сжимается и нарастает тупое ощущение страха, оттого что она сидит в этом автомобиле. Хотелось остановиться и выскочить из него, но вместо этого она сидела молча и думала, пытаясь, как ей советовал Хэйр, разобраться во всем.

Зеленый «мерседес», исчезающий в пасти джаггернаута. Разумеется. Множество интерпретаций. Бэмфорд О'Коннел и Таня Якобсон и любой из этой группы сна могли бы провести целый рабочий день, разбирая этот сон.

Если бы только не…

Не ощущение, предчувствие опасности. С каждым разом все ближе. Круг все сужается, петля затягивается все туже.

Ей предстоит встретиться с монстром?

Она открыла бардачок и заглянула внутрь, нет ли там каких-нибудь следов присутствия Андреаса. Ничего. Только большой выбор классической музыки на кассетах, справочник-памятка для владельца машины и чистенькая, аккуратно сложенная тряпка для протирки пыли. Андреас… она машинально теребила заусеницу. Андреас… у него нет ни жены, ни семьи. Ричард говорит, что однажды он был когда-то женат и что его жена умерла, но он не был уверен в этом. Андреас… Загадочка. Так это ты там выглядывал из кабинки моторного катера? Это ты пытался переехать нас? Смешно: ведь документы еще не были подписаны. Почему же ты не вышел и не поговорил со своим другом, а? Почему ты стоял там и самодовольно ухмылялся? Если, конечно, это был ты?

А может быть, Ричард прав, может, Андреас милый человек, и она возводит на него напраслину. Может быть…

Дорога сузилась и побежала вдоль мелководной горной речушки. У воды, на берегу стояли мужчина и маленький мальчик с рыболовными удочками. Какая-то кассета высовывалась из магнитофона, и она толкнула ее внутрь. Из звуковых колонок лилась мелодия фортепьянной сонаты Бетховена, навевая печальные мысли об осени.

Дорога все круче спускалась к реке, и теперь по обе стороны ее обступали деревья, словно шеренга почетного караула, склоняясь навстречу друг другу. Заходящее солнце вспыхивало сквозь них, точно блиц фотовспышки.

Как в том сне.

Она взглянула на дорогу впереди. Деревья закончились. Деревья были совсем другими. Во сне она видела пихты. Да и пейзаж тоже был другим.

– А как ты познакомился с Андреасом?

– Ну, он мне позвонил, сказал, что меня ему рекомендовали… хотел, чтобы я провернул кое-какие операции для его банка.

– А почему он так услужлив?

Ричард характерным жестом потер указательный палец о большой.

– Денежки. Швейцарцы всегда окажут услугу ради денежек… ну и к тому же он просто отличный малый.

– А тебе не кажется, что он слишком уж услужлив?

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе не кажется, что у него есть какие-то… ну, я не знаю… какие-то иные побуждения?

– Какие же, например? Господи, как ты чертовски подозрительна!

– Он участвует во всех ваших делишках?

Ричард покачал головой.

– Выходит, он втянул тебя, а сам держится в сторонке?

– Это же… – он мгновение колебался, – не был только он, таракашка, ты же знаешь. Думаю, что мне и платили… за то, что я рисковал.

– Надеюсь, тебе не платят за то, чтобы ты нарушал закон? Или он тебе за это платил?

Ричард покраснел.

– Так оттуда это денежки? Покупка дома и всего прочего?

Он нервно шмыгнул носом, поискал свои сигареты.

– Нет, я же говорил тебе. Мы… я… довольно ловко провернули несколько сделок.

– Какие сделки?

– Ох, ну, видишь ли… получил раза два хорошие чаевые. В связи с переходом имущества к новому владельцу, – пояснил он уклончиво, снова шмыгнул носом, а потом притормозил – они приближались к крутому повороту дороги.

Когда миновали его, она увидела небольшой домик с вывеской, рекламирующей мороженое, а потом они пересекли узкий каменный мостик. Желтый автобус ПТТ проехал мимо по встречной полосе. Горло сжал спазм. Ричард с сердитым выражением лица резко увеличил скорость. Покрышки заскрежетали по неплотно уложенному гравию, а потом перешли на визг, сцепляясь с полосой свежего гудрона, и «мерседес» слегка завилял. Двигатель взревел, и автомобиль стал взбираться вверх по холму, мимо придорожного столбика и ряда деревьев с побеленными стволами.

– Ты очень глупо относишься ко всему этому, – сказал он, вытряхивая из пачки сигарету. – Я же делаю это для нас.

Слева от машины, у самого края дороги, круто поднималась вверх огромная скала, а справа тянулся ничем не огороженный откос, спускающийся вниз, прямо в эту стремительную реку, уменьшающуюся на глазах.

Сбывается.

Теперь ее сон сбывается.

В точности.

Спокойно. Сохраняй спокойствие. Сохраняй спокойствие.

Они сдвинулись еще ближе к краю, и массивный грузовик прогромыхал мимо них. Мощный воздушный поток тряханул «мерседес».

– Ричард, пожалуйста, помедленнее.

– Да все в порядке. Я еду не быстро. – Он закурил сигарету. – Нам еще ехать и ехать, а потом ведь нам еще добираться по чертовой подвесной дороге в ту деревню в горах.

«Не добраться нам с тобой туда, – хотелось ей сказать. – Нас раздавит джаггернаут. Через минутку-другую мы погибнем. Совсем. Финита ля комедия! Занавес. Раздавят нас – и все тут».

Внезапно ее охватило неуместное ощущение эйфории. Власти.

И свободы.

Как будто кто-то велел ей расслабиться, сказал, что несколько минут ничего не значат, ничего больше не имеет значения, выбор – жить или умереть – в ее руках. И умереть приятнее. Так забавно. Заново пережить собственный сон! Так действуй же! Освобождайся!

Она засмеялась. Нелепо. Глупо. Стоило ли так беспокоиться?

– Ну, что тебя рассмешило?

«Рассмешило». Это слово эхом разнеслось кругом. Она больше не смеялась. Ее охватила дрожь. Казалось, что миллион насосов закачивает ледяную воду прямо ей в живот. Машина с пронзительным визгом тормозов одолела крутой вираж дороги, и Сэм увидала то самое низкое каменное ограждение по краю дороги.

«Я должна проснуться через минуту, – подумала она. – Это же просто призрачный сон. Я могу контролировать его».

Она услышала негромкие звуки гудков – потом красный «фольксваген» стремительно промчался вниз во встречном направлении, следом за ними – мопед, его мотор завывал по-кошачьи, а за ними проследовал белый фургончик.

И все они – те же самые, что она видела во сне. Точно такие. И цвета те же самые.

Ее трясло от ужаса.

Ричард… Она пыталась заговорить, но ничего не получалось.

– Ричард! – хотела было крикнуть она, но изо рта вылетал лишь беззвучный шепот.

Она снова услышала эти гудки, теперь уже ближе, трубные звуки. Она отстегнула ремень безопасности.

А вот и придорожная площадка для стоянки транспорта. Они подъехали к той самой площадке.

– Стоп!

Она бросилась к Ричарду, вцепилась в рулевое колесо и почувствовала, что «мерседес» бешено завихлял. Ричард что есть силы вдавил тормоза, и автомобиль с жутким визгом остановился.

– Господи, да ты что, черт подери, совсем рехнулась? – завопил он.

– Съезжай с дороги, – просила она. – Бога ради! – Ее голос превратился в задыхающийся шепот. – Скорее!

Ричард свирепо посмотрел на нее и резко увеличил скорость, снова взвизгнули тормоза, он въехал на эту площадку и остановился. Ее швырнуло вперед.

– Во что ты играешь-то, черт тебя побери?

– Вылезай! Вылезай! Выскакивай!

Она распахнула дверцу со своей стороны, кинулась наружу, споткнулась, вцепилась в раскачивающуюся дверцу и широко открытыми глазами уставилась вниз, где простиралось поросшее деревьями узкое ущелье, спускающееся к реке.

Издали донесся рев джаггернаута. Двух джаггернаутов. Ближе, все ближе, они неслись вниз по дороге и в любой момент могли появиться вон из-за того угла, и один будет обгонять другой. Едут, едут, едут… Она повернулась и увидела, что Ричард стоит около «мерседеса» и пристально смотрит на нее.

Они едут. Сейчас ты сам увидишь. Ты увидишь, что я была права.

Ну, где же вы там?

А рев нарастал. Ближе. Он становился все ближе.

Ричард обошел «мерседес» сзади и подошел к ней. Какой-то автомобиль появился из-за того самого угла, затем другой, красный «порше» с лыжами на крыше, маленький «рено», БМВ, «ауди» с грудой чемоданов на крыше.

Ну, давайте же, где вы?

И по-прежнему этот рев…

А потом до нее дошло, что это не рев джаггернаутов. И шум доносится совсем с другой стороны.

Это вода ревела в том узком ущелье.

Сэм прошлась вдоль площадки, под ногами похрустывали, осыпаясь, камушки. Маленький грузовичок протарахтел мимо вверх по дороге, за ним проехало еще несколько машин, потом воцарилась тишина, только шум воды доносился из ущелья. Она дошла до каменного ограждения и внимательно посмотрела вниз, вдоль отвесной скалы, сквозь деревья, на пенящуюся белую воду реки. Она услышала шаги за спиной, Ричард рукой обвил ее талию.

– Наверное, пока они решили оставить меня в покое, – сказала она.

– Наверное, ты должна просто взять и забыть о своих снах, таракашечка.

42

Последние десять миль достались особенно тяжело. Чтобы их проехать, им пришлось остановиться и надеть цепи на колеса «мерседеса». Ричард с трудом пробивался вперед, Сэм, ежась от холода, пыталась помочь ему, но проку от нее было немного. Ну лучше так, чем просто сидеть и ждать у моря погоды. Все лучше, чем это.

Может быть, Кен и прав.

ТЫ ЗАГНАЛА СЕБЯ В ОПРЕДЕЛЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, И ТЫ ДОЛЖНА САМА ВЫБРАТЬСЯ ИЗ НЕГО… ПОПЫТАЙСЯ ЗАБЫТЬ ОБО ВСЕМ ЭТОМ.

Да-да.

ВЗГЛЯНИ ХОРОШЕНЬКО НА ВСЕ ЭТО, И ВОТ ПОСМОТРИШЬ, БУДЕТ ЛИ ЭТО ВПОСЛЕДСТВИИ ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЫГЛЯДЕТЬ ТАК ЖЕ… Я ДУМАЮ, ТЫ ОБНАРУЖИШЬ, ЧТО НЕ БУДЕТ.

Да. Так точно, босс. О, именно так, сэр.

«Господи, как бы я хотела, чтобы ты оказался прав».

Подвесная дорога находилась там, где оканчивалось шоссе. Ричард вытащил чемоданы из «мерседеса» и положил их на багажную тележку. Сэм стояла в снегу и наблюдала, как он заруливает на гигантскую автомобильную стоянку. Выхлопной дым, густой и тяжелый, стелился позади машины в ветреном и холодном воздухе, освещаемом послеполуденным солнцем. Клацали колесные цепи, а покрышки неприятно повизгивали на плотно утрамбованном снегу.

Снег, вкусно пахнущий свежестью и чистотой, уже лежал повсюду, но все еще продолжал падать, придавая всему вокруг вид рождественской открытки. Он щекотал ей лицо и навевал мысли об уютно горящих поленьях в камине, о жарко́м, готовящемся на вертеле, о вине и смехе…

Итак, они были здесь. Они добрались сюда. А почему именно сюда? Потому что сны рассказали обо всем. Что тот самолет разбился бы, если бы они были на нем? И если бы она не заставила Ричарда грести изо всех сил, то их бы попросту переехали в той утлой лодчонке?

Два джаггернаута обязательно выскочили бы из-за поворота дороги, если бы она не заставила Ричарда с нее съехать?

Разумеется, Сэм, все это случилось бы. По волшебству, что ли?

Но ведь мы остались живы, потому что остановились.

Ах, черт подери.

А знаешь, Ричард, почему ты отказываешься поверить в это? Да потому, что ты боишься, вот почему!

А я не сумасшедшая, нет. Это Слайдер играет со мной в эти игры. «Вот сейчас ты меня видишь, а теперь не видишь». «Вот он стоит прямо у тебя за спиной… ах нет, никто там не стоит». «Какие-то сны сбываются, а какие-то – нет». Это же игра, только и всего, игра, в которой ты должна выиграть.

Если ты ее проиграешь, то умрешь.

Она потопала ногами, чтобы согреться, и засунула руки в перчатках глубоко в карманы. Ричард в красной куртке с капюшоном и в белых сапогах-«луноходах» торопился обратно к ней, и они вместе дотолкали багажную тележку до наклонного ската, а потом дальше – к фуникулеру, который вез до Зерматта.

Носильщик поставил их вещи позади вагонетки и подержал для них дверь открытой. Фуникулер с резким толчком тронулся в дорогу, держа курс вверх, по узкому подвесному туннельчику. Вагонетка пронзительно завывала. Вереница саней, запряженных лошадьми, двигалась мимо них в противоположном направлении, колокольчики нестройно позванивали.

«Деньги», – подумала она. Их присутствие ощущалось повсюду: в толстых шубах, в дорогих часах, в дымке от сигар и кофе, в аромате толстых плиток шоколада, который смешивался в морозном воздухе с запахами конского навоза и пота, в этой суете, в толкотне, в названиях знаменитых марок – «Конфисьер», «Бэргенер», «Шассуре», «Сайлер», «Патэ Филипп», «Лонжин», в фирменных лыжах, дребезжащих на столь же фирменных плечах – розовые и зеленые, гоночные, для слалома и для слалома-гиганта, даже в постукивании и скрипе незакрепленных лыжных ботинок… Гора

Маттерхорн вздымалась монолитом над крышами гостиниц, позади нее опускалось солнце, слабое и тусклое, словно поблекшая безделушка, которую требовалось отполировать.

«Вимперштубе». То есть гостиница «Вимпер». Названа в честь первого англичанина, поднявшегося на Маттерхорн. На кладбище под мостом лежит полным-полно таких смельчаков, их так много, что могилы уже выходят за территорию кладбища. Сэм охватила дрожь. Каменные плиты криво торчат из снега, словно зубы у стариков. Молодые англичане вперемешку со здешними торговцами и местными героями – все одинаково мертвы, как любой покойник, и у каждого своя эпитафия. «Я выбираю восхождение», – запомнилась Сэм одна из них, и ей стало интересно, а что напишут на ее собственной могиле?

– Тут мало что изменилось, – отметил Ричард.

Да, девять лет. Тогда все здесь выглядело волшебным. Путешествие в волшебную сказку. Снег, горячий шоколад, мягкие подушки и смех. Свобода. Можно было взять сани у булочника и кататься по улицам в три часа ночи. Ах, какой свободной чувствовала она себя в ту пору! Свободной, глупой, безумной…

Вагонетка свернула в узкий проезд, притормозила, чтобы не задеть двух пожилых женщин, а потом остановилась у гостиницы «Алекс». Они подошли к стойке регистрации, и Ричард заполнил формуляры, а носильщик отнес их вещи в номер, простенький и уютный, с современной деревянной мебелью, пухлыми подушками и большой глубокой постелью, мягкой, словно снег.

– Мы должны позвонить Ники, – сказала она.

– Ага.

Сэм подошла к окну и внимательно посмотрела на улицу. Напротив находилась школа, парты по случаю вечера пустовали. Она разглядела какую-то выставку рисунков, сделанных цветными карандашами и пришпиленных к доске объявлений. Она попыталась сосредоточиться. Подумать.

Существует ведь так много возможностей. Может быть, именно потому-то люди и не обращают внимания на свои предвидения, ведь стоит начать в них копаться, попытаться рассмотреть все варианты, как сразу либо превратишься в отшельницу, либо с ума сойдешь. Возможно, тебе уже не спастись. Все, что ты можешь сделать, – это получить отсрочку на несколько часов, дней или недель, которые будут полны ужаса и замешательства. Нет, такой подарочек и получать-то не стоило.

А снег падал все сильнее. От радиатора к лицу поднимался теплый воздух.

– Как ты себя чувствуешь, таракашка?

Она подняла брови.

«Я бы себя чувствовала куда лучше, если бы…

Если бы ты поверил мне, но ты не хочешь верить. И Кен тоже не хочет, ну то есть не совсем верит. Только два человека и поверили. Один погиб, а другой и знать меня не желает».

Ласло. Так поспешно уехал с железнодорожной станции, будто за ним гнались.

«Но тебе не суждено победить, Слайдер. Я тебе этого не позволю. – Она криво улыбнулась. – Я собираюсь победить тебя. Все ведь пока обходилось, а? Так что победа будет за мною. Обещаю тебе это».

Ричард перекатился на кровати и вытащил свои сигареты из кармана куртки с капюшоном.

– Чему это ты улыбаешься?

– А как тебе вот этот лимерик? – спросила она.

Одна очень юная дамаНа тигре каталась упрямо.Вот раз возвращаетсяТигр, улыбается…Позвольте, но где же та дама?

– Так ты себя чувствуешь той дамой, что ли?

– Жизнь – это тигр, – сказала она. – Вот это я чувствую.

– Твое здоровье!

– Твое, – ответила Сэм.

Они чокнулись бокалами. Ричард покрутил свой бокал и сделал большой глоток.

– Хорошо вот так уехать, просто вдвоем, правда?

– Да.

– Мы, кажется, никогда не разговариваем, когда находимся дома, так ведь?

Она отхлебнула немного вина.

– А о чем ты хочешь поговорить?

Он пожал плечами и зевнул.

– О нас с тобой, конечно. У меня такое ощущение, что мы идем сейчас по узкой тропочке…

Он глубоко затянулся сигаретой и внимательно посмотрел куда-то мимо нее. Она повернула голову. За соседним столиком сидела экстравагантная блондинка вместе с представительным мужчиной, лет на тридцать старше ее.

– Ничего особенного, – заметила Сэм.

– Сиськи у нее хороши.

– Мне очень приятно сидеть здесь и наблюдать, как ты балдеешь от другой женщины.

Ричард отпил еще немного вина, и вдруг его лицо внезапно оживилось, он вскочил с места.

– Андреас! А мы не ждали тебя раньше завтра!

Сэм увидела банкира, с чопорным видом идущего в их сторону, в длинном пальто с меховым воротником, запорошенным снегом, руки в перчатках он скованно держал по бокам. Ей внезапно стало холодно, словно Андреас оставил распахнутой дверь на улицу, мурашки поползли по коже.

Подойдя к их столику, Андреас кивнул ей, на его губах играла слабая самодовольная ухмылка, та самая, которую она видела сквозь жалюзи в каюте того моторного катера. Она была уверена в этом.

– Привет, как ты? – чересчур оживленно спросил Ричард.

– С сегодняшнего утра мало что изменилось. – Андреас холодно улыбнулся ему в ответ, покачал головой, а потом пристально посмотрел на Сэм: – Добрый вечер, миссис Кэртис.

– Добрый вечер, – ответила она так вежливо, как только могла, уставившись в ответ в его холодные неприятные глаза, которые, казалось, смеялись над ней.

– Я очень рад видеть вас снова. У меня остались самые лучшие воспоминания от встречи с вами за обедом. Такой был прекрасный вечер.

– Спасибо. Я рада, что вам понравилось.

– Садись, подключайся к нам, – пригласил Ричард, делая энергичные знаки официанту принести еще один стул.

– Вы, вижу, уже поели, – сказал Андреас. – Я возьму себе что-нибудь, а потом подсяду.

– Нет-нет, ни в коем случае, ты сядешь к нам прямо сейчас, – настаивал Ричард. – Не имеет значения, что мы уже поели. Мы просто спокойно посидим, а ты пока ешь. Я принесу тебе бокал. Выпьешь немного вина?

– Спасибо.

Банкир снял пальто, и Ричард с суетливой поспешностью обогнул столик, чтобы забрать у него пальто и передать, словно мяч в регби, официанту, принесшему стул. Потом Ричард схватил бокал с незанятого соседнего столика, налил немного вина и поставил бокал перед Андреасом.

– Здесь лучше всего пить местные вина, – сказал Андреас, присаживаясь и снова впиваясь взглядом в глаза Сэм.

– Да-да, – подхватил Ричард. – Да, разумеется, не сомневаюсь, что ты прав. Прошлый раз, когда были здесь, мы пили отличные вина… В честь сегодняшнего дня нужен тост! Давайте-ка выпьем немного шампанского, бутылочку «Пу»… и возьмем немного «Болле», если оно у них есть. Я

принесу винный прейскурант. – Он ухмыльнулся. – У меня есть тост за… дематериализацию Ричарда Кэртиса.

Он посмотрел на Андреаса, ища его одобрения, но банкир безучастно смотрел в сторону, словно собака, которая устала от своего щенка.

– Они не нашли никаких неисправностей в твоем автомобиле.

– Что ты имеешь в виду? – Ричард снова помахал официанту. – Не могли бы мы получить меню и карту вин, пожалуйста, – сказал он по-французски и снова повернулся к Андреасу. – Никаких неисправностей?

Тот в ответ пожал плечами:

– Может быть, там что-то… ну, как это называется?.. Расконтачилось в проводке или еще что-нибудь. Ну, теперь-то все отлично. Ход у нее просто замечательный.

Никаких неисправностей.

Сэм почувствовала, как у нее по шее поползли мурашки. Никаких неисправностей. Как с ее «ягуаром» у станции подземки «Хампстед». Ее без остановки трясло. Ричард и Андреас с изумлением уставились на нее.

– С тобой все в порядке, таракашка?

– Все отлично. Только вот чуточку холодно.

Она снова перехватила взгляд Андреаса, его ледяных голубоватых глаз на плоском, невыразительном лице, таком неприметном, пока не присмотришься повнимательнее. Аккуратно причесанные, довольно красивые волосы, но на макушке уже сильно поредевшие, еще немного, и будет лысина. Вероятно, когда ему было лет двадцать, он был неплох собой. Теперь это крепкий мужчина, крепкий и спортивный, с нарочитой элегантностью: розовый кашемировый свитер, кремовая шелковая рубашка, на груди небольшой серебряный медальончик.

– Странно, конечно, – сказал Ричард. – Я думаю, виноваты эти электронные штучки-дрючки, которые порой отказывают.

А потом она увидела это.

Увидела и поняла.

Она увидела, как Андреас, прежде чем обхватить своими пальцами в перчатке бокал с вином, сделал быстрое, почти незаметное легкое движение большим пальцем и мизинцем. Если бы она не смотрела так пристально, то не обратила бы внимания на движение, которое ему пришлось сделать, чтобы заставить шевельнуться три средних пальца, заставить и их согнуться вокруг бокала.

Чтобы они выглядели как настоящие.

43

Сэм неистово билась, пытаясь высвободиться из-под груды постельного белья, которое словно мешок с песком давило и душило ее. Пыталась высвободиться, чтобы спастись от надвигавшихся на нее сверху лопастей вентилятора, от потолка, потрескавшегося, словно яичная скорлупа. Она с безумными усилиями сбрасывала с себя простыни, но они падали обратно, давили на тело и лицо, закрывая ей рот и нос. Она задыхалась, судорожно глотая воздух, беспомощно извиваясь.

Поймана в ловушку.

Она попыталась закричать, но простыни затыкали ей рот.

Наконец ей удалось освободиться от них, и тут только она поняла, что простыни удерживали ее. Предохраняли от падения. Она выскользнула прочь, и ее стал затягивать кружащийся вихрь. Она отчаянно вцепилась в угол одной из простыней, но та смогла удержать ее вес только какую-то долю секунды, а потом разорвалась.

– Помогите!

Ее голос словно в пещере эхом разносился вокруг. И она камнем полетела вниз, со свистом рассекая морозный холодный воздух, то притормаживая, то снова падая, неумолимо приближаясь к крошечной темной норке. Она выставила перед собой руки, пытаясь оттолкнуться от нее, уйти в сторону, прочь от этой норки.

НЕТ!

Воздушный вихрь со свистом втянул ее в эту норку, она попыталась ухватиться за стены, но руки соскальзывали с обледенелой поверхности, ладони жгло огнем от холода и ссадин. А внизу, в чистой белизне, лопасти вентилятора разрезали воздух, лязгая все громче по мере того, как она кубарем приближалась к ним, с ужасом ожидая момента, когда они искромсают ее на тысячу кусочков.

– Пятьдесят пять с половиной на седьмом месте. Хорошо, принимаем эту цену, черт бы ее драл! Салли, я продаю «Мицубиси Хэви-500» за пятьдесят пять с половиной. Хорошо, а теперь покупаем заново эти проклятые акции!

Из темноты донесся голос Ричарда.

– Я говорю о крупных разорениях, Гарри. Настоящих разорениях. Нет-нет. Серьезно. Он крупный игрок, тройной клиент класса «А». Мы должны оградить себя от будущих потерь. Пятьсот контрактов. На рынке могут возникнуть сложности. Сколько бы они ни достали, я готов у них купить семь с половиной. Черт подери. Это же уходит от нас. Принимай это предложение. Бога ради, принимай это предложение!

Его речь звучала как-то бессвязно. Она никогда раньше не слышала, чтобы он разговаривал во сне. Никогда не слышала, чтобы он говорил таким сбивчивым и нервным тоном.

А потом она услышала детскую песенку:

Шалтай-Болтай сидел на стене.Шалтай-Болтай свалился во сне.Вся королевская конница,Вся королевская ратьНе может Шалтая,Не может Болтая,Шалтая-Болтая, Болтая-Шалтая,Шалтая-Болтая собрать!

Дети засмеялись, и она услышала, как смех разносится эхом, словно в пустой классной комнате. Дети смеялись все громче. Она выскользнула из постели, и смех немедленно оборвался.

Ничего не понимая, она прошлась по комнате. В постели поворочался Ричард, посопел и затих. Она подняла занавеску и посмотрела за окно. От снежной белизны, покрывавшей землю, ночь была странно прозрачной. Церковный колокол отбил три часа. Школа напротив стояла темная, молчаливая и пустая. Сэм повернулась и отправилась обратно в постель, улеглась, натянув одеяло до подбородка, пристально глядя в темноту.

Чье-то холодное дыхание коснулось ее уха, и она услышала мягкий, насмешливый шепот… Голос Слайдера. И всего одно слово.

– Аролейд.

А потом – тишина.

44

Когда они устало тащились вверх по холму к подъемной станции с лыжами на плечах, начался сильный снегопад. Они прошли мимо коровника, мимо ряда старых построек в стиле сельских домиков-шале, на каждом из которых красовалась вывеска: «ПАНСИОН ГАРНИ».

– Я считал, что ты всегда проявлял интерес к японским акциям, – сказал Ричард.

– Только к обеспеченным швейцарским франком, – ответил Андреас.

Они говорили на каком-то другом языке. Тоже на иностранном, как и языки страны, в которой они сейчас находились. Французский. Немецкий. Швейцарский диалект немецкого. Обрывки иностранных языков со всего света. Прямо перед ними, тяжело ступая широким шагом, шли двое долговязых мужчин, один во флуоресцентном желтом лыжном костюме и ярко-желтых ботинках, другой – с головы до ног в белом, только ботинки ярко-розовые. За плечами лыжи на ремешках, они громко разговаривали, хохотали во все горло. Люди как люди. Выбрались на денек покататься на лыжах. Приехали ради этого.

Приехали ради этого. Жизнь в скоростном ряду. Полеты туда-сюда. Стиль жизни.

Смерть. Лежишь себе в целлофановом мешке на разделочной плите в морге. Плывешь в пустоте. В абсолютной пустоте, где можно орать и никто тебя не услышит. Никогда.

В данный момент ее это не беспокоило, она смертельно устала, устала взбираться по холму, устала от снега, щекочущего лицо, устала жить в постоянном страхе. Ей хотелось просто спокойно посидеть. Посидеть и поспать, но только не видеть снов.

УСНУТЬ… И ВИДЕТЬ СНЫ? ВОТ И ОТВЕТ. КАКИЕ СНЫ В ТОМ СМЕРТНОМ СНЕ ПРИСНЯТСЯ, КОГДА ПОКРОВ ЗЕМНОГО ЧУВСТВА СНЯТ?

А продолжаешь ли видеть сны после того, как умрешь? в Пустоте?

– Сегодня ты с утра спокойна, таракашка, – сказал Ричард.

Она поморгала, стряхивая с ресниц снег, и потащилась дальше, ничего не говоря, опять зацепившись взглядом за зеленые лыжные рукавицы Андреаса с плотными мягкими прокладками.

ДУМАЮ, ЭТО ВОЗМОЖНО, ЧТО ОН – ЭТО КТО-ТО В НАСТОЯЩЕМ, СЕЙЧАС, КТО ДОСАЖДАЕТ ВАМ, ТРЕВОЖИТ ВАС… КТО-ТО, КОГО АССОЦИИРУЕТЕ С ЭТИМ СЛАЙДЕРОМ.

Он – просто обыкновенный банкир, только и всего. Банкир с изуродованной рукой. Да, сухой, да, надменный, так большинство банкиров такие же. Так чего ты его боишься, что он тебе сделает? Слопает тебя, превратит в лягушку? Набросится на тебя, когда Ричард не смотрит, изнасилует, а потом перережет тебе горло? Только потому, что ты вообразила, будто видела его на катере? Он же оказал вам обоим услугу, так что будь уж любезна с ним.

Они пересекли деревянный мостик над речкой, а потом вскарабкались вверх по крутым ступенькам и встали в длинную очередь к подъемнику на лыжную станцию. Стоя позади Андреаса и Ричарда, она медленно продвигалась вместе с очередью, окруженная запахами чеснока, лосьона для загара, гигиенической губной помады и духов.

– «Сони», – настаивал Ричард. – Их семилетние облигации – это в данный момент самое выгодное. Они повышаются в пять раз и четыре процента страховой премии.

– Я предпочитаю «Фуджитсу», – сказал Андреас.

Она вслушивалась в работу механизма, жужжание моторов, приводящих в движение этот мощный трос, по которому со скрежетом скользили шестиместные вагончики. Вагончики останавливались, слышались глухие металлические удары открывающихся дверей, лыжники шумно заталкивали свои лыжи в стойки, а потом карабкались внутрь, и двери со стуком закрывались. Крошечные кабинки, похожие на яйца, скользили вниз по тросу, с жутким ревом набирая скорость, пролетая между опорами подъемника. Неожиданно она испугалась и этих вагончиков, и нависающей горы, ей захотелось вернуться обратно в гостиницу. Вдруг Сэм почувствовала удар в поясницу, она резко развернулась.

– Извините.

Какая-то женщина с виноватой улыбкой наклонилась вперед, пытаясь пропихнуть свои лыжи, слегка пьяненькая, небрежно одетая, с двумя маленькими девочками в одинаковых розовых лыжных костюмах.

Внезапно ее лыжи заскользили вверх из рук. Она обернулась и увидела Андреаса, пристраивающего ее лыжи в стойку у задней стенки вагончика. Он взял ее за руку и подтолкнул внутрь.

Она огляделась.

– Ричард? А где Ричард?

– Он едет впереди.

Внутри вагончика четыре мальчика-японца наблюдали за ними, широко раскрыв глаза. Вдруг кто-то снаружи очень строгим тоном выдал пулеметную очередь японских слов, и мальчики стремглав выскочили вон, за секунду до того, как закрылась дверь.

Вагончик набирал скорость, и, чтобы не потерять равновесие, ей пришлось сесть на пластиковую скамеечку. Андреас сел напротив нее, придерживая свои лыжные палки старательно согнутыми пальцами. Вагончики, подвешенные на тросе, сильно покачиваясь, заскользили вверх.

Сэм выглянула из окна. Мерзкий ублюдок. Вырядился в зеленый, ультрасовременный лыжный костюм для скоростных гонок, защитные очки картинно приподняты на лоб.

Снегопад усилился. Ветер бесновался, видимость становилась все хуже, казалось, что непогода кольцом сжимается вокруг них. Вагончик вибрировал, и она с беспокойством огляделась вокруг, прислушиваясь, как дребезжит трос и снег стучит в окна. Она поймала на себе взгляд Андреаса. Он внимательно следил за ней и чему-то криво улыбался.

– Погода не слишком-то хорошая, – сказал он, а глаза его по-прежнему смотрели въедливо, пронизывая ее насквозь.

– Да уж, не слишком приятный денек, – ответила Сэм и отвернулась. Потом спросила: – Вы не ходите под парусом, Андреас? Женевское озеро – великолепное место для парусного спорта… и для моторных катеров.

Она пристально посмотрела на него. Он помолчал, а через секунду-другую сказал:

– Я слишком много работаю. Лыжи – мое единственное развлечение.

– Если бы я жила в Монтре, я бы все время каталась по озеру. В холодный воскресный день очень приятно с шумом промчаться по воде, вы не считаете?

– Я не знаю. – Он отвернулся к окну, словно ему наскучил этот разговор.

– Это ведь Рэтти в «Ветре в ивах» сказала: «Не существует ничего, решительно ничего и вполовину настолько стоящего, как обыкновенное катание на лодках», да? Ну, «Ветер в ивах». Вы не читали «Ветер в ивах»?

– Нет, кажется, не читал.

Сэм не отрывала взгляда от его лица, пытаясь понять его реакцию на свои слова, углядеть признаки смущения в том, как он держится. Он изменил позу, повернул голову, совсем чуть-чуть.

– Когда мы поднимемся выше, будет получше, – произнес он. – Вон за тем облаком.

Трос громко заскрежетал, продвигаясь по роликам очередной опоры, вагончик опять закачался, она нервно обернулась: в окне далеко внизу виднелись верхушки сосен.

А ПОЛУЧШЕ ПОТОМУ, ЧТО ОТТУДА ДАЛЬШЕ ПРИДЕТСЯ ПАДАТЬ. ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ НА САМОМ ДЕЛЕ ГЛУБОКОЕ ПАДЕНИЕ.

«Кто же ты такой, Андреас, черт тебя подери? Или все дело во мне?» Ее взгляд упал на пальцы Андреаса, потом на его зеленый костюм, и что-то в этом костюме показалось ей знакомым.

Вагончик резко дернулся и остановился, бешено раскачиваясь. Волна страха вновь прокатилась по ней. Сильный порыв ветра откачнул вагончик еще дальше в сторону. Снег и туман, казалось, стали еще гуще. Ветер все так же уныло завывал в металлических опорах, сотрясая их, вверху что-то проскрипело, а потом раздался отвратительный рвущийся звук, словно чудовищная сила раздирала на части металл. Андреас опять нагло ухмыльнулся, заметив, как она испугалась.

Кабинка еще раза два неистово накренилась и поехала дальше. Снова над ними послышался этот жуткий рвущийся звук, и уже в который раз вагончик накренился. Раздался громкий стук. Какая-то темная тень упала на них, сердце у Сэм сжалось от ужаса. Затем новый, еще более громкий стук, сильный толчок, и они откачнулись назад.

Двери с шипением открылись, послышался глухой тяжелый удар, и банкир встал.

Они приехали на станцию.

Андреас взял ее лыжи из стойки и остановился, поджидая ее. Сэм покачнулась и спрыгнула на землю. Позади опять раздался громкий стук – это прибыл следующий вагончик и ударился в их, уже опустевший.

– Спасибо, – поблагодарила она и последовала за ним к Ричарду, который стоял в очереди на выход.

Ричард обернулся:

– А я думал, что вы ехали прямо за мной. Я попал в один вагончик с компанией фрицев. Они не произнесли ни слова по-английски. А вы приятно поболтали?

– Твоя жена очаровательная дама. И так начитанна.

Андреас снова улыбнулся Сэм, а она отвернулась и посмотрела на потолок, где с грохотом и скрежетом вращались черные колеса подъемного механизма. Послышался металлический лязг – прибыл еще один вагончик и глухо ударился сзади в тот, который уже стоял.

Она знала, что это было здесь. Здесь, в этих горах. И оно ждало.

45

– Сэм!

Она услышала голос Кена, эхом разносившийся по горам, и с испугом повернулась, глядя вверх, на склон, с которого она только что съехала на лыжах. Но там не было никого. Никого, кроме Андреаса в его зеленом лыжном костюме, дожидающегося, пока она остановится, чтобы начать свой спуск, который она непременно должна увидеть. Она посмотрела на Ричарда, но тот, казалось, ничего не слышал.

Понятно.

Голос прозвучал так отчетливо. Словно был предостережением.

Сэм снова внимательно посмотрела вверх, на склон. Хорошо, что теперь они находятся с подветренной стороны. Из-за горы еле пробивалось солнце, темнеющее за облаками красноватым пламенем, словно сигарета, прожигающая скатерть.

Спустя час после ленча снегопад прекратился, и туман начал рассеиваться. Андреас предложил подняться повыше, до самой вершины ледника, чтобы уйти от непогоды, и оказался прав. Сзади послышались гудение и скрежет машины, расчищающей лыжню, которая взбиралась вверх по леднику у нее за спиной, близко, слишком близко… Она повернулась и наблюдала, как огромная гусеничная машина красного цвета прогрызалась своими вращающимися лезвиями сквозь снег. Сбоку у нее крупными буквами было выведено «ПИСТЕНБУЛЛИ», на крыше вспыхивала мигалка, а ее сирена издавала короткие монотонные сигналы, скрипучие, как несмазанная дверь.

Андреас ринулся с вершины, низко согнувшись, глубоко втыкая палки в снег, потом выпрямил ноги и тут же снова согнул их, сделав аккуратный поворот, слишком уж аккуратный, черт его побери, опять выпрямил и согнул ноги, ловко орудуя лыжными палками, повернул еще раз очень ловкой змейкой. Даже на поворотах тело его как бы парило, каждое движение было преувеличенно ритмично, словно он давал некий урок. Он с равномерной скоростью скользил вниз, навстречу вращающимся лезвиям «Пистенбулли», низко пригнув голову, оставляя на снегу четкие зигзаги поворотов.

«Будто и не видит этой машины», – ужаснулась она.

Он снова повернул в другую сторону от «Пистенбулли», резко увеличив скорость, а потом полетел обратно к ней, к ее тропе. Прямо навстречу этим лезвиям.

Но в самый последний момент он сделал еще один крутой, еще более эффектный поворот, низко пригнувшись к земле, как профессиональный гонщик, уходя на безумной скорости с пути машины и летя прямо на Сэм с жуткой ухмылкой.

Она отступила в сторону, ее лыжи скрестились, она потеряла равновесие и беспомощно заколотила по воздуху палками. А он, накренившись, резко тормозя на повороте, осыпал ее холодным колючим снегом.

Сэм с глухим стуком нелепо завалилась на бок и услышала, как Андреас заливается смехом. Она глубоко уткнула лыжные палки в землю и сильно оттолкнулась, вставая. Но лыжи выскользнули из-под ног, и она больно шлепнулась на спину. Ах, ублюдок… Она в бешенстве посмотрела на него, потом на Ричарда, который, сняв рукавицу, ковырял пальцем в носу. Здесь на этих склонах Андреас, казалось, прямо-таки оживал, словно стараясь компенсировать свою неловкость в светской беседе этим виртуозным спектаклем на лыжах. Он сдвинул защитные очки вверх на лоб.

– Давайте я вам помогу. – Он наклонился и цепко, как тисками, схватил ее за руку, с трудом поставив на ноги. – Вы так сильно упали, больно, наверное? – Он пристально смотрел на нее тяжелым, пристальным взглядом. – Здесь можно совершить траверс в очень красивую снежную впадину, я вам покажу путь вниз. Мало кто знает это место.

Он вернул на место защитные очки, и она невольно посмотрела на его руку, которой он поднимал ее на ноги, на его правую руку с тремя бесполезными пальцами. И тут же вспомнила другой случай, когда она почувствовала на себе такую же хватку, один-единственный раз в жизни, очень-очень давно. А он тем временем завел руку за спину и натянул на голову зеленый капюшон, а потом ринулся вниз и исчез в тумане.

Сэм отряхнула с себя снег и сказала Ричарду:

– Я не хочу больше кататься с ним.

– Он же хороший лыжник, – настаивал Ричард. – Отлично знает местность. В таком тумане хорошо

иметь проводника.

– Мне это не надо.

– Вообще-то я думаю, что ты ему здорово нравишься.

Она уставилась на него, потеряв от изумления дар речи.

– Так что же, Ричард, я часть твоей сделки?

Он побагровел и в смущении почесал себя за ухом.

– Не смеши меня. Просто будь с ним поласковее, только и всего.

– Господи, – сказала Сэм. – Ты раньше был таким гордым.

Она отвернулась в сторону, не в силах даже смотреть на него, и начала спускаться на лыжах вниз, в том же направлении, что и банкир. Она сделала неловкий поворот, потом еще один и остановилась: глаза болели, голова раскалывалась от гнева и страха, охвативших ее.

Ричард со свистом стремительно помчался вниз, как обычно сутулясь, слегка небрежно, и исчез в тумане. Вновь услышала шорох лыж – еще одна парочка проскользнула мимо, мужчина был немного скован, а женщина двигалась с элегантной свободой. Туман поглотил и их тоже, а потом наступила тишина. И внезапно Сэм поняла, что осталась одна на этом склоне.

Она нервно оглядывалась вокруг. Бедро болело от падения, ей было холодно, ноги промокли. Хотелось оказаться дома, перед камином, и чтобы Ники играл на ковре. Да, дома уютно, уютно и безопасно. Где-то там далеко, и может быть, этого уже больше не существует.

Сильно прищурившись, она нерешительно оттолкнулась палками, неуверенно выполнила поворот, потом еще один, пытаясь попасть в правильный ритм, подбодрить себя. Потом лыжи с неприятным скрежетом зацепились за снежную кромку и наехали одна на другую. Земля понеслась навстречу ей, закрутила ее и больно ударила по животу.

– Черт побери, – сказала она.

Она полежала лицом вниз, поджав под себя одну ногу с закрепленной лыжей и вытянув вторую ногу, с которой лыжа слетела. Потом с трудом надела свалившуюся лыжу и пристально посмотрела вниз, туман быстро подступал все ближе.

Где же они?

– Ричард? – крикнула она.

Молчание.

– Ричард! – закричала она громче, но туман поглотил ее голос, словно промокательная бумага.

Она осторожно заскользила вниз по склону, сделала еще два поворота и опять остановилась. Впереди, немного ниже по склону, замаячил неясный силуэт, и она поехала в его сторону. Приблизившись, узнала зеленый лыжный костюм Андреаса, банкир быстро удалялся от нее, а затем резко повернул вправо. Прямо под ней обозначилась какая-то тень. Оказалось, что это обычный столбик-указатель со стрелкой. Она съехала вниз. Угрюмый черный знак указывал направление, противоположное тому, в котором ехал Андреас. На дощечке что-то написано, наверное, как обычно, название участка трассы. Она всмотрелась повнимательнее.

АРОЛЕЙД.

Сэм уставилась на дощечку, не веря своим глазам.

АРОЛЕЙД.

Снежный наст, казалось, колыхался под ней, будто она стояла в утлой лодочке.

АРОЛЕЙД.

О боже милостивый, нет!

АРОЛЕЙД.

Это название сверкало ярким блеском, резало ей глаза, надвигаясь все ближе, ближе, пока наконец не хлестнуло ее по лицу и не сшибло с ног.

Она лежала на снегу, уставившись снизу на страшные буквы, оцепенев от ужаса. Помимо ее воли, эти буквы перетасовывались в ее сознании в странные фразы:

УЙДИ С РЕЛЬСОВ.

ЖАЛКАЯ ПОДАЧКА.

А НЕ ТО Я ПРИМУ МЕРЫ.

Я – СУД БОЖИЙ.

ПОВТОРНЫЙ НАБОР НОМЕРА.

Сэм услышала звуки, похожие на сдавленное хихиканье, и резко обернулась. Но там никого не было.

Она снова встала на лыжи и внимательно посмотрела на зловещий знак.

АРОЛЕЙД.

Указывает налево. Единственный указательный столбик в этом тумане.

Она с опаской всматривалась в туман. Ей было страшно оставаться здесь в одиночестве и страшно двинуться с места в любую сторону.

– Ричард! – попыталась крикнуть она, но изо рта ее не вырвалось ни звука.

Холод кусал пальцы, обжигал лицо, пронизывал насквозь. А туман сгущался, тая в себе что-то странное, призрачное.

«Все в порядке.

Это очередной прозрачный сон.

Через минуту я проснусь.

Господи, пожалуйста, я хочу проснуться».

Она уловила у себя за спиной какой-то звук и обернулась на него. Она увидела неясный силуэт, по очертаниям похожий на человека, который исчез так мгновенно, что она не успела рассмотреть его. «Туман», – подумала Сэм. Обман зрения.

– Ричард! Это ты?

Ничего.

Туман продолжал сгущаться, зеленый костюм исчез.

АРОЛЕЙД.

Налево.

Знак, который показал ей Слайдер.

Не по этой дороге. Только не по ней, благодарю покорно. Она повернула направо, вслед за Андреасом, быстрее от этого знака, как можно быстрее. Теперь, спускаясь по наклонной плоскости, она набирала скорость, но вдруг почувствовала, как что-то толкнуло, и она чуть не упала, когда ее лыжи вылетели с твердой накатанной лыжни на глубокий рыхлый снег.

Зеленый костюм совершенно исчез из вида, но еще была заметна лыжня Андреаса, и Сэм заскользила по ней.

– Да подожди же ты меня, педик, – бормотала она, с трудом удерживаясь на ногах при очередном повороте, тщетно пытаясь приспособить свою технику к движению по снежной пороше. Снег шел все сильнее, и она потеряла следы Андреаса. Внезапно лыжи резко заскрежетали, наскочив на что-то, она еле удержала равновесие – это она проехала по камню, засыпанному снегом.

О господи. Подожди. Да подожди же меня!

Склон стал еще круче, и она понеслась с еще большей скоростью, взвизгивая от страха. За поворотом поворот она мчалась вниз по крутому, явно не освоенному лыжниками оврагу. Лыжи чиркнули еще об один камень и заскребли по голому льду. Сэм напряженно всматривалась вперед, пытаясь понять, куда же она едет, стараясь углядеть следующий ухаб, чтобы не угодить в него и не

упасть опять. Она остановилась в считаных дюймах от здоровенного голого камня, тут же попятилась, развернулась и все-таки попала на какую-то кочку, ее подбросило вверх, и она приземлилась уже на другой стороне оврага, в глубокий мокрый снег. Она быстро поднялась по склону, хотела развернуться, но влетела в новый ухаб, высоко подпрыгнула и тут прямо перед собой увидела зеленый костюм Андреаса. Двигаясь зигзагами, она нагнала его и остановилась прямо позади него, обессиленно глотая воздух.

– Господи, – проговорила она, едва дыша. – Какой крутой спуск. По-моему, он не очень приспособлен для лыжников.

– Вполне приспособлен, – возразил Андреас. – Но вот отсюда он становится еще круче. Отличный кусок, только вам придется быть поосторожней.

Он сдвинул свои защитные очки на лоб и повернулся.

Сэм пронзительно завизжала.

Задние концы ее лыж скрестились и уткнулись в снег. Она рванулась вперед, вонзая свои лыжные палки в снег, судорожно цепляясь за них. Голова ее тряслась от ужаса, она не хотела верить своим глазам.

В безумном отчаянии она взирала на черный капюшон с прорезями-щелочками для глаз, носа и рта, закрывавший лицо человека в зеленом лыжном костюме.

Слайдер.

Как в той лаборатории сна.

И этот зеленый костюм. Тот самый костюм.

Она озиралась вокруг, высматривая Ричарда. Господи, да где же ты? Потом уставилась на Андреаса, боясь отвести от него взгляд, боясь, что он…

А он улыбался, довольный собой, довольный тем, как она напугана. Он коснулся капюшона своей лыжной рукавицей.

– Шелковая балаклава – очень хорошо сохраняет лицо в тепле. Сейчас мы поедем по глубокому снегу. Он будет лететь вверх и царапать лицо.

Успокойся.

Ну, бога ради, успокойся. Ну, просто балаклава. Сколько лыжников носят такие балаклавы. Всего лишь обычная проклятая балаклава! Обычный зеленый костюм.

Ну, совпадение. Только и всего.

Он натянул обратно свои защитные очки и поманил ее рукой.

Она пристально смотрела на него, не желая двигаться, но ее лыжи начали скользить, и ей пришлось снова вонзить свои палки в снег, чтобы не наехать на него. Повернув голову, она пристально смотрела назад, вверх по склону оврага.

Ричард, ну пожалуйста, приезжай.

Туман немного рассеялся, и она увидела, насколько крутым и узким был спуск.

– Вам повезло, что я здесь остановился. – Андреас по-прежнему самодовольно ухмылялся. – А то вас ожидало довольно-таки неприятное падение.

Сэм заметила, что наверху кто-то появился. Ричард. Ее сердце подскочило от облегчения.

Ричард поехал вниз, на повороте его лыжи скрестились, и он упал головой вперед. Она с беспокойством наблюдала за ним, он приподнялся из снега и помахал ей рукой.

Она снова посмотрела на Андреаса. Так сон это или нет? Уж не прозрачный ли это сон?

Теперь я в самом деле хочу проснуться. Но она понимала, что на сей раз она не спит.

– Поехали! – сказал Андреас. – Только не спешите, будьте очень осторожны. Я хочу показать вам, что там внизу.

ДУМАЮ, ЭТО ВОЗМОЖНО, ЧТО ОН – ЭТО КТО-ТО В НАСТОЯЩЕМ, СЕЙЧАС, КТО ДОСАЖДАЕТ ВАМ, ТРЕВОЖИТ ВАС… КТО-ТО, КОГО ВЫ АССОЦИИРУЕТЕ С ЭТИМ СЛАЙДЕРОМ.

Она потихоньку продвигалась вперед, не в силах оторвать глаз от его лица, пока не оказалась рядом с ним.

– А теперь посмотрите. – И он показал рукой вниз.

Она заглянула за край выступа, на котором теперь стояла.

Овраг спускался к узкому ущелью, заполненному камнями и рыхлым снегом, с почти отвесными стенами и обледеневшими краями, круглыми и гладкими, словно дуло пушки. По мере того как ущелье спускалось, оно становилось все уже, и что там было дальше, ей не было видно из-за уступа.

– Будьте предельно осторожны при спуске и не падайте, – предупредил Андреас, снова ухмыляясь. – Вам не остановиться. Если вы упадете, то покатитесь вниз. Там, в конце, довольно опасный кусок. Вы должны сразу же свернуть вправо и сделать траверс. Если упадете, то вам придется долго катиться по камням.

Он подпрыгнул, разворачиваясь, и лихо покатил вниз, словно съезжал с детской горки, энергично двигал руками и ногами, даже подпрыгивал, почти как танцор, все увеличивая скорость, будто его же собственное предостережение самого его не касалось.

Она повернулась и увидела, что Ричард снова готовится стартовать вниз, в ее сторону.

– Ричард, ради бога, осторожнее, – крикнула она. – Затормози тут, где я сейчас стою… и не езди слишком быстро.

Ричард поднял руку, подтверждая, что слышит ее, и она поехала вниз, медленно, как-то скованно, неуклюже огибая пригорки и валуны. Добравшись до дна ущелья, она оцепенела. Дальше шел сплошной лед, отвесно уходящий вниз, в плотный туман. Голова ее закружилась, она отступила на несколько дюймов назад, подальше от обрыва, и обернулась, чтобы предостеречь Ричарда. Он остановился в нескольких ярдах над ней.

– Все нормально? – прокричал он.

– Будь осторожнее. Здесь действительно надо быть очень осторожным, там дальше отвесный спуск.

Сэм потихоньку, пятясь, отодвинулась еще дальше назад, боясь повернуться, пока не оказалась на несколько футов повыше. Ричард все еще дожидался, пока она освободит ему дорогу. «Тишина, – отметила про себя она. – Какая ужасная тишина».

Куда же, черт подери, он привел ее, этот тип? Эта тварь. Это нечто. Да кем бы там он ни был! Она снова внимательно посмотрела вверх по склону ущелья. Господи, какой кошмар карабкаться туда! Уже четыре часа, скоро начнет темнеть, в особенности если туман снова сгустится. Горные трассы закроют для расчистки. Но только не здесь. Ведь здесь не проложено никакой лыжни. Им никогда не добраться наверх до темноты. Единственный путь – это продолжать спускаться вниз.

ВЫ ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМ МОНСТРОМ, СЭМ.

«Вот я и встречусь с ним», – подумала она, начиная траверс по ледяному узкому выступу с отвесным спуском, к смерти, которая теперь в двух футах от нее. Она заметила, что набирает скорость, а этот выступ слишком узок, чтобы развернуться на нем. Она поставила лыжи под углом, пытаясь притормозить, и начала соскальзывать вбок, к краю.

Потом она снова поставила лыжи параллельно, и ледяная горка со свистом проносилась мимо нее все быстрее, ветер хлестал по лицу. Краешком глаза она заметила Андреаса, услышала его злорадный смех, пробивавшийся из-под его капюшона. Выступ неожиданно перешел в гигантский склон, лыжи соскользнули со льда в глубокий и мягкий снег. Она остановилась и посмотрела вниз. Склон был крутым. Куда круче тех, с которых она привыкла спускаться. Этот склон уходил вниз на несколько сотен футов, постепенно становясь более пологим, но дальше, похоже, был еще один отвесный спуск.

Сверху послышался шум кружащего вертолета. «Лыжный патруль», – подумала она, всматриваясь в небо с внезапной надеждой, но так и не смогла ничего разглядеть.

Свирепый порыв ветра взметнул вверх колючий снег, превращая его в едкую изморозь, она отвернулась в сторону, чтобы защитить лицо. Снова внимательно посмотрела в небо, казавшееся темно-голубым через стекла защитных очков, спокойным, точно глубокая вода. Рокот вертолета стихал в отдалении.

Позади нее по льду поскрипывали лыжи Ричарда. Он остановился у края и всматривался вниз, в эту отвесную ледяную стену.

– Куда же, черт подери, ты привел нас, Андреас? – закричал он. – Мы же, черт подери, не альпинисты. Ты что, решил нас угробить?

Андреас ухмыльнулся Сэм, не обращая внимания на Ричарда.

– Под этим снегом лед. Спускайтесь прямо вниз. Короткими поворотами. Следуйте точно по моим следам. А если траверсом, то можете срезать снег, и он пойдет лавиной. Следуйте точно за мной. Если вы не будете поворачивать в нужных местах, вы перелетите через этот край на дно. А там опять ледяная стена. Отвесная.

Она внимательно посмотрела вниз, а потом взглянула на банкира. Страх парализовал ее.

Андреас ринулся вперед, словно сжатая пружина, поднимая брызги снежной пыли, он шел резкими короткими зигзагами, контролируя свою скорость. Он снова сжался, но распрямился как-то неловко, изогнулся, пытаясь удержаться, но закувыркался, упал лицом вниз и на какое-то мгновение совершенно исчез в комьях снега. Вот появилась одна рука, потом голова… Он приподнялся немного и закрыл руками лицо.

Сэм знала, что должна сделать, знала, что ей надо действовать сейчас или никогда. Она осторожно начала спускаться, точно по следам Андреаса. Поскольку первый поворот она сделала слишком медленно, ей не хватило инерции движения, и передние концы ее лыж застряли в плотной снежной корке, она едва не опрокинулась. Резко дернулась, чтобы высвободиться, запаниковала и следующий поворот сделала уже на чересчур большой скорости. Подпрыгнув на мгновение после очередного поворота, она увидела Андреаса ярдах в пятидесяти под собой, а позади него – далеко-далеко внизу – этот страшный край. Только не смотри вниз. Не смотри вниз. И не падай. Ее мышцы были так напряжены, что все повороты она выполняла совершенно неправильно. Она попыталась замедлить ход, но это ей не удалось, скорость возрастала.

Проехав еще футов двадцать, она свернула со следа Андреаса и начала траверс через склон, набирая бешеную скорость.

– Таракашка! – услышала она отчаянный крик Ричарда. – Не делай траверса! Таракашка! Поверни, бога ради, ПОВЕРНИ!

Край обрыва стремительно приближался. Она теперь мчалась слишком быстро, и свернуть было невозможно.

– Таракашка! Поворачивай! Поворачивай, таракашка! Падай, ради бога! Падай!

Край становился все ближе.

Она пронзительно завизжала, попыталась заставить свои лыжи повернуть. Попробовала направо. Потом налево, но все безуспешно – край обрыва со свистом мчался навстречу.

Но вдруг снег вокруг нее комьями взметнулся ввысь, в шее что-то болезненно хрустнуло, и она очутилась на спине, уставившись в небо.

Услышала встревоженный голос Ричарда:

– Таракашка? С тобой все в порядке?

Сердце тяжело стучало. Она перевернулась, сдвигая слежавшийся снег.

– Отлично, – крикнула она. – Все отлично.

Она с трудом поднялась, стряхнула снег с очков и увидела Ричарда: тот испуганно переводил взгляд с нее на длинную борозду, которую она проделала в снегу. Андреас, оказавшийся теперь уже в сотне ярдов над нею, по-прежнему не отнимал руки от лица, и она заметила, что по его рукавицам стекает кровь.

– Андреас! – закричал Ричард. – Ты там в порядке?

Склон здесь спускался более полого, и до края обрыва еще оставалось некоторое расстояние. Обе лыжи свалились, она вытащила их из снега, встала на них и занялась креплениями. Ричард ждал. Андреас продолжал сидеть, закрывая руками один глаз. Сэм еще раз взглянула на диагональную линию, которую она пропахала над ним. Ей никак не удавалось застегнуть крепление, она с силой притопывала ногой, стараясь, чтобы запор наконец щелкнул и закрылся. Руки ее совершенно онемели, и сознание тоже как будто онемело.

Послышался какой-то звук, похожий на удар грома, ей показалось, что ее будто сильно ударили по подошвам. Вверху, на снежном склоне начали расползаться трещины, напоминающие узловатые вены.

«Как потрескавшаяся яичная скорлупа», – подумала она.

Раздался оглушительный грохот, и земля стала уходить из-под ног. Трещины расползались во все стороны вокруг нее с каким-то странным, жутким звуком, будто рвали гигантский лист пергамента или же трескалась гигантская яичная скорлупа, или потолок в том гостиничном номере.

Она услышала отчаянный вопль Ричарда:

– Беги, таракашка. БЕГИ!

Она попыталась пошевелиться, но оцепенела от страха. Оцепенела как в кошмарном сне.

– Беги же, таракашка!

Раздался треск, похожий на удар кнута, и огромная глыба снега заскользила вниз прямо к ней. Она услышала мощный рев вздымающейся волны и посмотрела наверх. Вниз по склону по направлению к ней медленно надвигалось облако, перекатывая огромные валуны льда и вспенивая снег…

Сэм дернулась вперед, пытаясь проскользить на одной лыже, которую успела надеть, но другая нога утопала в глубоком снегу.

Рев уже просто оглушал, дико воющий ветер пронизывал насквозь. Теперь она оказалась почти на самом краю, почти, но вдруг снег выскользнул из-под ног, она стала падать.

Ветер обжигал лицо, его жуткий заупокойный вой гудел в ушах, барабанные перепонки невыносимо заныли от стремительно меняющегося давления. Вокруг с глухим стуком падали камни и ледяные комья. Со всех сторон до нее доносилась безумная, устрашающая какофония, словно миллионы людей с топотом мчались по гулкому туннелю. Эхо разносило по горам эти жуткие звуки, стократ усиливая их.

Плыви. Попытайся удержаться на поверхности.

Сэм пошевелила руками. Что-то больно ударило по голове, она снова закувыркалась, руки скользнули вниз по обжигающе холодной ледяной стене.

Она падала, вращаясь как веретено. «Водоворот», – подумала она.

Безумный мрачный рев доносился со всех сторон. Что-то шлепнулось об ее щеку, щека загорелась, а она все падала, на мгновение она вдруг почувствовала свободу и тут же наскочила на что-то твердое, а затем еще раз.

А потом она остановилась. Она заметила, что безумный грохот, треск и завывание становятся все тише, приглушеннее. Отдаляются.

И наступила тишина.

Она лежала в полной темноте. Попробовала изо всех сил зажмурить глаза, потом открыть их, но ничего не было видно.

Она попыталась пошевелить руками, руки не двигались.

Попыталась пошевелить ногами… головой. Ощущение было таким, словно ее запечатали в цемент.

Ее охватила дрожь.

Пустота. Такая же пустота, которая ей снилась, когда раздавили и выбросили за обочину тот «мерседес».

Пустота, где она больше никогда не увидит Ники.

И Ричарда тоже.

И вообще никого.

Ужас волной прокатился по ней. Полчаса… Полчаса – это все, чем вы располагаете, если вы угодили в ловушку при сходе лавины. А после вы, собственно, принадлежите царству мертвых.

Где она? Далеко внизу? На какой глубине?

Со всех сторон холод.

И тишина.

Да, это смерть.

Она опять попыталась пошевелиться. Правая рука вроде бы свободна, но что-то сдерживало ее.

Ремешок лыжной палки. Она согнула руку, высвободилась. Теперь можно дотронуться до лица. Она пробежала пальцами по лбу, по носу, рту… Да, это я. И я жива. Она коснулась щеки. Очень больно.

А где же верх, как я лежу-то?

Раньше они так много разговаривали о лавинах. Шутили по их поводу. Обсуждали, что делать, если попадешь в нее. Говорят, что от страха ты мочишься под себя. Так вот собачки тебя там и находят. По этому запашку.

Она поинтересовалась, а не случилось ли это с ней?

Ах, как неловко. Найдут тут тебя, как какую-то…

Поплевать. Кто-то говорил, что надо поплевать. Если плевок приземлится тебе на физиономию, то поймешь, где верх. Она плюнула. Слюна шлепнулась на лоб.

– Помогите мне! – закричала она. – Я здесь! Здесь!

Но по тому, каким слабым оказался звук ее голоса, она поняла, что он вместе с ней пойман в ловушку этой могилы.

«А я ведь могла бы быть без сознания, – подумала она. – Меня могло бы оглушить до потери сознания, что позволило бы мне, по крайней мере, умереть не просыпаясь».

Какая-то капелька упала ей на лицо. Потом другая. Тающий снег.

А где был Андреас? Ричард? Не погребен ли и Ричард тоже этой лавиной?

Они находились в стороне от лыжни, внизу на склоне горы. Да заметил ли вообще хоть кто-нибудь эту лавину? Она подняла руку вверх и попробовала толкнуть снежный потолок. Твердый как камень. Она попыталась поскрести рукавицей. Но та только без толку скользила.

«Лыжная палка», – вспомнила она и вцепилась в палку. Но та и не пошевелилась.

Нужно что-нибудь острое, металлическое. Должно же здесь быть что-нибудь!

Сэм стянула рукавицу зубами. Новая капля упала на лоб. Поскребла снег пальцами. Холодные крупинки падали на лицо, попадали в глаза. Защитные очки, должно быть, слетели, внезапно она пожалела, что потеряла их. «А может быть, они их найдут? Может быть, они найдут их, даже если не найдут меня?

И опознают по моим очкам».

Рука замерзла. Сохраняй тепло! Она с трудом подергала лыжную палку туда-сюда, но палку заклинило. Она закрыла глаза, потыкала кулаком снег над головой, прислушиваясь к мягким звукам своих ударов. Приятно производить хоть какой-нибудь шум. Разорвать эту мрачную тишину.

А можно ли дышать сквозь лед? Сколько вообще воздуха в ее распоряжении?

Она услышала легкий шум, словно горсточкой гальки швырнули в окно. Прямо над ней.

Ее сердце так и запрыгало. Они нашли ее. Нашли!

А потом – ничего. Только какое-то слабое эхо. Это могли быть чьи-то шаги в нескольких ярдах отсюда, а может быть, взрыв на довольно большом расстоянии.

В гневе и отчаянии она молотила кулаками по снегу, прикрыв глаза от сыплющейся ледяной крупны. Снег вроде бы чуть-чуть поддался, или, может, показалось? Она ударила в снежный потолок изо всех своих сил, и внезапно ее рука пробилась насквозь. Снег потоком посыпался на лицо, в рукава. Она вытерла лицо и открыла глаза.

Солнечный свет.

Ослепительно-белый солнечный свет.

Она уставилась на него через эту маленькое отверстие, чуть побольше ее кулака.

– Эй! Помогите мне!

Солнечный свет просачивался в ее снежную могилку, и теперь она могла поглядеть вокруг себя.

Оказывается, она не одна. Кто-то есть еще, здесь, вместе с ней.

Мертвенно-бледная красноватая глазница невидяще уставилась на нее сквозь щелочки-прорези в перепачканном кровью капюшоне. В считаных дюймах от ее лица. И пока она смотрела, еще одна капелька крови упала из глазницы ей на щеку.

Она пронзительно вскрикнула. Потом еще.

Лицо Андреаса в капюшоне торчало из свода этой могилы всего в нескольких дюймах над ней, словно уродливая горгулья из водосточной трубы готического собора. Рот приоткрыт в искривленной улыбке, глазница с любопытством выставилась на нее, видит теперь столько же, что и его нормальный глаз, который пристально и безучастно смотрел на нее из своей щелки, смотрел не двигаясь и не мигая.

О боже милостивый, нет. Нет.

А потом она увидела его руку, согнутую под каким-то неестественным углом, словно она не принадлежала тому же самому человеку. Сэм впервые увидела руку Андреаса без обычной рукавицы: уродливая, высохшая, всего с двумя пальцами, большим и мизинцем, неподвижно торчащую из снега, словно клешня.

Она потрясла головой, пытаясь отвернуться, посмотреть вверх, сквозь это крошечное оконце, которое она пробила на свет в снежной толще. В этот момент дневной свет вдруг померк, на мгновение он совершенно пропал. Почва вокруг нее загудела и задрожала.

О господи, только бы снова не лавина. Только не двигайся. Ну, пожалуйста.

Она увидела над собою вращающиеся лопасти.

Вентилятор.

Черные лопасти, надвигающиеся на нее с безумным жужжанием.

Пропеллер.

Вентилятор.

Потрескавшийся потолок.

Яичная скорлупа.

Черные лопасти.

Вертолет.

А потом они начали удаляться дальше, в сторону. И грохот прекратился.

Вертолет.

О, пожалуйста, вернитесь назад. Я же здесь. Пожалуйста, вернитесь назад.

Но он улетел.

– Помогите! – пронзительно закричала она. – Помогите! Помогите мне!

Она услышала, как что-то царапается и скребется уже над головой, и взволнованный голос, кричащий по-французски:

– СЮДА! СЮДА! СЮДА!

Послышался внезапный оглушительный грохот, и поток снега и льда обрушился на нее. Лицо Андреаса затряслось, завибрировало, словно он смеялся, черный капюшон приподнимался и опускался, как на живом, будто он все еще дышал, все еще смеялся над нею. Голова начала приближаться, ближе, ближе, дюйм за дюймом, словно собиралась поцеловать ее.

НЕТ. НЕТ. НЕТ. НЕТ.

Опять послышался грохот. Свет исчез, и она оказалась в кромешной тьме.

Погребена в темноте и в молчании.

В пустоте.

В пустоте, где можно визжать до скончания века.

Что-то мягкое, холодное и влажное коснулось ее ресниц, легонько двигаясь взад-вперед, еле слышно скребясь; чье-то лицо придвигалось все ближе, прижимаясь к ее лицу.

Она дернулась назад, отчаянно мотая головой, пытаясь вжаться затылком в лед, но это ей не удалось, чужое лицо прижималось к ней все сильнее и сильнее, терлось об ее лицо; будто их головы медленно сжимались с двух сторон страшными тисками.

Боль все росла. Дышать стало труднее, она жадно глотала воздух, задыхаясь, пытаясь понять, что происходит, но ужас, который ослеплял ее еще больше, чем эта темнота, мешал думать.

Ты душишь меня.

Ты раздавливаешь меня.

Ты делаешь мне так больно.

А потом в ее голове словно что-то взорвалось.

Вроде электрической лампочки.

И все остановилось.

Неизвестный лысый мужчина улыбался ей из темноты и протягивал руки.

Она отпрянула назад, хотела оттолкнуть его ногами, но не смогла даже пошевелиться.

– Оставь меня в покое! – пронзительно завизжала она.

Он, вздрогнув, заморгал, а потом снова заулыбался нежно и успокаивающе. Сэм нахмурилась. Другой, сообразила она, совершенно другой. Большие теплые глаза и кустистая черная борода.

– Все хорошо, пожалуйста, все хорошо, – сказал он.

Сэм внимательно наблюдала за ним, совершенно озадаченная. Откуда эта вибрация и оглушительный грохот, который эхом отдавался вокруг, будто она находится внутри жестяного барабана? А непонятно откуда взявшиеся запахи веревки, масла, смазки и выхлопных газов? Она услышала щелчок какой-то застежки, лязг цепочки и чей-то крик. Это бородатый мужчина прокричал что-то в ответ, но шум заглушил его слова. Она почувствовала, что ее руку сдавили.

– Все хорошо, таракашка. С тобой все отлично. Все должно быть хорошо.

Ричард.

Она слегка повернула голову и увидела проплывающие мимо пихты, потом – голубую ледяную стену, а потом – ничего, кроме серой туманной дымки, как будто она только что застала конец какого-то семейного видеофильма.

– Как вы себя чувствуете? – Мужчина с кустистой бородой снова наклонился над ней.

– Ноги болят.

– Мы дадим вам кое-что от этого. У вас нет аллергии на какие-нибудь лекарства?

Она покачала головой. Движение причинило ей боль.

– А где я нахожусь?

– В вертолете. Мы сейчас моментально доставим вас в больницу в Висп. Надо только подождать еще несколько минуток.

Ее руку снова сдавили, и она ощутила, что ее гладят по лбу. Она открыла глаза, ее затошнило. Она увидела Ричарда, стоящего над ней. Он гладил ее лоб.

– С тобой все хорошо. Все будет отлично.

За его спиной промелькнули в отдалении очертания вершины Маттерхорна. Она приподнялась немного, превозмогая боль, пытаясь вспомнить, что с ней произошло.

– Ложись, таракашка. И не пытайся садиться.

Она успела разглядеть голубовато-стальную стену льда, отвесно уходящую вниз в конце глубокого оврага. А неподалеку от стены, на склоне горы зияла довольно широкая расщелина.

Вот там-то она и была.

На мгновение овраг и сосна пропали из вида, а потом она снова смогла ясно увидеть все, прямо под собой. Они летели на одном уровне с ущельем, и она рассмотрела его вдоль и поперек. На верхней части склона, прежде занесенной снегом, теперь высились острые скалы, покрытые грязным месивом. Справа эти скалы тянулись вниз до того самого выступа, а за ними начиналась ледяная стена. А слева грязное месиво постепенно превращалось в снег, лежащий огромными, толстыми пластами, похожими на белые валуны, хаотично нагроможденные друг на друга. Пласты образовывали что-то вроде обледеневшей стены в несколько ярдов высотой, которая обрывалась как раз рядом с этим выступом. А еще дальше, слева, где ледяная стена оканчивалась и где спуск был не такой крутой, опять громоздились ледяные валуны, устилая склон до второго выступа.

На обоих выступах, и верхнем и нижнем, мужчины в коричневой одежде устало бродили между этих валунов. Они двигались цепью, короткими шажками, втыкая тонкие металлические прутья в снег между каждым валуном. Они поднимали голову и шли дальше, протыкая снег на каждом шагу.

– Сумасшедшие, – произнес чей-то голос позади нее. Она повернулась и увидела, что мужчина с кустистой бородой посмотрел сперва на нее, а потом на Ричарда. Он покачал головой и посмотрел сердито, сердито и с болью. – Сумасшедшие. Вы-вы, англичане. Просто сумасшедшие. Почему вы

поехали на лыжах туда вон, вниз? – Он слегка постучал согнутым пальцем себе по лбу. – Сумасшедшие.

– Я… – Но возражать не хотелось. – Извините, – сказала Сэм.

– Я думаю, что вам очень повезло.

– Повезло?!

Мужчина жестом показал в окно и снова покачал головой.

– Видите вон там? Этот лед, эти стены? Это же уму непостижимо. Посмотрите, куда вы спускались вниз.

Теперь она ясно могла все разглядеть. Склон горы обрывался вниз отвесно. Если бы им удалось добраться вниз по склону, который обвалился, то они бы до сих пор…

А тот выступ, у которого Андреас советовал ей повернуть, тянулся дальше, огибая склон, еще всего на несколько ярдов, а потом отвесно падал вниз. Сверху этого не было видно. Да, они бы и не заметили этого до тех пор, пока не сорвались с выступа и не покатились бы, кувыркаясь по отвесной стене скалы, вниз футов на тысячу, если не больше, в клубящийся туман.

47

В дверь больничной палаты постучали.

– Войдите, – сказала Сэм.

Вошел полицейский в темно-синей форме, с черной кабурой, с кепи в руке. Он закрыл за собой дверь и вежливо кивнул ей. Невысокий, аккуратный, с опрятными темными волосами и ровными тонкими усиками, по виду педант.

– Миссис Кэртис?

Она кивнула.

– Капрал Жулен из полиции кантона Валлизе, – представился он.

– Добрый день.

– Как вы себя чувствуете, миссис Кэртис?

– Хорошо, благодарю вас.

– У вас ребра сломаны и нога?

– Два ребра и лодыжка.

– Вы не станете возражать, если я задам вам некоторые вопросы? – спросил он.

– Разумеется, не стану.

Он подставил к кровати стул и сел на него, положив кепи себе на колени.

– Да, это очень плохо – попасть под лавину. Мы пытаемся обеспечить безопасность на этих трассах, но когда люди уклоняются с размеченных путей, да еще и без проводника… – Он воздел руки в воздух.

– Да.

– Вы знаете… вот то место, где вы были, оттуда же нет никакого пути вниз, понимаете? Если бы вас не снесло вместе с лавиной, то вы бы почти наверняка погибли. Вы не смогли бы спуститься дальше вниз. Там невозможно ехать на лыжах. Почему ваш муж повел вас этой дорогой, вниз по этому ущелью?

– Это не муж. Это Андреас.

– Андреас?!

– Коллега моего мужа по бизнесу. Швейцарец. Он утверждал, что хорошо знает эту местность.

Капрал Жулен нахмурился:

– Я не понимаю.

Что-то в лице полицейского встревожило Сэм.

– Он живет в Монтре и часто ездит на лыжах в Зерматте, так он мне говорил.

– Кто такой Андреас?

– Андреас Беренсен. Он директор банка «Ферген-Цюрихен», с основным отделением в Монтре.

– Я ничего не понимаю, миссис Кэртис. Вертолет лыжного патруля видел вас на вершине этого склона, прямо перед лавиной. Там было только два человека.

– Я и Андреас. А мой муж был позади нас. Мы, видите ли, разминулись из-за тумана.

Капрал покачал головой.

– Только два человека, – твердо повторил он, чуть-чуть повышая голос.

Она почувствовала внезапный приступ страха.

– Там нас было трое… – Ее губы дрогнули в нервной улыбке. – Там нас было трое. Андреас попал в

лавину вместе со мно… Он погиб. Я уверена, что он погиб, у него глаз весь…

Она заметила странное выражение лица полицейского и запнулась. Он внимательно посмотрел вниз, на свое кепи, а потом вверх, на нее.

– Вы шутите со мной?

– Шучу? – Она вспыхнула от гнева. – Шучу? Вы думаете, что я шучу? Что это, по-моему, забавно?

Он встал и подошел к окну.

– Вы приехали из Лондона?

– Да.

– Прекрасный город. Я был там. В отпуске. Навещал Скотленд-Ярд. Прекрасно. Он очень эффективен, этот ваш Скотленд-Ярд. В Лондоне всегда идет дождь, да?

– Не всегда.

Капрал Жулен снова сел, положив кепи на колени.

– Вы спускались на лыжах с этой горы с вашим мужем и с Андреасом Беренсеном?

– Да.

– Сломали два ребра и еще у вас множественный перелом лодыжки?

– Да.

– В остальном у вас все в порядке?

– Да.

– Сотрясение мозга?

– Нет, не думаю.

– А я думаю, возможно, у вас сотрясение мозга. Или сотрясение, или вы шутите… или ищете оправданий? Вы пытаетесь возложить вину на кого-то другого за свое легкомыслие.

Она окончательно разозлилась.

– Простите, я не понимаю.

– Не понимаете? – Капрал Жулен сердито постучал себя в грудь. – А я понимаю. Каждый год люди погибают в горах, глупые люди, которые не обращают внимания на разметки лыжни, они думают, что могут безнаказанно сходить с лыжни, не тратиться на проводника.

– Извините… я в самом деле не понимаю, о чем вы говорите.

Он свирепо, даже яростно посмотрел на нее:

– Я думаю, вы понимаете, миссис Кэртис. Я думаю, вы и ваш муж очень хорошо понимаете.

Она закрыла глаза. Загадки. Загадки. А может, это какая-то новая безумная загадка. Новая игра?

– Пожалуйста, не могли бы вы объяснить мне в точности, о чем вы говорите? На что намекаете?

Капрал Жулен побарабанил пальцами по своему кепи, потом внезапно остановился и посмотрел прямо на нее.

– Андреас Беренсен, директор банка «Ферген-Цюрихен»… Вы и ваш муж катались на лыжах с этим человеком, так? Он был вашим проводником, так? Вы это утверждаете и ваш муж утверждает то же самое, так?

– Да. Господи, Андреаса же погребла вместе со мной эта лавина. Мы вместе были под снегом. Он… он, наверное, упал на наконечники своих лыж. Его глаз был выбит. Он попал в ловушку вместе со мной… и погиб.

– Никого там с вами не было. Я разговаривал с людьми, которые спасли вас, – и ничего. Они говорят, что никого там с вами не было, когда они нашли вас. Я разговаривал с банком «Ферген-Цюрихен», миссис Кэртис. – Он посмотрел на свое кепи, потом опять на Сэм и покачал головой. –

Они не знают никого с таким именем. Они никогда не слышали об Андреасе Беренсене. В Монтре нет никого по имени Андреас Беренсен. В Швейцарии нет ни одного банка, где был бы директор с таким именем, и даже нет никого, у кого был бы паспорт на это имя. – Он постучал по своему кепи. – А знаете почему, миссис Кэртис? Да потому, что такого человека не существует, вот почему.

– Мертвецы не выкарабкиваются из-под лавин, Сэм.

«Зато спящие пробуждаются от своих снов», – подумала она, мельком оглядывая ресторан. Четверо бизнесменов сидели за соседним столиком, изучая меню. Хотя ресторан выглядел пустым, в воздухе витало ожидание. Пока еще довольно рано, через полчаса ресторан заполнится, и Джулио будет с улыбкой заворачивать назад желающих зайти поиграть картежников, приподняв брови, простодушно пожимая плечами. Извините. Простите. Простите, пожалуйста.

Кен в смятой рубашке из грубой хлопчатобумажной ткани наклонился вперед, внимательно изучая ее лицо. Он разломил булочку пополам, рассыпав крошки хлеба на скатерть. Официант ловко подцепил со стола бутылочку «Орвието» и разлил его по бокалам с такой энергией, словно поливал саженцы.

Кен вытряхнул из пачки сигарету, постучал кончиком по своим часам.

– Ричард видел, как его смело лавиной?

– Да.

– И тебя придавило вместе с ним?

– Да… я так думала.

– И он ведь был над тобой?

– Да.

– Стало быть, спасатели должны были первым откопать его?

Сэм кивнула.

– А они ничего не нашли?

Она взяла свой бокал и отпила немного вина.

– Нет.

Он закурил сигарету, затянулся и медленно выдохнул дым через нос, перекатывая сигарету пальцами.

– Выходит, ты вообразила себе его?

Похоже, что мозг отказывался работать, не желал возиться с этой проблемой, Сэм чувствовала себя вялой и апатичной.

– Андреаса, должно быть, смело с обрыва… я полагаю… и я просто вообразила, что попалась в снежную ловушку вместе с ним. Удар, который я получила по голове… возможно, потому-то… и как раз из-за этого-то и…

Кен улыбнулся, и в уголках его глаз появились крошечные морщинки. Она пожала плечами:

– Все выглядело таким реальным.

– Быть погребенной под лавиной… это, должно быть, ужасно.

– Это было необычно. Я считала, что обречена на смерть. Я на самом деле так считала, понимаешь, именно так, когда я увидела его лицо… Андреаса… я ощутила… я…

Она взглянула на скатерть, потом на вход, где у двери стояла группа людей. Джулио помогал толстяку-коротышке снять пальто с исключительной старательностью, словно счищал кожуру со здоровенного апельсина.

Кен поднял свой бокал.

– Хорошо, что ты вернулась. Мне тебя не хватало.

– Да, хорошо вернуться… и мне не хватало…

Она заколебалась, покраснела и посмотрела в сторону. Они чокнулись, Сэм отпила большой глоток холодного и крепкого вина, потом поморщилась, будто от вина заболел треснувший зуб.

– Когда ты собираешься вернуться на работу?

– А вот сейчас доедим и…

– Ты шутишь.

– Я серьезно. Я приступаю к работе сегодня же. За десять дней в швейцарской больнице я достаточно набездельничалась. И вполне наловчилась управляться со своими костылями. – Она улыбнулась. – И я не хочу, чтобы Клэр делала мою работу.

Он понюхал свое вино, сделал большой глоток, затянулся сигаретой и старательно смахнул пепел в пепельницу. Потом задумчиво исследовал скатерть и поднял взгляд на нее.

– Клэр ушла.

Сэм уставилась на него, онемев от удивления. Она задрожала. Внезапно озябнув. Вдруг стало как-то холодно и сыро, интересно, а включено ли у них тут отопление. Она внимательно посмотрела на него:

– Ушла? Клэр?

– Угу.

– Как же… когда?

– Когда на тебя обрушилась лавина, она не появилась на следующий день. А через два дня я получил записку.

– Что же… там говорилось?

– Да ничего особенного. «Сожалею, что не смогу продолжать работать на вас». И подпись – Клэр Уолкер, а в скобочках – «мисс».

– И это все?!

– Угу… попросту поставила нас перед фактом… Ты была права… Мне следовало к тебе прислушаться. Корова проклятая.

– И она ничего не говорила тебе раньше?

– Ни словечка.

– Да как же, черт подери, ты справляешься… я хочу сказать… выходит, у тебя там нет никого…

– Ну, Драммонд оказался хорошим парнем. Мы справились.

– Ах, сука проклятая. Господи, она могла бы хоть подождать, пока я вернусь. Ты всегда относился к ней так хорошо… просто вот так взять и уйти…

Кен снова сильно затянулся сигаретой, покивал и выдохнул дым в сторону.

– Ну, служащие есть служащие, не так ли? – Он взял свой бокал и откинулся назад. – Так что там Ричард собирается предпринять со своими деньгами?

– Говорит, что этот банк… ну, в Монтре… обманывает. У него там за последние несколько месяцев было несколько встреч с Андреасом, вот прямо в самом банке… нет никакого сомнения, что он был директором. Все это явно было проделано, чтобы замести следы… но уж как-то слишком основательно… кажется, что Андреас замел следы несколько… чересчур.

– Стало быть, то, что Ричард перевел свои…

Она кивнула:

– Его деньги исчезли. Испарились.

– И что он собирается делать?

– Ну, он затеял все это потому, что боялся потерять работу и что его счета, возможно, заморозят. Но похоже на то, что такого теперь не случится… дело против него закрывают. Это ему сообщил вчера вечером его адвокат.

– А на каком основании?

Сэм подняла брови и слабо улыбнулась.

– Ричард не уверен точно. Кажется, один из главных свидетелей обвинения исчез.

Кен в упор посмотрел на нее, потом засунул руку в нагрудный карман и вытащил оттуда плотный конверт.

– Вот этот, что ли?

Он протянул ей через столик конверт, и она взяла его, нахмурившись, не отрывая взгляда от глаз Кена.

Конверт не был запечатан. Она сунула пальцы внутрь и вытащила черно-белую фотографию, которую положила на скатерть. Это была страничка из какой-то книги, на ней три фотоснимка – наверху был большой, а два поменьше располагались под ним. Она быстро посмотрела на Кена, а потом снова на листок. И тут она заметила его. На правой нижней фотографии. Она наклонилась пониже и почувствовала, что волосы у нее на голове встают дыбом.

Сначала она увидела эту руку, маленькую изуродованную руку, только с двумя пальцами, большим и мизинцем, а остальных трех не было. Потом взглянула на лицо, холодное, с довольно правильными чертами, высоким лбом; густые волосы аккуратно расчесаны на две стороны, правда, на макушке они уже сильно поредели. Единственная характерная деталь – очки в круглой металлической оправе, которая придавала им старомодный вид. В костюме, застегнутом на все три пуговицы, он стоял перед каким-то зданием и выглядел так, будто был недоволен, что его фотографируют.

– Андреас, – сказала она. – Это Андреас.

– Сколько лет твоему Андреасу?

– Около пятидесяти… или чуть больше.

– Этому было бы лет девяносто пять, если бы он был жив. Он повесился в тюремной камере в Лионе в 1938 году.

Сэм непроизвольно вздрогнула, да так сильно, что ее колени стукнулись о край стола. Казалось, что бешено пульсирующая кровь разорвет голову на куски, она испугалась, что ее вот-вот стошнит. Она плотно прижала руки к краю стола.

– Я видел один документальный фильм по «ящику» недели две назад, ну… там о зле, о черной магии, и они показали снимок этого малого… эта вот рука… она и напомнила мне о типе, про которого ты мне рассказывала.

– Кто он такой, Кен?

– Клаус Вольф. Очень загадочный немец… всерьез занимался черной магией… участвовал в нескольких сатанинских шабашах по всей Европе в 20–30-х годах. Кажется, он поехал в Италию и его вышвырнули оттуда, когда Муссолини проводил санацию. Он переехал во Францию. Женился там на какой-то женщине, столь же странной, как и он, и они занялись ритуальными жертвоприношениями. Его арестовали в Лионе в 38-м году по обвинению в нескольких убийствах, но его жена Ева, которая была на девятом месяце беременности, сбежала и, как полагают, перебралась в Англию, выдав себя за еврейку-беженку. У них был четырехлетний сын, ей пришлось бросить его при бегстве. В конце концов его усыновили родственники в Швейцарии.

– Это и есть Андреас?

– Ну, ведь не может же быть слишком много людей с точно таким же дефектом.

– И все это было в той передаче?

– Не все, но я знаю этого продюсера… на Би-би-си… ну, вот я и позвонил ему и спросил, нет ли у него каких-нибудь еще сведений… Ну а он переговорил с тем исследователем… ну и дал мне эту фотографию.

Какое-то мгновение Сэм сидела в молчании, пристально разглядывая холодное надменное лицо на снимке.

– Сегодня среда. – Она посмотрела на часы. – Клэр говорила, что она всегда бывает там по средам.

– Кто?

– Блумсбери… мы можем съездить в Блумсбери?

Кен остановил «бентли» около «Единого центра мысли и тела», и Сэм на своих костылях заковыляла ко входу. Та же самая женщина сидела за кассовым аппаратом. Кожа на ее лице была немилосердно оттянута волосами назад.

– Я хотела бы повидать миссис Вольф.

– Ее здесь нет, – ответила женщина, даже не пошевелив губами.

– Мне казалось, что она всегда бывает по средам.

– Она больна.

– А вы не знаете, когда она будет в следующий раз?

– Она очень больна. Я не знаю, вернется ли она вообще.

– Мне необходимо повидаться с ней.

– Она не желает никого видеть.

– А можно ли узнать ее адрес?

– Нет, – сказала женщина. – Это невозможно. – Она понизила голос: – Уходите, немедленно уходите, убирайтесь и больше не возвращайтесь. Мы не желаем больше вас тут видеть.

Сэм заколебалась.

– Я… это очень важно… я должна…

Женщина привстала, и Сэм на мгновение подумала, что та сейчас набросится на нее. Она отступила, споткнулась о ступеньку и уронила костыль. Наклонилась подобрать его и снова посмотрела на женщину, которая теперь стояла прямо, глаза ее горели от ненависти. Сэм поспешила наружу, вся дрожа, с пылающим лицом забралась в «бентли». Кен положил ее костыли на заднее сиденье и закрыл за ней дверцу.

– Ну и что ты узнала?

– Господи, до чего же они там странные. Она больна, и они не думают, что она вернется обратно… и адрес ее они мне дать не пожелали.

Какое-то мгновение он молчал.

– Думаю, я знаю его, – сказал он.

Сэм посмотрела на него в изумлении:

– Как-как? Что ты имеешь в виду?

Он тронулся с места, ничего не ответив.

– Что ты имеешь в виду, Кен?

Он поднял палец и вклинился в оживленное дневное уличное движение.

Они медленно вползли вверх по Тоттнем-Корт-роуд, а потом повернули налево, на Мэрлибоун-роуд. Сэм рассеянно смотрела на светофоры, на серебристую шпору-талисман на капоте, ее сознание все еще раздваивалось, какая-то часть ее до сих пор находилась в той ледяной подземной могиле. Они поднялись по наклонному скату эстакады Паддингтона, и она снова взглянула на Кена, пытаясь понять выражение его лица.

Они проехали через Экстон и въехали в Илинг. Кен дважды останавливался и просматривал списки жильцов. Путаясь в лабиринте захолустных улочек, они в конце концов остановились у большого, понемногу разрушающегося дома в викторианском стиле.

Кен открыл дверцу и помог Сэм выбраться из машины.

– Я пойду с тобой, буду твоим опекуном.

– А откуда же ты знаешь, что это…

– Не знаю, но думаю, что я прав.

Они посмотрели на список фамилий рядом с домофоном. Он был написан карандашом и так выцвел, что его едва можно было разобрать. Да там и значилась только одна фамилия: «2 Вольф».

Сэм озадаченно посмотрела на Кена:

– Я не понимаю.

– Сейчас поймешь.

Сэм уже собиралась нажать на кнопку звонка, но Кен остановил ее и позвонил в другую квартиру.

– Гарри? Это ты, Гарри? – раздраженно спросила какая-то старуха.

– Посылка… срочная доставка, – сказал Кен, замок прожужжал, и он толкнул входную дверь, придерживая ее для Сэм.

В коридоре было темно и сыро, пахло вареной капустой, линолеум на полу весь покоробился, ноги цеплялись за него.

– Подожди здесь, – сказала Сэм. – Мне лучше пойти одной.

– Ты уверена?

Она кивнула и двинулась дальше одна в эту темноту. Посмотрела, прищурившись, на первую дверь справа с номером 1, а потом добралась до дальней двери, из-под которой шел сильный кошачий запах, и увидела поблекшую медную цифру 2. Какое-то мгновение она колебалась, прислушиваясь. Откуда-то сзади доносились звуки телевизора, включенного на полную громкость. Она огляделась кругом и нажала на кнопку. Послышалось раздражающе резкое металлическое жужжание, эхом отозвавшееся вокруг. И воцарилась продолжительная тишина. Она уже собиралась позвонить снова, как услышала шаги, твердые и быстрые.

Дверь открылась, и на нее уставилась Клэр.

Сэм заморгала, не в силах поверить.

Клэр.

Клэр пристально смотрела на нее совершенно обыденно, без единого намека на удивление.

Как будто она ждала Сэм.

Сэм в замешательстве отступила назад, споткнулась.

– Клэр? – произнесла она.

– Зачем вы явились сюда? – ледяным голосом спросила та.

– Я… я думала… я… я хотела повидать миссис Вольф.

– У моей матери случился удар, и она не может никого видеть. Убирайтесь и оставьте нас в покое.

– У вашей МАТЕРИ? – Сэм сотрясала дрожь. – У вашей матери?

– У нее случился удар, когда она увидела, что ее сын погиб в лавине. Она все это видела.

– Видела это?!

– Моя мать видит очень многие вещи.

– А где он погиб?

– Он упал с обрыва и долго падал вниз, а потом провалился сквозь глубокий снег в замерзшее озеро. Его найдут весной.

Сэм таращилась на нее, не в силах говорить.

– Вы убили обоих ее сыновей. Этого для вас еще недостаточно? Почему бы вам теперь не оставить мою семью в покое?

Дверь резко захлопнулась, и она услышала звяканье надеваемой цепочки. Она стояла в молчании, слишком потрясенная, чтобы двигаться.

– Сэм? С тобой все в порядке?

Она заметила красный огонек сигареты Кена и, прихрамывая, медленно заковыляла к нему по коридору.

– Все в порядке?

Она остановилась рядом с ним.

– Ты был прав, – сказала она.

Она пыталась при тусклом свете рассмотреть выражение его лица и тут услышала какой-то шум, будто у нее за спиной поворачивали дверную ручку. Она в страхе обернулась, но ничего не увидела.

Сэм забралась в автомобиль, и, пока они ехали, она молчала, наблюдая за огнями уличного движения, мелькающими в темноте.

– С тех пор у тебя больше не было никаких снов? – спросил Кен.

– Нет.

– И не стоит больше никому об этом рассказывать. Не надо копаться в этом дальше. Постарайся все забыть. Время лечит.

– Как мне хотелось бы поверить в это!

– Не можешь?

Она покачала головой.

– Если уж у тебя есть способность видеть будущее, Сэм, то я уверен, что ты способна также забыть и о прошлом.

– Возможно.

– Забудь ты это все. Мужчина в капюшоне мертв и погребен. А теперь уже они оба мертвы. Так что похорони его в своем собственном сознании тоже. – Он вышвырнул окурок в окно. – Забудь об этом. Забудь прошлое. Оно кончилось. Ты наконец встретила своего монстра – разве не именно так тебе было предсказано?

Сэм кивнула.

– Ты встретила своего монстра… всех своих монстров… и ты их победила.

– В жизни полно монстров, Кен.

– В жизни также полно и тех, кто уцелел.

Может быть… Через час Кен высадил ее в Уоппинге. А может быть, прошло и несколько часов. Ей казалось, что они останавливались и что-то пили, но, возможно, она перепутала, это было в другой раз. Голова ее раскалывалась от мучительной боли, ее трясло.

Она вошла в лифт и нажала кнопку четвертого этажа, и дверь закрылась, включился свет, и лифт начал медленно подниматься наверх с обычным скрежетом и лязгом. Казалось, он поднимается медленнее обычного. Вот он остановился с тем же самым резким толчком, который всегда выводил ее из равновесия, только на этот раз толчок был еще более резким, и ее отшвырнуло к стенке.

Раздался резкий хлопок, и выключился свет. Осколок стекла ужалил ее в щеку, она взвизгнула.

Воцарилась тишина. Она ждала, что дверь откроется, однако ничего не происходило.

Она пошарила пальцами по контрольной панели в поисках кругленькой кнопки: «Дверь открыта», сердце глухо колотилось. Кнопка должна была быть в самом низу панели, Сэм это хорошо помнила. Она нащупала кнопки с номерами этажей, добралась до нижнего, а дальше – ничего. Просто холодный гладкий металл. Она передвигала пальцы вверх, отсчитывая. Цокольный, первый, второй, третий, четвертый, а потом снова гладкий металл. Она нажала наугад какую-то кнопку. Ничего. Попробовала другую. Ничего. Она изо всех сил ударила по двери кулаком и услышала эхо металлического гула. Она еще раз врезала по двери.

«Сигнальный звонок тревоги», – подумала она. Здесь же был такой звонок. Там, повыше… или это и есть самая последняя кнопка? Она нажала на каждую кнопку по очереди. Ничего. Ничего. Внезапно дверь стала открываться, медленно, со скрипом, и ее сердце так и подпрыгнуло от

облегчения.

И тут она пронзительно закричала.

Закричала и отскочила назад в крошечную кабину лифта, буквально впечатываясь в стену, в дверь вошла Клэр с серпом в руке, поднятым высоко над головой.

– Нет, Клэр, нет!

Грязное лезвие вонзилось ей в руку, мгновенно отозвавшись ужасной болью, Сэм вскинула руки вверх и попыталась отогнать Клэр костылем, но обезумевшая женщина вырвала его у нее и отшвырнула с грохотом в коридор.

– Ричард! – пронзительно закричала Сэм. – Боже мой, Ричард, помоги мне!

Лезвие отсекло напрочь пальцы, а потом вонзилось ей в грудь.

– Ричард!

Серп опять с дикой болью воткнулся Сэм в грудь, затем ударил по голове. Она услышала резкий металлический звон, закрыла глаза от мучительной боли, открыла их снова и увидела глаза Клэр прямо перед собой, полные безумного наслаждения, налитые кровью. Клэр снова занесла руку над Сэм, и миллион красных горячих шипов пронзили ее голову.

Клэр резко дернулась назад. Сэм увидела, как ее волокут по полу за волосы. Чья-то рука трясет ее голову, словно тряпичную куклу. Она видела, как кто-то швыряет Клэр о стену, видела испуганное выражение ее глаз, видела, как серп врезается в стену и выпадает из ее руки. Ричард. Это Ричард, обезумев от ярости, тряс ее, молотил головой о стену, до тех пор пока Клэр не осела на пол, точно мешок. Ричард повернулся к Сэм:

– Таракашка?

Сэм, спотыкаясь, двинулась вперед, голова ее кружилась. Ричард превратился в расплывчатое пятно. Она упала прямо ему на руки.

– Таракашка?

Наступило молчание.

– Таракашка? С тобой все в порядке?

Кровь заливала ее лицо, стекала вниз, пропитывала одежду…

– Таракашка?

Загорелся свет. Ослепительный, белый больничный свет, незнакомый доктор пристально смотрел ей в лицо, за его спиной она заметила на стене картину с обнаженной женщиной и тогда сообразила, что никакой это не доктор, а Ричард.

– С тобой все хорошо, таракашка, все в порядке. С тобой все хорошо.

Она провела рукой по лицу, внимательно посмотрела на свои пальцы. Вода. Пот… это был всего лишь пот. Она пристально, в изумлении глядя на руки, медленно пересчитала пальцы… все на месте… и ни единой царапины.

– Что, еще один? – спросил Ричард. – Еще один ночной кошмар?

Сэм покачала головой:

– Нет. Это было другое. Другое.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Она почувствовала, что задыхается, и стала жадно глотать воздух. Потом легла, прислушиваясь к звукам собственного сердца, которое тяжело колотилось в груди.

– На этот раз все было по-другому. Замечательно было. Просто обычный сон, – сказала она так громко и отчетливо, как будто ей хотелось, чтобы это услышал весь мир, и если она скажет это громко и достаточно решительно, то и сама, возможно, поверит в это.

Сэм на мгновение закрыла глаза и вновь увидела всю картину: Клэр бьют головой о стену, глаза ее стекленеют и она сползает на пол. Сэм снова посмотрела на Ричарда и улыбнулась.

– Это был просто сон.

Примечания

1

«Бентли» – английский автомобиль, популярный в 1940–1950-х годах. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Буайбес – французский суп из нескольких сортов рыбы с острыми приправами и с чесноком.

З

По-английски слово «волк» (wolf) пишется и звучит так же, как и распространенная фамилия.

4

Кэртис Сэм – известный английский телеобозреватель.

5

Мамбо-джамбо – языческий идол ряда племен Западной Африки. В переносном смысле – претендующий на многозначительность абсурд, за которым ничего не стоит.

6

Поллок Джексон (1912–1956) – известный американский художник-абстракционист.

7

Имеются в виду известные деятели мирового кино: актеры и режиссеры.

8

В английском языке слово «сон» (dream) означает также «греза», «мечта».

9

В Англии, как и во многих других странах, для удобства уборки улиц в четные дни транспорт можно парковать только на одной стороне улицы (одна желтая линия), а в нечетные – только на другой (две линии).

10

Юнг Карл Густав (1875–1961) – знаменитый швейцарский психолог.

11

Новой Англией называют группу штатов на северо-востоке США. которые одними из первых были заселены европейскими колонистами еще в XVII веке. Новоанглийский выговор близок к собственно английскому, он маловосприимчив к американизмам, распространенным на остальной территории США.

12

Бунюэль Луис (1900–1983) – знаменитый испанский кинорежиссер.

13

Все перечисленные мужчины – известные американские киноактеры, кроме принца Филипа, супруга ныне царствующей английской королевы Елизаветы II.

14

В западных странах и в США, помимо централизованных служб вызова такси и прочих бытовых услуг, существует масса частных компаний, обслуживающих своих членов, которые делают регулярные взносы и имеют номерные карточки-билеты.

15

Я тебя люблю (фр. Je t'aime).

16

В романе «Трилби» малоизвестного в России английского писателя Джорджа де Мореа (1834–1896) действует зловещий гипнотизер Свенгале, заставляющий людей выполнять его преступные приказы. Имя Свенгале стало в Англии нарицательным.

17

Мильтон Джон (1608–1674) – выдающийся английский поэт и публицист.

18

Холли Бадди – известный английский рок-музыкант, композитор и певец, который в 1950–1060-х годах был одним из «законодателей» течений и ритмов зарождавшейся рок-музыки.

19

Анаграмма – составление из одного слова ряда других путем перестановки в нем букв. Анаграммы, которые Сэм здесь и далее пытается сделать из слова «Аролейд», невозможно передать на русском языке ввиду абсолютного несовпадения соответствующих букв.

20

Подразумевается Зигмунд Фрейд (1856–1939) – великий австрийский врач-невролог, основоположник психоанализа.

21

Джаггернаут – в индийской религиозной мифологии обозначение наиболее страшного и карающего воплощения бога Вишну. В Англии так называют наиболее мощные и громадные грузовики, чтобы отличить их от просто больших.

22

Эта «детская» песенка в действительности была сочинена в Англии в годы Великой французской революции 1789–1794 годов, а под «Шалтаем-Болтаем» имелся в виду король Франции Людовик XVI. Здесь приводится в переводе С.Я. Маршака.

23

Цитата из знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть» из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет». Здесь приводится в переводе Б.Л. Пастернака.

24

Балаклава – вязаная шерстяная или шелковая шапочка-балаклава закрывает от холода лицо и шею у лыжников и альпинистов. Появилась и получила свое название в годы Крымской войны (1853–1856), когда у крымского поселка Балаклава (ныне город) англо-французский экспедиционный корпус в условиях непривычно суровой зимы вел бои с русскими войсками, оборонявшими Севастополь.

25

Автор не случайно упоминает о дневном уличном движении. Тоттнем-Корт-роуд – одна из наиболее оживленных улиц Лондона, и во второй половине дня по ней можно лишь именно ползти, а не ехать.